

1926
K 58

Кожмакин

Николай

ИТОГУ

Г
А

1

Кожанкин Николай

Не количество талантов в обществе,
а их сила есть в нем определят
количество и качество
в культуре.

ИТОГИ 1

Полное собрание сочинений

Артемовская ЦБС
Свердловской обл.

Я не знаю более благородного и нужного труда, чем растить хлеб и кормить страну. Половину века коллективное хозяйство «РОССИЯ» с честью выполняет эту миссию. Сегодня я горжусь оказанной мне честью, преклонив колени, поздравить ВАС с юбилеем и посвятить ВАМ тираж моей книги. Истоки, корни страны в селе. Село питает страну и материально и духовно. Живо село – жива страна. Наверное, поэтому и имя ВАМ «РОССИЯ».

*С глубоким уважением
Н Кожемякин. 2007г.*

ПРЕКРАСНАЯ
И УДИВИТЕЛЬНАЯ
ЖИЗНЬ

ВМЕСТО БИОГРАФИИ.

Представить на Ваш суд, дорогой читатель, сии опусы меня подвигло увы не тщеславие, не желание блеснуть талантом. Просто время меняет человека. Наверное, изменилось что-то и во мне. С возрастом захотелось посмотреть, что получилось из моей давней и тайной страсти.

А когда обозначился объем, появилось желание оставить что-то после себя. Оставить нечто, что скрасило бы Ваш досуг, заставило бы покопаться в собственной жизни, переоценить ее некоторые события. Ежели мне это удалось, «то не напрасен труд».

Биография, коль скоро она должна присутствовать, не вызывает ничего особенного. Родился в 1943 году. Учился, служил, искал себя, женился, работал. Вот, наверное, и вся жизнь, как и каждого нормального человека. Особенность заключается в том, что мне всегда везло на хороших людей. Друзья находились преданные, пристрастные, учителя были знатные, толковые, начальство попадалось строгое, требовательное. Называть их имена – нужно писать еще такой же опус. Не ищите сходства с действительными событиями, это всего лишь сочинения на свободную тему.

Я не претендую на бесспорность своих суждений, более того, многое здесь надумано, идеализировано, но, я так вижу бытие. К счастью тираж этой книги мизерный и судей должно быть не очень много.

С глубоким уважением – Н. Кожемякин.

2007 год.

"БОЛЕСЬ"

Надоевшие трещины на ослепительно-белом потолке больничной палаты к середине второй недели перестали раздражать Александра Петровича и, даже замысловатостью своей, наталкивали на весьма необычные размышления. Причудливые линии чем-то напоминали ему зигзаги собственной жизни, в прошлом весьма целеустремленной, но абсолютно непредсказуемой. Он любил иногда щегольнуть, сравнивая свою жизнь с биографией Джэка Лондона. Действительно, есть, что вспомнить на досуге. В восемнадцать лет – учитель. Потом, вдруг - водитель, дворник, слесарь, мастер, партийный лидер и вот - хворый директор. А у левой трещины, этот неожиданный излом уж очень напоминает сегодняшний поворот в судьбе.

К сорока шести годам стала побаливать спина. Наверное, это расплата за буйную туристскую молодость, за то, что всегда золотым пляжам Черноморья предпочитал таежные тропы и хрустальные омуга далских рек. И вот решение: впервые поехать на курорт - полечиться. На всю оставшуюся жизнь запомнил он разговор с местным медицинским светилом:

- Так куда это мы собрались?

- На Липовку, Анна Николаевна, на радончик-с. Ваша подпись вот последняя, а завтра впервые увижу курорт!

- Дорогой мой человек, я только что впервые вашу кардиограмму смотрела, если говорить по-свойски, вам до кладбища всего две - три ванны и нужно, с вашим-то сердцем.

- !?

- Не верите, конечно, ну, что же поезжайте завтра в ЦРБ, а я вам медкарту заполнять не стану.

А в районной больнице даже и переодеться домой не отпустили. сразу на койку и в первый вечер шесть уколов. И вот после крутой мешанины производственных буден ги-

пина. покой и эти две причудливо изломанные линии. Никогда не думавший о собственном здоровье, а тем более о сердце, но твердо уверенный и в том и в другом, Александр Петрович сейчас чутко прислушивался к каждому его удару, с опаской выверяя ритм по карманным часам. Эмоциональная стенокардия - таким оказался приговор судей в белых мантиях. Человек быстро привыкает ко всему хорошему, а еще быстрее к плохому, к тому, чего нельзя изменить. Попривык и Александр Петрович к своей немощи, которая, оказываясь, давно уже давала о себе знать, хотя он и не понимал что это такое. Наверное, не должны так просто кануть в лету одиннадцать лет директорства. Вот и телефон всегда стоял у кровати...

На соседней койке завозился новенький. Привели его в палату под руки два здоровых парняки, городские ребята с явно выпирающей деревенской сущностью - сыновья. Спал он вторые сугки. Тяжелые мозолистые руки часто свешивались до полу, касаясь потрескавшимися заусеницами крашеных досок, и было в них что-то крепкое, надежное. Ночью он глухо стонал и что-то у кого-то просил. Кололи его нещадно, даже сонного. Повозившись, пробормотал нечто вроде ругательства и сел, опустив босые ноги на пол.

- Ну, браг ты мой, кажись, выспался. наконец! Это же надо, какая благодать! Ни скотины, ни бабы, ни работы, вот бы месячишко так пожить.

- Сиделка-то не болит? Тебе тут ее как обрабатывали, пока ты отсыпался, аж смограть было страшно.

- Да разве ж это болит, вот голова с похмелья болит, так уж болит, а это - терпеть можно. Даже вот и дышать сегодня нормально можно, не напрасно видать кололи. Какую-то импортную болесь нашли, я говорю слабось и дышу не хватает, а они все по-мудреному. У них видно два средства от нашего брага всего и есь-то: писать да колоть - и он весело оскалился желтыми прокуренными зубами.

- Да вот, написали на бумажке, на, прочитай-кось - достал из тумбочки бланк с заключением.

Александр Петрович взял бумажку, надел очки и стал разбирать размашистую медицинскую скоропись. Кузнецов Валентин Лаврович, скотник Московского отделения совхоза, возраст сорок восемь лет, ранее в больницу не обращался, диагноз - эмоциональная стенокардия!?

- К-к-как же это ты в скотниках такую импортную болячку получил, такую же, как и у меня? - не удержался Александр Петрович.

- А ты кем робишь-то? - прищурился Валентин Лаврович.

- Да... директором... вот.

- Ха! Эка невидаль, как у него! Дела-то одне и те же на всю Рассею.

- Ну, все-таки... знаете...

- А чего тут знать? Сам понимать должен. Вот, к примеру, за тобой сколь народу?

- На предприятии? Пятьсот.

- Ну, что, жрать хотят? А жрать-то и нечего? И ты их накормить не можешь? Потому как не от тебя зависит. Так?

- Да, в общем-го, так...

- Ну, вот и у меня телят пятьсот в двух корпусах и тоже жрать нечего, и тоже все потому, что командуют нами одне дураки. А кто тебе сказал, что бессловесную скотину мене жаль, чем человека? Отсель и болесь у нас с гобой одинакая, импортная.

И он с наслаждением вытянулся во весь свой могучий рост на белых больничных простынях.

БЕЛОГВАРДЕЙЩИНА"

Он вошел в кабинет согласно очереди, скромно, боком, как входят все пенсионеры, которым и просить - стыдобушка, и жить дальше - мочи нет. Вежливо поздоровался, представился, сел.

- Я никогда не ходил по инстанциям, вы уж меня извините, но силенок все меньше, возможностей тоже. Всех участников Гражданской и даже Отечественной закрепили по магазинам. Хоть раз в месяц по два кило лапши получают... до сего дня обходился, а вот сейчас прошу: припишите и меня куда-нибудь. Воевал же я в Гражданскую, ранен был... Пока мог - тянулся, а сейчас - все. А старые они кому нужны...

- Пстр Иваныч, ну почему так мрачно? Старость у нас законом охраняется, а насчет участников Гражданской - счет особый. Значит, мы проморгали где-то. Извините уж вы нас, дайте срок - исправимся. Вы раньше с кем говорили?

- Да не любитель я разговоров таких, и сегодня бы не пришел, да бабка запилила совсем. Пришла в магазин - соседке полную сумку продуктов наложили, а ей, значит, не дали, не приписал, говорят, посовет к магазину. Как уж вы припишите, как положено.

- А вы со списками в военно-учетном столе сверялись?

- Так не любитель я этого, я же говорю.

- Ну, хорошо, проблемы я здесь не вижу, наверное, решим, зайдите денька через два. Мне ведь тоже время нужно. Вот сегодня семнадцать человек побывали здесь, семнадцать вопросов задали, значит, семнадцать ответов я должен дать.

- Да нет, мне не к спеху, следующая отоварка через двадцать шесть дней.

И он так же скромно, приниженно, боком выскользнул из кабинета. Посетителей больше не было. Странное чувство осталось у меня от этого разговора. Мне приходилось видеть, как и в каких условиях живут порой участники войн, всякого

пришлось nasмотреться, но чтобы остался вне списков участник Гражданской, такого просто не могло случиться. Я позвонил в военно-учетный стол, назвал фамилию. Ответили, что такого участника Гражданской войны не знают. Звонок в горвоенкомат - с тем же результатом. Что-то не срасталось в нашем учете.

В поселковый Совет старинного рабочего поселка тянулись ниточками все людские беды. Сюда приходили только с нуждой. Тот, кто нормально жил, в поссовет не ходил. Правда, таких в поселке не очень много. Однако не давал покоя факт - забыт участник Гражданской войны да еще имеющий ранение!

Закончив в восемнадцать тридцать все председательские дела, я взял бутылку вина и направился к самому уважаемому старшему товарищу - Александру Павловичу. Александр Павлович - личность легендарная. Он стоял у истоков полка Красные Орлы, организовывал в полку пулеметное дело, так как среди призванных крестьянских парней только он один и знал, что такое пулемет и с чем его едят. В трех книгах читал я о нем. Но когда судьба с подачи КПСС забросила меня в поселок, я, наконец, смог лично познакомиться с ним.

- Ух, ты! Мать твою в четыре медали! - Встретил он председателя поселкового Совета - да что же это стряслось в родной деревне? Кака-гака неминя привела тебя в мою избу?! Проходи, проходи, власть ты наша единственная, как раз и оладушки на столе!

Выставленная бутылка усилила гостеприимство и ораторские способности хозяина. К тому времени я уже знал, что в подобной ситуации первые минут тридцать-сорок о деле говорить просто неприлично. Нужно послушать хозяина,

- Дак оне ить чего с властью-то изделали? Советы у партии на поводке бегают! Мы ить с коммунистами вместе за Советы дрались, а седни с председателю в ГОРКОМЕ стружку погнали! Вот ты мне и скажи, кто в районе главный, предрик или персек? То-то! Опустили вы власть, не то, что

взять - удержать не смогли, опустили! Мать вашу в четыре медали!! Но не это, я так думаю, главно зло ноне. Научили вы человека незаработану копейку получать! А это страшной гифу окопного. Уже-ль не видите? А ежели видите - по-что сидите?!

До слез обидно, что ни на один из его вопросов я так и не мог дать вразумительного ответа. Он, пенсионер, сидя в своей избе, оказывается, жил тем же чем и я, только ощущал и переживал все намного острее, потому, что это он "брал" власть, а вот мы "опустили". "Мать нашу в четыре медали!" Спокойно Александр Павлович говорить не мог. Человек неординарный, самосудом застреливший комиссара за бегство с передовой под Сан-Дonato, он все и вся делил на красное и белое, на наших и ваших, и потому, услышав мой рассказ, отреагировал весьма своеобразно:

- Эй! Белогвардейщина! Брат-от твой, слышь, в Совет за пайкой приходил, недобиток мой! - прокричал он жене, хлопотавшей около плиты.

Возбужденно начал сыпать датами, именами, номерами частей, затем стих. Посидел, отхлебнул из стопки, и заговорил, как будто махом переместившись на пятьдесят лет назад, туда, в грозовую свою молодость, к отполированным заскорузлыми пальцами гашеткам пулемета...

- Под Гольшевой я его зацепил. Онс, четверо, в разведку шли, а я в дозоре с пулеметом сидел. Ну и шаркнул. Двоих совсем... А этот за бугорок заходил - срикошетило. Один-от дернулся в реку, водой и ушел, а энти - лежали... опосля Петьку-то вынесли, двоих подобрали. Однако наперед по моей позиции из орудия врезали, токмо коренья полетели. Ну, да я еще с четырнадцатого году знаю: шаркнул удачно - меняй позицию, коли жисть дорога... а лечился он в Ерникове, легом девятнадцатого. Вот придет, так ты его и спроси, почю его Колчак лечил? Ерников-от в то лето за Колчаком был.

Давай, однако, дошьем бутылку-ту. А жизнь, она вишь как повернет - раздумчиво продолжал Александр Павлович - как померла моя старуха, я, значит, и взял вот эту, сестра она Петру-то... на вечер не пришел, опосля заходил... злой, говорит, ты, Сашка, человек. А кака-така у меня злость? Я на посту был и подранка делать права не имел! Но далеко, не разглядя бугорок-от, трава думал. Конечно, наша взяла, жисти-то в поселке ему не было... А ежели бы ихняя взяла?! Значит, я бы седни паек просил!!! Тогда ить время было како - кто кого... да и свои не жаляли. В дозор-от почто с пулеметом саждали? С ним ить не убежишь! А без оружия вернешься - все, до первого забора и доживешь! Винтовка-то легкая, с ей воевать можно... а

ить у пулеметчика завсегда две пути - али покойник, али герой!

Петр Иванович пришел неожиданно, на второй день, с самого утра. Видно не давала бабке покоя полная соседкина сумка. Тогда, как раз на закате развитого социализма, вводились талоны, для людей пожилых, немощных и, в большинстве своем, заслуженных. Наверное, кто-то просчитал, что не заслуженные, даже и немощные, ссть хотят все-таки немного меньше и потому не очень заслуженным, или вовсе простым талонов не полагалось. Но тут во весь рост вставал вопрос: председатель Совета, конечно, не успел ни на одну войну, а значит и не заслужил! Отсюда - он не должен пользоваться талонами и, во всяком случае, не имея приписки к конкретному магазину не должен иметь и два кило лапши. Но у ветеранов при наличии талонов не было наличия детей, которые лапшу сдят очень охотно и быстро. Без талонов же - "нема делов." Жаловаться мне было некому и поэтому... председатель, секретарь и прочие... правильно, как оно и было. Однако на всех все равно не хватало и, как тогда заставляли говорить: в свете этого, ко встрече с отставным белой гвардии рядовым я был готов.

- Что решили? - спросил он после приветствия.

- Садитесь, Петр Иванович, - предложил я - тут вопрос один уточнить нужно: вы, где лечились после ранения?

- Хорошо дело поставлено, быстро докопался - заметил он, поднимаясь, и направился к выходу.

- Петр Иванович, так может мне поговорить с бабкою-то?

- А что ты можешь сказать ей, сынок?

Мне показалось, что он хотел произнести - шенок. .

- Давайте посидим, подумаем - ответил я и крикнул секретарю, чтобы никого не впускала. И здесь я сказал, что думал всегда:

- Не нам вас судить. Наша обязанность по возможности обеспечить вашу жизнь, вашу старость.

- Что-то я раньше в этом доме таких слов не слышал - сказал он и осторожно сел.

- Тех, кто мог так думать, раньше сюда не пускали.

Помолчали. И вдруг его прорвало. Видно много лет копилось, но кто же стал бы слушать, ведь на то она и баррикада, чтобы разделять противоположные мнения...

- Как белые-то, почему в Голышево пришли тогда? Потому, что богатая деревня была. Земли - полно, только не ленись. Нам ведь до этой суматохи хорошо жилось, после Гражданской-то мы так и не живали. Конечно, и тогда беднота была - пьянь, она, эта родова и сегодня не вымерла. А кто работал - ни в чем не нуждался. Так вот они к вечеру пришли, а утром начали мобилизацию.

Мы тогда и слова такого не знали. Заходят во двор трое с оружием, отец только из хлева вышел, по списку читают: два сына, старшего, значит, мобилизуют... это мой брат старший... он и спрашивает:

- Как мобилизуют?

- А вот так вот - говорят - прощайся с родителями, иди, получай обмундировку, и с сегодняшнего дня ты - солдат.

А брат уперся:

- Не пойду воевать - говорит - хоть режьте, мне - говорит - жениться скоро, лес - говорит - уж на дом вывезен.

- Решай, отец - сказал ихний старшой - мы - люди служивые. у нас приказ, да и время лишнего на уговоры нет.

- Его дело - говорит отец - неволить не могу, война не гулянка.

- Ну - говорит старшой - или в армию или к амбару иди.

- Не бывать мне в вашей армии - твердит брат - мне жениться ноне...

А сам к амбару идег... только не дошел до амбара... снял один, бородатый, винтовку и ударил промеж лопаток... навскидку... отец как сноп... без памяти свалился. Мать из избы выбежала... руки в тесте, понять ничего не может...

- Ну а ты куда пойдешь? - меня спрашивают - к амбару или с нами?

Так вот и стал я колчаковцем. Да для меня в то время все одно ... что Колчак, что Филька Акулов. Это потом уже все стали грамотные да понимающие, после драки-то. Убегу - думаю - при первом же случае. А тот, бородатый как-то и говорит:

- Ты, сошляк, не дергайся, мне из тебя человека сделать наказано, со мной рядом будь. А побежишь, так я и далеко стрелять умею.

Ну а через неделю и случилась та самая разведка... Сашка-то нас и помирил, разом. Бородатому и тому, что мобилизовал, обоим хватило, а меня в плече... затем госпиталь в Ерникове. А потом и вся жизнь кувырком пошла. Сколько раз веревку на стропиле прилаживал, порой уж вовсе не могу... ан нет, не довел Господь. А жизни не получалось. И семья из-за меня как проклятая, вон, Сашка-то сестру еще и сегодня белогвардейщиной зовет, словно имени у нее нет. Отец так после на ноги и не встал. Да оно и лучше, не-го в лагерьях бы сгинул. Сколько раз арестовывать приходили, а куда его, лежачего-то? Ну а я свои десять отсидел, а клеймо вот до се-

Ульяна, Романова жена, поставила у прясла, разделявшего два огорода, корыто, ленула туда корму и выпустила Борьку. Борька хряк центнера на полтора - два, поблудив лениво по снегу увидел знакомое корыто и мирно зачавкал.

Первый буль-буль выразился у Петрухи полнехонькой поллитровой банкой. А надобно отметить, что ставила Ульяна такое зелье, которого далеко не каждый мужик выдерживал три стакана. Порассуждав для назидания еще о романовой скупости, Петруха заботливо прикрыл вторую банку крышкой, взял ножик, ружье и пошел в огород, дело-то привычное.

- Ого - подумал он - взmaterел Борька, хорошо, что на той стороне прясла.

Вынул патроны, закурил, с издевкой посмотрел на плотно закрытые воротца. Он хорошо знал, что Роман сейчас себе места не находит и растягивал томительное ожидание, чувствуя как по всему телу разливается приятная истома, из головы уходит боль вчерашнего хмеля. Буль-буль начал делать свое незаметное и неогвратимое дело. Ощувив во всем теле ядреную бодрость, он зарядил ружье и подошел к пряслу. Руки не грязлись, но мушка все время уходила куда-то влево-вверх?! Петруха отошел на два шага, лег на снег, стал целиться Борьке в лоб и, неожиданно для самого себя, резко дернул спуск. Ахнул правый ствол, охнул от неожиданности Борька и тупо уставился на Петруху сквозь прясло. Не менее выразительным взглядом одарил хряка и стрелок. Борька не падал. Петруха начал поднимать ружье снова, а Борька все стоял. Ахнул левый ствол, взвизгнул ошалевший Борька и закрутился с перебитой ногой. Петруха продолжал лежать, с удивлением рассмагривая дыру в корыте.

- Да к энто же таперя Роман за корыто душу вынет! - с ужасом подумал он и лихорадочно начал перезаряжать ружье.

Из низенькой дверцы вышла в огород Ульяна и побабьи заголосила, еще не разобравшись в чем дело. За ней вылетел Роман с ножом в руке, увидел окровавленного Борьку и заорал:

- Но че животину маешь, и-и-и-ирод!!

Петруха, наконец, зарядил последний патрон, вскочил и, скосив глаза на приближавшегося с ножом Романа, вдруг, покачнувшись, выпалил в Борьку навскидку. Хряк, наверное, уже, оценив обстановку, на трех ногах, с простреленным ухом, бросился во двор. Роман внезапно побледнел, глаза его налились не слабей Борькиных, губы поползли в сторону и он, как-то боком, пошел на Петруху, держа руку с ножом наоплеле. Петруха и без того чувствовал себя виноватым, но он впервые видел Романа таким диким. Моментом вылетел из него буль-буль. Сначала попятившись, незадачливый стрелок крупными прыжками рванул к своему дому.

- У-у-у-у!!! - хрисло сзади...

Петруха влетел в дом, закинул дверь на крючок и - на печь! Прислушался к шагам в сенях. Затем спрыгнул с печки, схватил второй буль-буль в поллитровой банке и прыжком снова на печь. Дверь дернулась раз... еще раз. Петруха судорожно отхлебнул из банки. Дверь задержалась часто и сильно. нужно было что-то предпринимать.

- Слышь-ка, у меня ить ружье, уходи него... Садану вот скрозь двери - осевшим голосом пригрозил Петруха.

- Да ты че. Петя? Бегаи как чумовой, иишо и вправду стрелишь, открывай, че запер-то? - спросила жена из сенок.

- Маня, ты че-ли?

- А кто же иишо. Петя?

- А Роман-от не с тобой?

Добрый, жалостливый Роман, неожиданно для себя самого буквально осатанел. Он не знал, зачем погнался за Петрухой, но вид окровавленного Борьки вызвал в нем такое исступление, что он готов был на все, только бы прекратить страдания "животины".

- Че голосишь? - рявкнул на Ульяну и опять посмотрел на изуродованного Борьку.

В голове все мутилось. Нужно что-то делать.

- Буль-буль проклятой! Рожа пьяная, че ушакостил, никого не жалет спьяну-то!

И тут Роман понял, что прекратить страдания Борьки может только он один. Больше никому!! Но и духу у него на такое не достанет. Надо как-то решиться, преступить... и он, никогда не бравший в рот Ульяниного зелья, кинулся в дом за буль-бульской храбростью. Может, перенервничав и переборщил немного, не имея опыта, но, минут через пятнадцать, неестественно подняв голову, появился во дворе. Взял деревянную "баддушку", которой пользовался при колке дров, подошел к Борьке и приказал Ульяне чесать свиную спину. Все в Романа напряглось, натянулось струною. Он круто размахнулся, крещко зажмурил глаза и, со всей силы - хрясь!!! Балдушка вылетела из рук, он понял, что промазал! Удар пришелся не туда, не по Борькиной голове... и в этот момент дико взвыла Ульяна. Роман открыл глаза...

По снегу ползала Ульяна с напрочь перебитыми руками...

Буль-буль довел свое черное дело до конца.

"ЧУДО".

Он пришел дождливым осенним вечером, постучал, потоптался у дверей.

- Ты один?

- Да вот, грызет науку "половина", а я сижу.

- Можно у тебя, до дежурного автобуса?

Мы в то время работали секретарями комсомольских организаций соседних предприятий и, в общем-то, виделись часто. Оба недавно женились, но семьями как-то не встречались. Окольными путями я слышал, что у него с женой не все нормально, но спрашивать – неудобно, чужая семья.

- Проходи. Ты чего потерянный какой-то, или поостыл на дождичке?

- Да так, бывает...

Прошли в комнату, я открыл бутылку Варны.

- Знаешь, - заговорил он, немного освоившись, - я вот у тебя первый раз, да и ты еще у меня не был.

- Ну, так пригласи, хоть раз посидим за столом, а не в зале заседаний.

- Да... с моей дорогуней пригласишь... - махнул он рукой, и мне стало неудобно, что влез не в ту тему.

Посидели... поболтали. Время летело незаметно, и он засобирався домой только тогда, когда дежурный автобус уже ушел.

- Ну, дорогой, два варианта у тебя есть: или ночуй у меня, или пошли заводить мотоцикл.

- Нет, мне домой надо, не все там ладно...

- Ну, так пошли, я дорогу окольную знаю, минуя улицы, а то не хорошо с Варны - то.

Минут через тридцать подъехали к его дому. Жил он на первом этаже, в окнах горел свет.

- Хм, а сказала, что уйдет... - проворчал он, открывая дверь.

В квартире - никого.

- А где ребятки-го? - спросил я.

Он опять как-то отрешенно махнул рукой, и устало опустился на диван. Я сел рядом. Помолчали. Только я решил уходить - он заговорил:

- Знаешь, сам не рад уже. Вот и сегодня, к сверке картошки готовились, ты же знаешь, сколько бумаг перелопатить надо... позвонила и говорит:

- Меня не ищи, дети в надежном месте, живи, как хочешь.

- А что случилось-то, почему? Она что, на совсем или к кому-то? - сыпанул я вопросами.

- Да нет, несколько раз уже повторяет свой фокус: детишек к подруге, а сама черт ее знает, где прячется. Первый раз я ее неделю искал...

- Ну, и?

- Да ни хрена! Хоть бы объяснила почему, а то говорит - набегаешься - крепче любить станешь!? Ни претензий, ни ревности, ни обид, садизм какой-то.

- Так она что, даже причины не называет?

- В чем и дело-то!

- И давно это?

- Четвертый год. Ребятишек замучила. Ткнет, к кому попаю, ну ладно бы на вечер, а кому они нужны на два-три дня-то? Сейчас я уже научился их за сутки отыскивать. А вот ее... ей богу не буду больше!

- А может к доктору, к психиатру?

- Да ходили уже! Он говорит, что на этой кобыле пахать нужно. Прямо при ней сказал, чтобы прекратила дурака валять, так она сидит, ему глазки строит...

- Ну, знаешь, ты меня извини, должна же быть причина какая-то, может, ей не хватает чего?

- Да. двоих детей родили - хватало, а сейчас что я, по твоему, мерином стал? - зло огрызнулся он - Я гоже так думал, потом, смотрю, даже взмолился когда. Хавагиг - говорит - не могу больше...

- Ну, она что же, не понимает, что конец наступит когда-то?

- Да черт ее знает, что она понимает. Работать не хочет, это точно усвоила. Прогоню я тебя - говорю ей как-то - а она улыбается: кому ты нужен с ребятишками-то!

Мы настолько увлеклись беседой, что не заметили, как что-то где-то зашипело в квартире.

- Что у тебя там, кипит что-то?

Он сходил на кухню, посмотрел, все было в порядке.

- Ну, положим, у тебя поклонниц столько, что и с тремя остаться не страшно - откровенно пустил я "леща".

Он воспринял серьезно. видно не раз уже думал и об этом.

- Это конечно не проблема. найти новую жену, вот как насчет новой матери для моих детей? А желающих навалом... да и не надо мне никого, только бы прекратился этот дурдом! Статная, красивая баба, а в голове черт те что!

Он взял со стола фотографию, подал мне. Со снимка улыбалась стройная, симпатичная женщина с красивыми зубами и ногами. Все было при ней. За такой, и правда, можно побежать.

- Хороша! - откровенно восхитился я.

- Во! Как если бы загуляла, я бы понял! А то...- пожал он плечами.

Мы замолчали. Да и о чем еще можно говорить. Конечно, какая-то причина существует, с чего-то же дурела она, чего-то добивалась. Может быть, все наши рассуждения слишком примитивны, чтобы понять сложный механизм женской психики? А, может быть, наоборот, ее психика настолько примитивна, что он вовсе идет не в той стороне. И я вспомнил, как в армии женился наш капитан. Мы специально караулили, когда она куда-нибудь пойдет и, разинув рот, смотрели на эту красавицу из Ордынска. Ее не звали женщиной, ее звали "чудо природы"! Но вот однажды она заговорила... бог ты мой!!! Больше ее не звали "чудо природы", ее просто стали звать "чудо"!

- Ну, не знаю, дорогой - засобирался я, время уже позднее и моя молодая жена, конечно, уже дома, а я даже записки не оставил - не знаю, какой тебе совет дать, да и можно ли...

И вдруг снова раздался этот шипящий звук. За диваном, на котором мы сидели, послышалась возня. Мы вскочили, как ошпаренные, а оттуда, из-за дивана:

- Да и не нужны они никому, твои дурацкие советы!

Дружно ухватились за подлокотники, и диван пушилкой отлетел к противоположной стене. Перед нами предстала лежащая в пыли, завернувшись в одеяло, его дражайшая, неповторимая жена!?

Через неделю он пошел "в большую мясорубку". Так мы называли процедуру объявления строгого выговора с занесением в учетную карточку члену КПСС. Это взыскание обрушивалось на всех, кто осмеливался разводиться с женой. Не существовало никакой разницы, по какой причине и с какой целью разводился. Важен результат, а точнее ритуал, кем-то и когда-то рожденный и утвержденный. Человек, у которого вдруг ломалась вся жизнь, должен был еще пройти три партбюро и два партсобрания. А уж на этих собраниях...

ДАЧНИК.

Мы сидели на живописном берегу Исети. Пасмурная, хмурая природа, словно нехотя волочила косматые тучи по темно зеленому бору противоположной стороны. Тучи, наполненные сыростью, цеплялись за остроконечные вершины сосен и елок и, как бы распоров свое мокрое брюхо, сеяли мелким, проливным дождем. Вздуваясь река катила мутные воды в слепом неистовстве. Какие-то коряжки и пустые ящики медленно ворочались на течении, напоминая, что там, выше, река здорово поработала. Настроение - под стать погоде. Мы не виделись давно, года, наверное, уже четыре. Жизнь за это время сделала такой крутой поворот, что многие повывлетали из привычных, горбом заработанных кабинетов. Слов в нашем разговоре мало. Понимали друг друга и молча. Может быть к несчастью, а скорей всего к счастью, вот мы оба и "повывлетали". От прежнего моего приятеля осталась, конечно, половина и далеко не лучшая. Но уж так, чтобы "очи потухли, и голос пропал" - я бы не сказал. Конечно, он бодрился, крепился, но прежней искрометности ума и духа поубавилось. Как-то глубже он стал, состоятельней, что ли. Как и прежде на любой вопрос отвечал практически сразу, только

значительно медленней, продуманней выговаривая слова. Сейчас, мне казалось, он больше походил на лауреата государственной премии, чем тогда, когда ее получил. Тогда я просто не мог поверить, что этот зубоскал и юморист сделал аппаратуру на "лушник" и это именно ему подчиняются двести человек "грамотных" в номерном институте.

- Думал раньше, что все понимаю, а вот, около трех лет понадобилось, чтобы в себе самом разобраться, как следует. Значит, интересно, когда заботы сводятся к бытовой простоте, ну, забора, корму для поросенка, а голова все еще не может не то, чтобы остановиться, а даже обороты убавить. Потом тишина эта первозданная, река... вечный бег ее... текла эта вода и сто и тысячу лет назад, и еще будет течь. И, самое интересное - скоротечность нашего пребывания на земле...

- Ну, хватанул, матушка моя! С такими прибабахами не на берегу реки жить.

- Да не торопись ты. Определения, заключения, скороспелки одни. Ты думаешь, легко дались мне годы эти? Думаешь, сидит вот здесь, на бережке, придурочек этакий, от жизни сбежавший... философствует... от не хрен делать. В себе, видите ли, разобраться путем не может. Когда эта суматоха началась, когда вы все еще кра-а-а-асненькие были, мои "грамотные" уже тогда консилиум собрали. Ты же знаешь, что лучшие мозги все на оборонку работали. А вот что у меня компьютерный зал в пять раз больше твоего бывшего гаража самого большого, конечно, знать не можешь. Так вот, нам уже тогда стало понятно, что из всей этой карусели получится. Почами, в выходные вкальвали, как одержимые, но программу конверсии просчитали и разработали до молекулы! В нашем же ИИО только ИТР более трех тысяч, о работягах и говорить нечего. А ну как все да без работы останутся? Что впрочем, сейчас и происходит. Так вот, отлизали конверсионную программу почище того "лушника", все погрешности в худших вариантах предусмотрели. В Москву - матушку - поганую мне честь выпала ехать. Вот и сломался я после поезд-

ки той! Гам, к мосму ужасу, подсчеты другие в моде. Да ну их... в общем, смотрели они на меня как на барана. Их конверсия вообще пока еще не интересует, да и не нужна она, да и не будет этого. Да и вообще кто ты такой, да и разве проблема это?! Короче отпинали, обхохотали и домой отправили. Две ночи не спал, думал голова не выдержит. А потом позвонил еще раз в первопрестольную, получил еще одну зуботычину, взял да и уволился! Ребята мои ошалели поначалу. Потом делегацию послали, программу нашу, боль нашу, принесли и мне подарили. Вон, на полке лежит, одних графиков три тома. Ну а дальше ты и сам знаешь, как дела развиваются в России многострадальной. Рушится все к чертовой матери! А эти ребята в Кремле все отношения между собой выясняют. До слез хохотал: по верховному Совету, из танков, штатными!!! Да за наши же денежки и отремонтировали! Ну, еще бы ладно свои мужики ремонт-то делали, безработных же тьма, так нет, такой подряд и... туркам отдали!? Ну не анекдот ли? А я-то, дурак, еще с программой своей к ним поехал... умненький, видите ли, на всю страну один выискался!

Он замолчал как-то разом, ушел надолго в себя, зло уставился в мутную, вздувшуюся от дождей реку. На фоне серого неба неказистым сооружением выделялась его "дача". Полу дом – полу балаган, собранный из отжившей свой век шпалы, заборы из какого-то бросового железа. Тын - не тын, прясло - не прясло, отгораживало тшедушного теленка от огуречной гряды. Игривый щенок радостно гонял молодых кур. Собранный из утиля, судя по различной степени ржавости, тракторишко сиротливо торчал под сеющим дождичком. Да и вообще весь этот оазис хлама выглядел неуклюже и нелепо среди чопорных, резных дач более удачливых в жизни соседей.

- Слушай, а это чей там терем с блестящей крышей? - решил я переменить тему разговора. Нужно же как-то уходить от этого давящего пресса, нависшего над всеми нами.

- Так вот тебе и пример, как жить-то надо! Тут, знаешь, вообще, думается хорошо. Это мой приятель детства. Как родился в семье спекулянта, так и свою семью построил. И что только с ним не делали, и арестовывали, и конфисковывали, а он - не тонет! Вот пока я лунником да крылатыми занимался, он состояние сколачивал. Я вот на Г-16 а он на «Форде», да и сын та «Гоете». Недавно как понаехало гостей, как загудели! Машин - весь бугор заняли, и хоть бы одна наша русская. Мне, лауреату государственной премии, на базу нужно ехать, простыни детишкам выдавать, а проехать не могу! И идти к ним стыдно! И он весело, как раньше, искристо и беззаботно расхохотался.

- Ну, и надолго тебя так вот хватит, простынями-то заедолашь?

- Так программа же лежит вопи, на полке, другой-то ни кто не разрабатывает. Приезжали, три раза уже. Но даже вот малюсенького просвета не вижу, а воевать со своим правительством не умею, да и не хочу. Это же лебедь рак и шука какие-то. Один красотостями всякими глаза замазывает, а второй налогами ноги связывает... в общем, все как по учебнику: становление капитала никогда не было законным, должны мы дождаться хозяина. Раньше-то видиге ли народ был хозяином. А теперь как в той рекламе: ЖДЕМ-С.

ДЕМОКРАТИЯ.

Комната тонула в сизом дыму. Яркий солнечный луч пробивался через эти ядовитые сине-зеленые клубы и словно плавал по полу. Каждый сосредоточенно ковырял в тарелке. Говорить собственно не о чем. Последний раз они встречались семь лет назад, когда Сергей принимал разваленное, доведенное "до ручки" ПДУ. Затем Семен уехал в свою Сибирь.

и дела производственные закрутились с такой скоростью, что вот только через семь лет и пришлось вспомнить об армейском друге, да и то, по случаю командировки в родной городишко. Как-то устроены мы так, что главное в жизни - производство. Есть работа, значит, есть и жизнь. Один из представителей чешской делегации сказал о различии наших народов так:

- Мы работаем для того, чтобы жить, а вы - живете для того, чтобы работать.

Да и меркой для наших жизненных этапов является выполнение планов.

- Так они что же, не понимают, что ты ее, эту "шарангу", заново всю построил, или смотрят, и видеть не хотят? Я же отлично помню, что ты принял: две крыши дырявые да грязь непролазную. Как тот водило-то, кардан отвинтил, да и потерял его под машиной, грязи же по пояс было... Что у тебя сейчас на основных числится?

- Ну, сейчас уж не у меня, а у них, да и не все ли равно теперь?

- Нет, а все-таки?

- Ну, два бокса стоячных, котельная, один бокс ремонтный, механический участок, кузница, складские все в комплекте, контору вот наполовину только успел... да ну их к... душу гравить!

- И это всего за семь лет? Двужильный, однако! Как тебе удалось-то все это сграть? Это же на одном проектировании да согласованиях сломаться можно!

- Когда очень хочется - удастся! И строить можно, и парк машин обновить можно, и новую организацию гряда ввести можно, все можно! Спать помногу вот нельзя, остальное все можно!

- А я в газетке этой смотрю - программа твоя не понравилась, значит, коллективу. Какую же еще программу нужно людям? Ну, а та, что понравилась, она что, шанги с неба предусматривает?

- Да какая там программа?! Пришел я туда, как в чужое, в свое-то предприятие, стоим, курим с мужиками, а они мне и говорят:

- Не будем мы за тебя голосовать, Сергей Палыч, и не потому не будем, что человек ты плохой, а потому, как не выгодно тебя сегодня в начальниках держать.

- Да как же - говорю - не выгодно? А до этого выгодно было?

- Так конечно выгодно, строилось же предприятие, квартиры ждали, а сегодня каждый свое строит. Вот ты нас по шесть рейсов заставлял делать на участок. И получали хорошо, по и пахали! А я позавчера всего один рейс сделал, потом загрузился и в город с навозом... секешь? Спина сухая, а заработок - втрое! А ты же останешься и сразу с чего опять начнешь? Учет транспорта, ГСМ, время убытия - прибытия... и снова по шесть рейсов? А я сегодня себе дом строю, машина у дома и стоит...

- Так помогаете все, что за эти годы собрать сумели! Развалится же опять предприятие, не жалко, вместе налаживали?!

- А мне - говорит - еще полгода надо, чтобы дом свой достроить, а там посмотрю.

Вот и получается, что не нужен сегодня коллективу крепкий руководитель. Хотя, если по нашей идеологии, то с такими целями и коллективом уже назвать нельзя.

- Как что же тот, кого сейчас избрали, не понимает, или приставляется пока?

- Да я гоже думал, что время тянет, а потом с ужасом понял - правда ни черга не понимает! Акт передачи подписываю, а у самого руки трясутся! А куда денешься - закон! Мать бы его... дачу в саду так не строил, с таким жаром, как это ЦДУ вытаскивал! Семь лет как один день! Прихожу утром и, вот, понимаешь, как будто не из дома, а наоборот, домой пришел...

- Да, когда он по телевизору сказал, мол, выбирайте каких вам надо и все сразу направится, у нас тоже вроде шока состояние было. Благо генеральный - мужик крепкий, задавил в корне бардак этот. Просто взял и объявил, что охотники до демократии могут ехать на большую землю, а кто хочет до демократии дорасти, пожалуйста, учиться вместе начнем. Но у нас в этом плане просто. А что сейчас думаешь?

- Да что думать, оттаять надо сначала, в себя прийти, а потом... позовут, наверно, восстанавливать народное хозяйство, когда все растащат, история повторяется. Жаль вот не скоро дойдет до них, и вверху и внизу...

- Давай-ка форточку откроем, а то некому будет восстанавливать.

БРУСЧАТКА ЯЙВА - СОЛИКАМСК.

Мы сидели на лавочке, возле симпатичного домика с колодцем и вели степенную беседу с хозяином - дедом Петром. Дорога дальняя, впереди еще около трехсот километров. Незадолго до въезда в деревушку колеса "газика" мелко задробили по булыжной брусчатке, ровной в своей слепящей ряби и какой-то правильно аккуратной, не нашей, без выбоин и колдобин. Попили водички, размяли затекшие ноги...

- И далеко эта дорожка проложена вот в таком исполнении?

- А вот от Яйвы и до Соликамска до самого.

- Да, сорок восемь камушков поперек, это сколько же труда?! И ведь пучины даже маленькой нигде не видели. А давно она построена?

- Так в тридцать шестом - тридцать восьмом и строили. С тех пор и ездят, почти без ремонта. Сначала стал-быть на гелегах, а сейчас...

- Вот, подушку-то умели люди делать, при той еще технике, а умели!

- Да, подушка здесь, стал-быть, ребята, добрая... я тут давно живу. В месяц по два этапа пригоняли их... Обратно не видел, чтобы кто уходил. И на все двести двадцать километров - ни одного кладбища, стал-быть...

НА ДОРОГЕ.

Колеса старенького "МОСКВИЧА" монотонно жужжали по асфальту, отматывая неблизкие километры. Сзади уже давно погасли отблески огней города Кургана. На дороге серо и неуютно. Это как раз то время, которое водители не любят больше всего: ни светло - ни темно. Серый сумрак делает препятствия мало заметными, но свет включенных фар еще не дает никакого эффекта. В дальних рейсах опытный водитель ведет машину как бы на "автопилоте". Глаза, руки, ноги, делают свое дело, а мысли перескакивают с одного на другое. Порой накатывает привязчивая песня, порой вспоминаются какие-то эпизоды из детства, куски прожитого времени. Ребята советовали переночевать, не ходить в ночь, но время поджимало и вот позади уже около сотни километров, еще немного и впереди засветится Челябинск. Тревожно покалывало в сознании предостережение:

- Знаешь, время-то нехорошее, шаят здесь на дорогах по ночам. Хотя твой старенький "шарабан" и не вызывает желание пограбить, но все-таки...

А все-таки жизнь заставляла крутиться, зарабатывать на пропитание всеми доступными способами. Вот и сейчас, слав партию говара в городе, Петровичу нужно было еще успеть получить груз в Челябинске, чтобы раненько утром "убежать" в Свердловск, то бишь в Екатеринбург, (чтоб их,

этих интеллигентов поганых, никак не мог привыкнуть!) Конечно, можно бы и переночевать... да кому он нужен. Вообще странная наша страна! На дорогах и правда черт те что творится. Дома целый арсенал всяких стреляющих железяк, а взять с собой - НИЗЗЯ! У нас законопослушному гражданину все НИЗЗЯ. Бандиту же все можно! Все преступники вооружены. Впрочем, и он завтра в Сверд... тьфу черт, Екатеринбург, может пойти на базар и купить себе... да ни хрена он себе не купит! Хоть и продается все от пистолета до пулемета. Ему и карабина охотничьего хватает, а вот взять его для защиты собственной - НИЗЗЯ. Вот и сидит назойливой мухой в голове: кого же больше боится наше правительство, его, Петровича, или преступника? И кого оно защищает? Да ну их всех... в передней подвеске вот что-то постукивать начало. глухо вроде бы, но завтра посмотреть необходимо. Разное говорят о МОСКВИЧЕ, меньше хвалят, больше хаот, а вот ездит он на нем пятый год... не очень, конечно, машина, но надежная. Не случилось еще, чтобы на дороге где-нибудь встала...

С резким шипением слева промчалась ТОЕТА, автоматически глянул Петрович на спидометр - сто десять. Ого, бежит, на дизеле-го. Неожиданно резко вспыхнули яркие красные фонари тормозов, ударили по сознанию, ободрали, обнажили мозг! Завизжала москвичевская резина по асфальту, зашвыряло машину... на пределе возможностей одна человеческая сила старалась экстренно остановить пятьдесят лошадиных сил и восемьсот килограммов железа, лежащих со скоростью сто десять километров в час!

Только бы не врезаться! - долбило в голову, - только бы не влететь в эту поганую иномарку, потом же до пенсии не рассчитаться за нее!

А рука тянула ручной тормоз, как будто он когда-то хоть у одного МОСКВИЧА работал нормально! Яркие красные фонари всё горели и мешали рассмотреть, что же там произошло на дороге. МОСКВИЧ остановился в четырех метрах от ТОЕТЫ. Красные фонари погас-

ли. Нога все еще напряженно давила на педаль, рука побелела на рукоятке ручника...

Между машинами стоял квадратный молодой парень с автоматом подмышкой и в упор смотрел на Петровича. Автомат был по сравнению с парнем такой маленький, с дурацким раструбом на конце ствола, и тоже как бы смотрел Петровичу прямо в лоб! Картина эта сначала не дошла до сознания, слишком велико напряжение от предотвращенной аварии. Голова заработала только тогда, когда один из парней открыл правую, а второй левую дверку МОСКВИЧА. Память лихо-радочно фиксировала пятнистые куртки, отсутствие знаков различия, квадратные лица и челюсти. Они лезли в машину как в свою!

- Э-э, осади, ребята, не так быстро - проговорил Петрович и включил заднюю передачу.

Резкий рывок назад, конечно бы, выломил обе дверцы, но и избавил бы от непрошенных гостей. Мысль заработала, быстро и точно оценивая обстановку. Но и гости были не новички. Один профессионально выключил передачу, а второй рывкнул в ухо:

- Руки на панель!!! - и выключил зажигание.

Да и что даст тот рывок назад, когда глаза как прикованы к дырке автомата. Нет, не удерешь от этого маленького, плюющего смертью монстра.

Парни деловито, вовсе не обращая внимания на Петровича, рылись в машине.

Хлопнуло заднее сидение, посыпались какие-то бумаги из "бардачка", заскрипела крышка багажника.

- Оружие есть? - спросил тот, который выключил зажигание и от которого по машине полз запах чего-то свежее-выпитого.

- Ага, водородная бомба в багажнике - огрызнулся Петрович.

- Еще раз зубы оскалишь - сразу и выплюнешь их - предупредил парсень справа, заканчивая шарить под пассажирским сидением.

Из-под задравшейся куртки его торчала кобура "сгечкина".

- Слушайте, вы, казаки-разбойники. да кто вы такие и какого черта вам от меня надо?

- ОМОН! - гоготнул тот, слева, и все они пошли к своей машине.

Бесшумно и мягко взяла ГОЕГА с места... через несколько секунд и огни габаритов скрылись за поворотом... холодный ветер гулял по салону МОСКВИЧА, поскрипывая открытыми дверями. Нужно убирать ногу с педали тормоза, а она не слушается, все давит и давит, предотвращая аварию.

КАК ГРАБЛИ СТРЕЛЯЮТ.

Хорошо отдохнувшая кобыла ходко тянула телегу домой, подергивая мордой сдерживающие ее вожжи. Петька сидел на возу травы, отмахиваясь от назойливых комаров, устало опустив плечи и смотрел в спину отца. Он постоянно удивлялся выносливости своего родителя, его умению долго и упорно работать. Вот и сегодня, день начался с пяти часов утра, а сейчас - шестой вечера. До обеда они косили, после обеда сгребли и сложили две

"подходящие" копны. По отцовски "подходящая" копна, это когда на три телеги не сложить, так что к вечеру, когда понадобилось еще набросать традиционный "натележничек" свежескошенной травы, у Петьки в конечностях стоял тяжелый гул. Ноги как-то отошли быстро, а руки гудели и вибрировали до сих пор. Он вяло думал о том, что сейчас нужно еще этот проклятый "натележничек" забросать на жердяной на-

стил повести, свести кобылу пастись, умыться и... все, уже никуда не успел, а сегодня бы обязательно в клубе надо быть, там... Но нет, отец не опустит, пока все не приберет и не оприходуется, как положено, такой уж неутомимый человек. Сидит прямо, словно и не работал двенадцать часов подряд. Как-то сказал Петьке, что в сорок пять и он, Петька, станет таким же, если будет иметь свой дом и хозяйство. Петьку это сообщение не порадовало, а привело в ужас! Он мысленно тут же дал себе зарок: никогда не держать своего хозяйства, а тем боле своего дома. В свои пятнадцать лет он хорошо усвоил науку содержания хозяйства. Оно, это самое хозяйство, состояло из лошади, коровы, теленка, поросенка, шести штук овец и еще множества кудахчущих, гагающих и прочих живых существ. Из всего этого содома Петька любил кобылу Майку и собаку Ритку. В довольно редкое свободное время, он даже пытался сделать этакий охотничий отрядик. Но Майка панически боялась ружья, а Ритка, наверное, из ревности, начинала остервенело на нее лаять, как только Петька садился верхом.

Однако вот и приехали. Мать всегда открывала ворота сама, когда они приезжали с покоса. Вот и сейчас, Майка затянула телегу в открытые ворота и остановилась, поглядывая на хозяина. Отец слез с воза, обошел кругом, решил что хорошо. Бросил вожжи на спину лошади и стал принимать подаваемые Петькой вилы, грабли, сумку, топор, веревку. Петька спрыгнул на оглоблю, начал распрягать кобылу. В домашней работе все давно определено, каждый знает свое место и дело. Отец сейчас сидит на крыльце и курит, потом начнет подавать траву на настил - запаришься растаскивать.

- Чегой-то у вас грабли валяются? - спросила мать из-за воза.

Петька распряг кобылу, аккуратно повесил сбрую и потянул за повод слева от воза к привязи. Не успел он сделать и четырех шагов, как в голове что-то звякнуло, зазвенело, искры запрыгали по возу и воротам.

- Ой! - сдавленно охнул он и зажал голову руками.

Медленно выпрямляясь, ощупывал ее и... поймал черенок граблей!

- Ну, мать! Ну, сколько тебе отец говорил - не лезь не в свое дело! - черт бы вас побрал! - швырнул он грабли через воз.

На левой стороне большой Петькиной головы как-то уж очень быстро вздувалась серьезная шишка.

- Стреляют? - с улыбочкой спросил отец, загасил папиросу и, взяв вилы, пошел вокруг воза, присматриваясь, откуда бы начать. Не успел Петька привязать лошадь к скобе, как вдруг:

- А-а-а-а, мать твою!!! Да ты чего, на отца родного капканы настраивать?!

Из-за воза вылетел отец с граблями в руках. Думать некогда, объясняться - тоже. Петька стрелою шмыганул под кобылу и, звякнув ворогцами, вылетел на оперативный простор огорода. Здесь он был в безопасности, можно и соображать. Отец, между прочим, всегда признавал, что в огороде Петька недосягаем. Так что же случилось? Минуты через три появился отец, потирая голову зло сказал:

- Ну, полезай на жерди, чего смотришь? В следующий раз поставишь так грабли - все зубья об тебя обломаю!

Петька проворно полез под крышу.

- А, так это же когда я их бросил, они там, на другой стороне воза, сами настроились в босвую позицию - сообразил он. Ему так и хотелось задать отцу один невинный вопросик: "стреляют"?

Скидана на место трава, мать с отцом остались подбираться во дворе, а Петька, одев Майке на шею пучок, снял с нее уздечку, чтобы не гащить обратно, и во всю кобылью прыть поскакал к болоту, к лошадям. Им обоим нравились эти короткие скачки до пастбища, наверное, и лошадь понимала - на сегодня все. Спутав ее, Петька глянул на часы и с удовольствием заметил, что сегодня на удивление рано утра-

вились, а значит можно успеть! Если на обратном пути скорость и была меньше, то не на много. В ограду Петька влетел пулей, на ходу сбросил рубашку, брюки и в огород. Там у него самодельный душ, скорей мыться! И тут его по голове так огрело, что слезы брызнули из глаз. Он шлепнулся на задницу, как подкошенный. В голове кто-то дупил молотком по жестяному корыту, мутная пелена слез застилала глаза. Петька встал, зачем-то взял в руки эти чертовы стреляющие грабли, повернулся к дверям в дом и внезапно заорал:

- Ну, вы, родители хреновы!! Как самим по башке, так меня гонять, а мне что делать!!?

Размахнулся и изо всей силы огрел граблями телегу. Посыпались желтые березовые зубья, треснуло пополам грабелище... Выпел отец.

- Что, опять? - удивился.

- Не будут больше, сволочи! - огрызнулся Петька...

В клуб Петька, конечно, не попал. Мать виновато колдовала над двумя шишками, делала какие-то примочки, компрессы, в общем, проявляла ласковую заботу, от которой Петька давно уже спал.

ХОРОШО.

Петрович дремал в своем потрепанном "газике" уже три часа. Морозец хоть и не очень силен, но остатки тепла выхватывал из-под брезента довольно быстро. Ровно гудел двигатель, шумел надсадно вентилятор отопителя. В лесничестве "сдавали делянки". Местный лесничий старый знакомый старшего мастера леспромхоза, оба работали "на лесу" не первый десяток лет, каждый считал другого шутом и старался не дать обойти себя "на повороте". Ежегодно, на исходе зимы, они собирались для оформления документов по сдаче - приемке выработанных лесосек. Дело свое оба знали отлично

и потому особых разногласий, конечно, не выставляли но, как говорится, "у каждого плута свои расчеты". Знал лесничий, что где-то, все равно, есть недоочищенные делянки, знал и мастер где они есть, но оба понимали, что осмотреть все не успеют и вели друг с другом этакую игру в поддавки. Иногда, что получал Петрович четкое задание: забуксовать до или после обеда в таком-то квартале, бывало, что приходилось и колесо спускать, имитируя прокол. А иногда и обходил их лесничий, вдруг пересаживая всех на откуда-то взявшийся вездеход. Но еще не было случая, чтобы эти двое встретились по такому случаю "насухо". Мастер любил приговаривать:

- Пелемени-то без водки гоко соба-а-аки съят, а делянки-то без нее и вооовсе никто не сдает-то!

Потому и дремал Петрович в привычной позе на потертом своем рабочем месте. Не любил он сидеть и слушать двух старых плутов да еще подвыпивших. Хлопнула дверь в лесничестве. В "газик" всунулась взлохмаченная, потная голова мастера:

- Дай кось сумку-го. В сто тридцатый квартал вишь ты надо ему ехать-го, не хватало мне там еще ег-го... - ворчал он, доставая очередную бутылку. Достал, сунул ее за пазуху, потоптался около машины, справляя малую нужду, и снова пошел "сдавать".

Петрович без особого напряжения мог представить их разговоры и действия:

- Ну, а в семьдесят втором молодняки почто поломали? Поленились паточину засыпать, лодыри!

- Да погоди ты, с молодняками своими-то, холодит она бок-от. давай вот по маленькой еще. Щас, посмотрим, где там абриса-то? Дай кось гляну? Да не держи ты долго-то, не можешь стопку вторую купить-то, подкулачник.

Затем они чинно хрустели соленым огурцом и медленно забывали причину разногласий. Так, врасстяжку, подписывался акт за актом, где со штрафами, где без оных. Хлопок дверцы разбудил Петровича:

успеть засветло... ик...ик... Ицас, поднишу... сам потому в-в-видел, во!!!

Мерно гудел двигатель. Хорошо катился "газик" по лесной дороге. Хорошо было на душе у Петровича, сократившего поездку на девяносто километров. Хорошо и двоим, спавшим в обнимку па заднем сидении...

Всем хорошо, только лесу плохо.

КАТОРГА.

Автобус стоял под всковыми соснами, уютно примостившись на берегу реки. Накрапывал мелкий, монотонный дождь, как скупые слезы горемычного сироты, зряшные, пустые, ни у кого не вызывающие жалости. Вся наша "комись" молча, и зло разливала водку в один шоферской стакан, и так же молча и зло, проглатывала двухсот граммовые порции, крякнув под табачный дым и подавленные вздохи малочисленного женского присутствия. Наше настроение довольно метко и смко охарактеризовал водитель Толя, выдавший виды и "отпахавший на ниве партийного рулежа" без малого пятнадцать лет:

- Да, мужики, вам сейчас только в плен сдаваться...

И это действительно, наверное, так и выглядело со стороны. А день, в общем-то. начинался как обычный. рабочий день партийно-комсомольской номенклатуры малого каibra.

На девять часов утра мы, пятеро, вдруг зачем-то были приглашены к "первому". В приемной, как и всегда, царил застоялый порядок и эта неповторимая, подчеркнутая торжественность. За полуоткрытой дверью, тоже, как и всегда, проглядывался сидящий за столом наш районный "генсек", задумчиво смотревший в окно. Точно в назначенное время

нас впустили в его кабинет и вот тут-то, и состоялся довольно необычный, скудный разговор:

- Я пригласил вас, товарищи, по довольно щекотливому, но, на мой взгляд, творческому делу. Люди вы бывалые, да нет, не льщу я вам, просто с таким поручением я не могу послать, кого попало, более того, уверен, что и моим аппаратчикам это как же не по плечу. Поедете в ваш подшефный совхоз, и, как производственники, разберетесь, как и чем можно помочь людям. Поговорите, с кем посчитаете нужным, поговорите и с доярками. В общем, на месте и определитесь. А проще говоря - пьют доярки, вот уже четвертый день. Четыре дня вся контора совхоза коров доит и конца этому не видно. Вы заметили, что я не сказал безобразию? Встречаемся завтра утром здесь же. Счастливого пути.

Вот с таким необычным заданием светлым сентябрьским утром и привез нас горкомовский "Рафик" в подшефный совхоз. Ездили мы тогда в совхоз часто. Ремонтировали оборудование в МГМ, варили систему отопления, отделявали красные уголки и комнаты отдыха на фермах. Спрашивали за что довольно строго, так что приходилось проявлять постоянную заботу даже о том, что вовсе и не нужно крестьянам. После наших производственных порядков, конечно, во многом шокировала нас деревенская действительность.

Деревня жила странной жизнью. Я бы сказал, какой-то безвыходностью пропитан весь быт и работа людей. На ферму каждое утро заявлялись "с глубокого похмелья", не проснавшиеся мужики, запрягали довольно сытых, но крайне неухоженных лошадей, как попало возили до обеда силос и прочие корма, а потом...

Дох скот. Десятками голов вывозили на свалку тощих телят и поросят. Ни кто не нес ответственности за эту неразбериху. Непролазная грязь на улицах и, особенно возле производственных помещений давила, размазывала волю, вышибала желание вообще ходить на такую работу. Уволить скотника, конечно, и можно и нужно, но другого на его место не

было. Об этом положении знал и директор совхоза, и тот полупьяный скотник. Так создался какой-то баланс, сноски на укоренившийся бардак, привычка к разгильдяйству...

- Так это для вас только новость. Они же у меня дважды в год куролесят.

Вот пропьются и придут, как побитые. Глаза прятать будут, пахать, как чокнутые будут, через неделю ферму так вылижут - спокойно объяснял нам директор совхоза. - Ну, ходите, посмотрите, раз первый прислал, вон в кадрах адреса возьмите, может зайдете к кому из них...

И адреса взяли, и дома меж собой поделили всех этих пресловутых доярок... и.. пошли...

Добротный пятистешник смотрелся на пригорке весело и крепко. Видно такой же добротный мужик ставил его. На века ставил. Пять окон распахивались на юг. Гроздьями налитых самоцветов алела рябина в палисаднике. Светлый и высокий фронтон словно улыбался всей улице, задорно и уверенно. Но, чем ближе подходил я к дому доярки Семеновой, тем ошутимей резало душу какое-то беспокойство. Чего-то не хватало в доме этом, несмотря на всю его добротность и веселость. Немного покосившаяся телевизионная антенна, недостающие штакетины в палисаднике, полуоткрытые ворота, мотоцикл, еще новый, но не мытый, наверно, с самого магазина и стоящий как-то полубоком в просторной, давно не мстеной ограде. Так, наверно, выглядели дома, где хозяин неожиданно уходил на фронт. Ощущения запустения не было, но какое-то принципиальное отсутствие хозяйского догляда било по глазам, настраивало на временность существования этой усадьбы. Тротуар из широких плах, проложенный по ограде под окнами, зарос кокорами грязи, дверь в сени распахнута. Под потолком тускло горела лампочка, освещая открытую кладовку. Я потянул на себя маленькую дверь и оказался в просторной крестьянской избе. Посередине дома стояла массивная русская печь. Левая половина отгорожена капитальной стеной и грязными занавесками. Справа, около зава-

ленного всякой снедью стола, сидели три женщины. При моем появлении они замолчали. Три пары удивленных глаз озабоченно изучали гостя, и, чувствовалось, никак не могли связать это явление с реальностью.

- Вы к кому? - спросила одна из них, видно хозяйка дома.

- Так... наверное, к вам.

- И... кто вы?

- Получается что гость, хоть и незваный.

- Ой, Лариска, какого хахаленочка боженька послал! Смогри, отупоженный весь, да еще и при галстукее!! Ты, это, оиии? - спросила другая, сидевшая у окна - как же мы тебя дожить-то станем?

- погоди - остановила ее хозяйка - если вы к Василию, так его нет и долго, наверное, не будет, он, когда свободу получает, меньше трех дней не пьет, я даже не могу сказать, где его искать.

- Вы Семенова?

- Да, я.

- Значит я к вам.

- Ну, тогда проходи, садись с нами, если не побрезгуете - вмешалась третья, угрюмого вида женщина.

Она сидела, облокотившись на стол и подперев нечесаную голову тяжелыми ладонями. По виду старше двух других, и взгляд ее, тяжелый и пронизательный, словно придавливал к стене. Я подошел к столу, сел на придвинутую табуретку, начал разглядывать убранство дома, не зная с чего начать, как объяснить этим женщинам свое появление. Но объяснилось все просто и неожиданно:

- Это, девки, шеф наш с завода. Они у нас красный уголок делали в прошлое лето. Идеинный был такой... если не изменился, значит воспитывать нас приехал - вдруг произнесла нечесаная, не отрывая ладоней от подбородка, и слова прозвучали от этого как бы сквозь зубы.

- Ну, тогда давайте знакомиться, коли так - неуверенно произнес я.

- А вот пока не выпьешь с нами, ни о чем с гобой говорить не станем - вставила вторая, наливая полный стакан браги.

- Верно - прищурившись поставила точку нечесаная, и пододвинула тарелку с мясом.

- Ну, девушки, мужик я все-таки дерзвенский. браги вот вовсе не хочу, но за компанию выпью, а есть правда хочется, сытый голодному не друг - попытался я как-то объяснить и залпом опрокинул стакан вонючей жидкости в рог, затем подцепил вилкой кусок мяса пожирней и, круто посолив его, стал с аппетитом жевать.

- Смотри-ка, ей богу деревенский - в приятном удивлении заметила вторая. - Как тебя звать-то, чудо в перьях?

- Иван.

- Ну а я Вера. значит. Это вот Лариса, а это Мария Павловна. Ну, давай, воспитывай скорей, а уж потом и мы тебя воспитаем. Ой, бабоньки, как он сверху будет, я его за галстук зубами ухвачу, чтобы не удрал - расхохоталась Вера.

- Погоди с зубами-то, а то и впрямь сквозанет и поест не успеет - хмыкнула Мария Павловна - а ты ешь, ешь. тут не столовая, они так не готовят. Как чего тебя сюда принесло?

- Да вот, приехал поучиться коров доить, у вас же некому.

- Почему же некому? Вон, конторские четвертый день папуг, снимали свои наряды, серьги с кольцами и тренируются, может осмыслят, расценки добавят. А то все от них духами пахнет, а от нас говном да пойлом. А тебе нельзя, у тебя брюки наглажены, корове все титьки стрелками изрежешь. Покажи-ка руки-то - с какой-то сквозящее пронзительной тоской проговорила Лариса.

Я положил вилку и, еще как следует, не осмыслив сказанного, протянул ей свои ладони. Она задумчиво посмотрела на них и... молча опустила сверху свои. Широкие, погр-

скавшиеся от постоянной влажности, с узловатыми суставами пальцев, немного распухшие, изработанные руки эти произвели на меня впечатление хлесткого удара. Я долго разглядывал спокойные, сильные ладони и не нашел ничего лучшего как брякнуть:

- Да, по этим ладошкам не поворожишь...

- А вот если мужика, вроде тебя, погладить, что почувствуешь?

- Лариска! - подала голос Мария Павловна.

- Отстань тетя Маша! - отмахнулась Лариса - и сколько же, по-твоему, мне лег, шеф ты наш разлюбезный?

Я все еще не мог оторвать глаз от ее рук, в голове творился какой-то сумбур и, поднимая взгляд, я сказал то, за что еще и сейчас жжет совесть...

- Ну, сорок... сорок два...

Лариса посмотрела на меня долго и внимательно и потихоньку, по бабьи заплакала, уронив голову на свои заскорузлые ладони. В доме воцарилась гнетущая тишина. Билась муха в стекло не в силах проломить хрупким тельцем своим невидимую прочную преграду и не способная, наверное, понять, что мешает ей попасть на свободу, в такой близкий, видимый, прекрасный и недоступный мир...

- Ну, Ваня, так хорошо начал и так поганно закончил... Но мы тебя не виним, ты тут не виноватый, тут кто-то другой виноватый. Однако язык-то у тебя с головкой не всегда дружит - как бы извиняясь, заметила Мария Павловна - давайте-ка, девки, еще по стаканчику, да и ты давай с нами, замативай грешок-то.

Молча выпили по стакану мутной "бормотухи", дикое, непонятное тепло волнами пошло по телу. Крепкое зелье делали, однако доярки.

- Ты, Ваня, покушай, как следует, да и пойди в контору. Нашей планиды тебе не понять. А мы вот еще сегодня попьем, завтра избы свои выскоблим, постираемся, детисек в баньке перемоем, мужиков своих домой загоним, в чувство

приведем и... опять на каторгу... на полгода! А воспитывать нас не надо... хотя интересно знать, кто тебя сюда все-таки прислал? - словно бы для себя говорила Мария Павловна.

Хмель развязал мне язык, а сказанные лишние слова жгли сердце, и я просто рассказал им кто и почему нас сюда прислал. Лариса с Верой встали и куда-то вышли. Минут через десять Мария Павловна, наверное, в ответ на мою откровенность, заговорила:

- Обидел ты Ларису... двадцать семь ей на прошлой неделе исполнилось. Да и я, однако, вовсе старухой выгляжу, но тебя не спрошу, а го ты и мне сказанешь. Она же школу с серебряной медалью закончила. Такая девка была - загляденье! Учиться бы ей. Да на какие шиши? Отца нет, сестренки еще две. Вот и осталась тут, матери помогать. А Васька-то, мужик генерешний ее, по пьянка с тапцев в скирду и уволок. Так вот мы замуж и выходим... а сейчас у самой двое, а мужика как бы и нету. Каждый божий день пьет, как только здоровья хватает. В прошлом году два месяца не шел. Потом снова да ладом. Не могу, говорит, на бардак этог глядеть... или, говорит, в петлю или в стакан! А работа наша, Ваня, бычья. В чегыре утра нужно уже на ферме быть. Вот и посчитай, во сколько бабе вставать приходится, чтобы дома все приготовить, сварить да помыть, да пьяного мужика разбудить. Днем ненадолго прибежишь, да и опять за работу, своей же скотины полон двор. Вечерняя дойка заканчивается запоздно, и опять домой летишь как саврасая. Надо и управиться и дегишек обиходить, и к завтраму что-нибудь приготовить. А тут еще пьяного своего черти принесут... шаранигся, выступает, командует... а потом еще до полночи со своими слянями лезет. А в половине чегвертого... все сначала! Ну, если бы еще хоть иногда выходные были, что-ли. А го так вот месяца три, а иногда пять... ну, вот и устраиваем себе малые отпуска. Завтра все, начинаем по дому чертомелить... а потом! Опять на каторгу. А что первый секретарь вас послал, так это не ново. Мы ведь и с ним так вот говаривали, впрямки. А что он

может? Так что спасибо тебе, Ваня, за компанию, душу ты расгравить умеешь, хоть и молодой еще. Далекое пойдешь. А мы видно уже пришли. Пойди, не грави девок своими галстуками, не то и, правда, зубами поймают.

Стучал по блестящей крыше "Рафика" осенний дождь, курили представители партийно-комсомольской номенклатуры малого калибра ядовито-жесткую "приму" и... прягали друг от друга глаза.

КОВЕР.

Мимо поселкового Совета, по пыльной дороге, прямо к своему дому, старший человек маленького росточка нес небольшой и главное недорогой ковер. Его старенькие стоптанные сапоги, из давно нечищеного хрома, наверное, наиболее точно характеризовали уже прожитую, нелегкую жизнь. Я смотрел ему в след из окна и невольно вспоминал наш странный и немного сумбурный разговор.

В восьмидесятые годы мы все, представители власти, что-то всегда делили. Постоянно чего-нибудь не хватало, на всех не хватало, и маниакальная идея разделить то, чего не хватает, по максимальной справедливости, заставляла нас, руководителей Советской власти, создавать всевозможные комиссии, комитеты, депутатские группы и прочие "делильники". Мы тогда еще думали, что всего много, только стоит правильно разделить. В то лето делили ковры.

- Вот я и говорю, у моей бабки нету другого разговору, токо о ковре. Я ить с самого изначала в нашем РАБКООПЕ. Кем токо и не робил. Кто вот пропъется, али проворуетея, значит, меня враз туда и поставят. Потому как мне ить никакой ревизи не надо, я что принял, то и сдам, безо всякого акту. Завхозом был и завторгом был, да несколько разов еще.

Завбазою опять же много раз был. Часто их ране-то садили, ак я все и был, после каждого разу. Недолго, правда. ну, что-бы боле ничего не пропало, до нового руководителю.

А как опосля пожара. за геройство наше по сохранности добра опчего, стали награждать, меня председатель и спроси:

- Чем - говорит - тебя Марк Иваныч наградить?

Ну, там кому рубаху, кому сапоги выдали, а я с бабкой да и посоветовался. А она холера да и отрежь:

- Ты сколь берсг добро опчее, хушь пуговку бесплатно взял?! Вот и теперя не надо бесплатного. А коли добро твое заметили, слава богу, так пусть нам ковср недорогой продадут, да за наши же денежки!

- Так вот она, значит, и рассудила. А ковров-то в то время и не погодись!

Председатель мне и сказывает:

- Ковров-то, Марк Иваныч, сей момент нету, гак ты заявление мне напиши, а уж я сразу и подпишу, как токо ковры привезем, гут и купишь!

- Ну, я написал, он подписал, ковры приехали а мне - кукиш! День машиностроителя тогда случился, нам и не хватило. А потом привоз партизанам роздали... тоже, заслуженные люди-то, не нам чета. Год ек-ту и ждали мы с бабкою. А председатель - мужик толковый, советует:

- Ты вот что, Марк Иваныч, подпиши-ка заявление-то самим председателем райнотребсоюзу! Тогда уж никто у тебя не отымет.

- А чего, и подписал, съездил! Все одно не дают. Вот как токо привезем ковры-ге, ак опять мне и не хватат! Главно что я тогда за грузчика был, сам их возил, ковры-ге. Ну, потом уж и председатель поссовету тоже подписал, а председатель рабкоопу - уволился?! А новый-то все одно за две бутылки подписал. Куды денется... подписал! Бабка меня уж вовсе занилила, задело и ее за живое. А потом и председателя поссовету перевыбрали, опять год за подписью бегал... а все одно не хватат! А вчера привезли ковры-ге. Да как раз мне и

ценным. Старуха ажно зашлась! Ты-то еще не подписывал, а уж и некуда.

- Ч-ч-чего некуда? - спросил я ошарашенный этой гирдой.

- Ак подпись ставить некуда, во. глянь-кось... - и он протянул мне замыгачный листок какой-то желтой бумаги.

Тринадцать лет прошло с того памятного разговора. Нет уж Марка Иваныча в живых. И до сих пор я клянусь себя за то, что выпустил тот листок из рук. Это был шедевр!!! Сколько было начальства, сколько было изобретено такими как я делильниками, все, до единого, оставили на этом документе свои визы! Даже две печати красовались стертými буквами в своем неповторимом величии. Все писали: ДАТЬ! Ставили свои вензеля и... никто не давал! А мне просто не осталось места! Некуда ставить свой каракуль и все!!!

Кто его знает, нашел бы где расписаться, может и я бы...

- Пойди, Марк Иваныч, в магазин. Да вместе с бабушкой... Выбери себе ковер по душе, да и купи его. А бумажку эту, больше никому не показывай.

- Не дадут! - выдохнул Марк Иваныч.

- Дадут - процедил я сквозь сжатые зубы, и такое зло взяло за самое сердце...

Мимо поселкового Совета, старый человек, очень маленького росточка, горло нес верой и правдой заработанный ковер. Его старые, стоптанные хромовые сапоги уверенно ступали по пыльной дороге...

МНОГО.

За окном багряными полотнищами польхал сентябрь. Закапчивался еще один цикл в вечном бытии - матушки - при-

роды, еще одна ступень бесконечной лестницы мудрости. ведущей в далекое и неизвестное. Взорвавшись зеленым сумасбродом весны и перебесившись в буйстве своем, каждая былинка и веточка, плодом вечной и неизбежной любви дала семя, и вот, в красоте и силе, увядала перед неотвратимым, длительным сном белой тишины. Люди называют это время бабьим летом. Наверное, потому бабьим, что уж очень скоротечен залп женского обаяния и так же непреклонен и неотвратим период увядания любой красоты, созданной на земле природой. Ласковые, упругие, томящие лучи солнца наполнили лабораторию - мастерскую, не давали сосредоточиться на кропотливой и точной работе, манили туда... за песнями... поцелуями...

Мой учитель и наставник - старший брат сидел у окна, напротив начальника лаборатории и что-то медленно вспоминал вслух. Они любили так вот посидеть в конце рабочего дня, отдавшись воспоминаниям. Молодость они провели вместе, в одном городе, на одном заводе, в одном общежитии. Брат Семен считался тогда приличным аккордеонистом, а Иван, или теперь Иван Петрович, слыл отменным танцором. Время плетет свою пилу бесконечно, вплетая в неё человеческие судьбы, характеры, события. Время сделало Ивана нашим начальником, и мы приняли это с благодарностью. Человек справедливый, уважал брата за его золотые руки, а меня - за длинный язык, работу спрашивал крепко, иногда приносил "очередное ковыряние". Судя по разговору, с этим и пришел.

- Иди-ка, посмотри - позвал Семен.

Ковырянием он называл любую необычную и тонкую работу, где, по его выражению, "гибкость пальцев зависела от гибкости мозгов". "Ковыряние" лежало на чистом листе бумаги и представляло собой две золотые серьги, этакие кольца из трубочек чистого золота. Весело поблескивая цветом догорающей осени, они приглаголивали своей законченностью и строгой красотой.

- Нет, Петрович, я твою дорогушу еще с девок помню. Ты уж, пожалуйста, вот на этом листочке укажи размеры, все-таки начальник измерительной лаборатории должен быть точен. Мы ведь с братиком люди исполнительные, сказано обрезать - обрежем, но как бы потом не поступила команда нарастить!?

- Ну, ты, Николаич, как всегда, зануда! У тебя же глаз художника, посмотри, комплекцию её ты помнишь, подумай и убавь, сколько необходимо.

- Я же говорю, что должен сдать работу тебе, а ты - мой начальник. Ставь размер и послезавтра, к вечеру заходи. Не знаешь размера, иди со своей "козой" сам согласовывай, это потруднее чем вообще новые серьги сделать. Да, вот еще, "наркомовскую" заberi, - и брат выставил плоскую бутылку, наполненную "служебным" техническим спиртом.

Спирт для нужд юстировки он получал ежемесячно и ежемесячно делил его на три равные части - по одной нам и одну - "наркомовскую". Иван Петрович крикнул, почесал затылок, полез в карман за авторучкой, размашисто написал на листе размер будущей серы и и, вместе с авторучкой, опустил в карман плоскую "наркомовскую" порцию.

- Ну, вот и ладненько, - проворчал брат Семен - работы здесь с непривычки смены на полторы, так что заказ принят.

Давно прогудел гудок, и все нормальные люди пошли по домам. Мы же молча сидели у открытого окна и внимательно рассматривали два миниатюрных золотых кольца. Страшно, казалось мне, даже подумать, что нужно отпилить от каждого по изрядному кусочку, предварительно разобрав мудреную, подпружиненную защелку, да еще и восстановить все в строгом прежнем величии. Семен никогда не брался за работу с палету. Порой несколько дней и даже недель лежал на его столе какой-нибудь кусок металла или дерева. Он перекладывал его с места на место, поворачивал к свету то одной, то другой стороной... иногда, взбеленившись, запускал его в дальний угол. Но вот, однажды, уверенно брал этот ку-

сок, зажимал в тиски и, через определенное время, ставил на окно плод своих размышлений! Это уже законченная мысль. яркая и, как правило, единственная в своем роде, требующая только уже окончательной доводки, шлифовки! Очень жаль, что такая работа выпадала ему довольно редко, основной хлеб свой он зарабатывал на постоянном, кропотливом, изнуряющем ремонте всевозможных мерителей, которых на машиностроительном заводе всегда бесконечное множество.

- Да не переживай, золото есть обыкновенный металл, кстати, не такой уж и редкий - после полуторачасовых "смотрин" сказал Семен. - Неприятный, между прочим, металл, подхалимского свойства, податливый, тягучий... нет в нем характера, как в серебре. А вот особенность нехорошая есть: поймает твое неосторожное движение и такой заметный след на себе оставит, что исправить невозможно. Потому работать с ним приходится аккуратно, сторожко, как с предателем. Пошли, завтра с утра займемся.

До сего дня не помню, какое было утро, но помню каждое движение, потраченное на непривычную и интересную работу. Обыкновенно, буднично достал Семен из кармана, видно сделанные за ночь, кожаные чехольчики на губки маленьких тисков и уверенно зажал кольцо, прочно и без повреждений.

Затем, изготовив из гитарной струны импровизированную ножовочку, отпилит один конец разъема, вовсе не тот, о котором я думал, тоже почти всю ночь. Хитро посмотрел на меня:

- А ты, конечно, хотел отпилить всю эту мудрую механизацию? Вот тут-то и попался бы!

Половину дня смотрел я как он обманывал "презренный металл". После обеда аккуратно начал повторять то, что делал учитель. Он как-то умел остановить меня именно тогда, когда терпение уже на исходе и ошибка сама просится на изделие. Дважды прогонял "остыть":

- Ишь, перегрелся. пойдн в цех, развлелн девчонок, муторно нм у станка целнь-то.

К обеду второго дня н я закончн свою долю работы. Н все-такн пойма н "предательскн металл". Чуть всего н дрогнула рука, а вмятна у самой защелкн осталась. Маленькая такая, прогнвная, как порошина в глазу.

Иван Петровнч защел к вечеру. Вопроснтельно глянул на Семена. молча взял штангель, поданный ему вместо серег, повергел его в руках, положнл в карман пакетн с нашнм "творчеством".

- Что, издеваешься? Еще после тебя мернть? - буркнул брату, подавая инструмент.

- Да, не впрок видно "наркомовская", испорглла настроенне-то - ухмыльнулся Семен в след ушедшему начальнку.

Через день Иван Петровнч появнлся с самого утра. Подорвался, сел к окну. Природа сеяла сыростью, н от прикрьтого окна сильно тянуло лнственной прелью. Выкурнв снгарету, он молча протянул Семену знакомый пакетн н... бумажку с новьнми размерамн. Нн однн мускул не дрогнул на лнце брата. Он молча взял все н, не глядя, положнл в ящнк стола. Иван Петровнч вздохнул, как-то неловко, боком пошел к дверн.

- Я позвоню - тихо сказал Семен велел.

Мой ядовнтый длннный язык буквально не умещался во рту! О, сколько нелнтературных слов готовнлось сорваться с него! Я был взбешен! Нет, я просто нсходнл паром злости, кнпел! Вскочнв, раскрыл, было, рот, но, получнв резкнй щелчок в лоб, сел на место.

- Привыкай, младшой, любой приказ начальннка - радость для подчнненного - нзрек старннн брат н пошел поброднть по заводу, видно тоже нелегко давалась ему жнтейская мудрость.

Молча провознлись мы целую смену с кропотлнвой, но уже нннтересной работой. Я нсправнл свои грех - забонну

и серыя весело сверкала полировкой, словно только что появилась из ювелирного магазина. Темного оттаяв, заговорил раздумчиво старший брат:

- Она, как приехала, так и начала специализироваться в вольных упражнениях на нервах. Знаешь, есть такая порода, отец говорил "поперешная". Кто его знает, умные люди говорят, что это метод самоуверждения, а я вот думаю это просто наказание божье. Не может человек нормально жить, может быть, и хочет да не может, словно черт в нем сидит. И если даже вокруг него все ладно и прекрасно, он все равно найдет какую-то пакость и для людей и для себя... и... кажется мне, что не угодили мы снова с размером.

- Ну, уж дудки! Вытягивать эту штуку я не возьмусь, хоть она лопни!

- Тяжко ему с козой такой, да судьба видно...

Звонить Семен не стал. Снес сам Петровичу сережки, вместе со своей порцией "служебного".

Прошло дня три. Мы наводили порядок в лаборатории, чистились, прибирались, протирали окна...

- Много! - вдруг гаркнул Семен у окна.

- Чего много? - даже присел я у верстака от неожиданности.

- Иди сюда!

- Да что ты там узрел? - подошел я к окну.

- Смотри...

По тротуару, вдоль цеха, отвернув голову в сторону, шла жена Ивана Петровича. Вокруг левого глаза красовалась предательская черная кайма, тщательно загримированная, но четкая и ясная, как клякса в сочинении двоешника.

- Да, лишковато видно обрезали - пожалел я укороченные серыи.

ОБЫЧАИ.

Вот уже седьмой час гремела, грохотала и хохотала свадьба, самая, наверное, известная и необычная свадьба в нашем маленьком городке. Известная потому, что женился общий любимец, заядлый охотник и турист, потенциальный жених и возделенная мечта многих наших девчат - Рауф. Необычная же оттого, что женился он на русской дивчине, почти украинского происхождения, ранее нам, бродяжьюму племени, вовсе незнакомой. В процессе свадьбы, поэтому, русские и татарские обычаи переплелись самым причудливым образом. Уже позади яркие гости, всевозможные здравицы и крики "ГОРЬКО" - самая пеленая вещь по мусульманским законам. Добрый час отхохотали гости, когда жениху вручили подарок - ружье с мастерски завязанным в узел стволом. Отбушевали споры, доведшие невесту до суеверного ужаса: можно-ли по татарским обычаям иметь в одну брачную ночь две невесты? В общем, этот мелкорубленный салат из обычаев, да еще с пьяненьким прибабахом, и стал стержнем всего первого дня.

Довольный удавшимся вечером, молодой счастливыми глазами смотрел на буйствующих в пляске друзей. Еще бы, половина гостей схоженные, спаянные и, как он сам говорил, споенные друзья - туристы. Любая искра инициативы моментально раздувалась до пожара. Если запевали песню, то все разом и... обязательно кто-нибудь "засандаливал" припев на татарском языке?! Все снова хохотало, мешалось, дурачилось. Уже набили гости кучу монет в суковатую чурку - на черный день, солидно брякала копилка, изготовленная из легированной стали, толщиной в десять миллиметров и весом в пуд. Еще не знал молодой подвоха - пластинки внутри копилки, обвязывавшей собранные деньги "только пропить" ...

Далеко за полночь расходились гости, а которые не могли расходиться, уложены были в соседних домах и прочих

подобных званий (не пуцали). Глухие и умные были не нужны и котировались одинаково. Вот весь парадокс и трагизм наш и заключается как раз в том, что глухие и умные котировались и котируются по сей день одинаково. Итак, для того, чтобы что-то понять, нужно прокрутить все сначала...

Зачат я был в лихую годину сорок третьего, перед отправкой отца на фронт. Наверное, не рассчитывая вернуться, он и наказал матери дать мне его имя. Не помню ни войны, ни голода, помню, как ходили в школу в шахтовских ботах. Сейчас только шахтеры - старики помнят, что это очень короткие резиновые сапоги - спецодежда, и если я ходил в школу в новых ботах, значит мой отец, после войны, работал в старых, два срока их службы. Помню шестой класс: мать сшила мне брюки - клеш, из старого байкового одеяла. Хорошо помню седьмой класс, когда мать свалил ревматизм, (она - бывшая машинистка насоса одной из прокопьевских шахт - таким образом расплачивалась за почетные грамоты, аж девять штук, за спасение шахты от затопления). Отец - тоже шахтер, был на третьей группе инвалидности по силикозу. Наверное, я не помнил бы этот год так хорошо, но тогда нам пришлось съесть Рыжку, красивого, доброго коня работавшего на нашу семью несколько лет "без страха и упрека". Уже взрослым умом помню лето между восьмым и девятым классом. Тогда, в самом начале сенокоса, отца положили на операцию желудка (в то время пятьдесят - на - пятьдесят) и покос пришлось убирать без него. Ничего, справились, первого сентября привез последнюю волочуху сена. Пережили и эту зиму, на тех харчах, что давало домашнее хозяйство. На пенсии отца и матери было бы не пережить, дстишек - нас - четверо. Врезалась в память не та дата, когда старший брат в свои неполные восемнадцать пошел работать в шахту, а та, когда он, бледный как белая стена, валялся на отповской кровати и харкал углем. К тому времени я знал, что это он тянет всю семью, но, увы, не мог еще знать, что проживет он

всего сорок шесть лет. Уже тогда вошло в мозг, печень, куда там еще может войти, разделение общества на ОНИ и МЫ.

Мы это очередь за пятью булками "черняшки" с шести утра, это шганы из байкового одеяла, боты, навоз, а ОНИ - квартиры, белые рубашки, масло на столе, конфеты на перемене. Их не любили, это были полубоги, во всяком случае, для нас - ребятни. Нас же просто было много, нас не различали. ОНИ решали, как нам жить. ОНИ решали жить нам сытно или нет, ОНИ могли это решать. Мне так казалось тогда. Это ОНИ решали, что я - оболтус, оставшийся на второй год в девятом классе. И вот тогда через меня самого прошла эта грань - ОНИ и МЫ. Тогда же появилась мысль: а как туда попадают в эти самые ОНИ, которые не умеют косить, красиво одеты и т.д. Но мысль эта была упрятана далеко и глубоко потому, что непросты были подходы, да и сама мысль - до дикости крамольна. Путь открывался один - через ВУЗ. Это мне-то, второходнику, которому тесно в дневной школе?

ВУЗом моим скоро стала армия. Наверное, из памяти старшего поколения не изгладился тысяча девятьсот шестьдесят второй год - год на грани войны, ядерной войны. Карибским кризисом назовут это потом. А для меня, девятнадцатилетнего, это призыв в июне, а уже в сентябре - коллективный рапорт с просьбой отправить на Кубу. Тогда все делалось коллективно, и я коллективно не думал, что такое советский солдат на острове Куба. Но и в армии - ОНИ, от лейтенанта до генерала, и МЫ, от сержанта до рядового. Опять нам не нужно думать. А уже очень хотелось. Опять кто-то за нас решил, что мы добровольцы, и горе тому, кто не поставил своей подписи под коллективным рапортом (отпечатанным типографским способом).

В армии же произошло событие заставившее думать: вдруг сместили Хрущева!? Замполиты, еще вчера долбившие по солдатским мозгам "отец родной", не могли выйти из поклауна неделю, пока им не дали вводную - как быть и чего петь. Так значит ОНИ "как канарейка с голоса чужого"? Зна-

чиг, у них тоже есть ОНИ? И у тех?! Тогда молнией в мозгу: как это что, везде, как в армии? Тринадцать стадий до генерала? И везде кредо, как в армии - отличиться перед кем-то и получить повышение? И тогда уже конечная цель: "капрал командует вперед, а сам, конечно, отстает"? Так вот та притягательная сила, которая гнала нас по пути карьеры! Я не могу сказать карьеризма, это понятие других масштабов, а карьера, продвижение по службе - нормальное явление, без которого и жизнь, наверное, остановится. С этой мыслью, уже потом, довелось поработать и учителем, и водителем, и слесарем. Однако ВУЗ не давался - пропуска в ОИИ не было. И вот тогда обозначился еще один путь. Оказывается, жизнь кто-то устроил так, что даже самый талантливый инженер, руководитель, не мог подняться выше заместителя начальника цеха, не имея партбилета. Вот во всех отраслях, в любом деле, хоть семи пядей во лбу, а первым не будешь, пока беспартийный! Не то, что шагнуть - дыхнуть не дадут. А все очень просто - кадровая политика есть прерогатива партийного органа на предприятии. Вот и приехали. Пришлось встретиться на заводе с интересным фактом: талантливый инженер находился в подчинении у серой посредственности. Мало того, что тот глушил все начинания подчиненного, так еще выдавал его мысли как свои! Но!!! Стать начальником отдела человек не мог - беспартийный, а в партию его не принимали - нсмсц по национальности! Прошло время, сегодня это седой, интеллигентный человек, так и не реализовавший свой громадный потенциал...

Таким образом, открывалась дорожка в ОНИ не за счет извилин, а за счет преданности "родной Коммунистической"?! Уже потом, через много лет, понял я, что именно в этом и заключалась ахиллесова пята всего коммунистического строя: существовал путь, когда дурак мог прийти к власти. В то время к власти, даже самой маленькой, вообще нельзя было прийти без двух книжечек - синей и красной. Без синей, с одной красной, еще можно прорваться, а вот без красной -

дудки! Конечно, случались исключения, особенно когда человек талантлив неимоверно. Но даже в этих случаях все делалось "для зрителя" - "простого советского человека". И уже само это выражение определяло, что есть еще и не простой советский человек.

А в то время, имея строго дозированную информацию, я был, конечно, "Петькой-патриотом". Сколько же нас таких? Нет, мы шли в партию не только ради карьеры. Это сейчас, сильные задним умом, мы стали разбираться в событиях собственной жизни. Тогда мы действительно делали все по убеждению и страшно гордились этим. Получив партийный билет в июле шестьдесят девятого года, я положил его в тот самый карман, где простреливали их в войну. Я чувствовал себя причастным к самому сокровенному в нашей стране. Я с гордостью читал плакат на самом высоком месте завода: "Партия - ум, честь и совесть эпохи". Это я - ум и совесть! Но главное, что я стал тем самым, который отличается от простого советского. Я стал "не простым советским человеком"!!! Пусть попробует опровергнуть это кто-нибудь из двенадцати миллионов "не простых". Пусть кто-то скажет, что не испытывал этого странного чувства полета, когда делал первые шаги с парбилетом в кармане. Я думал, что готов выполнить любое задание... и выполнял! Даже сегодня горят уши от стыда, какие задания и как приходилось мне выполнять. Но, кто много жаждет - тот много платит. У меня не оставалось ничего личного, ни семьи, ни увлечений в отрыве от главного. Помню, в одном разговоре я сказал, что партия это погоны, все должно подчиняться этому, вся жизнь. Так я тогда думал и так веровал. Конечно, рвение мое не заметить просто не могли. Так я стал секретарем комитета комсомола завода. Получив организацию в двести сорок человек, я сдал ее через четыре года численностью в четыреста шестьдесят человек. Нет, обвального приема я не организовал. Уже в то время комсомол являл собою любопытнейшую организацию. Вверху все шумело и кипело, на уровне областного комитета уже

не кипело, но погромыхивало, в городе было почти тихо, а на предприятиях вяло шевелились считанные единицы. Вот образец феномена: когда ничего нет, но все знают, что есть и процветает!? Основная масса комсомольцев, приходя из армии, на учет не становилась, их называли "мертвые души". У меня из четырех соген человек работали около пятнадцати. Эти люди в силу партийного кандидатского стажа "отрабатывали поручения". Вот они. наведя жесткий порядок в учете, и увеличили организацию вдвое.

Конечно, за четыре года делали мы и интересные дела, есть, чем гордиться, даже и сегодня. Это мы выпустили бесплатно комсомольский вентилятор ВОКД-2.4 в подарок двадцать четвертому съезду КПСС. Когда этот разрисованный красавец прибыл на станцию, там срочно пришлось создавать комсомольскую бригаду, для обработки состава. И так до самого Московского метрополитена. Но интерес был только для нас - организаторов. остальным все было "до лампочки".

Здесь, в комсомоле, происходила начальная стадия полировки усредненной индивидуальности. Наставление "на путь истинный" велось на нескольких принципах. Например: тебе можно то, чего нельзя остальным и так будет всегда, пока ты чувствуешь меру, твой край. Выпить в рабочее время - пожалуйста! Но, потеряешь контроль, попадешься - все, конец. В магазин с черного входа? Пожалуйста! Начнешь жадничать - все, конец. И так во всем. Ты получал свое место в каком-то незримом обществе. Тебя приучали жить двойной жизнью. Одна жизнь для всех, чтобы все видели, другая - для избранных (господи, кем избранных?). Особый смысл этой двойной бухгалтерии заключался в том, чтобы о тебе говорили простые советские люди, говорили для того, чтобы тебя смогли оценить те самые "не простые советские люди".

Порой чувствовал себя мальчиком на побегушках, порой приходилось готовить и делать серьезные дела. Не многие выдерживали это горнило. Нужно обладать неиссякаемой

верой в собственную правоту, в свое дело и в высокое предназначение члена партии, чтобы пройти сквозь все это.

Однажды, главным идеологом района, то бишь третьим секретарем горкома КПСС, была поставлена задача: провести комсомольские собрания по деятельности антисоветчиков Солженицына и Сахарова, предать их анафеме (обоих махом) и в конце недели отчитаться протоколами. Надо сказать, что некоторые моменты полировки давались мне трудно, из-за большого рвения. Наверное, потому я и спросил, один из всего комсомольского актива:

- А что, собственно, они сотворили такого?

Для меня отдельно было повторено задание и сказано, что эти отщепенцы написали книги, которых бы не следовало писать.

- Мне придется выступать на четырнадцати комсомольских собраниях с критикой этих книг, поэтому, хотелось бы ознакомиться с их содержанием - спросил я снова.

- Зайди ко мне сейчас. Все свободны - закончил совещание главный идеолог.

Когда я зашел к нему в кабинет, то получил такую выволочку, какой больше не получал ни разу. В конце своего внушения он обозвал меня непереводаемым с русского матерного словом и предупредил, что если я считаю себя выше комсомольского секретаря, то он подумает, где мне работать дальше. Конечно, я провел свои четырнадцать собраний. Работал в две смены, мастера и начальники цехов стояли у дверей и окон, обеспечивая явку на эти собрания. Господи! Как же я "парфунил" и Солженицына и Сахарова, не разбирая, кто из них и за что попал в немилость. Характерно, что на собраниях еще и выступающие нашлись...

Только в сорок восемь лет от роду довелось мне прочитать "Архипелаг ГУЛАГ". Читал я его ночами, чтобы ни кто не мешал. Потом до утра не мог заснуть от дикой информации и жгучего стыда за те четырнадцать собраний.

Сегодня я поражаюсь грандиозности содеянного. Сколько же миллионов, таких как я, бездумных исполнителей, нужно воспитать, чтобы удерживать в глубокой тьме целый народ самого большого в мире государства. Почему он, этот народ, в большинстве своем верил таким как я?

Но жизнь продолжалась, продолжалась и полировка. Обкатав меня на должности мастера, ОНИ решили, что пора доверить и должность секретаря партбюро завода. Вот так я стал для "простых советских людей" одним из НИХ. Конечно, было к тому времени за плечами десять лет работы на заводе, вдвое крупней предложенного, и среднетехническое образование и еще многое. Но одного момента из всей полировальной науки я никак не мог усвоить. Не давался мне тот внешний лоск всех партийных работников, который отличает их в любом обществе. Это какое-то неуловимое сочетание одежды, умения ее носить и внешнего вида, придающего значимость. Вот эта внешняя значимость и выделяет их всех, где бы они ни находились. Но, наверное, человек, который хоть раз надевал "на выход" клеши из старого байкового одеяла, никогда не освоит этого пресловутого лоска. Не дано и все тут!

Мое секретарство продолжалось два года. Сегодня я думаю, что рано мне доверили это, в общем-то, грязное дело. К тому времени партийную работу из политически - образовательной сделали какой-то непонятной. Наверное, потому, что на nive просвещения орден заработать сложнее, партийные руководители интенсивно стали заниматься народным хозяйством. Оказывается это же значительно безопасней. Командовали и работали другие, секретарь только "направлял", согласно конституции. Но ежели директор вел дело умело, то оба были в чести. Однако высшие партийные инстанции контактировали с руководителем напрямую, а все жалобы, кляузы и прочая грязь, ведрами и на разлив поступала в партбюро. Это потом, когда сам стал директором, я понял, что так создавались условия для работы руководителя.

Дело я вел круто, резко, на свой манер. Старался быть до предела справедливым. Тогда мне еще не приходилось оказываться по другую сторону баррикады, вступить в конфликт с партийной машиной, видеть себя со стороны. Но тем и хорош «дорогой товарищ Леонид Ильич», что сам брал и другим давал, у меня же на это не хватило ни ума, ни совести. Поэтому уже через год я почувствовал, что не прикипел ни к "простым" ни к "не простым". А затем и случай подвел меня к рубежу - выбору.

В семидесятые годы приписки в народном хозяйстве стали явлением весьма обычным. Дело ставилось так, будто кто-то специально разваливал всю страну. Постоянное увеличение норм выработки свело в могилу и без того худосочные качество и технологию. Оплата труда организовывалась так, чтобы отбить желание хорошо и качественно трудиться. Основа основ - мастера и начальники цехов, почти все ИТР, посажены на такую зарплату, что лучшие, а за ними и средние, побежали в рабочие, резко упал их авторитет. Производство практически "волокли" первые руководители. Их не трогали в то время, пока. У них были определенные льготы, да и зарплата позволяла прокормить семью. Директор, с которым мне довелось работать, не был исключением. Когда приписки достигли месячного плана, у нас состоялся разговор. Очень неприятный разговор. Я тогда не знал того, что знал он: приписки делались с ведома и даже, порой, под нажимом первого секретаря ГК КПСС. Поэтому мой разговор с партийным лидером не дал ничего. Но, когда директора снимали с работы, то линчевали и секретаря партбюро, таковы порядки. Имея к тому времени немалый опыт в кадровой науке, и соответственно друзей, я оказался избранным в председатели исполкома поселкового Совета.

ОНИ поняли, что воспитание мое закончено, так просто меня не ударить: я - свой. Но для НИХ я оставался всегда "щершавым своим", наверное, оттого, что был своим с теми, простыми, которых много, которые и породили меня.

Председатель исполкома Совета, это самая нужная в то время для людей работа. Я считаю, что на этой работе выплеснул людям все, что имел и умел. Упрекнуть себя не могу ни в чем. Однако большие ОНИ и здесь всегда держали над головой подвешенную кувалду. Только стоило тебе показать характер - вот они и перевыборы. Забавно было наблюдать, как грызлись Советы и партия, но доминировала всегда партия. Через четыре с половиной года угроза перевыборов стала невыносима. Нет, не тех перевыборов, когда избиратели, а тех когда ОНИ. И опять же случай, который появится всегда, если его правильно и долго ждать.

И вот я - директор предприятия. Перевернем несколько страниц обратно и прочитаем:

- ОНИ - это квартиры, белые рубашки...

- ОНИ - полубоги...

- Да и сама мысль была до дикости крамольна...

Ну, вот и все!?! Рубеж достигнут к сорока годам, но достигнут вторым путем. Чего стоило мне это, знает один бог, да мы с женой. Забегая вперед, скажу, что мой уход с директорства больше всех обрадовал тринадцатилетнего сынишку:

- Боком мне, папочка, обошлось твое директорство - я как проклятый в классе! - выговорил он мне сразу же, как только узнал.

Вот оно, мое бывшее ОНИ и МЫ. Сколько тогда непонятной злости и ненависти kloкотало во мне на этих самых, которые на переменах ели конфетки! И ровно столько же я ее сейчас ощущаю на себе. Почему? Много же лет понадобилось, чтобы разобраться. Оказывается все очень просто. Там, в Москве, большие ОНИ специально создали такой класс, маленьких подобий себе, то есть нас, директоров и наших ближайших помощников. Предоставив нам немного больше прав и привилегий, ОНИ замкнули на нас всю народную злость. Мы никогда не будем своими в народе потому, что для нас создан искусственный уровень жизни. Мы для своего

народа - самый ближний враг. Мы же вот они, рядом как муха на стекле. Страна не способна создать всем такие условия, какие создаст для меня. ОНИ вынуждены это делать для меня, иначе я не буду работать сутками, не стану терпеть эту грязь, которую льет на меня и, более того, на мою семью, обозленный народ. Не стану заставлять этих людей за гроши продавать свой труд неизвестно кому. Но пока я все это делаю, я являюсь тем куском между молотом и наковальней, той прокладкой между ИМИ и народом, который и обеспечивает существование и сосуществование и тем и другим. Только нужно отметить, что существование у НИХ существенно отличается от существования народа и от моего, впрочем, тоже. Тогда, что же держит меня на этом месте? Слава, возможности, партийная дисциплина? Нет. Наверное, это чувство лидера, ощущение, что я что-то могу сделать для людей, и ежели я этого не сделаю, то уже не сделает ни кто.

И вот когда я попал в то, что в детстве называл ОНИ, я начал разбираться - кто есть кто. Первая проблема: почему, чем больше я делаю для этих пятисот человек, мне подчиненных, тем больше у них злости на меня? А истина проста! Неважно, что я сделал для людей, я просто не могу сделать для них все. Все у них отняли ОНИ, а я могу сделать только маленькую часть и, на фоне общего грабежа, моя эта часть всегда будет выглядеть подачкой. Не тот калибр - я могу только подачку!?! Мне большего не дано! И люди всегда в обиде на меня, они, люди, не примут подачку не оскорбившись. И каждое мое доброе дело из блага превращается во вред. Но нельзя же обижаться на НИХ, я обязан глотать эту обиду, это зло, ОНИ так запланировали и сделали.

Какой-то порядок, здравый смысл, и главное идея, еще объединяли нас до этого великого разорода. Но вот там, у НИХ, появился тот, кто меня здесь несколько лет полировал, по крайней мере, руководил полировкой, и ОНИ перестрызлись! Больше уже невозможно стало скрывать, что страна в тупике. Один из НИХ, тогда главный, «указал», что виноваты

мы, маленькие ОНИ. и нужно нас просто переизбрать, выбрать хороших и все будет отлично!?

Господи, прости им, ибо не ведают, что творят! Я, двадцать два года прослуживший в КПСС, не имеющий шанса предстать пред очи твои, обращаюсь к тебе, потому, что не могу ни умом, ни сердцем понять, каким же шизофреником нужно быть, как надо не любить свой народ и не знать его, как нужно ненавидеть свою страну, чтобы сказать и сделать такое?

Оригинальность коммунистической партии состоит в том, что среди НИХ нет, и никогда не может быть виноватых. Вот и Горбачев, и Ельцин - не виноваты. То, что они сотворили - судить страшно. Но народ же судит! Судит нас!! Это я сегодня для народа - ОНИ. Я оказался крайним во всех завихрениях дураков пришедших к власти вторым путем. Но и сам таков! Это меня сегодня нужно уничтожать как класс, мы этого еще не забыли. А вот здесь ОНИ не дураки, ОНИ же знают, что я буду защищаться и поэтому повернули дело так, чтобы я сам ушел, с позором! Да, именно с позором и не смог уже никогда стать лидером в народе, чтобы народ отверг меня. Иезуитский подход, не правда ли?

Ну, и, как всегда, на мутной волне недовольства народа всплыло много хлама. Ранее ОНИ нам поручали уничтожать этот хлам, сдерживать его и наводить порядок. Нам же приказывали ОНИ зажимать и успокаивать народ. Нас же отдали ОНИ на съедение этому хламу и науськали народ... чего же хотят ОНИ в конце концов? Можно воевать с Гитлером, с Наполеоном, но как воевать с собственным правительством? Как же это так, пятьсот человек работают ежедневно и работают хорошо, но не могут прокормить себя? Семьдесят четыре процента произведенного товара забирает государство у трудящегося, искусственно зогоняется предприятие в положение банкротства. Намеренно и запланировано задерживаются платежи, по три месяца и более задерживается зарплата. А конкретно для этих пятисот человек я есть ОНИ! ОНИ, кото-

ние не платят, не умеют и так далее. Все сконцентрировалось на первом руководителе... и вот появляется тот хлам, который исплыл. Задурить голову нашему мужику не трудно. Но повернуть дело и создать что-то новое он, этот хлам, не в состоянии. Не понимая убогости своей, обречен он на крах. Но неподсуден даже народу, ибо народ и поставил его над собой, не ведая истины. Однако все это не суть - ширма. Суть в том, что на мутной волне идет сумасшедшее обогащение немногочисленной шайки, прибирающей к рукам такие средства, о которых мы, вместе с одураченным народом, узнаем только лет через пятнадцать - двадцать. Идет становление первичного капитала. Законодательство разрешает сегодня почти все!? Народ же обогатиться не способен, он так воспитан, а вот нас, полированных, не способных хватать, но понимающих положение вещей, нужно убрать, растоптать, заменить теми, кто способен, чтобы, спрятавшись за их спинами и отдав им малую толику, довести дело свое до конца. Хорошо продуманное и спланированное дело.

ОНИ и так имели все, всю страну, но каждого из НИХ могли просто убрать и... становиться советскими пенсионерами ИМ не хотелось, а примеры – вот они. Сегодня, разорвав на части и присвоив все, что считалось народным хозяйством, ОНИ уничтожили свой последний страх, последнюю зависимость.

Однако "все тайное становится явным". Спросится ли? Кем спросится и с кого? Страшно, но Россия больших дел без большой крови еще никогда не решала..

Вот и прожита лучшая половина жизни. Достигнута цель. Высокою ценою, но достигнута. Я есть ОНИ... но кто скажет мне, кто и что я сегодня? Измельчала ли цель в процессе достижения ее, измельчала ли душа моя в этом процессе. ту ли цель поставил я себе? И сколько нас таких полированных, одураченных и вышвырнутых за ненадобностью?

ОТКРЫТИЕ.

Мягкие и теплые новогодние снежинки опускались, словно маленькие парашютики, на отливавшую серебром редких фонарей дорогу, кружились где-то высоко над головами, появлялись из этой загадочной выси и, казалось, несли в себе очарование и колдовство нового года. Почему-то почти всегда тепла и тиха новогодняя ночь. Уходят куда-то злые декабрьские морозы, укрывают мягкие снежинки скрипучий и колючий лежалый снег, словно неизведанное и доброе приходит извне, из дали космоса на нашу маленькую голубую планету. Оттого и люди в новогоднюю ночь становятся особенными. Шальная удаля и раскрытая душа, ощущение добра и близкой любви, ласковых рук и зовущих губ. А особенно когда тебе семнадцать.

Славке было семнадцать. Закончился школьный новогодний вечер, впереди вся дивная колдовская ночь. До клуба, в который и направлялась вся компания, еще три километра. Ребята, разбившись на пары "по интересам", медленно шагали по ночной дороге. О чем-то шептались, хихикали сзади две Машки... ох уж эти Машки. Славка давно заглядывался на одну из них, но вот вторая! Вторая "Машка-замарашка", как он ее окрестил, не давала первой и шагу ступить без своего контроля. Куда бы ни пришла первая, тут же откуда-то выныривала и вторая! Ну, никак не мог Славка остаться наедине с первой и на сегодня единственной. Вот и сейчас, все ребята как ребята, идут себе в обнимочку, мурлычат о чем-то своим "крохотулям", а "Машка-замарашка" прилипла к его "Марье-царевне", словно резинка жевательная к стенке. Ну, какого лешего им там обсуждать приспичило, такая ночь, сегодня просто необходимо с "Марьей-царевной" поговорить, она и сама уже смотрит на Славку такими глазами! Да в них же все написано, в глазищах этих, большущими буквами написано!

А эта коза топконогая, с вихрами вместо прически, всего только и позволила им вместе побывать два танца за весь вечер, и то, наверное, в туалет ей приторело, иначе бы вообще вечер впустую. Вот ведь напасть!

- Почитай, Славик? - попросила Татьяна.

Она всегда находила момент полюбоваться Славкой, и он это видел. Но, как говорят, проклятый треугольник! Славка был к Татьянке равнодушен, а вот Юрка облашил ее как свою единственную мечту и надежду. Славку забавляло, как Татьяна из-под ревнивой Юркиной руки умудрялась на него, Славку, все-таки поглядывать. Интересно, Юрка к ней, а она к Славке, Славка к "Марье-царевне", а "Машка-замарашка"... тьфу ты, пропасть, привязалась! Хоть бы ее кто-нибудь облапил, да так, чтобы месяц проболела!

- Ну, почитай, Славик?

- Хорош, ломаться, тебя же мисс просит - подал голос Юрка.

Славка любил читать стихи и знал их много. Копьем его, конечно, был Есенин. Читать он умел и выбирал всегда такой момент, что стихи вписывались в компанию, обстановку, в самую душу слушателей. Никто и пикнуть не мог, когда Славка читал Есенина. Сейчас момент такой как раз настал. Славка чувствовал это всем своим существом, объяснить бы он не смог, но чувствовал наверняка!

Село, значит, наше - Радюво
Дворов почитай два ста.
Тому, кто его оглядывал
Приятственны наши места...

Начал медленно, как бы размышляя, Славка. Он знает, что "Марья-царевна" просто бабдеет от Анны Сисинной, а сегодня хотелось побольше сделать ей приятного, назло этой козе! Мягкий, пушистый снег создал неповторимо романтическую новогоднюю ночь и грустные слова заубежденного новоселы

- поэта, казалось, ложились в самую душу каждого семнадцатилетнего человека. Голос Славки звучал негромко, доверительно, словно открывая каждому его собственную тайну.

- Я Снегиным так и бряк
Присхал ко мне, мол, веселый
Один молодой чудак..
(они ко мне очень желанны,
Я знаю их десять лет)
А дочь их замужняя Анна
Спросила:
- Не тот - ли поэт?...

Упивался Славка собственным талантом. Казалось ему, что это он приехал к мельнику стрелять дупелей, это он, знаменитый и скандальный стихотворец, это он из Питера, в лайковых перчатках... и до того залюбовался собою, что вдруг запнулся...

Теперь стал спокой в народе
И буря пришла в угомон,
Узнай, что в двадцатом годе
Расстрелян Оглоблин Прон...Прон...Прон...

Потерялась нить! Ушла мысль чуть в сторону и потерялась... потерялась!.. Славка ошалел! Так оконфузиться, осталось-то всего полторы страницы! Он даже видел их, эти полторы страницы, вот они! Все буквы на местах, но что же там дальше-го!? Прон... Прон... срам-то, какой! Молчали ребята, тактично ждали... ну, давай. Славик, давай же! Ну! Вспоминай! Нет! Славка чувствовал, как уходит дозволенный отрезок времени. Все! Крик!!!

Рассея! Дуровая Зыкь она,
Хошь верь, хошь не верь ушам -

Однажды отряд Деникина
Нагрязнул на криушан.

Вдруг послышалось сзади!? Тоненький такой, взволнованный голосок!

Чей же он? Да кто же это? Магь честная!

Вот тут и пошла потеха,
С потехи такой - околеть.
Со скрежетом и со смехом
Гульнула казацкая плеть...

Это была другая манера чтения! Голос звенел, дрожал, как будто это по ее "Машки-замарашки" спине гульнула пьяная казацкая плеть... это ее предал Лабузя...

И вот я опять в дороге
Ночная, июньская хмарь,
Бегут говорливые дроги
Ни шагко ни валко, как встарь...

Продолжала новая исполнительница уже другим голосом. Но Славка чувствовал, что она глубже его понимает есенинские колодцы и песни, а когда зазвучало письмо из Лондона, Славке стало ясно, что он никогда не читал Есенина как следует...

Мы все в эти годы любили
Но, значит, любить и нас.

Дружные хлопки теплых ребячьих рук возвестили рождение нового таланта в их компании и прочно поставили Славку на "почетное" второе место. Все перемещалось в его голову. Где-то рядом, так некстати, глупо взвизгивала "Марья-царевна" ...

- Ну, как, Славик? - спросила Татьяна.

- Волшебная почь открытий... - обескураженно про-
бормотал Славка, думая о чем-то своем.

ПЕРЕСТРОЙКА.

В залитом солнцем кабинете светло, празднично, но неуютно. Вроде бы такая же мебель, книги, чайный набор... но уюта здесь не было никогда, все последние двенадцать лет. Эти длинные, проклятые двенадцать лет унижения в должности главного инженера, в подчинении выскочки из Совета! А сегодня все! Кончен бал! Выскочка изгнан с предприятия, правда, не совсем так, как хотелось бы, не уничтожен, но изгнан! Сегодня ЕГО время, сегодня ОН снова хозяин здесь, на территории и в поселке, прилегающем к ЕГО фирме, заметно похорошевшем, расстроившимся добротными коттеджами за эти годы, уже ЕГО поселке! Долго ждал ОН этого дня. Поначалу, даже и мечтать не мог, но потом... нет, в душе ОН всегда надеялся, но жизнь не оставляла шансов. Кто же знал, что придет это время, время великой суматохи, время когда рухнут все ценности и исчезнут ценители, время когда каждый станет сам себе судьей, когда никакой горком не подведет жирную черту под твою фамилию. Когда недовольному или другому придурку и пожаловаться-то будет некуда. Кто же знал! А тогда, двенадцать лет назад...

Приказом по объединению ОН был снят с должности директора завода с формулировкой: "...за систематическое пьянство и самоустранение от руководства предприятием..." Но областное начальство не желало марасть руки публично, и ЕГО судьба была отдана этому выскочке. Восемь месяцев ни кто не хотел занять ЕГО должность. Приехавший из объединения ВРИО пил вместе с НИМ, все на те же шиши за кото-

рые и сел (не он первый). А ОН не сел, как и в прошлый раз. И тот, бывший директор, умница, тоже любил выпить и на те же самые шиши, и вместе с ним, потому, что одному директору, без главного инженера шиши не сделать. Но тот в основном копил, а ОН не копил. ОН пил. Умница сел, а ОН остался цел! Тогда копить время еще не пришло, не го, что сейчас...

А потом уговорили-таки в Совете выскочку, согласился, пришел. Другой бы, конечно, избавился от бывшего сразу, а этот - нет, идейный, людей видите ли любил. Оставил ЕГО на предприятии, да еще в должности главного инженера!? Прямо и сказал, что пока не может без НЕГО - пьяницы обойтись, что пить ОН все равно бросит, и работать им вместе долго-долго. На удивление так же поступил с начальником производства.

Схлынуло напряжение. Самое страшное остаться не у дел, а для НЕГО главное - власть над людьми, эта приятная возможность распоряжаться, наказывать, миловать, разрешать. Еще работая в снабжении, понял ОН силу пресловутой СИСТЕМЫ: хочу - дам, а хочу - не дам! Я даю, другого нету! А здесь в подчинении полтысячи народу. На ключевых позициях свои, проверенные и обязанные ЕМУ люди. Кадры ОН подбирал старым, как мир, проверенным способом - через постель. Правда постелью зачастую служил пыльный ларь в кладовке или заднее сидение служебного автомобиля, но поскольку все это делалось по пьянке, совесть особо не мучила, а человек, получивший должность таким образом, отлично понимал, что может ее так же и потерять. Несколько раз случались тучи, но преданные люди всегда выгаскивали ЕГО, замаливали грехи в горьком и в объединении. Порой приходилось и подставлять кого-нибудь вместо себя. Однажды, после недельного загула, чтобы отвести удар от себя, ОН сдал начальника производства... люто же тот ненавидит ЕГО, и по сей день!

А выскочка после каждой пьянки устраивал скрупулезные разборки, нет, не разносы, а разборки - как и почему напился главный инженер. Выскочку долбило областное начальство за пьяницу инженера, долбила и ЕГО жена, за пьяницу мужа, истерично кричавшая в телефонную трубку:

- Как мне теперь себя вести! Ведь ОН опять напился!?

- как будто все прежние десять лет ОН ни разу не напивался.

Все последствия ЕГО грехов сыпались на голову выскочки, тот терпел и методично искал болевую точку. Однажды даже участковый с доктором пришли. Наручники достали и справку написали, что ОН на почве пьянки чокнулся. Ох, и натерпелся же страху! Тогда изредка практиковалось такое - в "дурдом" прятать, поди-ка гам, в палате, доказывай. Но и это ЕГО не достало. А выскочка искал. Два года искал и нашел-таки!!! Понял каким-то образом, что ОН боится потерять больше всего на свете, и рубанул: или-или! Однако спасли прежние кадры и в этот раз. В одну ночь устроили на лечение и приказ в объединении задержали. Ну а когда пить перестал, сам себе удивлялся. Неожиданно увидел и безвременно постаревшую "от красивой жизни" жену, и детей, когда-то выросших, и место свое в обществе ощутил с болью и стыдом. Понял, что давно уже без НЕЕ О все решается и строится, что выскочка уже третий год успешно ведет дела предприятия, строит новую улицу, цеха... а ОН просто при сем спьяну присутствует, как волдырь, как паразит! Ох, и зло взяло за душу! И главное, что никто его не гонит, никто ЕГО не боится. Начальники цехов, мастера, всегда боялись (ну, может которые просто связываться не хотели) но ОН всегда своего добивался обычными приемами - криком, матом, похабщиной. А выскочка вдолбил им всем, что это они план тянут, что это они - главное звено в фирме, что никогда не должен вмешиваться директор в дела начальника цеха без его ведома. С удивлением увидел, будто другое предприятие. А выскочка старался всю, день работает, а вечером с обходом по цехам. Пьяниц всех перешерстил, половину перелечил. Праздники закатыва-

ет, люди улыбаться стали. Но отметил ОН и недовольных. Уже не правили бал те, ИМ поставленные люди, и чем больше они теряли, тем злей становились. Видел и как они пакость выскочке готовили. Все видел, кто анонимку писал, кто и горком возил, видел, но не остановил. Трезвым умом понимал, что надо остановить, по...

И начались у выскочки неприятности. Как взялись партийные его колошимать. Ему бы, дураку, за старания его, за бескорыстие, наоборот воздать, а они - на всю катушку! Досталось мужику, надломилось что-то в нем тогда, но устоял. И увидел ОН тогда, насколько беззащитен ЕГО начальник и как не умеют, или не хотят помочь ему, казалось бы, самые близкие люди, как не умеют или не хотят оценить все сделанное для них. Но уж такой инстинкт видно, как в стае - увидев слабость вожака - невозможно ее забыть. Не мог забыть и ОН. Вот если бы ОН воспитал этих людей и сделал для них столько, ОН-го бы заставил себя уважать, да впрочем, сейчас уж заставит! Тогда, конечно, не было еще решения, но в мозгу засело, навсегда засело! Конечно, жизнь прошла в пьяном угаре, скандалы да опохмелки, Сейчас только и увидел многое... и дочкины ласки, и жены нежность, неизвестную ранее. Но никогда, никакой алкоголик не простит человека вылечившего его! Это все хорошо, что он додал, вылечил, глаза открыл, но он в первую очередь УНИЗИЛ! Подчинил волю, заставил, да именно заставил, сменить образ жизни, привычки, друзей... посмел заставить, посмел решить за НЕГО! Посмел УНИЗИТЬ!

И ОН как-то незаметно, исподволь, начал формировать свое общество, своих людей. Да и прятаться-то особо не приходилось, выскочка же всегда как на ладони, с честностью своей, справедливостью дурацкой. ОН спасал от выскочки пьяниц, а потом подчинял их себе. Пьяница же для таких дел самый удобный человек. Поймал его и не наказал, так он это никогда не забудет, а если еще раз, так из него и веревки жей. Если и на аварию когда послать, валюта одна - водка. Его

никогда не интересовало, как там, в семье у того слесаря, этим занимался выскочка, и был для всех плохим, а ОН спаивал, но был своим в доску! Иногда вдруг злость накатывала волною. С утра устраивал всем такой разгон... а после улыбочку напяливал и шел извиняться. Народ ведь как собака, ударил - погладил. Это ОН тоже знал давно. И если выскочка куда-то своего, идейного назначал. ОН рядом пару алкоголиков пристраивал. для равновесия. Ну а когда эта великая суматоха началась, когда оттуда, сверху, науськали народ на директоров, состоялась генеральная репетиция. Трудно понять, почему правительство решило уничтожить директорский корпус, да ОН и не старался.

И пошла мутная волна демократии по-русски. Вырубали, как правило, лучших. Как лозу рубали! Руки в гору и - нет руководителя. Дал свободу своим алкоголикам, да и сам перепугался. Насилу удержал потом... еще не время. мутно, но непонятно. А вот сейчас... сейчас другое дело. Сейчас выскочка стал мешать. Есть еще этот тип людей, сохранился кое-где, сами не крадут и другим не дают! Ведь по учебнику же все, становление капитала, кто урвал сегодня - богат завтра. Какая к черту совесть, ОН ее давно уже выбросил, вместе со страхом и партбилетом. Да если цены за месяц втрое растут, как не воспользоваться-то? Дураком же нужно быть! Вот на виду у всех провернул аферу с лесом, все в пределах закона, нарушений никаких нет, а новый "жигуленок" в гараже есть! Это же те самые шиши, за когорые два директора отсидели по десять лет, прикрыв ЕГО собою, но закон-то другой сегодня! Беззубый закон-то.

И тут ОН не выдержал.

Удар был подготовлен отлично и нанесен точно. А толпа же она никогда ни черта не понимала. Главное искусство в умении отвлечь внимание от себя и направить его в нужную сторону. Порой один полупьяный бузотер может так "организовать" целый коллектив. что результат будет удивителен.

Приватизация идет тяжело, выскочка виноват! Специально все, сознательно! Никто же не думает, что законодатель по три раза правила меняет.

Фирма без денег, как и все предприятия? - опять тот же виновник!

Филиал банка на территории открыли, рабочим стабильней зарплату выдают? - все равно плохо, проценты больше платит! Кто же из этих горлопанов станет разбираться, что больше-то всего на две сотых, главное все поймут, что больше! И, главное, он, выскочка, специально фирму к банкротству ведет, кушнуть по дешевке хочет! Ох, как работало!!! Никому и в голову не пришло подумать, а на какие такие миллионы он будет все это покупать? Да и кому это нужно! У каждого своего горя по горло и нег разницы на ком сорвать зло. Ведь убил же наш народ под горячую руку Семенова - Тянь-Шаньского, колом убили, как собаку...

Ох, как все прошло! Свои люди сразу поняли, к ним власть идет, обратно! Секретарша, которую выскочка человеком сделал, все ей дал, слезами обливалась, а бюллетени для его свержения печатала... а он - дурак, собрал совещание и... запретил всем ИГР вмешиваться. Даже сопротивляться не стал. Заявление написал и уволился, гордый видите ли! Жаль, не получилось собрания, как хотелось. Правда, выданная внеочередная полупремия - полужарилка а сработала, пьяного ору было достаточно, а под конец выскочку просто... послали! Публично послал один пьяный. И вот тут даже ОН удивился, хоть бы один, ну хоть бы кто-нибудь заступился!!! Ну почему так? Ну, хоть кто-нибудь!

А сейчас все! ОН спаситель отечества! Руки развязаны, ограничители сняты. Правительство дает свободу нарождающемуся классу самых умных и оборотистых. В скором будущем деньги официально будут решать все, и нужно вести дела так, чтобы к этому времени у ПЕО и ЕО детей их было достаточно! На всю эту толпу все равно не хватит, кто-то должен остаться бездом. Кто-то должен вкалывать, кто-то

должен и управлять. А уж ОН-то знает, как управлять этим сбродом. Будет вам и белка, будет и демократия, мать вашу...!

ПЕРСОНАЛЬНОЕ.

Дождавшись, наконец-то, своей очереди, Иван зашел в кабинет первого секретаря горкома ВЛКСМ. На заседании бюро горкома в роли виновного он за свои три года работы в должности секретаря комитета комсомола завода впервые. Но, поскольку, не однажды приходилось присутствовать на подобных "экзаменах" в роли судьи и даже обвинителя, место виноватого, стул в конце стола, знал и занял без предупреждения.

- Значит так, товарищи, прервемся или же рассмотрим персональное дело секретаря комитета ВЛКСМ завода, поскольку оно последнее? - спросил членов бюро первый секретарь.

- Давайте работать – устало замученным голосом произнес кто-то с другого конца стола - время же сколько уже...

- Хорошо, орготдел, доложите суть дела.

- Товарищи члены бюро, к нам поступил сигнал, что секретарь комитета комсомола завода в практике проведения политзанятий с комсомольским активом применяет выдержки из церковной литературы и более того, проводит параллель между моральным кодексом строителя коммунизма и какими-то там заповедями. Уверяет комсомольский актив, что это одно и то же. Наверху это получило очень отрицательную оценку. Нам предложено рассмотреть персональное дело, и дать этому вопиющему случаю достойный отпор. Вплоть до оргвыводов.

Иван знал, что кто-то из его актива "кашул" в горком партии об этом инциденте, ждал, конечно, и разбирательства,

но чтобы вот так, вплоть до оргвыводов, это уж слишком. Да и дело-то было пустяковое. Просто в процессе подготовки к занятиям с комсомольским активом, он вдруг обратил внимание, что заповеди Христовы, а точнее Иван был очень грамотным, не что иное, как моральный кодекс, который и нужно было довести до ребят как необходимость, рожденную человечеством. Мысль настолько понравилась, настолько прозвучала оригинально и в новом свете, что он решил употребить ее на занятиях. Вот и употребил!

Члены бюро, все хорошие друзья Ивана, деликатно решили его не заслушивать. Разбор превратился в обмен мнениями, да и то только из-за того, что кто-нибудь мог снова "капнуть". Карьеристов же всегда хватало, а шутуны в России завелись еще до того, как они вообще понадобились. Каждый посчитал долгом встать и заявить о своем мнении публично.

-... Поэтому я и говорю, что ему всегда, видите ли, мало советской литературы, мало газетного материала, лезет черт его знает куда, туда, куда вовсе и не нужно! Как же это мог секретарь комитета заявить своему активу, что наш кодекс похож на какие-то заповеди..

Иван дернулся спросить эту болтушку, читала ли она хоть одну заповедь, представляет ли вообще, что это такое и чем, например, отличаются слова "человек человеку друг товарищ и брат" от "возлюби ближнего своего как самого себя", но первый секретарь показал ему кулак и он усложился. Ну, нельзя же было не "осудить". Ну, ждали же "наверху", как проявят себя члены бюро...

- Да, товарищи, мало еще мы работаем с секретарями и комитетами, очень мало, вот они и плетут неизвестно что. Варятся люди в собственном соку, не даем мы им необходимой информации, заставляем пользоваться сомнительной литературой...

Вот оказывается как все просто, не обеспечили, видите ли, с интересом слушал Иван. Вот она сейчас сказала, что

черт его понес не гуда, а вот сказала бы, что бог знает, как он до такого додумался, и сама бы села на этот стул... ему, как впрочем, и многим его товарищам, осточертела эта двойная жизнь. В голове одно, а на языке другое. И каждое слово должно "прозвучать" там, "навсрху" должным образом. Ну, кто же все всегда делает правильно? Он думал о своем, вполуха слушая выступающих. Думал о том, что очень интересная у него работа. но вот то "низзя", это "низзя", и очень тоскливо бегать последнее время в этих рамках. Думал о предстоящих соревнованиях, о том, что нужно вот сейчас, отсюда, прямо идти в общежитие. Вдруг вспомнил, как они с отцом ехали с покоса. Переезжая ложок, поленились слезть с воза, а отец вдруг вытянул вдоль спины кобылу ивовым прутом, и она махом перескочила ложок вместе с возом. Потом, когда выехали на поляну, отец вдруг показал Ивану прутом на па-сущуюся лошадь:

- Вот видишь, она ничего не возет, ей и не пошало. Быют, сынок, только тех, кто трудится...

И как-то вдруг легче ему стало от этого воспоминания. Терпеливо дослушал до конца все выверты в свою сторону и, удовлетворенно хмыкнув, отправился по своим неотложным комсомольским делам.

ПЛАША.

Конец рабочего дня руководителя смещен где-то часам к восьми вечера. Выплеснув очередной заряд энергии в этот двенадцати часовой отрезок времени, Николай Петрович ощущал порой в душе ужасающую пустоту. Не хотелось идти домой, не хотелось есть и пить, не хотелось ничего и ни кого. Но с некоторых пор появился на предприятии этакий разрядник - наполнитель.

Дело в том, что под прессом партийного руководства приходилось создавать подсобные хозяйства. Наверное, в городе они и пужны, но в рабочем поселке "деревенского типа", с подавляющим большинством частного жилья, это попахивало очередным завихрением. Но спрос учинялся крутой и здравый смысл, как всегда, загонялся в самый дальний угол. Пришлось-таки Николаю Петровичу строить коровник, закупать нетелей... в общем, шаг за шагом проходить все муки очередной дури, спущенной сверху. Не враз решился он на такое. Выступил на бюро I К КПСС с расчетами, привел цифры, рассказал об опыте помощи частнику поголовьем и кормами, выдал полный анализ экономической целесообразности создания условий хозяину, но... был нещадно бит и поставлен под особый контроль. Однако, закупив вместе с нетелями несколько лошадей, получил через год и телят и жеребят. А через два-три года, в следствии экономической выгоды, потихоньку коровник перерос в конный двор.

Как всегда к лошадям потянулись и пацаны. Однажды вечером застал он на конном дворе такую ватагу ребятишек, что наследующей неделе представитель предприятия закупал в Новосибирске седла, уздечки и прочую амуницию. Вот таким образом, из отборнейшего поселковского хулиганья - грозы огородов и производственных помещений, и бывшего коровника, организовалась конноспортивная секция. Обучили тренера, а потом прикупили и кровных лошадей.

Заходил сейчас Николай Петрович на конный двор в конце каждого рабочего дня. Сорока минут хватало ему для восстановления полного душевного равновесия, какой бы сумасшедший день ни складывался. Начинал всегда с придирчивого осмотра денников, сбруи, чистоты помещений, хранения инвентаря. Для ребят это экзамен. Смотрел, как идут занятия, порой и сам садился в седло. Особенно любил гонять на корде молодых жеребят - рысаков, объясняя ребятам, какой шаг должен иметь орловец, и чем отличается глот от размашки. Сегодня же на конном дворе на удивление тихо. Зай-

дя внутрь корпуса, Николай Петрович с удивлением увидел сбившихся в кучу ребят. Все, затаив дыхание, заглядывали в щель ворот и явно чего-то ждали. В корпусе кто-то ходил, постукивали щекотки денников.

- Чего гам? - шепотом спросил он крайних пацанов.

- Да ну тебя, не мешай - ответили - щас, Плаша пить пойдет.

- Ну и что?

- Да смотри же, тебе говорят!! - резко прикрикнула ржеватая девчонка, не оборачиваясь.

Обществу явно не до него, его просто не узнали, приняли видно за какого-то назойливого новичка.

Хлопнула дверь денника и появилась Плаша. Эта трехлетняя кобыла, чистых кровей орловская рысачка, по паспорту значилась Поблажкой. Характером на редкость резва, игрива, с этакой сумасшедшинкою. Могла минут пять ходить по деннику на задних ногах, из ворот вылетала как подкалиберный снаряд, упряжь не терпела, а под седлом размазывала такую рысь - душа заходила! Пацаны звали ее ласково, с любовью: Плаша. Плаша недоверчиво обнюхала ворота своего денника, порог, посмотрела на конюха, на колоду с водой.

- Ну, иди, иди, никто тебя не обидит - сказал конюх.

Аккуратно обогнув воротину, Плаша с достоинством и, как бы, с опаской медленно пошла к колоде. У стены стояла прислоненная метла. Минуты полторы понадобилось кобыле, чтобы убедиться в лояльности метлы, и только тогда прошествовать мимо. Подошла к колоде и медленно стала пить. Раньше, когда Плашу выпускали поить, все старались вовремя удрать - фурия с задраным хвостом! К колоде подлетала галопом, а отходила только через дыбки. Сейчас же, чтобы повернуться от колоды в узком коридоре, раза три примерялась, даже сделала два шага назад и с достоинством, ни на кого не глядя, прошла обратно на место. Девчонки виз-

жали от удовольствия, будто увидели дрессированного жирафа.

- Во, какие мы стали - сказал Витька и важно, влияя шдом пошел от ворот, копирую кобылу с удивительной точностью.

Здесь замесили и Николая Петровича.

- Видели Плашу? Здорово, правда?

- А чего это с ней? - притворился он непонимающим.

Ребята удивленно переглянулись.

- Да вы чего, не видите? Жеребенок же у ней, ну... там, внутри! Бережет она его как! Куда и прыть подевалась, ни разу боком ворота не задела, метлу и ту стороной обошла!

Оставалось только поражаться ребячьей наблюдательности и радоваться блеску их глаз от сделанного открытия. Тот, кто видел сегодняшний выход Плаши, никогда не сможет обидеть животное, такое не забывается.

- Однако не все вы еще видели - думал Николай Петрович, обходя денники.

Посмотрел потники, заглянуло в склад, отметил себе, что пора искать овес. Отец - потомственный крестьянин, отпахавший пол войны рядом с конем, как-то сказал, что за войну погибли двадцать миллионов людей и десять миллионов лошадей.

- А потому - говорил он - коня надо любить любовью человеческой, он этого достоин!

Привил эту любовь и сыновьям. Николай Петрович, сколько помнил себя, столько и лошадь во дворе отцовского дома. А с любовью пришло и знание, и понимание.

- Давай-ка Плашу на корду - сказал конюху - полезно ей, жеребой, немного размяться.

Высоко подняв голову, раздувая ноздри, вышла Плаша на круг. Крутнулась, поняла, что от нее хотят, и пошла крупным шагом, поставив хвост свечкой. Затем чуть взбрыкнула и поплыла хорошей рысью. Иначе этого назвать невозможно. Ноги делали все, что положено делать рысачьим ногам, а

корпус буквально плыл над землей! Шаг становился все длинней и длинней, задние ноги, широко расставленные, забирали пространство, но впечатление такое, словно между ногами и корпусом появились какие-то амортизаторы: ни один толчок не передавался на внушительный Плашин живот. Собственно и удара копыта по земле не было. Эта мягкость хода определялась только одним словом - кобыла плыла! Плыла над землей, дав волю своей природной резвости и ни на минуту не забывая о том, что там, у нее внутри, зарождается новая жизнь и сама она сегодня для того только и существует, чтобы жизнь эта жила удобно и надежно.

Зачарованно смотрели ребята на это чудо! В маленьких их сердцах появлялось сейчас понимание мира, откровение продолжения рода, великий смысл гармонии мироздания...

ЖАЛОБА.

Охал, скрипел и всхлипывал старенький поссоветовский "Москвич". Да и было от чего всхлипывать. Машине нет еще и трех лет, а на что она уже похожа. Все время вертелось в голове знаменитое: Россия - страна дураков и бездорожья. И не меткость и острота мысли поражали меня в этих словах, поражало то, как верны мы своим традициям. До самозабвения, до абсурда, доводим свои недостатки, недоумки, недостатки... и... возмемся, возмемся в них, барахтаемся, преодолеваем! Придумали строить и ремонтировать дороги силами местных предприятий?! Ну, кто это мог придумать? Еще дедушка Крылов сказал: "... беда, коль пироги начнет печи...". Ну что, этот член правительства, подписавший тупую до идиотизма бумажку, Крылова никогда не чигал?

Однако дикая тряска расхлестанной дороги не выветривала стабильного, скверного настроения. Несожданный пе-

давний звонок из Горисполкома оставил привычный деловой ритм:

- Вы не очень заняты, я думаю? Тогда потрудитесь подъехать к шестнадцати часикам и книгу регистрации жалоб населения прихватите. Нет уж, попутно да как-нибудь, такие вопросы не решают, не велики ваши проблемы, мы зря не вымываем! - вьедливо прошипел ядовитый голос и, подчеркнуто, не желая более слушать, положил трубку.

Наверное, в каждом учреждении есть такие вкрадчивые голоса и ядовитые их обладатели. Откуда-то с завидным постоянством берутся они, заполняя освобождающиеся ниши, и отравляя жизнь окружающим. Какой радостью светятся их глаза, когда появляется возможность покопаться в чужом белье! А если на кого-нибудь из людей видных, неординарных, вдруг поступает жалоба!!! О! Это же счастье появляется в мрачной никчемной келье! Расцветает, пышностью праздничной взрывается голова Медузы Горгоны! Судьба дарит обладателю должности счастливую возможность показать себя! Уж он из этого клочка бумаги, порой даже и не подписанного, выкрутит такое дело!

Вот и припожаловала первая жалоба на меня. Всего и поработать-то в должности председателя исполкома успел три месяца. Вылавливая среди моря издевок и намеков, притворных охов, крохи сути, с удивлением понял, что кто-то обвиняет меня в грубости, непонимании нужд пенсионеров. Больно резанули слова: "...и поговорить-то не желает, да просто не умеет, наверно..." Выдержав каскад унижений, добирюсь-таки до сути: жалобу написал пенсионер, которого я отлично знаю, и который буквально неделю назад побывал у меня на приеме. Пришел он потому, что оставался без дров на зиму, и уже через полчаса дрова ему были отвезены?!

Память восстанавливала до мелочей ту встречу:

- Присаживайтесь, слушаю вас - привычными дежурными словами встретил я того пожилого мужчину.

- Здравствуйте, здравствуйте, как вам работается на новом месте, мы так все за вас переживали, голосовали. так все вас сюда ждали, я просто всю свою родню силком за вас голосовать заставил. Род-то у нас большой, так что много голосов-то за вас получилось... - зачастил посетитель скороговоркой.

- Зачем же силком заставлять, каждый сам должен решать в таких случаях. Так что же вас привело ко мне? - попытался я настроить его на предметный разговор.

Глаза его бегали по кабинету, не останавливаясь ни на чем, казалось, он и не слушал меня:

- А не все вас приветствуют в поселке, ой не все! Люди-то у нас всякие есть, которые и зла хорошему человеку желают. Оно ведь чем человек лучше, как вроде вот вы, тем больше на него и злятся народишко-то.

- Странная какая-то логика, чем человек лучше - тем для него хуже?!

- Да, оно всегда так, ежели близких людей, доверенных, так сказать, не иметь, чтобы, значит, вовремя предупредили, подсказали...

- Так что же вас привело в поселковый Совет? - остановил я его.

Я встречался с таким типом людей. Поначалу вкрадчивые, старающиеся угодить, втереться в доверие, потом они требуют себе особого положения и постоянно, с назойливостью мухи, лезут с наговорами, кляузами. Шептуны, одним словом. Практика подсказывала, что нужно держать их на приличном расстоянии.

- Так, вот... так, много кой чего... значит. Пенсионеры, словом, кому они теперь нужны-то.

Дела у него явно никакого не находилось. Он, конечно, уже понял, что немного просчитался и инициативу его я не поддерживаю.

- Так нет такого вопроса, который не решался в пользу заслуженного человека - подбодрил я его немного, оставляя, однако в рамках деловой беседы - не стесняйтесь говорить.

- Да вот... зима на носу, а дров не хватает и не выпрошишь никак, время уйдет, их же еще разделить да посушить надо... - "вспомнил" он, наконец, о цели своего прихода.

- Вы участник войны?

- Да не совсем, вроде и воевал и вроде и не воевал... так уж вот бывает, да и кому теперь копаться в этом нужно...

- Да, бумажка порой не успевает за справедливостью - сказал я, снимая трубку телефона. - Владимир Петрович? Добрый день, просьбу маленькую можно? Сидит вот на приеме человек заслуженный, жалуется, что дров не может достать, это в нашем-то поселке, где два предприятия деревообрабатывающих. Ну вот, видишь как хорошо, откуда же я могу знать, что тебе возить некуда. Сейчас спрошу.

- Адрес ваш назовите - обратился я к посетителю.

- Мой? А зачем? Кому это адрес-то?

- Ваш, конечно, давайте скорей.

- Южная пятнадцать...

- Южная пятнадцать он проживает, конечно оплатит, какие разговоры, ваш же бывший работник. Ну, вот и спасибо. Сегодня даже и привезут? Вот это реакция на запросы населения! До свидания.

Когда я закончил разговор с директором предприятия, посетителя в кабинете уже не было. Я подумал, что он просто обрадовался и от этого забыл попрощаться. Больше он у меня не появлялся. Одно только я сделал неправильно - не проверил исполнение обещания. А сейчас оказалось, что совершенно еще одно самое страшное деяние с позиции чиновника - посетитель не записан в книгу приема посетителей! Это уже крамола на весь исполком! Из этого-то и слона раздуют, из-за этого и достанется мне на орехи. С такими мрачными мыслями подъехал я к конторе предприятия.

- Владимир Петрович, помнишь я просил тебя мужику дрова отвезти, пенсионеру, так отвезли или нет?

- Мы-то отвезли, а вот ты-го его попроведал? - спросил в свою очередь директор, и глаза его засветились лукавством.

После того, как я все ему рассказал, он от души расхохотался. Объяснять ничего не стал и еще раз посоветовал побывать у пенсионера дома. В полном недоумении поехал я на Южную пятнадцать .. и не зря!

Крепкий пятистенник под четырехскатной крышей выделялся своей добротностью и основательностью. Но по мере того, как я подъезжал ближе, удивление мое все возрастало. Не только прилегающая полянка, а и половина усадьбы просто завалены дровами. Дрова лежали вдоль забора, в огороде, вдоль стаек. Все свободное место завалено дровами. Дрова почерневшие, дрова сухие, мокрые, под крышей и без таковой. И две машины дров свежие, это как моя реакция на запросы населения.

- Вы, Николай Николаевич, уже должны понимать, что человеку нужно не только то, чего он просит. ему нужно может быть просто, поговорить. Может быть, ему давно хочется посидеть так вот, запросто, с руководителем, поболтать, знаете ли... - вспомнился мне въедливый голос чиновника.

СЕРВИЗ.

- Александр Иванович, не поеду я без Ваших сервизов. традиции рушатся, выручайте ради бога!

- Ну, не могу я тебе подписать эти пятнадцать мест. нemo-гу! Все мои люди получают премии за выполнение плана реализации, а внеплановая продажа... да что тебе объяснять, сам отлично понимаешь

- Не для себя прошу, дорогой. Ветеран вот на пенсию выходит, тридцать два года в леспромхозе оттрубил, так что же у него в память о предприятии один радикулит останется? А представьте себе, Ваш неповторимый сервис с надписью: «ветерану труда в связи с выходом на заслуженных отдых от благодарного коллектива». Это же, как раз то, что делает нашу жизнь красивой и содержательной! Или вот заместителю моему на днях пятьдесят исполняется, опять же лучшего подарка не придумать, не найти.

- Слушай, не злоупотребляй моей добротой, почему я должен твои радости за счет моего коллектива делать? Хотя... в этом что-то есть. А знаешь, давай письмо! Вот виза, иди, получай, чеком расплатись.

- Ну, спасибо, Александр Иванович, ну, дай Вам бог здоровья, остальное купите!

- Вот именно, иди, пока не передумал.

Оставшись один, заместитель директора фарфорового завода долго, задумчиво смотрел в окно, на синее весеннее небо, на причудливые кучевые облака, на белый след пролетевшего самолета. Именно тридцать два года проработал он на этом предприятии, семнадцать из них заместителем директора по коммерческой части. Тысячи сервисов реализовал за эти годы. Юбилеи приходят и уходят. Вот через восемь месяцев уже и "на заслуженный отдых", а попросту на пенсию по старости. Слова-то, какие... страшные! И впервые подумал, что даже и памяти на склоне лет не останется от этого бешеного ежедневного круговорота погоди за планом. А делать подарки на заводе не принято. Медленно снял рубку телефона:

- Левтина Петровна, там у нас золоченый сервис остался, из тех, что чешской делегации делали, закажите золотарям надпись, запишите: Заместителю директора завода в связи с тридцатидвухлетием трудовой деятельности на предприятии. Нет, фамилии не надо. Деньги? Минуточку - вынул бумажник, посчитал - деньги уже у меня, заберите. Упакуйте,

как вы это умеете, и к концу рабочего дня занесите ко мне. Нет, не надо представителй, сам вручу...

СКАЧКИ ГЛАДКИЕ.

В первой половине восьмидесятых годов, перед самым началом Великого Развала, было какое-то время тяги к старине. Еще не говорили власть предержащие вслух о масленице, но проводы русской зимы готовились с таким уклоном "под старину". В районе "сельхозуправа" затеяла проведение конных соревнований. Произошло это под прямым воздействием Николая Петровича и его "лошадиной секции". Большой шестнадцатитонный прицеп оборудовали для перевозки лошадей, учитывая все потребности скоротечных кочевков. Ребята обычно ездили в специальном отсеке этого "ковчега".

Народец этот - всадники лихие, был из тех, от кого отказались и школа и милиция. о родителях и речи нет. Наверное, потому так радовался участковый, когда "ковчег" поутру уплывал из поселка, и потому же, в упор, не замечали "лошадиных" дел педагога во главе с руководителем школы. Сегодня мы захлеб клянем систему, приведшую нас... но только много, наверное, лет спустя, сумеют разобраться люди, что при этой системе клеймо ставилось на человека еще в самом начале жизни. И если еще в детском садике, в казенном формуляре, напротив фамилии вихрастого шустреньша появлялась пометка "трудный", это был приговор на всю оставшуюся жизнь. И воспитатели и учителя делали самозабвенно все, чтобы так оно и получалось. Чтобы, не дай Бог, такой человек за что-то получил грамоту или пятерку. И вот выросстал такой индивидуум второго сорта. Он не мог, да и не хотел вписываться в стандартные рамки. за свои права всегда бился в одиночку. Зная, что первым стать ему не дадут, последним

быть не хотел. Отсюда крепчал характер, опускали руки учителя, родители, а милиция потихоньку начинала "шить дело". Конный двор для таких являлся светом в окошке, отдушиной, они не боялись никакой работы и всю несостоявшуюся и невостребованную любовь отдавали этим сильным и красивым животным - лошадям.

К месту соревнований приехали часа за два. Под удивленные ахи зрителей разгружали "ковчег". Вылизанные детскими руками буденовцы отличались от залущенных совхозных лошадей как небо от земли. Заседлались, вышли на дорожку. "За неимением простора", дорожка оказалась не тысячу шестьсот метров, как положено, а только восемьсот?! Конечно, для лошади деревенского пастуха это несущественно, но для Богатырши, имевшей четвертое место по зоне Оренбурга - Урала, ужатые вдвое кривые оказались катастрофой.

Танька, рыжая, как и сама кобыла, девчонка, сидела в седле как приклеенная. Пройдя для разминки короткой рысью полтора круга, она слегка отдала повод. Богатырша поглянула мордой вперед, почувствовала свободу. Уши ее чуть прижались, шея начала вытягиваться в одну прямую со спиной. Сделав несколько мягких прыжков, поняла волю хозяйки и полетела не прямой как стрела. Только золотистый весь Танькиных волос закрутился над седлом.

- Держи-и-и!!! - заорал в мегафон тренер, поняв грозящую опасность.

Но удержать кобылу на наборе скорости Таньке конечно, не под силу. Буденовские скакуны, в отличие от орловских рысаков, бегут не ногами, а спиной, как борзые собаки. Только очень смелый наездник чувствует себя нормально при наборе скорости в седле такой лошади, как Богатырша. Остальные же, в том числе, наверное, и Танька, шалеют от ощущения полета, и всю энергию мускулов затрачивают на то, чтобы удержаться в седле, и не продолжить полет, но уже без лошади. Тренер нервничал не напрасно, Богатырша не вписалась в кривую крутого поворота. Ее понесло на боль-

шую кучу снега, нагребенного бульдозером. Тренер бросил мегафон и закрыл лицо руками. Лошадь поняла опасность быстрой всадницы, избегая падения, она вымахнула на сугроб и вторым прыжком ушла за него. Пролетев по инерции метров сто по целому снегу, повернулась, повинувшись воле пришедшей в себя Таньки, и снова вымахнула на сугроб с другой стороны! Золотисто-рыжая кобылица на секунду застыла на сверкающем сугробе. Какими словами описать эту картину? Синее мартовское небо, яркое утреннее, по весеннему ласковое солнце, искрящийся, голубоватый, такой необычный для города снег, рыже-золотая лошадь, да еще рыжая девушка на ее спине, такая маленькая и счастливая. Прыжок и они обе снова на дорожке. Тренер железной рукой схватил поводья.

- Слазь!!! - гаркнул он на Таньку - Славка, садись, успокой лошадь! Две дыры - уже спокойно произнес он - да ты хоть понимаешь, что два раза у смерти в зубах обе были? Вот именно в таких кучах снега лошади, как правило, ломают ноги, а такие как ты - щелкнул Таньку в лоб - головы! А это одинаково, для тебя голова - конец, а для лошади нога - конец. Ну а мне тогда... вместе с вами... - закончил он как-то устало.

На дорожке уже появилось довольно много всадников, разминающих лошадей.

-Ты, Таня, главное не давай ей воли, держи со старта. Все равно вас здесь никто не обгонит. В крайнем случае, надейся на тот сугроб, где прыгала, я посмотрел, он твердый, трактором трамбованный. На другом конце сугроб мягкий, там будет то, что я говорил. Твоя задача - не вылететь с дорожки. Остальное Богатырша сделает.

И вот три всадника на старте. Колокол! Пошли!!

Приходилось мне смотреть и мото, и авто гонки, и кроссы, но мотор - не живой, а лошадиные скачки это настоящий азарт! Это даже если совсем спокойный, уравновешенный, все равно заорешь. Заорешь, как миленький, потом сам удивись, себя не узнаешь! Кто бы ты ни был, все равно

за живое зацепит. Такое напряжение, такое стремление и мощь в лошажьих мускулах, в хриплом дыхе их, в стуке копыт... заорешь, как миленький!

Танька с Богатыршей стартовали во второй гройке. В четыре прыжка ушла Богатырша от соперников, и понесла свое сильное тело упругими толчками, набирая скорость. Танька упиралась, стремена ушли к груди лошади, поводья, казалось, звенели, удила рвали губы. Богатырша прядала ушами, крутила головой, не могла понять - почему нельзя? Проскочили поворот с мягким сугробом. И здесь Танька решила передохнуть, чуть ослабила повод. Как ветер умахнула Богатырша от преследователей на короткой прямой. Не успели сработать Танькины мозги, как обе они снова вылетели с дорожки за сугроб. Пока прыгали туда - обратно, соперники проскочили поворот. Здоровые парни в азарте, пригнувшись к шеям своих лошадей, махали плетками, свистели, гикали! Но, увидела Богатырша борьбу и покруче.

Снова изо всех сил тянула поводья Танька, но уверенно догоняла соперников золотистая кобыла. К повороту сравнялись, на прямой легонько ушла вперед. Оставалось еще два круга.

- Держи-и-и-и! - орал тренер.

- Не могу - сквозь слезы хрипела Танька на последнем круге.

Не велика девчоночья сила, да и кто его знает у кого больше азарга в скачке - у человека или у лошади. Отпустила Танька поводья, вцепилась в жидкую гриву и, наверно, правильно сделала! Далеко остались соперники, но скорость была явно велика. Зрители затаили дыхание. Кобыла не вписывалась в поворот, но мы, люди, недооценили ее способностей. Видели ли вы, как проходит вираж мотоциклист на треке, на наклонной плоскости? Вот то же самое проделала абсолютно неуправляемая Богатырша. Создалось впечатление, что она нашла это решение еще двумя кругами раньше, но всадница

не давала ей проделать этот, в общем-то, по ее понятиям, безобидный фортель.

Они летели к финишу. Вытянувшись в струнку - одна, и, изо всех сил прижавшись к более сильному существу - другая...

- Давай, рыжие! Давай!! - орали зрители.

- А чего давать-то, дело сделано - сказал тренер в толпу, вытирая лоб давно уже мокрым платком.

Танька Славка и Андрей заняли весь пьедестал почета. Их называли лучшими в районе! Сегодня они прожили день настоящей борьбы, до "не могу", до слез и хрипа. Когда Славка вылетел из седла в начале дистанции, так как лошадь шарахнулась от выбежавшей на дорожку овчарки, все решили - он дистанцию закончил! Но в каких уголках души набрал мужества этот, объявленный еще во втором классе безвольным, мальчишка, чтобы не выпустить повод, остановить на скаку лошадь, проташившую его около двадцати метров волоком по избитому льду, вскочить в седло и прийти-таки первым! Какие мудрецы с высшим образованием и знанием педагогики наставили клейма на эти маленькие и мужественные сердца? Я никогда не верил и не поверю, что с такой волей к победе можно быть двоечником.

Мне кажется, нужно дать ребенку вырваться из коридора, куда загнали его мы, взрослые. Не нужно рвать удилами его губы, и он пройдет свой вираж, всем на удивление.

ТЕСТ

- Фирма не может вовремя выплатить кредит банку, ваши действия?

- К вам проявили интерес местные рэкетеры.

- Ваша машина перевернулась, водитель убит, на дороге никого...

- Рабочие цеха объявили забастовку...

- Жена вашего начальника проявляет к вам интерес...

- Жена вашего непосредственного начальника...

- Резко возросли цены на материалы, но продукция имеет большой спрос...

- Взрыв на вашей котельной...

Вопросы сыпались плотным валом. Я сидел на вращающемся стуле, и с трудом успевал крутиться "на все четыре стороны". На этот самый тест я просился месяца три. Молодые люди, коротко стриженные, но, вместе с тем, не лишены чувства юмора и здравого смысла, сидели вокруг меня и сыпали вопросами. Диапазон оказался настолько широк, что мне, отставному директору с двенадцатилетним стажем работы, приходилось довольно трудно. Поражало и то, что шквальный опрос проводился не по бумажкам. Совершенно свободно и весело парни вели свою игру со мной. За многолетнюю практику я научился думать о своем в процессе любого разговора. Здесь же это удавалось с величайшим напряжением. Однако, думая не словами, а образами, я с удивлением отмечал для себя, что мы, поколение пятидесятилетних, вообще, оказывается, не знаем этих молодых и коротко стриженных. У нас почему-то сложилось впечатление о тупых "качках", способных доказывать свое кулаками. В углу комнаты ярко накрашенная девица, с явным удовольствием перетирая жвачку крепкими белыми зубами, бегала пальцами по клавиатуре компьютера. Компьютер нравился ей, так же как и

жвачка, в том и другом она знала толк. Вообще, все они делали свое дело с удовольствием, весело и, я бы сказал, взахлеб.

Фирме нужен был дилер на две области. Условия просто фантастические: зарплата - мечта, машины - аж две, вместе с охранником, и т.д. и пр. Работать не менее двенадцати часов в сутки. Необходимо хорошо знать деревообработку, машиностроение и экономику. Для меня это - находка. Тем более что работать по двенадцать часов это же норма жизни каждого директора.

- Чиновник администрации просит взятку через посредника...

- Чиновник просит взятку лично...

- Чем вы снимаете стресс?

- Вы случайно нашли пистолет, номер отсутствует...

- Как добиться снижения себестоимости в лесопильном цехе?

- Оптимальный размер эмиссии в районе?

- Как обойти НДС?

Однако я с удовольствием отмечал для себя, что ответы мои не менее бойки, нежели их вопросы. Заражал какой-то дух соревнования. Хотелось доказать им, молодым и здоровым, что мы тоже не лыком шиты, не просто штаны протирали. Это походило на соревнование поколений.

- Вам предложили хорошую выпивку и среднюю женщину...

- Вам предложили плохую выпивку и прекрасную женщину...

Нарни встали, поменялись местами. Вопросы сыпались и сыпались.

Оглушительно наступила тишина. Я вымотался до предела, такого напряжения не приходилось испытывать давненько.

- Ну, дедуля - обратился ко мне один из них - давайте кофейку попьем, пока Мариночка из своего агрегата приговор извлечет.

Бумажка оказалась до обидного маленькой, с четкими компьютерными буквами:

знание экономики - достаточно,

знание производства - отлично,

в любом обществе способен занять любое место,

исполнительность - отлично.

В современном деловом мире интереса не представляет - слишком архаичны понятия чести и совести...

- Давайте кофе, "внучок"...

ТРУБАЧ.

Чистый, звенящий звук трубы легко летел над Тоболом, органически вписываясь и, как бы, дополняя величавую красоту своснравной степной реки. Мягкий, осенний вечер в полном безветрии рождал неназойливое и тоже какое-то мягкое эхо. Каждый звук словно красовался в голубом еще небе и, плавно оседая, уступал место следующему, более высокому.

Степан любил такие вечера. любил бывать в одиночестве, вернее вдвоем с трубой, на этом живописном берегу Тобола. Судьба довольно неожиданно забросила его в чужой город. Ни знакомых, ни друзей. С утра он учился в автошколе на водителя, с вечера же, и до самой глубокой ночи, работал автослесарем в соседней автобазе, чтобы хоть как-то свести концы с концами своего скудного бюджета. Неделя предельно выматывала его, хронически хотелось спать. Но в выходной день он брал трубу и уходил на Тобол. Труба оставалась для него единственной страстью и любовью. Она умела заменить и друга, и подругу, давала возможность помечтать, по-вспоминать, выплеснуть наружу накопившееся за неделю давящее чувство загнанности. Играл Степан на трубе, по общим

музыкантским меркам, довольно слабо. Как-то не подарила жизнь хорошего преподавателя. Не определился он и ни в какой оркестр, с их постоянными пьянками, выездами. Самостоятельно, "методом гыка" осваивая инструмент, добился неплохого звучания, свободно брал обе октавы. но играл, как и всякий россиянин, преимущественно на слух, по настроению. Сегодня его место оказалось почти занято. Из-под берега виднелись концы двух удилищ, два поплавка замерли на зеркальной воде омуга. Человека не видно, но он же здесь, он своим присутствием мешал, не давал расслабиться и поиграть для себя. С полчаса погоняв гаммы, Степан решил перекурить.

- Крепкий видно мужик - думалось ему – долго ли выдержит мос "искусство"? Как у него с нервами? Пока молчит, видно злость копит.

Под берегом кто-то завозился, послышалось шуршание осыпающегося песка. На берег вскарабкался какой-то пришибленный мужичонка. Старая фуфайка, заплатанные брюки, стоптанные ботинки. Извинился, что помешал, попросил спичку, несколько раз жадно затянулся дорогой сигаретой.

- Дулишь?

- Пытаюсь - с вызовом ответил Степан.

Мужичонка явно раздражал его. Такой замызганный, а курит сигареты с золотым мундштуком. Пришел на чужое место да еще с разговорами лезет.

- Дай подудеть?

Это было уже слишком! Чего захотел, темнота профсоюзная, и как вечер испортил, подудеть ему!

- Пасть прополощи - хамски ответил Степан с целью отшить поганца и подумал, что нужно уходить на другое место.

Мужичонка молча повернулся и пошел под берег, спустился к воде. забулькало во рту!? Видно очень подудеть

хотелось. Степан с интересом уже ждал, что дальше. Ну вот, появился снова.

- Прополоскал.

- Возьми, подуди.

Когда самозванец нагнувшись, одной рукой, взял трубу, Степан понял, что это трубач! Как брать инструмент мог только...

Протерев вынутым откуда-то ослепительно белым платочком мундштук, мужичок поднял Степанову чепскую трубу к губам так, словно родился с нею в руке... и без второй руки, мягко и быстро надавливая вторыми фалангами хулых пальцев на помпы, бегло прогнал хроматическую гамму! Без малейшей разминки, почти не прижимая инструмента к губам. Затем, как-то картинно подюжив под помпы ладонь левой руки, рывком набрал воздух... и понеслись над Тоболом четкие, уверенные стаккато Неаполитанской песенки. Смело, уверенно отсекались шестнадцатые нотки верхов второй октавы, ни малейшего напряжения не появилось на лице мужичка, казалось и воздуха-то уже не должно оставаться в этом тщедушном теле (какие там уж у него легкие) а звуки все лились и лились... резко, в долю секунды взял он воздух и снова... чистота звука, ритм! Степан не узнавал свою трубу, это какая-то другая, чужая труба, певучая, игривая, мягкая и гортанная, как сама степь, зовущая и прекрасная. То нежно плыли, то каруселью бесовской кружились каскады ног, взлетая ввысь, к самому, казалось, поднебесью, затем руладами осыпались и запутывались в желтоватой степной траве...

Смокла труба, потух вихрь звуков над вечерним Тоболом, выдаю последний прекрасный отзвук короткое эхо. Степан, пораженный случившимся, стоял и круглыми, как расруб его губы, глазами смотрел на этого замызганного чудесника мелодии.

- Ничего дудка, задута немного, но кое-что в ней еще осталось. Спасибо-

вежливо, с мягкой улыбкой проговорил трубач и пошел к своим удочкам под берег.

КОРОЛЕВСКИЙ ВЫСТРЕЛ.

Левая задняя подкова хлопала монотонно и надоедливо. Фомич ссутулившись сидел в седле, вяло поругивая собственную леность, старость, или что там еще. Последние два месяца он замечал за собою странные поступки и мысли. Ничего не хотелось делать, никуда не хотелось спешить. Вот опять же эта подкова, давно надо бы ее оторвать. Ковать Зойку не обязательно, а оторвать подкову нужно. Почему все тянет и тянет с этим, в общем-то, простым и необходимым делом, он и сам не знал. Совсем, кажется, недавно работал бригадиром полеводческой бригады. Удержу никакого не было на него. Вставал затемно, и домой приходил по темну. Председатель колхоза так его и звал двужилым. Да и конь у него был, не то, что эта старая пенсионерка - Зойка. Бывало, день по полям могаются оба, а к вечеру, как только двустволку в руки - не узнать коня. Ветром домчит до потаенной болотины, словно это не хозяину, а ему охотиться на селезней, и на свист прибежит, и в воду хозяина завезет, да аккуратненько, к каждой уточке, не пехом же Фомичу добычу собирать. А ижевка какая была! Стволики - зеркало! На семидесяти шагах глухаря валила начисто! Правда правый ствол поразбил Фомич пулями, но опять же и стоила игра свеч. Довелось лосишек пострелять. Карий на выстрелы почти не реагировал, подходил к лосю вплотную, словно к родственнику и разворачивался обязательно левым боком. Как в тире!

А потом как обрезало. Пенсия, велика ли она у колхозника, принесла не долгожданный отдых, а какую-то бесполезную, никчемную жизнь. Забот не стало, работы не стало,

здоровья и того как-то сразу не стало. Посидел дома полгода и к председателю. Молодой мужик, а понял, не дал окончательно спиться от безделья, пристроил вот сторожем.

На поле опустилась туманная сутемь. Не замечал раньше Фомич, что такая вот туманность приносит ломоту в суставы, наверно, просто времени не хватало. А сейчас пришлось прочувствовать. Из призрачной тьмы медленно наплывали скирды овсяной соломы. Никогда раньше их не сторожили, а вот поди-ка до чего дожили. У наглых да нечестных давно коммунизм наступил. Правда, Фомич и сам не понимал, на кой ляд осенью сторожить эти уметы, если весной их все равно сжигать. Но какое ни какое, все дело, опять же и прибавка к пенсии. Зойка, видно тоже погрузившись в свои старческие лошадиные думы, до того расчувствовалась, что запнулась, и Фомич чуть не вылетел из седла. Запустив в темноту поля забористый мат, от которого раньше у подчиненных ему колхозников резко возрастало трудолюбие, Фомич натянул поводья и, побряхтывая слез на землю.

- Иди, кочерга старая, губы-то развесила - нацувствовал он кобылу и, поправив на плече казенную берданку, пошел пешком кромкой живья.

В голове вот уже третий день вертелась красивая песня из фильма: все было, все было, и любовь была... пристала надоеда, никак не отвязаться. Да, было и была. Здорово же тогда досталось ему от своей "благоверной". Заночевал - заперевал на краю чужой деревни, жена век бы не сыскала, да Карий под утро пришел за хозяином. Откуда ему, коню - работе, знать, что такое бабья ревность. Все было...

За скирдой что-то хрустнуло. Чуткое ухо бывалого охотника безошибочно определило - зверь! Фомич оляделся, прошел он уже порядочно - пол поля, вот и ельник обозначился справа. В этом ельнике не раз клал он лосишку метким выстрелом... ба! Так это же лось за скирдой-то! Загорелось, забилось сердце старого браконьера, заиграла кровь по жилушкам! Берданка, конечно, не ижевка, ну да на трех-то ша-

гах, чего там! Каргечь в стволе, так она в упор-то и броню прошибет. Фомич замер, нажал на спуск, потянул пуговку затвора, беззвучно зацепил за шептало - порядок. Все пронеслось в голове молниеносно. Веревка, правда, хреновенькая, но есть. как-нибудь старая Зойка лосяшку до ельника дотянет, а там... дело-то знакомое, к утру все будет прибрано. Шагнул к скирде, аккуратненько, с носка на пятку, помнит он оказывается кое-что из прежнего, старость не все еще у него отняла, рано киснуть! За скирдой довольно отчетливо фыркнул и встряхнулся зверь. Ну, пора! Шаг за шагом, спокойней. Сердце колотилось как овод о стекло, дыхание стало прерывистым, но руки не дрожали. Медленно продвигался Фомич вдоль скирды, вот сейчас. А потом миг! Доля секунды, самая дорогая и томительная! Наплыл силуэт лосиной головы, навскидку ударил с трех шагов и почувствовал - точно! Сильно садануло в плечо.

- Королевский выстрел! - с гордостью отметил для себя Фомич, и оперся на дымящийся ствол, стараясь унять нервную дрожь. Приятная истома волнами накатывала на него. Представлялось как захлопочет его "благодарная", молча и споро, нежно поглядывая на своего кормильца...

- Размечтался - одернул себя.

Шагнул за скирду...

Подвернув под себя ноги, уткнувшись мордой в стержню, около скирды лежала... Зойка.

ЛОГИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА.

Только что выкатилась за ворота предприятия машина, увозящая этих очаровательных девчат из Уральского Государственного университета. Мы тепло с ними попрощались, поговорились о следующей встрече, они, как всегда. неисся-

касмой стружкой сыпали свой тонкий, и небывало острый юмор. Говорили о моей несбывшейся мечте, о перерождении моего мышления и замедленном действии оставленного у меня на столе "взрывного устройства" - рожденного ими труда. Эти пять одинаковых папок, с аккуратно наклеенными этикетками под названием "логическая записка", собственно и были тем началом, ради которого заваривалась вся каша. Некоторые вопросы давно мучили меня, как, наверное, и любого руководителя. В той, теперь уже далекой, строго заорганизованной и распланированной жизни, на любой вопрос всего два ответа: НИЗЗЯ или МОГЕШЬ. Но далеко не все дела и потребности укладывались в это ложе. Например, считалось, что чем ниже процент текучести, тем лучше дела на предприятии, но нигде я не мог найти предела этого процента. Плохо двадцать процентов, а десять? А пять? А идеальный вариант? В каком порядке проводить реконструкцию? Что важнее для производства, а что для человека? На чем воспитать патриота предприятия, как сделать, чтобы человек гордился своим предприятием? Все эти довольно непростые проблемы и привели меня в социологическую лабораторию Уральского университета. Очень удивились социологи, когда им поставили конкретную задачу, с конкретными вопросами и направлениями. В нашем районе подобного еще не наблюдалось. Да и вообще предприятия интересовались социологией где-то на уровне Уралмаша и прочих громадных "машей". Не приходилось и специалистам работать на малых массивах. (Это мы все для них - массив) Жили мы в то время довольно богаченько, то есть не все отбирало у нас наше любимое начальство, и первым действием моим стала попытка сагитировать одну из девочек, приехавшей студенческой группы. "Не мудрствуя лукаво", я привез ее на нашу строящуюся улицу и, объяснив планировку, предложил:

- Выбирайте себе место.
- Какое и для чего?

- Как какое? Где будет стоять ваш дом. Видите наши арболитовые коттеджи? Делаем мы их сами и строим сами. Вы сейчас на четвертом курсе, до диплома найдете себе хорошего парня, а я за это время построю вам дом, введу в штаты должность социолога, согласую с вами зарплату и... действуйте! Доводите предприятие до таких канонов, какие у вас в учебниках. Разве плохо?

- Так вы хотите придворного социолога?

- Почему придворного?

- А что же я буду делать у вас?

- А что вы будете делать в городе?

- Мне же нужны массивы, масштабы, независимость, тема...

- И полуголодное существование на пятом этаже в коммуналке?

- Вот, вот, сначала кормежка, а потом дрессировка.

- Так какая разница, на чем делать диссертацию, коли для вас нужны не люди, а массивы? Толстой ведь тоже писал не в Питере. Мне кажется, на маленьком предприятии легче и надежней подобрать материал для серьезного научного труда. Да и претворить его в жизнь весьма заманчиво.

- Вот когда вы получите нашу записку, вы заговорите по-другому.

- Почему?

- Мы же сами ничего не придумываем, мы систематизируем только то, что думает и говорит ваш народ. А говорит он, поверьте, не очень приятные вещи, особенно о вас, о руководителях. Но вся беда в том, что подпись под текстом будет стоять наша. И недовольство вашего руководящего слоя обрушится на нас. А представьте себе, если я начну заниматься этим ежедневно? У вас под боком, на вашу зарплату?

Короче говоря, не смог я ее сатирировать. Значительно позже, после внимательного изучения ихнего труда, долго вспоминал я этот разговор.

Действие "взрывного устройства" началось на следующий же день после его прочтения моими подчиненными. Каждому довелось посмотреть на себя глазами народа. Да, того самого народа, которым нам поручено управлять. Но таков уж россиянин, что никогда не похает начальника в глаза и никогда не похвалил его за глаза. Хоть ты золотой будь, хоть серебрянный, а доброго слова за спиной своей не дождешься. Не дождешься не потому, что плох ты или хорош, а только потому, что ты - начальник. Народ, воспитанный на зависти и страхе не может иначе.

Одним из "пиковых" вопросов было распределение, так называемых, дефицитных товаров. В то "застойное" время оборотистый руководитель, который лекся не только о себе лично, а более всего о своем коллективе, мог раздобыть полузаконными методами приличное количество импортных товаров. Конечно, часть из них шла на сторону, как сказать для обеспечения внешней политики. но это, как правило, очень малая толика. Практически все распределялось комиссиями профкома. Тащили и они, но хватало всем. Так вот один человек высказал на эту тему такое мнение:

- Я ничего не куплю, деньги я пропиваю, лишних денег у меня нет. Но я хочу знать, куда и сколько чего уходит! А знать я хочу это для того, чтобы заложить их всех, того, кто достает и того, кто распределяет. чтобы больше не доставали и не распределяли! Потому, что мне все равно не купить.

Вы скажете абсурд? Нет и еще раз нет! В этом высказывании великий смысл. Здесь, как мне объяснили те же социологи, и зарыта вся наша идея, весь стержень нашего государства, на котором и держится наша система.

Или другой, извините, "прибабах". На вопрос - много ли получает ваш директор - все респонденты ответили, что да, много и даже лишковато, хотя ни один не знал сколько точно. А вот на следующий вопрос - сколько должен получать директор - каждый из них назвал свою зарплату!? Да, каждый из двадцати пяти опрошенных считал свой труд не

менее сложным, нужным, напряженным, нежели труд руководителя предприятия. Велико оказалось негодование начальников цехов, когда прочли они о себе весьма нелицеприятные оценки. Отказалась оплачивать договор бухгалтерия, когда четко изложенное мнение о работниках этого подразделения в корне разошлось с их собственным.

Так-то вот заработал заряд "замедленного взрывного". Тогда только я и осмыслил роль придворного социолога. Этот справедливый труд давал необъятный простор для перспективного планирования, но... все хотели, чтобы его не было. Да, чтобы не было, он же все ставил на свои места! Он дурака называл дураком, умного - умным, пустозвона - пустозвонном... но! Под круглой печатью университета стояла подпись! Подпись социолога. Но это оказались только цветочки. Ягодки начались после выхода логической записки за пределы предприятия. Как нормальный подчиненный, я поделился впечатлениями со своим прямым начальником. Внимательно прочитав сей документ, мой руководитель не нашел ничего умней, как включить в план рассмотрения на профкоме объединения "указанные запущенные вопросы"!? Конечно же, при таком рассмотрении вся "неробота" областного профкома явилась «при оружии» (мною же сотворенным). Я же, предоставивший эту интереснейшую информацию, о которой они и не подозревали, получил феноменальную выволочку! Причем никто не подумал о прогрессе, полученном после проведенных исследований, о ценности данного материала в планировании всей перспективы развития. Они просто увидели возможность "поправить" руководителя и... не упустили ее.

В городской комитет партии я поехал с предложением весьма неординарным, но записку с собой уже не повез. Как ни странно, но там тоже собирались разворачивать службу социологии, но замышлялась она именно как придворная. Она должна была строго подчиняться ГК КПСС!? Я попытался объяснить, что из этого получится, но... руководители

города не могли себе представить, что в городе будет независимая служба, которой невозможно указать, что и как писать. Объективная служба, свободная в выборе оценок и выражений никому не нужна! Да, руководители города раньше меня поняли, что из всего из этого может получиться. То, что произошло со мною, не должно произойти с ними. Но я ставил себе цель: выйти на комплексное, научно обоснованное планирование, пусть даже ценой шипек и затрецин, и я сделал это. Они же, по всей видимости, не могли себе этого позволить. Наверное, они правы, при подобной постановке вопроса, должна полететь чья-то голова. Система сопротивлялась и сопротивлялась жестоко.

Комплексный план реконструкции и развития предприятия на основе логической записки сделан. И прошедшие годы показали, насколько он сделан правильно. А логическая записка, давшая возможность его сверстать, упрягана далеко-далеко. "Заряд замедленного действия" не мог лежать спокойно, его нужно или уничтожить, или он бы уничтожил руководителя, а точнее система уничтожила бы кого угодно этим зарядом.

ЗЕМНЫЕ.

Весело и шумно усаживалась за накрытый стол многочисленная родня Ивановых. Гремели передвигаемые стулья, звякали и блестели фамильным серебром старинные вилки и ложки. Запотелыми боками матово и солидно, среди всевозможных салатов и закусок, красовались графины с настойками, наливками, и прочими растормаживающими зельями. Борис не появлялся в родительском доме уже лет двенадцать. Давно не стало и родителей, и некоторых старших представителей их рода. Многие разбрелись по свету, и обосновали

свои гнезда в далеких городах и весях, но как-то так получилось, что родовой стержень, вместе с родительским домом, устоял здесь, среди живописных уральских гор. Старшей сестре Бориса - Анфисе удалось сохранить и этот дом, и еще много тех, дорогих сердцу мелочей, из которых и складывается, на которых и держится любой род, клан, назовите как угодно.

Сегодня, по случаю приезда Бориса, Анфиса собрала, словно по тревоге, всю ближайшую родню. Закончились радостные ахи и охи, поцелуи и "медвежьи" объятия, поспел знаменитый семейный рыбный пирог.

- Ну, ребята, не все мы сегодня собрались, но, слава богу, все-таки собрались - пачала Анфиса, когда утих шум.

- Опять ты за свое - перебил ее Семен - радость сегодня какая, давайте выпьем за встречу, за то, что Борьку черти принесли, или бог послал, да нет, бог-то раньше бы послал, за встречу, за всех присутствующих!

Все встали, чинно чокнулись, выпили, шумно уселись, и захрустели огурчиками, капустой "мамкиного" посола.

- А помидрочки-то ка-а-акие, мамкины, да и только - восхитился Борис.

- Да, по всему Кыштыму никто так не умел и не умеет солить как наша Анфиса, да еще маманя умела.

- Ну что вы, мне до нее - покойницы далеко - зарделась хозяйка.

- Борька, ты такой толстый стал, на лыжах-го, наверное, давно не стоял? - через стол спросил Павел.

- Другие дела, другие запросы, да и жизнь немного другая у меня сегодня, не до лыж как-то.

- Ха! А я нынче кросс области выиграл! Надрал всех по своей возрастной. Тяжеленько, правда, пришлось, но надрал! Четвертак пробежал не хуже молодого - не удержавшись, хвастанул Павел.

- Неужели область выиграл - не поверил Борис.

- Так он же до того дошел, что в сад каждый день за восемь километров бегают собаку кормить, дома ничего не делает, все свои спортивные амбиции тешит - полусерьезно возмутилась Тамара - жена Павла.

- Ну, за кубок нужно выпить. среди нашего брата - стариков это редкость - предложил Борис и встал. - Давненько не видались, ребята, но не только моя вища в том, вы тоже не очень-то мсия навешаетс. но рад я вас всех видеть, а за тебя, Павел, вдвойне рад. Раз ты бежишь не хуже молодого, значит, душа у тебя все еще молодая! За тебя, за то, чтобы ты "Россию" выиграл!

Так тост за тостом, байка за байкой, продолжалось счастливое застолье, и только Анфиса, явно чем-то недовольная, помалкивала. Что-то шептала ей на ухо иногда Тамара, пытаясь успокоить.

- Слушайте, ребята, вам же благоверная моя послала собственной настойки на морошке! Ну-ка, Сеня, сходи в машину, там, в кармане, за сидением бутылек стоит! Как же это я забыл? Такая настойка! Специально для тебя, Анфиса, Света готовила.

Семен вышел во двор, нашел в машине бутылек, с удовольствием покурил. Курил он один из всей своей спортивной семьи, и делал это тайно и с удовольствием. Попил из колодезной бадьи и пошел в дом. За столом все так же громко разговаривали давно не встречавшиеся родственники.

- Ну, вот и Светкин подарочек - объявил Семен.

- А ну, давай его сюда, посмотрим, как у Борьки жена родню любит - протянул руки Павел.

Семен хотел подать бутылку Павлу, но вдруг, будто кто толкнул его под локоть, да сильно так толкнул. Бутылек вылетел из руки и, хлопнувшись о крашеный пол, разлетелся на мелкие осколки... за столом воцарилась тишина. Впечатление такое, словно Семен специально бросил бутылку на пол, и стоял сейчас под пристальными взглядами многочисленных родственников, удивленно подняв плечи и разведя

руки. Он точно ощутил толчок под локоть, он чувствовал, что кто-то сзади его толкнул, и толкнул не случайно, а именно с целью вышибить дорогой бутылек из руки... медленно повернул голову... сзади, конечно, никого. В только что шумевшей комнате звенела тишина.

- Ну вот, говорила я вам, что нельзя нам без "земных" пировать, им тоже надо - твердым голосом промолвила Ацифиса.

Стояла она около стола с полнехоньким фужером в руке и каким-то материнским, твердым взглядом смотрела на всех.

- Не послушали меня сразу-то. Не нравится вам вечер с поминок начинать, а им вот тоже не нравится, что пируем, их не помянув, вот они свое и взяли. И, слава богу, что Светлана им лучшее послала. Хоть этим может, оправдаемся. За всех вас, родные наши, мы помним вас, помним... - произнесла она куда-то в потолок и залпом осушила фужер.

Каждый молча налил себе до краев и залпом выпил. Каждый невольно прятал глаза, думал о чем-то своем, сокровенном, может, чувствуя какую-то вину, пусть не теперяшнюю, пусть далекую...

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ.

Третий год уже трудился в должности директора лес-промхоза Николай Пестрович. Человек по натуре не злой и не жесткий, работал, наверно, как и все нормальные люди, но как и у всех людей случались и у него "залипы". Страсть не терпел пьяниц. Гонял их и днем и ночью. Специально после программы "Время", часов этак в десять вечера, шел на предприятие и... искоренял, искоренял. Вроде бы уже за три года всех "искоренил", но вот начальник столярного цеха... ох уж этот начальник столярного цеха!

Мужик лет под пятьдесят - пятьдесят пять, немного небрежно одетый, но всегда при галстуке и запанках, если трезвый и не "с бодуна" аккуратно выбрит и с хорошим запахом чего-то дорогого, вежливый, знающий субординацию, в совершенстве владеющий даром организатора производства... Вот подступись к такому. Первый раз пьяного Вячеслава Ивановича Николай Петрович увидел когда того грузили в МАЗ. Грузили мужики из столярного же цеха. Грузили как бревно, а не человека. Один гянул в кабину, другой помогал снизу. Куртка, пиджак, рубашка, все это задралось на спину и начальник цеха голым, солидным брюхом скользил по грязной ступеньке грузовика. Николай Петрович даже остановился от такого цирка! Пока сообразил, что делать дальше, мужики запихнули начальника в МАЗ, увидели директора и бросились врассыпную. Маз выпустив черный клуб "экологии" умчался за ворота. "Искоренягь" было некого!? Раздосадованный директор пошел в цех, времени до конца смены оставалось минут десять.

- Где начальник - спросил мастера.

Мастер посмотрела на часы, отлянулась:

- Вот только что видела, да, он еще предупредил меня, что уйдет раньше, просил проверить замки на воротах.

- А он... эго... трезвый?

- Конечно, а как же иначе.

В ясных, синих глазах мастерицы светилась сама чистота и желание угодить начальству. Крякнув пошел из цеха директор и решил с утра заняться "искоренением".

В кабинете, при просмотре почты увидел телефонограмму: "прошу в среду быть на совещании в одиннадцать, доложить о поставках столярных изделий в МИМК". К телефонограмме скренкою приколота сводка поставок с подписью Вячеслава Ивановича. Внимательно просмотрел сводку - зацепиться не за что! Все в срок и во время. Общий перечень по предприятию составлял не одну тысячу единиц произведенной продукции, не одну сотню наименований всех этих

ОР-21-15, ДП-09 и т. д. и т. п. Во всей этой карусели марок, наименований, размеров, ОСТов и техусловий, да еще перемноженных на сроки поставок в разные адреса строек, разобратся могли только два человека - Вячеслав Иванович и Георгий Антонович - начальник сбыта. Когда же начинался серьезный разговор между ними, посторонние люди вообще переставали понимать их тарабарщину. Достаточно одному из них назвать несколько цифр - другой сразу наливался краской и выдавал в ответ очередную партию цифири. Так они могли "парфунить" друг друга часами. Окружающие смутно догадывались, что за каждой очередью цифр скрывалось что-то серьезное, то ли провал в работе, то ли успех, в зависимости от выражения лиц собеседников, но конкретики, конечно, никто осмыслить не мог. Да и сам Николай Петрович осмысливал только те позиции, которые не выполнены в срок, разбирался (а скорее всего заучивал сказанное начальником цеха) в причинах, готовясь к очередному докладу в объединении. С хорошим чувством, что не нужно ничего объяснять, коль скоро все исполнено, и отправился он на совещание ранним утром.

В объединении его поругали, что не привез с собой исполнителя, и поручили в цехе, в торжественной обстановке вручить Вячеславу Ивановичу почетную грамоту?! Никогда еще не случалось такого раздрая в душе товарища директора. С одной стороны он видел позорную погрузку в грузовик, с другой стороны - не подошел же, так сказать не зафиксировал. А вот теперь как же? С одной стороны нужно "искоренить", а с другой... грамоту вручать. Ну, конечно, не вручить грамоту нельзя... но и не "искоренить" так же не входило в обычаи Николая Петровича. В конце концов, пропустив "со товарищи" несколько сот граммов коньяка после удачно завершенного дня, решил, что утро вечера мудренее и поехал домой.

Утро действительно выдалось по-весеннему прекрасным. Грязь подморозило, под ногами похрупывал ледок, на-

строение - самое хорошее. Николай Петрович с рабочей палкой в руке зашел в столярный цех. Обычный его маршрут начинался с другого конца предприятия, но, что-то тянуло его в этот цех, к этому распроклятому начальнику. В цехе шла разнарядка. Без десяти восемь только Вячеслав Иванович проводил подобную разнарядку. Увидев директора, он сразу же пригласил его к столу.

- Проходите Николай Петрович, проходите, наверное, коллективу полезно знать, что там говорили в объединении о нашем цехе, может вздрючку привезли нам, а может и что хорошее?

Лицо начальника цеха чисто выбрито, свежая рубашка, скромный, но не старый галстук. Николай Петрович подошел совсем близко, принюхался - все забивал густой запах неплохого одеколona. Без лишних слов пришлось раскрывать папку, произносить речь, поздравлять коллектив, вручать начальнику цеха грамоту, и! Рука Вячеслава Ивановича все-таки подрагивала!

- Чего у тебя руки-то трясутся? - спросил, когда люди разошлись по рабочим местам.

- Так от волнения. Николай Петрович, не каждый же день грамоту получаю...

- Вячеслав Иванович, тут станок перестраивать нужно а еще не всю пачку пропустили - позвали из цеха

- А позавчера ты...- начал директор

- Извините. Николай Петрович, я только там вот гляну, чтобы чего не напортачили...- и исчез за дверями.

Николай Петрович постоял еще минут пять и, нехорошо ухмыльнувшись, пошел в другие цеха.

Второй раз ему позвонила женщина и сказала, что начальник валяется в коридоре пьяней вина, и пусть директор сам на него посмотрит. Рабочий день закончился полчаса назад. Директор быстро пошел в цех. Ворота закрыты, внутри слышались голоса явно пьяных мужиков. И впервые подумал

Николай Петрович, что не "искоренить" ему пьяниц, просто жизни не хватит.

- Эй, кто там, открывайте! - приказал.

- А ты кто такой, чтобы тебе открывать, мать твою...

- Я-то директор, а вот ты кто такой сейчас посмотрим, открывай, тебе говорю!!

За дверями все стихло, потом кто-то побежал, начался какой-то спор. Директор ждал, он знал, что выйти из цеха сейчас можно только в эти ворота. Минут через десять ворота открылись, перед Николаем Петровичем стояли два пьяных мужика, умильно глядели на него без тени смущения.

- Вы уж нас... п-п-просигте, юбилей вот у одного был, с-с-сегодня, мы ззавтра кккак штык, не, штыки...

- Идемте - коротко приказал обоим и пошел в цех.

Не велики производственные площади, за полчаса обшарил директор все закоулки, кладовки, все проверил. Молчали мужики, молчал и он, все понимали кого ищут.

- Где он!!! - вдруг заорал на пьяниц Николай Петрович, решив применить запрещенный прием "на перепуг", бедолаги аж присели.

- Хххго? - выдохнул один из них

И понял директор, что ничего он здесь не найдет, а Вячеслав Иванович ускользнул опять как налим-рыба.

- Завтра с утра в профсоюз и в кадры! И что бы я вас больше в леспромхозе не видел - рывкнул забирая ключи у перепуганных мужиков.

Утром следующего дня он сам открывал цех в половине восьмого. Рабочие за спиной похихикивали, некоторые прятали глаза. На разрядку Вячеслав Иванович не явился. Часов около одиннадцати позвонила жена и сказала, что он уехал в больницу в Артемовский. Вечером нечаянно порезал руку, задел вену, сейчас все уже позади, зашили, дали больничный на три дня. Только через неделю обратил внимание Николай Петрович на свежевставленное стекло в столярном цехе и покачал головой с какой-то недоброй ухмылкой. На-

чальник же цеха пришел через три дня и... уговорил-таки простить пьяных мужиков последний раз. Без них ну никак план не складывался.

Зело заело Николая Петровича. Уступил начальнику, помиловал пьяниц, а заело. Понимал, где-то там, в подсознании, что сильнее его оказался Вячеслав Иванович в естестве своем. В работе - зверь, в пьянстве - полная скотина, для производства человек нужный, незаменимый. Искоренить - не проблема, конечно, но не вышло бы себе дороже. Казалось ему постоянно, что в ясных, невинных глазах Вячеслава Ивановича не очень глубоко покоилась ирония, азарт игрока, знающего себе цену и уверенного в выигрыше.

После успешного выполнения полугодичного плана производства сидел директор, ждал звонка из объединения. Мечтал отпроситься на пару дней отдохнуть. Прикидывал уже, чем займется, хотелось хоть немного остыть от этого постоянного напряжения, неурядиц и прочего. В домашнем хозяйстве все запущено, с сыновьями уж не помнил, когда в лес ездили, в театр бы семью свозить, так это же проблема целая, добираться до областного центра. А поселок... даже кафешки-то нет захудалой, не то, что ресторана. В кабинет как-то очень уж скромно вошел Вячеслав Иванович.

- Разрешите?

- Проходи, дорогой, проходи. Ты у нас в передовиках, тебе и дверь без стука.

- Тяжела шанка передовика.

- Что так?

- Да устал я что-то Николай Петрович...

- От чего же ты устал-то так?

- Да от вас.

- Кккак от меня?!

- Да вот пришел отпроситься, опустите меня на пару дней... попить спокойно. Без директорского, так сказать, догляду. Я ведь человек простой, театров и ресторанов мне не нужно. А хочется вот расслабиться. Дело сделали, как поло-

жено. ну и так... чтобы никто в шею не дышал. Дня за два, думаю, управлюсь. А там как раз пара выходных, так что к понедельник буду как огурчик. В день по паре-тройке бутылочек, для восстановления производственного потенциала, друг вот коньяку армянского прислал... так что не откажите бедному начальнику.

Минут пять молчал Николай Петрович. Вячеслав Иванович стоял - сесть ему не предлагали, а он был очень щепетивен в этих вопросах. О чем думал директор - Бог ему судья.

- Пиши заявление на четыре дня.

- Слушаюсь. - наклонил голову Вячеслав Иванович и аккуратно вышел из кабинета.

Николай Петрович отдыхал второй день. После хозяйских дел приятно ныла спина, жена готовила ужин... хотелось выпить. И не просто выпить, а в компании. Взял трубку телефона:

- Здравствуйте, Вячеслав Иванович дома? Можно его на минутку? Ничего, ничего, я в курсе. Иваныч, ты еще в норме? А меня в гости принять готов? Ну, тогда жди. Да не готовься особенно-то, я ведь тоже человек простой, а у тебя, говоришь, армянский коньяк был.

Дверь открыла жена начальника. Смущенно и удивленно пригласила пройти. Николай Петрович остановился перед большим овальным зеркалом в прихожей, поправил галстук... "Мальцеву Вячеславу Ивановичу - Лучшему начальнику цеха Петровского леспромхоза 1987 года" - прочитал витиеватую подпись в верхнем углу зеркала. С удивлением подумал, что у него вот такого зеркала нет... не заслужил видно.

ДЕД АНДРЕЙ.

У власти Советов тогда, там, наверху, сдвиг какой-то произошел. Решили они в одночасье народ мясом накормить. Ну и, как водится, постановление приняли, наверное, нормальное, только до нас оно дошло опять не тем боком. Короче говоря, взялись за руководителей все чиновники от партии мертвой хваткой. Каждому понятное дело отчитаться нужно раньше соседа, что в его районе еще одно подсобное хозяйство на предприятии открыто. Не важно на каком, не важно какое, хоть кенгурей заведи, но вот заведи обязательно! Так вот пришлось и мне отправить в командировку одну женщину для закупки десятка бычков, договоренность такая с председателем колхоза была. Думаю, выкормлю этих бычков, посчитаю себестоимость одного килограмма, да на том и закончим. Женщина исполнительная... приехала обратно не с бычками а с нетелями! Не погодилось бычков на тот момент. И закрутилось все липовое сельское хозяйство по полной программе. В полный, так сказать, промот. Ну а вырос я, ежели образно сказать, под кобылою, лошадей до сих пор люблю больше жизни. вот и прикупил еще десяток лошадей. Потом помаленьку у меня из подсобного хозяйства получился конный двор, а затем конноспортивная секция. Хулиганье поселковое собралось на том конном дворе в полном составе, получили так сказать занятие по душе, пришлось тренера обучать. Начал я к тому времени закупать и кровных лошадок. Появились буденновские скакуны, орловские рысаки. Около них и сам душой оттаивал. А вот случай один запомнился интересный. На левом заднем копыте у орловского рысака начала расти какая-то шишка - бородавка. Махровая такая, как капуста цветная. Чем только мои эскулапы ее не мазали, каких только ветеринаров ни привозил я, а вот ни чего не помогало. Однажды фельдшарица ветеринарная разозлилась да и обрезала ее совсем, шишку ту. Правда, ударил ее жеребец

крепко, но ничего, обошлось. А через месяц шишка опять выросла. Персживали мы все вместе из-за жребца того. Вот я и вспомнил про старого конокрада цыгана деда Андрея. Посхал к нему. Знал я его епсе с молодых лет, да и он тогда дедом еще не был. Приехал, а он лежит, не встает уже. Посидел я около него, повспоминали прежние времена...

- Ну ты, Миколай, давай сказывай зачем пожаловал, не просто же по мне соскучился?

- Да ладно, так просто заехал...

- Ну, давай, давай, выкладывай.

Ну и выложил я ему все как есть...

- Коней. вижу, все еще любишь, хорошо это, а вот ума не набрался. Почто коня в стойле держишь, воли не даешь, работой не загружаешь. Так коня не жалеют, тебе это еще твой отец рассказать должен. Ну, коли не рассказал, как слушай: застоялся он у тебя, силен, сыт, а выхода силе его нету. Вот седлай каждый день и до поту. Не загоняй только сразу-то, застоялся он. А потеть каждый день начнет - все пройдет, через месяц и про шишку забудете. Все. пойдн, устал я...

- Ладно... спасибо дед... только весна вот, грязь, а шишка-то кровоточит, заражения бы не было... или замотать се?

- Башку свою замотай... природа все вылечит... да на похороны ко мне не забудь приехать.

Так вот и уехал я обратно весь в противоречиях. Все как есть рассказал тренеру, конюхам. К одному мнению так мы и не припли. Но сделали все, как старый цыган наказал... прошла шишка-го, через полтора месяца и следа не осталось.

А дед Андрей умер через неделю после моего визита... мне так ни кто и не позвонил... так что не был я на его похоронах... паршивец.

ДНЕВНИКИ.

В возрасте тринадцати лет я начал писать дневник. Наверное, в период становления, или так называемый "переходный" возраст, или, не знаю уж какой банальный штамп еще подвесить к этому событию. Но, насколько могу сегодня, с высоты шестого десятка прожитых лет, осмыслить тот момент, думаю, что возникла острая потребность с кем-то поделиться своими переживаниями, эмоциями, чувствами. Как-то в нашей семье не принято вести душевные разговоры, делиться своими сокровенными ощущениями ни с братьями, ни с родителями. Грубоватый практицизм полудеревенского бытия определял и отношения между нами, и насаждал уровень понятий. Затем мне пришлось пройти все перипетии стыда и несправедливости, когда братья со смехом и издевками чигали найденные тетради. Потом я научился шифровать текст и так далее, и так далее. Но это превратилось уже в потребность, в страсть, в необходимость. Прекрагилось это писание уже в возрасте тридцати двух лет, как-то незаметно перейдя в первые литературные опыты и пробы. Дневники же, аккуратно собранные, перевязанные в довольно внушительную пачку разномастных тетрадок, покоились в моих "архивах". Тогда же пришла мысль передать их своему сыну. Конечно сыну, наследнику. Передать ему мой жизненный опыт, уберечь от ошибок, открыть ему дверь в мою жизнь в его возрасте, дать возможность сравнивать, делать абсолютно правильные посылки.

Долго и крепко сидела во мне эта, по-моему, благородная цель, настолько благородная, что не подвергалась никакому критическому осмыслению. Но я чувствовал, что и в моей семье не получалось откровенных разговоров, не складывалось душевной близости. Существовала отцовская и сыновья любовь, уважение, но духовной близости, - увы. Что

же, так меня научили и воспитали... и я ждал. Ждал двадцать три года.

И вот мой шестнадцатилетний младший сын однажды пришел домой в полном расстройстве чувств и глубокой апатии.

- Ну что, сынок, худо?

- Худо, папаня.

- Отчего же это?

- Да так... все как-то в кучу собралось...

- Так это же у всех бывает.

-?!

- Да, и у меня в твоём возрасте.

- Ну, у тебя. Сравнил то же.

- А давай посмотрим - и я достал свои "архивы". - Так, сегодня июнь, двенадцатое. и тебе шестнадцать лет. Значит, мне было столько лет в, сорок три плюс шестнадцать - в пятьдесят девятом году. Вот, тетрадь пятьдесят девятого года, открываем двенадцатое июня. Почерк у меня как у тебя сейчас - сорочий, но на, читай...

- Так это что ли твой дневник?

- Читай, читай.

На двенадцатое июня того далекого года пришлось две страницы. На лице сына сначала отразилось любопытство. потом изумление, недоверие. Он был потрясен! Прочитав еще несколько страниц, отложил тетрадь, и молча долго смотрел на меня. Он не мог облечь в слова свои ощущения.

- Похоже? - спросил я.

Он молча мотнул головой.

- Ну, вот и изучай, если интересно.

Я оставил эту тетрадь на столе и убрал на место остальные.

- Здесь, сынок, до тридцати двух лет можно каждый день найти.

Тетрадку в этот вечер он больше не читал, но лицо его быстро светлело, и скоро от прежнего настроения не осталось и следа.

Тетрадь лежала на столе уже вторую неделю. Лежала раскрытая на той же странице. Ее никто не читал. Она жгла мне душу. В моей голове работала какая-то ступка с мыслями, всякими мыслями. Я не берусь сегодня изложить их на бумаге. Их просто нельзя привести в порядок даже сейчас, и выразить более или менее стройно. А потом я вдруг понял: ему это не нужно! Он живет СВОЮ жизнь. Он совершает СВОИ поступки и ошибки. Он, как и все люди набирает СВОЙ багаж...

Вечером, когда вся семья смотрела очередной боевик, я молча достал свои "архивы", взял со стола тетрадь, и аккуратно положил все в весело потрескивающую печь. В доме воцарилась тишина, только отчаянные американские полисмены крушили очередную мафию, делая по три десятка выстрелов не перезаряжая своих "кольгов".

О ЖЕНЩИНАХ.

Многие из вас, наверное, читали или слышали термин - охотничьи байки. В вашем понимании это рассказы "бывалых" охотников о том, что было и о том, чего не было. Да, порой у костра охотничьего такого заслушаешься! Уж на что я сам мастак "приврать после третьего стакана". А вот произошел случай, что и я слушал, даже не пытаюсь, слово вставить. Конечно, как говорится "по Сеньке и шапка", но все зависит от общества, в которое занесет тебя порой судьба. Кто-то начинает материться уже после первой стопки, или просто от того, то выбрался на волю, от избытка чувств, а кто-то, вышив изрядненько, такое завернет - закрутит!

Короче говоря, попал я в компанию охотников, совершенно случайно, по приглашению моего давнего приятеля - председателя колхоза. Он предупредил меня, что общество своеобразное - не мельче доктора наук, и интересна с ними не столько сама охота, сколько их "мозгоблудие" у ночного костра. Я, помнится, еще подумал, что мы тоже не лыком шиты... а впрочем - судите сами.

У костра и правда собралась компания весьма интересная. Уютно устроившись на множестве привезенных на трех машинах всяких "охотничьих излишеств", сидели, попивали коньячок, попыхивали сигаретками трое довольно молодых людей, лет около тридцати, и два седовласых, но поджарых не по возрасту "авторитета". Охотники все, судя по амуниции, опытные и знающие себе цену. Чего стоил "Голанд-Голанд" одного из седовласых, да и у молодых слабее "Зауера" ружей не было. Но, как говорится, не в том суть. А суть в том, что мужики - они и есть мужики. Ну, о чем же еще могут говорить мужики, после того как попьют коньячка армянского? Да о женщинах, конечно. Но! На каком уровне!!

- Рожденные, вскормленные, воспитанные женщиной, мы, мужики, бесспорно верим в свое превосходство над ней, считаем себя властелином ее, хозяином, и даже мысли не допускаем, что она, милая, до самой смерти, да и после нее, командует нами. Поскольку мы живем немного меньше женщины, мы постоянно торопимся что-то решать, командовать, приказывать, обладать, наслаждаться. Мы и в политику-то ее не пускаем, и в хозяйстве не даем себя проявить... а ей словно как и нужно. Редкая пытается что-то доказывать своему или чужому мужику. Наиболее умная даже поддакивает, соглашается, вдохновляет, а в итоге не только сама все делает по-своему, но и нас заставляет делать так, как ей нужно, как она решила. Недавно в книге "Самоосознание" я с величайшим удивлением впервые прочитал четкое и внятное объяснение существующего "высшего" порядка в этом вечном вопросе. Поскольку эзотерическими измышлениями увлекается далеко

не каждый, я позволю вкратце пересказать интереснейшую мысль - как бы, между прочим, осведомился первый седовластый, и, заметив на лицах молодых явную заинтересованность, продолжил:

- Так вот, мужчина является существом логическим, живет и действует по законам логики. Самый страшный поступок для мужчины - нелогичный поступок. Он - мужчина способен решить самый сложный вопрос, способен пойти на самые кардинальные меры, вплоть до самопожертвования, но логично. Безрассудный подвиг - так же ни что иное, как логическое завершение всего жизненного пути. Но вот, по мнению автора, наше бытие состоит из трех ипостасей - познанного, познаваемого и непознанного. Логическое существо - мужчина способен продуктивно действовать только в двух понятиях - познанного и познаваемого. Путь в непознанное ему закрыт. Женщина же живет не по законам логики, а по законам интуиции, более чувственного восприятия действительности. И только ей открыт доступ в непознанное, потому как ее пределы - непознанное и познаваемое. Только она может маленькими кусочками носить идеи и осознание из непознанного в познаваемое. Так вот, ежели двое, создавшие семью или пару, если хотите, соответствуют друг другу, когда они способны настроиться на одну "волну", когда мужчина готов понять интуитивные послы женщины, предназначенной ему, он способен на открытия, гениальное творчество. А проще он в состоянии перетащить поданную ему идею из познаваемого в познанное, логически обосновать ее, приспособить к современной жизни, извлечь пользу для общества. Ну и, конечно, получить ордена за содеянное. А вот коли он не способен понять свою женщину, уловить ее послы, или просто нашел себе не ту женщину, которая предназначена ему - простите, не состоится гения. К присутствующим, понятно, мои измышления не относятся - стрельнул он глазом в сторону светловолосого молодого человека. - Вот так, коротенько, сама суть освоения человеческого осознания. Как в любом

аспекте человеческого бытия. есть и своя закавыка. Как же найти ее, ту самую, как не отхватить себе другую, чужую, с совершенно другими интуитивными флюидами. Ну, нет же на них маркировки, нет того логического штампа, который мы все и ищем. Ответить на этот вопрос я долго не мог, потом додумался: так не нужно создателю много гениев. Не нужно, наверное, менять скорость развития человечества. Гениальными же бывают не только положительные представители рода человеческого, но и отрицательные. С позиции шести десятков прожитых лет многое в жизни переоцениваешь. Многие поступки свои и поступки друзей и недругов своих осмысливаешь совершенно в новом свете. Все бы укладывалось в нашу логичную схему, ежели бы они, женщины, гоже не искали свои половинки. Борьба у женщины со всеми себе подобными постоянна и происходит совсем по другим законам, более жестоким и бескомпромиссным. Они борются за продолжение рода. Каждая из них старается стать самой красивой, самой привлекательной, самой - самой! Иначе не продолжить ей род свой. Это для нее высший смысл жизни, который вложил в нее Создатель. И уж ежели женщина решила - или добьется своего, или разрушит все, что может, навредит так, что и самой страшно станет.

У костра воцарилось этакое раздумчивое молчание. Я привык судить людей по самому себе, а мне, чтобы осмыслить, что поведал так вот, на едином дыхании седовласый обладатель столь шикарного ружья, нужно, по крайней мере, час и полстакана коньяка. Но молодежь, видно и правда рангом не ниже доктора наук, и осмыслила быстро.

- Да, знакомо мне, как женщина добывается того, что она решила. Вот сейчас за прекрасных дам по стопочке пропустим, и расскажу я вам о своей сестричке - предложил гот, на которого в свое время глянул седовласый.

Как ни странно, ни один из охотников от коньяка не отказался, и молодой человек продолжал:

Подходило мое время искать себе спутницу жизни. Подходило оно так, что все могли видеть невооруженным глазом. Естественно и девушки - на выданье в нашем обществе это замечали. Естественно, многие из них делали попытки определить свою судьбу, поскольку я не был самой плохой партией. Все это потом и закончилось так, как должно было закончиться. Но, Сестре моей это время еще не пришло. Она просто любила своего брата той любовью, на которую была способна. Она еще не разделяла любви к брату и любви к своему, пока еще не существующему, избраннику, и я невольно занимал обе части ее чувств. Однажды я пригласил ее в трехдневный поход по Вишневым горам в нашу кампанию. Господи! Что там произошло. Любая из наших девчонок, осмелившаяся просто приветливо посмотреть в мою сторону, сразу же получала такой шквал эмоций от моей "защитницы", что на все три дня теряла интерес ко мне в частности и этому походу вообще. За один день группа превратилась в какой-то враждующий лагерь, кислые физиономии, подозрительность, нетерпимость... только на второй день я понял, что оказался в какой-то дурацкой изоляции. Попытка поговорить с любящей сестрой ни к чему не привела. Она крушила все на своем пути, не признавала ничего. Ранее я бы и помыслить не мог, что моя младшая сестра способна шипеть змеей, материться и обещать расправу любому стоящему на пути то ли у меня, то ли у нее. Окончилось все это истерикой и замкнутостью года на два. В конце концов, и наши отношения испортились окончательно и надолго. Для меня это и сегодня еще загадка, в определенном аспекте психологии женщины.

- А особенно молодой женщины, или еще лучше брюнетистой студентки - прищурившись, заметил второй молодой человек.

- А вот в тебе как раз и заговорило что-то от той сестрички. Лещенька. Не можешь коллеге просигнать студенточку? Зело свербиг и доньне? - поинтересовался второй седовласый - и компания дружно расхохоталась.

- Да нет. Федор Пантелесвич, я не буду лгать, что не жаль, я просто пожалею, что не солгал - скаламбурил Лешенька.

- Возраст, однако, не помеха в подобном поведении, вот хотите знать, как женщина нас с другом поссорила?

- С приятелем или с другом?

- Да нет, с одним из лучших друзей. Федор Пантелесвич, о приятелях я бы и не вспоминал, мало ли чего бывало.

Седовласый заинтересованно крикнул и Лешенька, откинувшись картинно на валежину, продолжил:

- Дружили мы лет с четырнадцати, потом разошлись пути наши. Встретились уже женатыми людьми, у обоих по двое детей... стали семьями дружить. Все праздники вместе, все свободное время так же. Вот только к охоте я его приучить не мог, а он меня к рыбалке. Бывало, соберемся у него или у меня и каждый о своем. Женщины над нами до слез смеялись. В самый разгар пьяненького греха кто-то из них спросит: "А у окуня копыта раздвоены?" так мы минут на десять и умолкнем. В общем, лет шесть продолжалась эта идиллия. Только стал я замечать что-то необычное в его жене. Трезвая ничего, держится, а вот как чуть пропустит - то уединится вдруг, то целый вечер на меня поглядывает украдкой... я даже и подумать не мог. Да и не ценил я себя настолько, чтобы такая женщина на меня, как говорится, глаз положила. Но, "все тайное когда-то становится явным". Произошло и у нас с ней объяснение. Детали рассказывать некорректно, но когда до меня дошло, что она хочет "меня и всего", это действительно был шок! Я думаю вам не нужно объяснять ход моих мыслей. Студентка, конечно, грех, но жена друга! Объяснил я ей свое видение этого положения, как уж смог, думал, что успокоил ее... смотрю - как рукой сняло через неделю! Но что я тогда знал о женщинах. А через пару месяцев мой друг отказался приехать к нам на выходной. А потом не ответил на звонок, а потом... а через полгода мы уже не встречались вообще. Затем как-то мне передали, что он очень неле-

стно обо мне отозвался в обществе. Она же понимала, что я никогда не позволю себе рассказать ему истину, практически разрушить его семью. И настраивала его, как гитару... так вот и потерял я друга...

- Да, интересная ситуация. Давайте помянем того друга. Только, мне кажется, коли не сумел он разобраться, так пусть бы рогатым и ушел. Нет - нет - нет! Скаламбурил, простите...

Покатилась очередная стопочка доброго коньяка...

- Ну, дополню я вам картину, для полноты изучаемого материала - как бы нерешительно проговорил второй седовласый.

- В свое время, еще цветущим мужиком был назначен я директором одного из номерных заводов. Как-то сложились там дела, что никто долго не держался на этом месте. Производство, в общем-то налаженное, давало непонятные сбои, лихорадило такие выси, что только головы летели. А поскольку желающих "умирать" больше не находилось, меня и послали, с решением бюро в кармане. Терять мне тогда было нечего. А вот желание отличиться огромнейшее имелось. В общем через полгодика завод заработал как часы. Прошло года два. Все шло прекрасно. Я уже котировался как талантливый руководитель, умеющий... и так далее. И вдруг - аناимочка! Без фамилии такая, знаете ли... так и так, живет, мол, новый директор, как барин?! Замашки у него барские. И прочее, все такое. А знаете ли вы, что такое партия на режимном предприятии? И не дай вам бог знать. В общем пропустили меня по полной программе партийной мясорубки. Мяли не то чтобы как могли, а просто как хотели. А вот секретарь парткома, женщина такая вся видная, бывшая красавица, так меня защищала! Просто зубами рвала, вытаскивая! Так вот и получил я выговор с занесением, стенокардию в привесок, и направление на другой завод. Ну, в номенклатуру - то я уже попал, цену мне в министерстве знали.

Лет, наверное, через пять приехал я на мое прежнее предприятие в командировку. Конечно, встречи были, воспомина-ния... а потом, уже под утро, бывший мой начальник произ-водства и спрашивает:

- А знаешь ли ты, Иваныч, почему ты у нас не прижил-ся?

- Так откуда же говорю мне знать, я и сам не понял, кому я что-то плохое сделал. А уж, наверное, сделал.

- Да уж, сделал.

- Но кому?

- Святой ты человек, а может и просто глухой. Пом-нишь нашего секретаря парткома?

- Как же, она еще так за меня боролась.

- Вот она за тебя и боролась, а ты болтнул однажды.

- Чего болтнул?

- Как-то тебе передали ее слова, что все директора се-были, и ты тоже будешь. А ты чего ответил?

- Так, так... я, помнится, сказал, что не люблю толстых-женщин?

- Вот так ты и сказал. Точно. Так ей и передали. Она ту-ананимку своей родственнице продиктовала, а кадровичка-наша в горьком свезла. Она тебя уже почти вытащила. А ты-опять на ее телеса ноль внимания.

- Вот эт-то вариация!

- Такие вот метаморфозы преподносит нам бытие на-ше. Наверное, потому, что мы и, правда, слишком логичные-создания - закончил седовласый с какой-то печальной улыб-кой.

- А вот после стопочки я вам доложу о логике и бале-ринах - предложил один из молодых...

Пропустили по стопочке...

- Так вот, заканчивали мы спецшколу в областном-центре. Народец был, конечно, своеобразный, родители - не-ниже профессора, хватало и тупиц и гениев. Но была у нас и-девочка - кумир, Гатьянка - балеринка. Прогрессировала дев-

чужка во всех дисциплинах, от математики до балета. Когда на школьных вечерах выходила она на сцену в крахмальной юбочке, мы просто падали. На контрольных по математике решала оба варианта и еще конкурсную задачу... многие из наших самбистов (была и такая дисциплина в той школе) челюсти друг другу ворочали за право проводить ее до дому.

Только полюбила она очкарика из соседней школы. Очкарик тот, как говорится - ни петъ, ни свистеть, а вот полюбила и все тут! Школу закончили - он на нее - ноль внимания. Она в его институт поступила, чтобы рядом с ним быть. Школу балетную не бросила, со временем два диплома получила, а он один кое-как выцарапал. Время шло, поженились они... на свадьбу наши ребята не пошли. Жалели ее очень. Потом он степеньюшку получил, кандидатскую, по математике... говорят, что на защите объяснить не мог оригинальности вывода - видно не смогла она ему втолковать, чем отличается интеллект от мепгалитета. Потом докторскую защитил. Мы понимали, что с ее подачи, но у ней уже вместо балетной труппы были двое детей и престиж мужа... А когда он доктором наук стал, нашел себе женщину достойную звания. Она так одна парней и вырастила, образование им дала... да вы, наверное, помните, лет пять тому, парнишка на олимпиаде отличился - его еще сразу в университет приняли, вот это ее сын. А потом пролетел тот доктор наук на одной теории, крепко пролетел. Чуть из института не поперли. Молодая жена его бросила... так наша балерина подняла его из грязи. Обосновала его теорию, логические выводы поразили научный совет. Восстановили его во всех регалиях. Только она не восстановила в сердце своем. Да вы же его знаете, ректор политехнического... до сих пор она его консультирует... говорит, что в этом ее счастье. Ни степени, ни признания. одна любовь, неразделенная... зато ка-а-кая логика!

В общем, дорогие мои, это единственный в моей жизни случай, когда у охотничьего козгра я так и не раскрыл рта! Ставаясь то на одну, то на другую сторону в споре - обмене

мнениями, я вконец растерял ту самую логику, по которой будто бы и живем мы - мужики. Но из самого начала, из трех ипостасей бытия - познанного, познаваемого и непознанного, я понял одно - женщины наши все где-то там, далеко-далеко в непознанном, и мы со своих двух оставшихся нам "колоколен" никогда не сможем осмыслить их поступков, чувств и намерений. Вот такое "мозгоблудие".

ЗАКРЫТАЯ ОБЛАСТЬ.

После многих лет жесточайшей цензуры, одним из откровений перестройки явилось обилие всевозможной литературы на прилавках магазинов, базаров и просто уличных лотках. Нам, еще помнящим строго лимитированную подписку на классику, приключенческие издания, помнящим полки магазинов забитые "трудами" столпов партии и правительства, это казалось настолько непривычно, что мы читали взахлеб, как говорится "от пуза". Но скоро ажиотаж прошел, вседозволенность, вроде "словаря русского мата" перестала шокировать, и каждый выбрал свое направление, то, что его больше всего заинтересовало, привлекло во всем этом беспардонном вале низкопробной детективной шелухи вперемежку с истинными жемчужинами.

Человек, с которым мы коротали время у вагонного окна, оказался из той же категории читателей, что и я. Разговор двух увлеченных людей всегда интересен своей открытостью, пониманием, близостью духа, если хотите. Говорил он негромко, со знанием дела, почти не подбирая слов. Чувствовалось, что в свои пятьдесят с небольшим лет он сделал для себя открытис и поражен происшедшим до глубины души.

- Во всем этом вале свежей информации меня, почему-то заинтересовали летающие тарелки. Раньше же у нас их

"просто не было" и все гут. И вот пошла информация. Начал я собирать эти статьи, заметки, как-то логически систематизировать их. И, знаете, такой пласт открыл для себя - поразительно! Оказалось, что не только за рубежом, но и у нас много людей вплотную занимаются этим вопросом уже многие годы. Человечество накопило солидный объем знаний обо всех этих "прибабах", которые невозможно ни измерить, ни пощупать. И главное, что ученый мир не так уж и консервативен, и монолитен в отрицании неизведанного. Однажды поделился с друзьями впечатлениями. Мне казалось, что я забрался куда-то, в середину абсолютно нового для меня направления и, не зная азбуки, начинаю блудить. Разговор так бы и окончился светским трепом с добавкой юмора, если бы не одна мало знакомая мне женщина, которая заинтересовалась, насколько серьезен мой интерес и какова конечная цель. В общем, пригласила она меня к себе, и разложила передо мной такой объем моих вожделений, что я вообще растерялся. Это же целая библиотека обо всем сверхъестественном и непознанном! Долго просидел я, перебирая эти сокровища, не зная, что и попросить у нее почитать. А закончилось все очень просто:

- Вы окончательно заблудитесь в этом неизвестном для вас мире, и потом охладите к нему - сказала она с улыбкой. - Если хотите серьезно приобрести новые понятия, давайте читать только то, что я вам стану давать. Вы же сами уже почувствовали, что без азбуки дальше - тулик.

Так вот и началось в моем образовании абсолютно новое направление. Я никогда не верил в Бога но, изучив первые порции выданных сю книг, вдруг ощутил в себе непреодолимое желание разобраться, так кто же мы все-таки такие? Кто поселил нас на эту планету, и с какой целью? Наши предки по Дарвину - обезьяны стали невышосимо смешны и наивны, особенно после того, как прочитал я о найденном черепе человека двадцати миллионнолетней давности с пулевой пробойной!? А читать приходилось очень много и Анни Без-

ант. и Блаватскую, и Рериха. и Пола Брентона, и Лазарева и еще, и еще... иногда мозг отказывался воспринимать такие объемы абсолютно нового материала, и она предлагала что-нибудь более литературное. Так попали мне пять томов Карлоса Кастанеды. Эти книги уже давно отгремели свое за пределами нашей любимой Родины, а вот до меня только что дошли. Читается как увлекательный детектив. Логическое построение заставляет по-детски верить всему написанному, настолько много мелочей, ярких, необычных. Показана история воспитания мексиканского мага из нормального американского парня. Все перипетии его жизни выданы с такими подробностями, что невозможно не поверить. Но с развитием событий разум отказывается воспринимать их как действительность. Так вот, одним из свойств, которыми положено овладеть магу, является сновидение. Это состояние, когда маг может во сне действовать разумно, понимая, что он спит. Но. представьте себе возможности! Ведь во сне человек может все! В конце одной из глав Кастанеда объясняет методику приобретения этих способностей. У него же все просто. Оказывается нужно, перед тем как заснуть, поставить себе задачу, или, как он говорит, намерение - увидеть во сне собственные руки. В течении двух недель можно добиться, что руки начнут сниться по вашему желанию. Затем нужно, опять же во сне, усилием воли повернуть руки и посмотреть на свои ладони. И все! С этого момента вы можете управлять своими снами, а коль скоро вы признаете мысль субстанцией материальной, то отсюда можно влиять на наше бытие!/? И до того поразила меня простота этого упражнения, что решил я попробовать. Правда, у Кастанеды на это ушло восемь лет, но особого времени выделять не нужно, просто каждый день, укладываясь спать, вы концентрируете волю и...

Свои руки я увидел на третьей попытке. Через месяц мог запросто заказать себе руки, и они появлялись. Я видел их от плеча до пальцев, я выполнял какую-нибудь работу по дому, в общем, во всех вариациях. Но, развернуть ладонями к

себе - увь. Занимался я этими упражнениями с перерывами около двух лет. Ну, думаю, посмеялся же ты над нами, маг мексиканский, дал пустышку - играйте. Потом вспомню, что ему самому понадобилось всего-то восемь лет... ложусь спать, и снова.

А тут вижу - топором доску протесываю. Руки так четко вижу... а потом мать - покойница вдруг сидит на чурбачке рядом и говорит:

- Остановись-ка ты Петя, послушай меня, я ведь сейчас знаю то, чего ты знать пока еще не можешь. Брось ты это занятие, чего они тебе дались, руки эти? Не пужно тебе их видеть, не дело ты затеял. Ты ведь мой сын, я тебе плохого не посоветую - и исчезла.

Проснулся. Подушка мокрая, голова в поту, а сам сухой. У меня раньше так случалось, после большого нервного напряжения. Так с четырех часов ночи больше и не уснул. Что же это такое, думаю? Ударило по самому больному месту. Мозг мой видно бунтует, не пускает меня дальше определенной черты. Но, просните, кто ее провел эту черту? В общем, решил я мозг свой усмирить, потому, как прочитал уже у Брэнтона, что мозг - накопитель, дух - воля.

Неделю установка на руки не срабатывала. Ложусь спать и как проваливаюсь - никаких сновидений, ни рук, ни ног. Но себя ломаю, заставляю... а через неделю вижу себя сидящим в ограде своего родительского дома, и заходит наш местный священник, с каким-то еще... в рясе, видно его начальником.

- Здравствуйте, - говорит - Петр Васильевич, доброго вам здоровья. Вот в гости зашли, а перекреститься-то у вас и не на что. Ведь образов и крестов у вас неплохая коллекция, хоть повесили бы что, в передний-то угол.

- Да я - говорю - не верующий.

- Да знаем мы, что не верующий, да и не крещеный вовсе, а зря. А пришли мы к вам потому, что на чертовщинку вас потянуло последнее время. Вот и матушка ваша жалуется.

Оборонить просила... а что мы можем? Мы можем только совет дать. Взяли бы вы, Петр Васильевич, вместо этого Кастанеды Гоголя, да и нахлебались дьявольщины, сколько душе угодно. А шагать в область Богом закрытую, вам и вовсе ни к чему. Эта дорожка вас так далеко заведет, покаянием не очиститься. Бросьте вы все это. Послушайте матушку свою, да и от нас не отмахивайтесь. Не от простой поры нам вас тут уговаривать.

Встали, перекрестились и пошли. А второй у ворот остановился, оглянулся и укоризненно так головой покачал.

Проснулся я в то же самое время и в таком же состоянии. Представляете, что творилось в моей голове? Это вроде как последнее предупреждение нужно понимать? С одной стороны дальше - неизвестность и очень хочется знать, но с другой стороны за порогом смерти тоже неизвестность и тоже хочется знать... а шагнуть.

Мой собеседник надолго замолчал. Спешили в обратную сторону столбы - спутники железных дорог, спешила жизнь неизведанными путями, спешили люди узнавать, осваивать непознанное. И только хорошо стукнулись лбом в запретную вежу, на миг останавливались, пытаясь осмыслить серьезность препятствия и найти пути его преодоления. И снова вперед...

ПОШЕЛ.

У Матвеича работа закончилась. Шесть долгих часов по ночному зимнему асфальту от леспромхоза до Тюмени давали себя знать, ломало спину, нагружено были локти. Да, прошли времена, когда мог по шестнадцать часов крутить баранку лесовоза. Обойдя кругом свой УАЗик, придирчиво взглянул под двигатель - не каплет ли. Мороз далеко за двадцать не позволял долго дышать тюменскими прелестями. В

теплой, уютной кабине сладко потянулся, прикрыл глаза. Времени почти девять, последние чиновники спешат на свои насиженные стулья, началась работа директора. Как он там помаст голову, кому пытается втолковать свои беды, у кого просит помощи? Матвеич знал, что сломался двигатель у тягача, и сделать его могли только на этом заводе. Знал, что привез директора вовремя, знал, что подремать можно часик - другой, а потом... как повернет счастье шоферское, может сразу обратно шесть часов, может день по городу, а потом начальство отправится выяснять отношения в сауне... всяко может быть.

Резко открылась и еще резче хлопнула дверь. Матвеич повернул голову - на сидении сидел... директор?! Что-то появилось в нем необычное, как будто потерял чего. Бездумно глядя перед собой, уронил папку на полку, потряс головой.

- Ч - чего? - спросил Матвеич.

- Домой! - как-то хрипло и растерянноскомандовал директор.

Матвеич включил двигатель, перегазанул пару раз и вопросительно уставился на пассажира.

- Домой же я сказал, мать твою!!!

Рванули из-под себя лежалый снег покрышки, рывкнул двигатель, и полетели под колеса километры. Эх, судьбинушка шоферская, не дрова везешь - начальника, на конечной не вывалишь, перекидом не прихватишь... рули "водила" - не твое дело думать. Однако что-то случилось, словно по морде ему там нахлопали, или нагином по заводууправлению повели. явно не в себе начальник.

Километров восемьдесят отмахал Матвеич по стылому тракту три сигареты выкурил пассажир, а в себя как и не пришел. Но не зря у каждого своя работа, которую должен он знать на отлично. Знал свою работу и Матвеич. Внимательно поглядев на директора, подрулил на стоянку, молча достал чемоданчик, нарезал сала, хлеба, почистил луковицу, достал фляжку - непременную спутницу дальних рейсов, протер

тряпочкой стакан. Директор отвинтил пробку и, приложив фляжку к губам, забулькал спиртом так, словно это вода со смородиной. Молча отодвинул бутылку минеральной и хлеб с салом. у Матвеича "глаза на лоб полезли", такого за шесть лет совместных поездок он еще не видел. Минут через пятнадцать директор взял стакан, налил еще немного, пожевал хлеба с луком, вздохнул как-то от всей души:

- Поехали - выдохнул.

Два часа с небольшим длилось напряженное молчание...

- Четыре года прошло, а вот гляди ты. Это надо же, как повернуло. В начале зимы того года выдался день какой-то сумасшедший. С утра все сломалось на предприятии, что только могло сломаться. План горит, а гут как на грех и крап встал, и трос лопнул, и станок заклинило, в общем, полный букет. Злой я был... такой нагоняй всем устроил, в кабинете сижу - аж трясет всего. А тут еще из объединения звонят, воспитывают, будто им там все ясно, а я дурака валяю. А мужик этот в кабинет рвется... да не до тебя, говорю, уйди! А он минут через десять опять... потом еще... я вроде вежливо. Не стало его. А через час опять - вы меня примете? Да пошел ты - говорю - ну и послал, куда бы и не следовало... А сейчас захожу в управление, смотрю - приемная, заместитель генерального директора по коммерции... секретаря спрашиваю - у себя? Да, говорит, проходите... захожу - а он сидит!.. Минут пять мы с ним смотрели друг на друга... потом я и говорю: "ну так я пошел?" А он в ответ: "пошел". Ну, вот я и пошел...

Гудел двигатель, легла в стекло снежная искристая пыль. летели куда-то километровые столбы, отмеряя напрасно преодоленные версты, летела вся планета, исполняя кем-то задуманный оборот, правя свою работу, и никому ничего не прощая.

РАССЧЕТ.

Ой, достали вы меня ребятушки, ой достали! Ну, нельзя в одной семье жить и все время о слове "мое" помнить. Ваше это все, семейное. И пока батяка ваш жив - общее. На том и семья держится, на хозяйстве общем. Да не бычтесь вы, просто я таким как вы уже был, но больше не буду, а вы вот такими как я будете. А чтобы знали над чем поразмыслить, расскажу вам как отец меня пятью словами воспитал.

Восемнадцатый год уже шел, курить мне отец разрешил рано. Самое страшное, как он говорил, курить крадче, обязательно пожар получится. Видно жизнь-то его тоже многому обучила. Так вот сели на покосе как-то перекурить, а у отца папиросы кончились. Он из моей пачки последнюю сигарету взял, и на меня смотрит. Ну, я и говорю:

- Последнюю-то папаня даже кто не берет?

- А я не сигаретку а долг взял.

- Это какой еще долг?

- За хлеб.

- За какой хлеб?

- Ну, вот тебе скоро восемнадцать лет, пора долги отдавать. За что же с тебя взять для начала? Ну, давай, за черный хлеб заплати. За белый пока не надо - и запыхтел последней сигареткой, аж слюнки у меня побежали.

Делать нечего, стал я подсчитывать... а когда подсчитал, всегда стал отцу свое курево предлагать, не ожидая пока попросит. Правда, отец тогда помоложе был, чем я сейчас. Вот и вы не спорьте, в одной семье считаться - только зло будить. А долги свои, за черный хлеб посчитайте... правда, вы его сейчас и не едите, однако, черный-то.

СМЫСЛ.

Многолика и многообразна, жестока и справедлива, отвратительна и красива, коротка и бесконечна, и все-таки прекрасна во всех ее проявлениях - наша жизнь. Порой, кажется, что ты находишься в какой-то школе и проходишь обучение, класс за классом, получаешь отметки в виде радостей и затрепанных дел, делаешь ошибки, мучаешься, исправляя их... а некоторые уже и не можешь исправить. Год от года становишься мудрей, осваиваешь новые ценности, меняешь свои идеалы и симпатии. Чем старше становишься, тем больше задумываешься - как в чем же он смысл жизни твоей, к какому итогу ты должен прийти, что ты должен понять в жизни этой, и зачем.

Эк его занесло, в какие дебри морализма, ладно ли с ним - подумает читатель. Да ладно, ладно со мною. Просто, когда мы молоды, думаем, что времени у каждого еще ого-го сколько! А потом вдруг понимаем, что не так уж его и много остается. Мне очень часто вспоминается замечательный человек, проживший трудную жизнь, испытавший и плен и ГУЛАГ, но не потерявший чувство юмора и оптимизма. Его слова при выходе на пенсию:

- Я сегодня столько знаю, столько умею... и вот - никому не буду нужен уже завтра! Как сохранить мой опыт для вас?

Его не пугала смерть, он несколько раз смотрел ей в лицо, его не пугала старость, его не устраивало, что накопленный багаж уйдет вместе с ним.

Наверное, для того мы и пишем, что до слез хочется, чтобы все накопленное нами осталось людям. Чтобы не повторяли они наших ошибок, пользовались нашим опытом, приобретенным за немногие несколько десятков лет отпущенных существованию по имени человек, и не тратили время свое понапрасну. А как-то преподносит жизнь!

В том году меня избрали - назначили секретарем комитета комсомола завода. Ничем особым не выделяющийся, нормальный молодой мужик двадцати восьми лет, имеющий кучу друзей, увлеченный турист, умеющий извлечь из гитары оптимистичное "дрынь-дрынь" в любой обстановке, вот что я представлял из себя в то время. Но как же круто изменилась моя жизнь после этого избрания! Новые заботы, новая работа, масштабность, совещания, заседания, мероприятия, оперативки, планерки!!! Дух захватывало. Казалось, что без меня и жизнь в городе остановится. Уйдя с головой в работу, я, как мне думалось, прожил этот год на пределе. Выложил, что называется, все, что мог!

Свои дни рождения я всегда отмечал в кругу друзей. У нас не принято приглашать на именины. Приходил тот, кто считал нужным. За нашим семейным столом обычно не хватало места. Августовским днем того года моя молодая жена, как обычно, приготовила нормальный стол, нажарила - напарила, спесла в винный магазин с трудом накопленные деньги (кстати, зарплата комсомольского секретаря - обратно пропорциональна количеству работы) и к шести часам вечера мы изготовились к приему гостей. Из своих новых коллег я никого не звал по той же причине - кто посчитает нужным - зайдет.

... Дареные на прошлый день рождения часы прокуковали двенадцать. Красиво сервированный стол давил на психику своей нетронутостью. Никто не посчитал нужным прийти. Злость на неверных друзей прошла еще в десять часов. Жена усиленно делала вид, что спит, по сей это плохо удавалось. А вот в третьем часу ночи пришло понимание случившегося. Я мог бы сейчас расписать каждую минуту этого осмысления - отрезвления. Я так и хотел сделать. Но пока хотел поступить именно так - не смог даже начать писать об этом. Это настолько интимно, настолько глубоко лично и запрятано, что лучше не шевелить улежавшийся на десять раз пересмысленный пласт. Я перебрал в памяти весь этот сумас-

шедший год. Я процедил его час за часом, все триста шестьдесят четыре дня. Конечно, гордыня моя заставила меня сначала умилиться - как много я, несоцененный всеми ими, сделал добра, но потом... самоистязание достигло высшего накала и медленно, медленно пришло прозрение. Пришло понимание причины, по которой я остался один. Не ковырнув вилкою, не звякнув стопочкою, так и просидел до самого утра и, не переодевшись, пошел на работу.

Следующий мой день рождения не отличался от множества последующих и прошедших. У меня всегда более чем достаточно гостей, когда даже и не очень хочется. Но еще и сегодня горят уши от той памятной ночи, как итога прожитого на едином выдохе года. И когда сейчас, на базе собственного опыта вижу, что человек повторяет мой "залет", делаю попытку остановить, помочь ему - НЕ ПОНИМАЕТ! Он не потому не понимает, что хуже меня соображает. Нет. Просто каждый должен прожить свою жизнь. Только свою. И нет ему дела до твоего инфаркта. Он зарабатывает свой. Он учится в своем классе.

СОБЫТИЕ.

А в прошедшую пятницу случилось интересное событие: я впервые ощутил, что жизнь моя прожита и, в общем-то, пенсика спста. Как-то доходчиво и просто объяснила кадровичка на семинаре, что работать мне, как чиновнику, можно только до шестидесяти лет. Конечно, можно и еще год продержаться за место, но там другие чиновники создали такие условия, что просто сам не захочешь. И вот никак не выходит из головы эта дурацкая мысль. Жизнь прожита?! Да, ребята, я же и не жил еще! Вернее жил, ума набирался, но, люди, мои дорогие, я же вам еще столько всего могу отдать, я столько знаю и умею... а вам уже и не надо? Да, вам уже и не надо.

Кто бы знал как это страшно! Людям уже и не надо. Им просто не нужно все то, чего я достиг своим рвением, опытами, ошибками, шишками наконец. Конечно, все это я слышал уже давно, мне это уже говорили те люди, которые стояли на моем сегодняшнем рубеже, слышал, но не понимал. Как же жить-то мне теперь? Зачем? Я же для себя жить не умею. Я просто всегда жил для чего-то и для кого-то, я никогда не жил для себя. Не нужно ходить на работу, не будет никакой ответственности, можно стоять, сидеть, лежать, спать, пить, бездельничать... и это будет всем все равно? Никого не будет интересовать, что ты делаешь сегодня, и что ты будешь делать завтра. А цель в жизни? Ждать смерти? Писать, творить? Для чего? Ну вот напишет я книжку, кому она нужна? Ну, напишу еще пять книжек, даже сегодня могу опубликовать еще одну. В свое время я организовал строительство пятидесяти двух домов, в них сегодня живут люди. Пусть они не думают о том, кто и как их строил, но дома востребованы, в них живут люди! Это же не книжка тиражом в триста экземпляров, это семейные гнезда, очаги, тепло, дети, семьи... а мне их уже больше не построить.

Наверное, все мое несчастье заключается в том, что не дал мне Господь внука. Вот бы под старость было самое великое дело - воспитывать маленького человека.

Удариться в общественные дела, всевозможные Советы ветеранов? Я ими наелся уже сейчас. Придумать себе борьбу с каким-то злом, вроде наркомании, подменить тех, кто за это получает зарплату и не выполняет свою работу? Заменить на "посту" Катинина, ходить хоронить всех подряд, произносить речи? Упаси меня Боже.

Вот и первое знакомство со старостью. Да, да, с наступившей тебя, Кожемякин, старостью. Ты же сам писал:

За воротами боль да старость
Дней шагреневых укорот
Доживайте кому что осталось

Да и в очередь у ворот...

Дико, непривычно, глупо, наконец! Набирать, набирать опыта жизненного, раскладывать его по полочкам, запоминать где что лежит, что бы в нужный момент... а вот и не будет того нужного момента. не бу-у-удет!

А разве ты не помнишь, когда какой-то старик (в том еще твоём понятии) неповоротливо и натужно старался выразить какую-то свою, сокровенную и очень важную, как ему казалось, мысль, вызывая у всех вас чувство неловкости, жалости... помнишь? А быть таким же хочешь! Так ты же уже и есть СТАРИК! Ты-то думаешь, что ты еще о-го-го, а они, люди-то, уже решили иначе. Им не хочется, так же как и тебе когда-то, испытывать то самое чувство неловкости... и... пойдди ты, на заслуженный отдых. Знаешь, пойдди, не мешайся под ногами.

СПЛЕТНЯ.

Тогда, два с лишним десятка лет назад, когда еще наша страна была мощной и для всяких врагов страшной, час-ченько проводились штабные учения по линии военкомата с участием всех сельских и поселковых Советов. Задачи в общем-то решались не шуточные, от тотальной мобилизации, до поставок техники и оборудования. Конечно, случалось много и парадоксов, порой просто смешного и курьезного, но система работала. Каждый председатель исполкома (тогда еще не было этого дурацкого "глава администрации") организовывал круглосуточное дежурство, обеспечивал связь и т.д. и т.п. Естественно не мог и отлучиться с территории населенного пункта без разрешения, и обязан был проверять связь через каждые три часа. Так в 22-00 я поднял трубку домашнего телефона, чтобы доложить дежурному, что враг еще не

захватил мою деревню. Довольно долго ждал ответа телефонистки. Постучал по рычагу. Подождал еще полчаса, снова попытался позвонить - результат тот же. Не раздумывая долго, завел мотоцикл и отправился на узел связи. На стук в дверь никто не ответил. Я начал стучать громче, теряясь в догадках, что могло случиться. Когда дело дошло до ног, за дверь послышалась какая-то возня.

- Ну... че?.. Че?.. Ково тебе ишшо?..

- Открывайте, что у вас там случилось!

- Ща... вот, токо... и ща... отопру...

Минут через десять кто-то гам нашарил запор и, отворив дверь, вывалился мне под ноги!? Телефонистка была, что называется "в дугу". Она бедненькая даже на ноги подняться не могла сама. Кое-как, затаскив ее внутрь помещения, я стал соображать, что же делать. Благо служить пришлось на узле связи. В коммутаторе я разобрался довольно быстро, нашел номер начальника узла.

- Тамара Ивановна, срочно придите на узел, здесь не все в порядке. я вас жду.

Через несколько минут, наспех одетая Тамара Ивановна удивленно разглядывала телефонистку.

- Ладно, чего уж теперь. Пойдите домой, я останусь дежурить, заменить мне ее нескем. Только, если можно, не докладывайте, мы уж сами тут... - попросила она меня, устравиваясь за коммутатором.

Утром, проверив связь и доложив военкому, я отправился на завод по срочным делам. Со временем у всех руководителей появляется чувство аудитории, общества, чувство обстановки, если хотите. Вот когда просто идешь, и кожей своей чувствуешь - что-то не в порядке... что-то неладно. Какой-то дискомфорт давил на меня сзади. Кто-то хохотнул вслед, какой-то шепоток, кто-то отвел взгляд. Этого не передать словами. И у каждого руководителя есть в коллективе свой индикатор. Это один человек или участок, группа, по

которой всегда можно проверить обстановку. Чувствуя что-то неладное, зашел и я на такой участок.

- А, председатель, проходи, дорогой, проходи, может, чего интересного расскажешь?

- Что вам рассказать. вот воюем понарошку, и днем и ночью.

- А ты нам расскажи, как ты сегодня ночью воевал, нам днем не интересно.

- Так вот... телефонистка сегодня... - замолчал я, чувствуя подвох.

- А у тебя головушка не болит случаем?

- Ну, нет, товарищи, я с ней не пил, правда, потаскать ее пришлось, но в чувство привести не смог.

- А она вот только что рассказывала, как ты "в дупель" пьяный приволокся к ней на работу, и выгонял ее с коммутатора, орал, что сам все умеешь, что сейчас войну соседней деревне объявишь. И для того, чтобы тебя образумить, она даже начальницу вызвала.

- Вот... эг-т-то дааа... Вот это оперативность! Так она весь завод обежала. То-то я смотрю, в спину мне хихикают. А у ней головушка не болит?

- Да по виду-то болит, иначе бы мы тебе не рассказали.

Вот теперь и попробуй отмойся, объясни каждому, на заводе всего-то девятьсот человек, а сплетенка она как пожар в степи, ошарашено думал я о своем положении.

Но, на то и ученья - учись.

"...ТАК УЖ БЫЛО РАЗ У ДВОИХ У НАС..."

Замерла в звездном небе бабьего лета песня, улетела и заглохла, оставив в душах людей неумную грусть о чем-то далеком и неповторимом... а может и утерянном навсегда.

- Вот хорошая песня, а не совсем правильная - после недолгого молчания негромко заметил один из сидевших у ночного костра людей.

- Да тебе, дед, все не в масть, все бы тебе разложить на правильное и не правильное, до всего бы с твоей стариковской логикой докопаться.

- А вот знаете, почему не совсем правильная? Потому как пренебрежение к слову в ней есть. А слово, оно порой всю жизнь перевернуть может, да так круто, как и не мечта-лось. А порой слово-то вылетело, да и хуже шершня... не зна-ешь, куда от него и спрятаться.

- Ну, все, мужики. сейчас будут воспоминания отстав-ного ловеласа, "просю тишины"!

- Молодые вы, "пацаны ишшо", и поучить вас не грех. Налей-ка в мою кружечку, да и слушайте. поганцы, кому же вас воспитывать-то?

Конечно, выглядели мы тогда как истинные герои: все трос в андатровых плашках, черных полушубках, унтах, счастли-вые, сорокалетние мужики, да еще с крупными кунюрами в руках... в общем было на что посмотреть. Ехали с совещания по итогам года. Год отработали отлично, прямо в объедине-нии и премию нам выдали, ну, конечно, в кабинете председа-теля по сто граммов выпили... а когда к машинам подошли - само собой решили в магазин и в дороге, значит, остано-виться. Так вот такие красавцы и завалили в магазин. Мне доста-лось купить колбасы и хлеба. Подхожу я к кассе, вынимаю из кармана самую хрустящую купюру из свежей премии, ста-новлюсь в очередь... да. Подошла моя очередь, поднимаю я глаза а за кассой сидит женщина... лет двадцати пяти - ссми... знаете в песне где-то есть: "ах какая женщина, какая женщи-на". А знаете ли вы, когда бывает так, что вот впервые по-смотрели друг на друга мужчина и женщина и как искра ме-жду ними проскочит. Так проскочит, что и из ума вышибет. Это не говорит о том, что красавица или не красавица, а вот каждый мужик знает - для него ее Бог создал! И женщина в

такой ситуации тоже знает. Этакая полу славянка – полу цыганка, волосы длинные, черные, глазищи синие, как подкалиберные, так навылет и бьют. Стою я, смотрю на нее, и забыл, зачем пришел, и она на меня смотрит, как будто и нет кругом никого. Кто-то сзади толкает, давай, мол. побыстрей, мужик. Я денгу свою ей протянул, а что мне нужно - хоть убей, не помню! Потом говорю, кажется, две булки колбасы и килограмм хлеба... сзади смех. А она сидит, как заколдованная. И вот тут черт мне слово и подсунул: «Такая - говорю - красотища! Сидишь тут. Брось ты это все. Пойдем с нами, нельзя тебе тут!» И вдруг вижу, она кассу закрывает и поднимается!!! И тут меня как ледяной водой окатили, что же это, думаю, я брякнул-го? А вот она сейчас и скажет: «А пойдем! Надоело мне все! Лучшей жизни хочу!» Почти встала уже... потом головой тряхнула - волосы веером, и плюхнулась на стул. Что-то мне там отстучала, еще раз головой тряхнула и говорит: "Следующий!"

От кассы меня оттолкали, хлеб с колбасой я взял, почему-то четыре булки вместо двух и колбасы два килограмма (в общем на всю денгу, которую подал) и не оглядываясь из магазина. В машину сажусь - оглянулся, а касса как раз у окна. Смотрит она, как я в черную Волгу покупки бросаю... и такая тоска у нее в глазах! Короче говоря, лил я тогда водку в себя и никакой хмель меня не брал. До самого дома молчал. Вот как оно слово-то повернулось. Вот тебе и «Все слова одни, все слова».

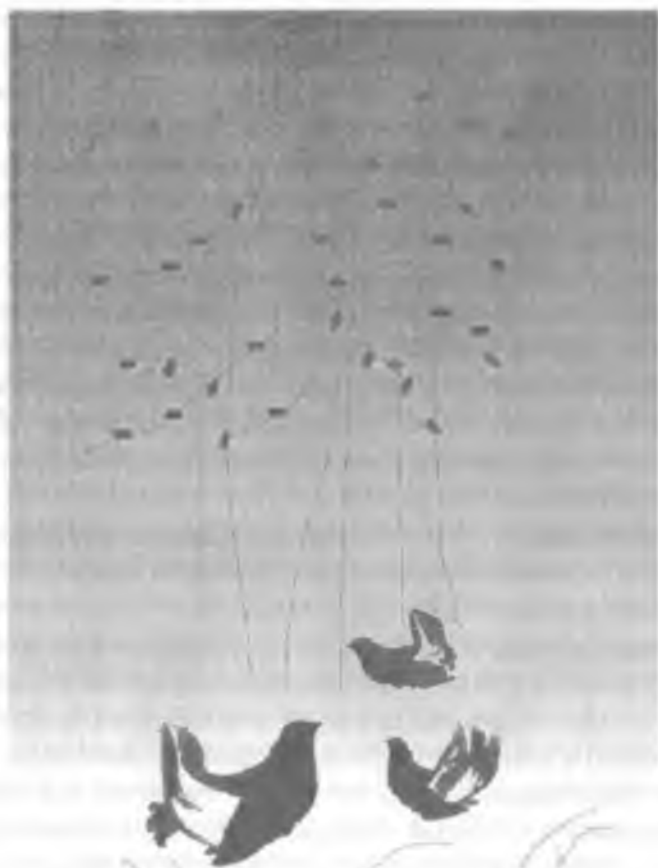
ТВОРЧЕСТВО.

Множество раз, поймав нужное настроение, определив сюжет, восстановив в памяти нужные детали, садился я с надеждой за клавиатуру и начинал писать. Начинал, в надежде родить что-то новое, интересное, этакое, особенное. Весело

бегали пальцы по клавишам, мысль цепко держала основную линию повествования, вроде бы все шло как нужно. Вот последняя точка, беглый взгляд на текст, привычное облегчение и, забросив в память компьютера новорожденного, шел курить, растягивая удовлетворение от прилично выполненной работы. Проходило дня три - четыре, высвечивались на экране знакомые буквы, знакомый текст, я начинал его читать и... деревянные слова, деревянные мысли, долбили по сознанию, словно сучком по кондovому пню. Безлико, безвкусно, скучно! Смахнув с таким удовольствием произведенный текст, я даже не пытался его переработать. Наверное, только громадный талант способен, по слову прожевывая, сделать из деревяшки произведение (тысячи тонн словесной руды изводя). Даже где-то там, далеко и глубоко внутри, оценивая себя как талантливого человека (все мы грешим этим вопреки сознанию) я отлично понимал - не смогу! И не пытался более.

А потом, вдруг... как озарение доходило - выболело, готово! И неодолимая сила тянула за рабочий стол, и не было даже попытки противиться ей. Это что-то выше человеческого осознания. Лихорадочно бегают пальцы, пропуская массу грамматических и прочих ошибок, преследуя одно только - не отстать от мысли, не потерять путеводную нить ведущую НЕВЕДОМО КУДА. Начиная предложение, каким-то неизвестным чувством смотришь на себя со стороны и с удивлением понимаешь - что ты вовсе не то хотел написать, не то пишешь, и идея, и мысль, и все не так, как хотел... но... так, как нужно!.. А потом, закончив, ошарашено смотришь на произведенное тобой, и сам себя спрашиваешь: это чье?!

**ОХОТА КАК СТРАСТЬ
ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ**

АРТИСТ.

Поздний августовский вечер располагал к вышивке и задушевной беседе. Мы сидели во дворе егерского дома за импровизированным столом, на широких лавках. На столе стояли бутылки, блюда с капустой, огурцами, молодой картошкой и прочей деревенской вкуснятиной, от которой невозможно отказаться. Я приехал к своему старому приятелю за сезонной путевкой но, поскольку встречались мы два-три раза в год, встреча получилась теплой, взаимопредупредительной и ностропливо обстоятельной.

- Ты понимаешь, Володя, должен быть у парня стимул. Закончил третий класс на одни пятерки. отказать не могу, а он свое - возьми на открытие и баста! Ну, я же на своей луже, ни шагу никуда, пусть рядом сидит. Двалцатка у меня. одностволочка легонькая, метров на двадцать пять хорошо несет. подранков добивать будет, а? Только нужно, чтобы дошло до него, что это ему за его пятерки такая радость досталась, ну, что не бесплатно, как исключение.

Володя, в общем-то, человек пьющий очень мало, позволял себе со мною пропустить довольно приличную дозу. Отношения у нас сложились настолько доверительные, что могли мы на санях проехать по лесу целый день, не сказав ни слова. Бывает, когда человек тебе очень приятен, ты его, как бы, не понимаешь, а чувствуешь, стараешься угодить, упретить, а ежели это взаимно, то вообще полная гармония.

- Да ладно - ответил Володя, похрустывая огурцом - бери своего вундеркинда, пусть покормит комаров. Приеду и документы проверю, и понятие у обонх оставлю, что почем. Поручение-то уж очень интересное, тем более оплата предварительная - сказал он, разливая остатки из бутылки по стаканам.

Вернулся домой я далеко за полночь, сын не спал - ждал.

- Ну, что придумали? - как наболевшее выдохнул.

- Ладно, поедем, путевку на тебя не выписали, но возьми вместе с патронами дневник. Думаю, прорвемся.

И началась для маленького человечка охота. прямо сразу за двос с половиной суток до открытия, среди ночи. Зазвенели гильзы, посыпалась дробь на пол, на столе появились мерки, весы, шжи, капсюля. Убеждать его, что зарядкой займемся завтра, бесполезно, и поэтому я сказал, что поедет он с двадцаткой, и сидел, корректируя зарядку патронов, часа два. Под утро, оба счастливые улеглись спать.

И вот укладывается в багажник "МОСКВИЧА" все необходимое, перепроверяется еще и еще раз каждая мелочь и в путь! Охота на водоплавающую открывалась в последнюю субботу августа с восемнадцати часов. Приезжали на свою любимую лужу в заросли ивняка мы часов в десять утра. Останавливались на обжитом месте, разводили костер, готовили обед. В общем, тянули и гянули счастливые минуты, которых обычно ждешь целый год.

- Открытие охоты это вам не первое мая, это праздник - любил к месту сказать мой товарищ по охоте Матвейч.

К двум часам дня поспела уха. мы устроились у костра с чашками. деревянными ложками, всем скарбом, который пеший охотник никогда с собой не потащит, а автомобилист не откажет себе в удовольствии иметь. Охота есть охота, а открытие охоты - статья особая! Раз готова уха то, как говорится, "рыба посуху не ходит". Приняли мы с Матвейчем по сто граммов и... заплепали губы по горячей наваристой ухе! Только не судьба видно нам насладиться покоем и трапезой. Зарокотал мотоцикл, и прямо на поляну вырулил заляпанный грязью егерский "УРАЛ". За рулем сидел здоровенный мужик дикого вида, с кудлатой бородой неопределенного цвета. В коляске, собственной персоной Владимир Иванович - наш неповторимый егерь. Они обрулили всю поляну и, как-то подчеркнуто, отчужденно, поставили мотоцикл метрах в двадцати. Затем, медленно и чинно сошли на землю, постояли, о

чем-то поговорили и, вперевалку, как люди уставшие от долгой езды, привыкшие ко всему, направились к нам. При чем егерь шел первым, а за ним и тот, бородатый, с ружьем в руках. Держал он ружье как бы нехотя, но наготове. Егерь подошел к костру, а тот остановился метрах в десяти, не спуская с нас глаз. Взгляд у него был какой-то тяжелый, исподлобья, настороженный. Мы все встали, поздоровались, пригласили к уху. Володя крикнул и вместо ответа потребовал документы. У Матвейча округлились глаза, он не мог знать о нашем уговоре.

- Да... ты, Володя... ч-ч-чего? Вчера же выписал, вот они твои бумажки! Али не похмелили тебя сегодня? Так садись же, уха знатная, двойная!

- Не тарахти - буркнул со своей позиции бородатый.

- Значит, путевок две, а ружей, почему три? - как-то зло, отрывисто спросил егерь.

И тут я увидел, что сынишка давно уже собрал ружья и разложил на сидении все наше стреляющее имущество. Одного я не мог понять, почему егерь злится, и зачем оставил бородатого, там, на позиции, не побежим же мы, в самом деле.

- Так это... я... на случай... - начал я.

- Чье ружье?! - рявкнул бородатый, и сделал три быстрых шага к нашей машине.

- Так в билете же написано - уже не на шутку возмутился я.

- Ты что, думаешь, я тебе поверю, что ты чирков по македонски стрелять собрался? - с издевкой спросил егерь - вон твоя вертикалка, а эта пукалка наверняка для пацана твоего! Ишь! Детский сад вооружил! На охоте игрушки играть собрался. Сидор, забери-ка эту штуку - показал пальцем на двадцатку - да принеси сумку с протоколами.

У меня от неожиданности отвисла челюсть. Смех-то смехом, но если протокол составит, это же потом не выкрутить ружьишко, знал я их бюрократическую контору. Да и

вид у обоих был какой-то свирепый. Черт их разберет, может следом областная инспекция едет. Что с ним случилось, с приятелем моим, кто его завел с утра? Таким я его еще не видел. Бородатый Сидор (имя-то, какое дикое) принес меж тем сумку и унес двадчатку. Матвсич крутил головой, захлебывался от возмущения, и кроме мата ничего не мог произнести. Сын бледный стоял у машины, и круглыми глазами смотрел на мотоцикл где лежала двадцатка. Сидор снова отошел шагов на десять и занял ключевую позицию с ружьем подмышкой. Володя сел на мою плащ-накидку, отодвинул чашку с ухой, раскрыл сумку, достал авторучку, бланки...

- Фамилия, имя, отчество - спросил он казенным, будничным голосом.

- Ну, браток, у тебя видно крыша поехала - заметил я - ты, что сегодня перебрелся?

- Я тебя попрошу отвечать, как положено, это вы тут на празднике, а мы, посмотрел он на свой заградотряд - на работе. И если будешь хамить, то не только двадчатку а и вертикалку потеряешь. Сказано в правилах с восемнадцати лет, и нечего тащить сюда все, что ты там настругал. Вот вырастет, охотничий билет получит, тогда пусть хоть ко мне в огород идет. А сейчас - закон есть закон!

- Назад! - вдруг рявкнул Сидор.

Это наш молодой охотник пытался забрать свое ружье.

- Так ты серьезно? Будешь составлять протокол? - спросил я и посмотрел в бумаги, на бланке уже красовался номер и моя фамилия!?

- Володя, ну увезем мы сейчас парня обратно домой. Ну, не порти праздник, не первый год знакомы - начал Матвсич спокойным голосом а руки его дрожали и бутылка стучала о край кружки, предательски выдавая волнение.

Егерь взял налитую кружку, посмотрел на нас, выплеснул водку в ведро с ухой.

- Гак, купить хотите. Один аргумент, значит, если егерь, то обязательно пьяница!/?

И пошел честить, распалаясь, всю нашу браконьерскую братию. Начавшийся с экологических проблем монолог закончился тем, что хищники, подобные нам, еще и воспитывают хищников с самого детства и они, эти молодые хищники-убийцы, вместо того, чтобы учиться, лезут по болотам, убивают все живое, и мозги у них как у вонючего хорька!!!

Кто-то дернул меня за рукав сзади, я отмахнулся. Не ожидая такой проповеди от своего бывшего друга, я уже приготовился выдать ему всю обобщенную грязь, которую смог вспомнить обо всех егерях всего света... Снова дерганье за рукав...

- Чего тебе? - рыкнул на сына.

Со слезами на глазах тот протягивал мне свой дневник.

- Вот этому горлопаку и покажи его - ткнул я пальцем в егеря, еще не соображая, что происходит.

- Что там у тебя за домовая книга? - спросил егеря и взял раскрытый дневник.

Долго всматривался, тряс головой.

- Сидор! - позвал бородатого.

Тот подошел, посмотрел в дневник, присвистнул, посмотрел на егеря, на сына...

- Ну?

- Слушай, у меня три сына, последний в армии, по такого отродясь не видывал - сказал егеря, плеснув себе в кружку из бутылки. Выпил, не закусывая - что с ним делать-то - спросил Сидора.

- Да... у нас в школе пятерки-то токо у девок были, а туга звои! Пушай нето пострелят. Не видывал такого! Отличники-то оне ить чистюли - мамкины детки все, а энгот в болоте!?! Пушай.

Егеря молчал, мы с Матвейчем смотрели друг на друга. Он начал понимать суть происходящего, а я все еще не мог погасить в себе возмущение поведением хама-друга-егеря, которого в запале, про себя назвал уже бывшим...

- Да, придется отдать пукалку-то, Сидор? Иди парень забирай свое ружье. Удивил ты меня, однако!

- Ить гли-ко! Парнишка а одне "петухи"?! Уж посидел видно за книжками, бедненький - все еще удивлялся Сидор.

- Ну, хрен с вами, если еще год закончит так же - везите его сюда и на следующий сезон!

Володя подал сыну дневник, демонстративно бросил в костер протокол. Они подошли к мотоциклу, оглянулись на сына, еще покачали головами, завели "УРАЛ" и поехали.

Мы с Матвеем были настолько ошарашены, что с места не двинулись. Мотоцикл остановился за кустами, егерь позвал меня:

- Ты, это, уху сварил, а грамульку-то в ведро вылил?

- И-и-и-нет - ответил я, еще больше обалдев от такого неожиданного вопроса.

- Ну, я так и знал, вот поэтому и поправил дело-то - ухмыльнулся Володя. Ну, счастливой вам зорьки!

И мотоцикл рванул с места.

ГЛУХАРИ.

Матвейч резко крутил баранку то вправо, то влево, объезжая колдобины на старой лесовозной дороге. Он знал эту дорогу, как впрочем, и многие здешние дороги, наизусть. Он даже помнил, когда ее разрубали эту дорогу. Тогда впервые повезли лес с дальних делянок и, обходя Калиново болото, пришлось прорубаться сквозь вековой бор. Нет уже сейчас ни того бора, ни тех делянок, да и Калиново болото наполовину пересохло. А вот дороги остались, верней прогалы от дорог, да незарастающие колеси, как незаживающие раны. Вроде бы ровная травка зелененькая, а под ней метровой глубины колеса. Тогда не было и машин-то таких, чтобы так ис-

пластать землю. Возили лес на "Захарушках" - военных машинах. Золотая машина. вот только кабинка никуда не годная, а машина проста, надежна. неприхотлива, как крестьянская лошадка. И прицепы были просты. правда, не так надежны. С одной стороны колесо, а с другой - полоз, как на "костыле" и ездили. А потом появились "Колхиды". Горный тятчак - карикатура на машину, а не машина... Как говорил Гиви: "Хороший машина, но три вещи боится - жара, гора и холод". А колеи это наследство химлесхоза. Тем, хоть камни с исба, нужно и продукты, и тару завезти, и живицу вывезти. Так вот после двух - трех лет подсочки по дороге и танку не пролезть. Но нет худа без добра, не эти бы колдобины на дорогах, не было бы и глухарей. А глухари здесь водились всегда. Вот и сегодня, привез директор кого-то из областного центра, наверное, шишка большая, судя по уважительному обращению, и поставил задачу: организовать пару хороших выстрелов по глухарям. За многотрудную свою шоферскую жизнь не только лес возить пришлось, директор, сидящий сейчас сзади, для Матвевича седьмой. Всякие люди посидели на соседнем сидении. Был самодур, был ни рыба ни мясо, а был и алкоголик. Вот с тем-то пришлось хватить лиха! Утро начиналось обычно с разведки: "с бодуна" или нет? Если "с бодуна", то нужно было быстрее спрятаться, или же разобрать машину, в противном случае приходилось рулить до позднего вечера, пока не вырубится окончательно. Был и бабник. Тот вообще заставлял сидеть в машине до полночи. Заберется к какой-нибудь подруге, а водитель, чтобы ждал неподалеку.

А глухари – исчезли куда-то. Матвевич старательно прочесывал поляну за поляной, но они - как на собрание ушли. Конечно, браконьерство это, с подъезда глухарей стрелять, и раньше не допускал директор такого, но уж очень важное дело застопорилось видно, коли, нарушены все принципы. Такое могло случиться, если вопрос касался задач глобальных. Но вот, наконец-то, на огаве около кустов калины, стоит, вытянув отливающую синими бликами шею, матерый

петух. Подъехать к птице тоже нужно уметь. Далеко не каждый водитель обладает этим искусством застарелого браконьера. Но задачу свою Матвейч знал, и выполнил на отлично, подвез гостя правым боком, на верный выстрел, нагнувшись, бесшумно открыл дверцу, и плавно остановил машину. Гость неторопливо поднял свой "ЗИМСОН" с витыми стволами, и ахнул громовым дублетом. Сизым дымом заволокло машину и поляну, не видно ничего. От неожиданности оба они с директором оторопели.

- Это что, дымарь что ли? Сейчас уж никто таким не стреляет - спросил директор, вылезая из машины - это же его зараз двенадцать граммов сгорело.

Гость лихо выскочил на поляну и побежал к тому месту, где стоял глухарь. Глухарь отсутствовал! С сорока-то метров, да из "ЗИМСОНА"!?

- Куда же он успел забраться перед смертью, окаянный...

Все начали прилежно искать, хотя и понимали, что искать нечего.

- Старинное ружье, целное очень, ствольная сталь на дымный порох рассчитана - объяснил гость с чувством собственного превосходства - но матерый уж очень глухарище, удрал подранком, жаль.

На том и порешили, что не догнать подранка, коли улетел. Конечно, жаль, но охота только началась, да и главный принцип воспитания кадров гласил: любая команда начальника - радость для подчиненного.

Поехали дальше. Километра через два история повторилась. Снова Матвейч подвез стрелка к самому глухарю, и снова оглушительный дублет не дал ничего кроме дыма. В машине установилась гнетущая тишина. Директор сопел, чувствуя, что еще один промах, и результат задуманной им аферы будет обратным. А это, между прочим, отбросит предприятие лег на пять назад в плане технического прогресса. Не время, да и не место разбираться, почему приходилось прибе-

гать к таким вот способам решения производственных дел. но, как говорится, все наше с нами. Начав эту охоту, нужно было доводить ее до победного конца. И снова гулел мотор на средних оборотах, ненавязчиво и споро, в умелых руках опытного водителя, снова мелькала поляна за поляной, и шарили глаза по опушкам.

Третий и четвертый выстрелы дали те же результаты. Директорская вертикалка осталась дома, а свою, хоть и надежную одностволку, Матвейч предложить просто стеснялся. Азарт охотника в нем кипел с дикой страстью, он вопросительно поглядывал на директора, но тот отрицательно мотал головой и недовольно кричал. Оба они, проездив в одной машине уже шесть лет, понимали друг друга без слов. Понимали и то, что не попадет гость ни в глухаря, ни в баню на огороде. Директор мучительно искал выход из создавшегося положения, а Матвейч начал подумывать об испытанном способе, остановить процесс - попросту забуксовать. Но, как на грех, на следующей поляне, под солидной старой березой, копался в пыли молодой глухарь. Машина остановилась от него в пятнадцати шагах. Гость аккуратненько так открыл дверцу, вышел на поляну и... подняв ружье, вдруг, выпалил куда-то вверх, по веткам?! Глухарь оглушительно захлопал крыльями, тяжело поднялся и был таков...

- Ты чего!!! - заорал Матвейч на стрелка - струя в глазах-то? Куды ты, баран, палишь!? Ты что, глухаря под носом не видишь? Я тебя, мать твою... за каким лядом два часа возжу? Не умещь стрелять - пошел на собачье сиденье! Да я сейчас, если не будете мешать, из своей одноляпки за восемьдесят шагов следующего петуха запросто сниму!!! Порудите немного - повернулся он к директору...

Директор стоял, ухватившись за дверку машины, съехался, как будто ждал удара. И тут до Матвейча дошло, что он испортил все, изломал детально подготовленное действие и ущерб этот превышает стоимость и машины, и глухарей, да, наверное, и их с директором обоих. Он повернулся к гостю.

Гот стоял и смотрел на него с великим удивлением. Воцарилась звенящая тишина...

- Извините ... - пробормотал Матвейч, лихорадочно обдумывая положение.

- Д-да ладно, Ленина и то на охоте материли - вдруг огорошил гость - тем болсе и патроны у меня кончились. Но, доложу я вам, ребята, и настрелялся же я! Как на открытии. А жена у меня все равно ни теревить, ни готовить глухарей как следует, не умеет. Давайте-ка вон к той березке подрулим, да примемся за сумочку мою. Вот собрать сумку она ого-го как умеет!

Сумерки туманно опускались на октябрьские покосы, последние блики солнца уходили за багряные осинники. Матвейч жевал городскую колбасу и, облегченно вздыхая, прислушивался как мирно, понимая друг друга, беседует начальство. Видно было, что дела репаются положительно. Над поляной, как бы в насмешку, тяжело пролетел глухарь, но увлеченные беседой охотники, его даже и не заметили.

ХОХОТУН.

Сколько пройдено троп и дорог, сколько перемеряно веслами бурных и спокойных рек, кажется, все меньше и меньше должно оставаться в природе неизвестного, кажется, каждый звук знаком и слышан-переслышан, аи - нет! С завидной постоянностью преподносит матушка-природа все новые и новые сюрпризы. Помнится, еще в детстве, долго искал я лесного барабанщика. выдающего весенними утрами в еще льдистых уральских лесах звонкие очереди, разносящиеся на несколько километров. Часами бегал по болотинам и соснякам, много раз спугивал цветастых, черных и зеленобоких дятлов, но так и не мог натакаться на возмутителя спокойствия пока он, этот самый дятел, не забарабанил по сухо-

му суку над самой моей головой. Как же я удивился, когда узнал, что это его своеобразная свадебная песня! Нашел же себе инструмент! А громкость-то какая, слышно-то как далеко! Помнится, как хохотал надо мной отец, когда я испугался странного звука, не-то рева, не-то лая. И это в вечерней темноте июльского покоса, в глухом лесу. Цриво, под телегу хотелось забраться от жуткого звука. Долго не мог согласиться, что страшный рев этот исходит от симпатичного нашего уральского козла, или самца косули. А приходилось ли вам слышать лесную "гитару"? Это когда низкая ветка дерева при ветре задевает за высохшую гонкую щепу сломленного ствола. Если щепка высоко над землей - звук один, а вот если она низенько, в мочажинке какой-нибудь, или под бугром - звуков много. Только что одна струна прозвенела, а вот уже и совсем другая, и тон другой, а ветерок немного изменится так совсем и с другой стороны зазвучит.

На севере нашей области есть знаменитое Куминское болото. Тянется оно километров на сорок с севера на юг, да примерно столько же и с запада на восток. Летом страшно ходить по тому болоту, зыбкие трясины, окна, пропарины. Но и клюквы, и дичи в нем - не счесть. Небольшие озера изобилуют рыбою и всякой водоплавающей живностью. Ходили мы несколько раз на эти озера в майские праздники. Тяжело идти, в час по одному - полтора километра и топаешь всего-то. Спина мокрая, ноги во мху вязнут, но лед подо мхом держит. И вот в этих-то, не единожды исхоженных местах, преподнесен был нам очередной сюрприз.

После тяжелого дня, когда гуляют спина и ноги, так приятно полежать у костра. Разговоров и баск охотничьих, как всегда, в достатке, сытно и тепло, что нужно еще путнику для полного счастья. И вот когда наступила минута тишины, знаете, такая пауза между новыми побасенками, как бы выговорились все, вдруг за самыми нашими спинами:

- Уа-хуа-хуа-хуа!!!

Да громко так! В темной тишине, среди заброшенных болот, глухомани сибирских марей, так мог хохотать только сам леший! Во всяком случае, так подумали почти все. Кто-то просто подскочил на месте, кто-то из положения лежа махнул через костер, но все замерли, как по команде, начали озираться и вглядываться в темноту, ставшую вдруг не такой уж и безобидной. Дикий хохот, от темноты казавшийся презрительным и радостным, подействовал на всех словно ледяной душ.

- К-кто это?

- Лешак!

- Да не, мужики, правда же, кто это?

- Ну, не верите и не нало, он и в прошлый раз приходил, да я просто не говорил вам, думал, смеяться будете.

- Да не хохотал он тут в прошлый раз!

- А вот вы все помолчите минут пять - десять и не шевелитесь, посидите тихо, он подумает, что засыпаете, вот и попробует разбудить, а точнее проверить не пора-ли ваши души болотным бесам продавать.

- Да ну тебя, кончай издеваться, знаешь, так говори!

- Ну, все, молчок.

И мы замерли, приняв настороженные позы в ожидании повтора этого неведомого, леденящего хохота. Кто-то пододвинул поближе ружье, шелкнул чей-то предохранитель, мой сосед даже нож свой поближе подтянул. Полное безветрие Куминского болота доносило свои, и без того странные звуки, на приличное расстояние. Вот кто-то плеснулся в озере, ондатра или карась, вот засвистели утки, резко, с нарастанием и попадали в воду около противоположного берега... тишина. Кто-то тихо, но емко и тяжело застонал со всхлипом:

- Н-н-н-н-ох-х-х-ш-шшшш...

Этот звук мы знали - газ выходит из пропарины. Снова тишина. Ожидание не лучшее состояние человека, особенно если ждешь что-то неведомое. Устаешь от ожидания довольно быстро. Здесь же напряжение нарастало, становилось не-

вмоготу, а хохота все не было. И вдруг совершенно с другой стороны, но еще ближе, метрах в пяти от костра:

- Уа-хуа-хуа-хуа - хахаха!!!

Состояние наше иначе, чем переполохом назвать просто не могу. Выпалил Юрка в ту сторону из обоих стволов сразу, еще более усилив эффект, кто вскочил, кто наоборот пригнулся. Хохотали во всю мощь только двое.

- Да хватит вам, куропад же это! Самец белой куропатки. Перестреляете друг друга со страху.

- Не может того быть, я, сколько их добывал на Северном Урале, но не слышал такого!

- Так перед смертью кто же хохочет, да и не весна была видно тогда, не время. А сейчас их вокруг нас наверняка штук пять-шесть крутится, любопытство у них сильнее всего, пока мы разговариваем, шевелимся, они наблюдают, как только замолчали - начинается своеобразный обмен мнениями. Такая уж вот дичина. Я тоже, когда первый раз его услышал, чуть стрельбу не открыл, но потом половину ночи приглядывался, все высмотреть хотел, остяки до слез хохотали надо мной.

- Давай цепью рассредоточимся, закружим его и костру выгоним!

- Ну, ну, пробуйте, он же дома.

Часа через полтора после нашего переполоха куропад захохотал снова.

КАБАНЫ.

Этого зверя мы, уральские охотники, ранее не знали. Появился он у нас стараниями начальника Свердловской Главохоты Киселева. Сначала кабаны прижились в опыльном хозяйстве в Сысерти, а потом расселились по всей области, на-

верное, заняв пустующую экологическую нишу, как пишут очень умные и сведущие охотники - профессора. Мы же, простота профсоюзная, присматривались к новоселам, потихоньку изучая их образ жизни, но брать их еще не умели. Потому и лежали в охотобществе лицензии, которые порой никто не хотел выкупать. Но мы видели, что зверь серьезный, постоять за себя может, наносит урон и глухарю, и зайцу, и всему, что гнездится и выводится на земле. Стадо в несколько голов может перепахать покос до неузнаваемости в одну ночь, собрать с поля свежепосеянную кукурузу, а при опасности, в отличие от короткохода лося, уходит не прямой до пяти-восьми километров. Поэтому очень интересным и заманчивым показалось предложение егеря соседнего хозяйства принять участие в кабаньей охоте. Уходили сроки, нужно было закрывать лицензии, нужен был стрелок на загоне.

В нашей интересной стране так много всего делается по интересному, что не перестаешь удивляться гибкости ума и природной сметливости народа. Ну, кажется, чего проще, назначили егеря, дайте же ему и технику соответственно. Ан нет! Так не интересно. Вот и приходится искать в колхозе списанный трактор, воровать (а как же иначе) запчасти, восстанавливать эту грудю железа, оснащать ее приспособлениями для сверхпроходимости и для перевозки людей. Вот и получается егерь-тракторист воровского профиля. Ну, а как следствие всех этих страданий, все помощники-воришки запчастей, становятся таковыми и в лесу?! И попробуй егерь останови такого, у самого же завтра трактор встанет.

В лес выехали затемно. "Салон" такого "Беларусика" представляет собой сваренный из листового железа ковшик, подвешенный сзади на гидравлику. Отсутствие амортизации компенсируется оперативностью погрузки и выгрузки стрелков.

В нарушение всех охотничьих правил, памятуя фронтовые рассказы отца, оружие я заряжаю и разряжаю дома. Годами выработанная привычка - не выпускать оружие из

рук, выглядит со стороны немного странно, но обеспечивает как полную безопасность, так и оперативность. Соседями по ковшу-салону оказались двое военных с классическими "меркелями". Я видел эти ружья впервые, их быстрострельная оптика произвела на меня впечатление, как и вся экипировка владельцев. Они тоже обратили внимание, что мой СКС будто прилип ко мне, даже когда я принимал "наркомовскую", и, наверное, посчитали меня за своего. До обеда кружили по полям, лесам, просекам - искали следы. Во время обеда егерь потихоньку сказал:

- Сейчас объедем болото, поворачиваться не буду, головой мотну - вынадывай. Устраивайся быстро, если они есть - выйдут точно на тебя.

Я понял, что "меркелям" он не доверяет, наверное, были на то причины. По условленному сигналу я действительно выпал из ковшика, военные замахали руками, но трактористка добавил оборотов и исчез за в осинниках.

- Надо думать, ты уже на номере - поздравил я себя.

Посередине полужаросшей поляны, шагов этак сто на сто пятьдесят, стояла береза, около которой я и десантировался прямо носом в снег. Огляделся. Кабаньи тропы (снегу было по колено) скрещивались у самой березы. Мне говорили, что по снегу кабан ходит только своими тропами. Геройский дух, присущий всем охотникам на людях, быстро - быстро исчезал, вместе с удалявшимся гудением трактора. Размышлял я примерно так:

- Ну и кого ты, дурак, собрался тут убивать? Вставай за березу, на ней метров на пятнадцать ни одного сучка нет, а ты хогь видел кабанов-то? Это же он по тропе прямо в лоб к тебе пойдет, к самому... а бежит он, наверное, не тихо. Да и не селезень, стрелять-то в него. Это же встречного надо только в лоб и поразить, иначе - подранок! Начитался я про них, подранков-то... вон свердловчанина клыком пластанул - довести не успели...

С нескрываемой тоской, оглядевшись, я заметил шагах в тридцати разлапистое дерево. Сучья расходились метрах в трех от земли, верхушка была сломлена.

- Устраивайся быстро - вспомнил я наставление егеря.

Дорого бы я дал, чтобы со стороны посмотреть как тогда "устраивался быстро". В общем, через пару минут я находился в тридцати шагах от тропы и в трех метрах от земли. Уверовав в то, что никакому кабану до меня не допрыгнуть, я начал размышлять немного по другому:

- Ну, вот, идеальная позиция. Серьезного зверя нужно поперек стрелять, а не вдоль. Да и не должен кабан по деревьям глазами шарить, чего он собака что ли? Фактор неожиданности, стало быть, за мной. Да и не много страху в кабане, однако, а вот в магазине у меня десять патронов, даже если тридцать процентов попаданий и то нормально. Да на такой поляне и подранок уйти не успеет, не селезень же, по земле бежит, все потише. Вот шубенки еще подложу, чтобы не мерзло в тылу и, считай, готов.

Трактор за это время замкнул круг и, судя по звуку, направился в мою сторону. Просидев в состоянии полной боевой готовности минут тридцать, я решил посмотреть время. Достал из кармана брюк часы, открыл крышку и краем глаза отметил в камыше, слева, какое-то движение. Медленно поворачиваю голову, а руки поднимают карабин к плечу...

Кабанов - двое. Появились они чуть дальше тропы совершенно бесшумно. Из сплошной стены камыша вышагнули до половины корпуса, и застыли как изваяния. Если пропустить момент движения, то потом их ни за что не разглядеть. Коряги и коряги. К стрельбе я был готов. Скосил глаза - часы лежали на колене, времени - без двенадцати минут два. Выбрал глазами два хороших прогала - прострела меж деревьями и стал ждать. Семь с половиной минут изучали кабаны поляну, прежде чем решились пойти. гул трактора, поднявшего их, неумолимо приближался.

После я несколько раз замечал время и затаивался за деревом. Больше пяти минут неподвижно простоять не мог. Значит, оставшись около березы, я обязательно бы переступил с ноги на ногу и... все, больше бы я их не увидел. Оправдалось и еще одно предположение: по деревьям кабаны глазами не шарили. Они ждали врага на земле.

Как они тронулись с места, я протрядел. Кажется, вот только стояли, и уже на приличной скорости первый шел к спасительному осиннику длинными прыжками. Мощное, темно-бурое тело как бы взлетало из фонтана летящего снега, зависало ненадолго и опускалось снова в такой же снежный взрыв, чтобы тут же вымахнуть из него.

Мушка стояла в прогале ровно, и как только кабан появился - ударил первый выстрел. Кабан осел, встал снова - второй выстрел. С возрастом и опытом, наверное, у каждого охотника приходит ощущение пули. Вот, как будто чувствуешь, как попал, и знаешь - выстрел верный, все! Чуть дальше мелькнула вторая тень. Я смог поймать его на мушку только в конце поляны. Из пяти прицельных выстрелов три было верных. Кабан зарылся в снег у самого осинника.

Моя охота закончилась.

Кабаны оба шевелились, ухати в снегу, но пойти посмотреть поближе хотелось как-то не очень. Сидел я на своем дереве как соловей-разбойник, счастливый беспредельно. Однако правильно сделал егеря, что оставил меня здесь. До ближайшего кабана было шагов сто-сто десять. Из ружья, даже из "Меркеля" с оптикой, вряд ли достать на таких скоростях. Ну, одного, в крайнем случае.

Самое интересное случилось несколько минут спустя, когда все собрались и попросту затоптали мои следы. Они меня потеряли, даже кричать стали. Стереотипное мышление не давало им возможности посмотреть на три метра выше. В чем собственно и заключался успех моей первой охоты по кабану.

КИСА.

Широкие осино́вые лыжи с хрустом приминали снежную целину, ломая редкие травинки мохового болота. Витька, счастливо жмурясь, шагал, огибая озеро, и с нетерпением ожидал свежего заячьего следа. Охота, вообще, для него непреходящая страсть, а здесь - сплошное удовольствие. На болоте, в редкоборье, можно проследить любой след метров на сто пятьдесят, а значит и правильно построить подход, учесть востер, и обеспечить верный выстрел старенькой "БМ - ки" , в лучшие времена надежно "плювавшей" не далее двадцати пяти метров. А уши у зайчика длинные и подойти к нему на тридцать шагов стоило большого труда и терпения. В прошлый раз на пятидесяти шагах из-за кочки поднялись отороченные черным два уха, и около двадцати минут пришлось мерзнуть "в позе сухой коряги", пока они опустились. Затем еще двадцать шагов, как в пантомиме, и все-таки зайчишка оказался хитрей! Он вдруг пулей выскочил из-за укрытия, и бросил пушистый комочек своего тельца прямо Витьке под ноги. Оторопевший от такой наглости охотник, только успел открыть рот и надавить оба спуска, забыв, естественно, прицелиться. Зайчишка пролетел в пяти шагах и долго, наверное, улепетывал между соснами, молясь на ходу, какому-то своему, заячьему богу. Такого хитреца-наглеца не грех и отпустить, пусть плодит свою хитрую породу. Убивают только глупых и ленивых, чтобы не размножались.

Метров за двести Витька заметил ровную строчку свежих следов. Приняв к лесу, он аккуратно подошел к следу и с удивлением обнаружил круглые вмятины, оставленные рысью. Прошла она только что в сторону озера. Судя по следам, шла спокойно, не охотилась, не заботилась об укрытии, то есть была дома, и знала куда шла.

Великая же сила охотничья страсть. В одной из самодеятельных туристских молитв есть такие слова:

«Что же вас гонит в леса эти дикие? Одурь несусветная!»

Витьку же всегда манили в лес два момента истины. Первое - тишина. Лес он и есть сама правда, здесь ничего не происходит зря. Звук в лесу живой его обитатель подает в грех случаях: когда хочет есть, когда пришло время любить и когда пришло время умирать. И второе: постоянное соревнование - кто кого. Только у одного из соревнующихся ставка - жизнь. Но он дома, за ним хорошая фора.

Махнув рукой на всех зайцев мохового болота, Витька решил потропить рысь. Ощущение свежего следа бодрит, как хорошее вино, время убыстряет свой бег. Взямокла спина, участилось дыхание, часы показывали полтора часа преследования. Попстляв по болоту, дважды выйдя на свой след, рысь направилась к озеру. Преследования она еще не почувствовала, шла ровно. Минут через двадцать Витька вышел на озеро.

Он любил это озеро. Любил за то, что называлось оно Белое, за то, что здесь зимой и летом ветер, за то, что карась в нем невелик, но хитер, утка здесь всю осень, но найти ее мог не всякий, за таежную избушку, за Плехаповский брод, за рябчиков в ельнике. Порой казалось ему озеро - живой организм и это в ответ на его любовь открывает постепенно оно свои тайны, дарит добычу, закаты, душевный покой. Вот и сейчас, стоя на кромке леса, он отчетливо видел, как в километре от него, на середине озера, уходила на противоположный берег рысь. Она уже знала о преследователе и шла скорым, убористым галопом.

И еще об одном феномене охоты хотелось бы поведать. Пусть вымотался охотник, пусть еле передвигает ноги, но стоит появиться зверю "на глаз", словно второе дыхание открывается, откуда только силы берутся. Запели по спрессованному снегу самодельные лыжи, словно ветер вместо бокового стал попутным. Быстро надвигалась противоположная опушка, но еще быстрее уходила темная точка преследуемого зверя. След привел в самое гиблое место: болотину порос-

шую осинником и молодым ельником. В этой куртине и летом, без лыж, невозможно развернуться. Ну а сейчас, когда заметно уже вечерело, у Витьки исчезло и желание кого-то искать там, тем более рысь. Постояв на берегу, он медленно обошел куртину лесом - выхода нет. Разом заговорила усталость. Вспомнил, что не успел пообедать. Направился вдоль берега к избушке.

Это только в книжках да в красивых кино в охотничьих избушках дрова, соль и тому подобное. В жизни же большая радость, если избушка не загажена и имеет сносную печь. Когда же мы успели наплодить этих выродков, презревших извечные таежные законы? Как может разумное существо разрушить, осквернить место, давшее ему ночлег, оставить там следы, которые не оставляет даже россомаха? Господи, да разумное ли существо это - человек? А ежели разумное, то почему природа наградила его таким извращенным разумом? Ведь он же сотворен по образу и подобию твоему.

Витька достал топорик, срубил сушину и к избушке подошел затемно, но с запасом дров на плече. Заткнув рюкзаком выбитое стекло, растопил печь, вымел пол и через полтора часа, прихлебывая горячий чай, проигрывал окончание поединка с рысью.

Холод поднял его затемно. Разогрел завтрак, дождался рассвета и вот она, вчерашняя куртинка. Пошел своим следом. Ого, ушла киса! След нырнул в ельник, по бурелому, по пикоти, лишняку. С выходом в болотце следы стали частыми, шаг уменьшился, примятый снег говорил, что рысь ползла. Затем вмятина, метра через четыре еще одна, но уже с кровавыми пятнами.

- Приятного аппетита, киса - пожелал Витька и пожелал, что предоставил ей столько времени.

От зайца остался только клоч шерсти. Дальше след потянул болотом, ельником, снова болотом, сделал круг, пересек лыжню и запунктирил вдоль просеки. Витька вниматель-

но глядел по сторонам, шел по следу и думал, что вот зверь, а тоже любит ровную дорожку. Но след внезапно крутанул обратно и пошел параллельно просеке. Метров через сто пятьдесят Витька остановился... разом дошел до него весь юмор и ужас увиденного. Четкие отпечатки на снегу говорили, что за этой вот колодиной только что лежала крупная рысь. Отпечаток ее вытянутого тела был значительно длиннее ружья, даже усы оставили след на снежной шапке колодины. Да она же решила посмотреть, кто это ее преследует! До лыжни, где Витька только что прошел - пять шагов. В шести шагах от лежки начинался новый след, уходящий в густой ельник. Идти по нему - ни какого желания.

ЛИСА.

У каждого охотника-любителя бывает несколько периодов в его охотничьей биографии. Но основных, наиболее общих для всего нашего племени, наверное, три. Самый лучший из них тот, когда можно посвятить охоте столько времени, сколько хочется. Это период счастливой юности, поры, не отягощенной семейными и производственными заботами и обязанностями, золотой поры, когда мы принадлежим сами себе, вольны фантазировать и распоряжаться собою. Второй период - пора строгой зрелости. Это время, когда мы не в состоянии жить для себя только, время максимальной отдачи обществу всех долгов и кредитов, время, которое требует оставить на земле след. Если хотите банальный - "... посадить дерево..." и так далее. Если хотите патристический - "... что ты оставишь людям..." Или же романтический - "...чтобы не было мучительно больно..." Словом, когда охота случается урывками, такими минутами награды за максимальное напряжение буден, и от этого становится еще более желанной.

И третий - когда "хочется, но не можется", период воспоминаний, платонических страстей и, наверное, мемуаров.

Так вот, пребывал я уже во втором периоде, то есть не мог себе позволить посвятить целый день охоте, но страсть звала, требовала своего, рвала душу в клочья. Конечно, охота урывками приобретает несколько извращенный характер, но все-таки...

В ту смочную осень много хлебов ушло под снег нежатými, и лисы мышковали в полях буквально вдоль дорог. Распаленный рассказами приятелей, я украдкой на служебном "МОСКВИЧЕ", под вечер, улизнул в поля соседнего колхоза, прихватив изрядно запыхавшуюся пятизарядку. Солома с полей уже убрана, и по следам волокуш можно ехатъ в любую сторону. Немного поколесив, я попал на интересное место. Дорога пересекала ручей, заросший ивняком, а возле ручья проходила и "соломенная" трасса. В поле, за ручьем, мышковали две лисы. На голубом вечернем снегу происходило своеобразное балетное действо. Серебристо-рыжая огневка застыла в лучах заходящего солнца с поднятой ногой, как изваяние. Хвост вытянут, голова набок, передняя нога замерла в полшаге... слушает! Вот тихонько потянула, словно легавая на вальдинепа, замерла, снова повернула голову левым ухом к земле правым вверх, застыла в полу движении, еще два шажочка, малюсеньких, но, Господи, каких осторожных! Подбирает задние ноги, хвост приопустила (что она, садится что ли) и вдруг пируэт!! Иначе не назовешь. Пружиной вверх! словно на задние лапы взлетела, оторвалась от земли! Полет, полет-го какой! Свечкой! Переворачивается и носом и передними лапами в снег, до половины корпуса, затем облачко искрящегося снега и... довольная мордашка, жуется, глаза наверное прижмурены от удовольствия.

Я наблюдал лисью охоту на мышей минут двадцать. Машина работала, до ближайшей лисы метров сто пятьдесят. Она не обращала на меня никакого внимания, будто меня и не было вовсе. Но вот дальняя лиса, не подымая носа от снега,

аккуратненько так переместилась к лесу и, продолжая свое занятие, скрылась в сосняке. Ближняя же стала заметно смещаться к ручью. Я не видел причины этих лисьих маневров, пока вторая лиса не исчезла в зарослях ивняка в русле ручья. Подняв бинокль до опушки леса, я, наконец, увидел охотника. В белом халате, на лыжах, он медленно скользил кромкой леса к ручью, отрезая лису от спасительной опушки и, наверное, рассчитывал перейти на противоположную сторону. Конечно, он, как и лиса, видел машину и что-то планировал. Я оказался в идеальном положении: в лес рыжей охотнице путь отрезан. В поле, с одной стороны ручья, стояла тарахтящая вонючая железяка и в ней наверняка враг, то есть я. Другой враг перешел на противоположную сторону ручья, и в то поле тоже уже поздно. Она непременно должна пойти вдоль ручья к мостику, по кустам, а здесь метров сорок чистой поляны с голубым снегом. Значит, для меня верный выстрел, а для нее верная смерть. Я быстро сдал машину к ручью, вышел и, постаравшись плотней слиться с кузовом, приготовился к выстрелу. Время шло, лиса не появлялась. Судя по приближающемуся охотнику, должна вот-вот. Но где же она? Охотник, почему-то, повесил ружье на плечо и шел медленно-медленно, останавливаясь и нагибаясь. Странно как-то держал руки, обхватив живот. Снова нагнулся... что-то с ним не в порядке, однако. Остановился около мостика, машет рукой, зовет...

На дороге стоял плотный, раскрасневшийся мужчина с вертикалкой на плече и вытирал варежкой глаза.

- Ну, цирк! Ну, всяко видел... а так, так еще не бывало!
- с трудом выговаривал он между приступами смеха - иди ближе.

Я подошел.

- Ты охотник?

- ...?!

- Ну, тогда иди, следы смотри.

По твердому следу волокуши я подошел к кустам. Лиса дошла до последнего куста и села, закрывшись им от меня. От лыжника она не пряталась, и он, как в театре, или правда, в цирке, мог любоваться состязанием лисьего и человеческого ума. Она безошибочно определила, где главная опасность. Два следа от хвоста говорили, что лисица встала, потопталась, снова села. Кто сейчас скажет мне, что звери не умеют думать? Она же думала! Просчитывала свои шансы не хуже компьютера. И, видно, не все у ней складывалось. Великовато казалось расстояние до спасительных зарослей по ту сторону дороги. И тут она нашла выход! Еще за кустом улеглась на живот и поползла к снежной бровке, оставшейся от волокуши. За этой бровкой, распластавшись, проползла страшные метры голого пространства, под самым моим носом, а когда достигла спасительного куста, не бросилась наутек, села, огляделась и спокойненько, мелкими шажками скрылась в зарослях.

На злополучном перекрестке, посреди голубого в сумерках поля, хохотали два самых, наверно, счастливых в мире мужика в данный момент.

- А ты шею-то вы-ы-ы-ытянул из-за машины, как гусь, а она так и стелет, так и стелет! Ой, умора!!

- А я думаю, чего он за живот держится, заболел что ли, чего погибается?

- И ведь какая кикимора! Доползла, села за куст и глядит, где там эти растяпы, ну чистый цирк!!!

ВЕРКИН ВОРОТНИК.

Голубыми искрами переливался снег, и был такой праздничный, счастливый. Утреннее солнце поубавило морозца, поприбавило блеску и настроения. Охота началась. Они шли рядом, уминая валенками хрустящий снег, и неторопли-

во делились своими ощущениями. Нужно обойти болотце, пересечь два колка и затем прочесать низинку, заросшую мелколесьем. Сегодня они попали в самый первый загон загонщиками. Веселая это охота - загон. Пятеро стрелков устроились на номерах, а им вот выпало подшуметь зайчишку, конечно, если он там есть, в этом мелкаче.

- Как думаешь, Саш, есть тут косой, не зря толкаем? - спросил Павлыч.

Был он весь упитанный, добротнo скроенный, основательный какой-то, и работал токарем - карусельщиком, детали как раз по нему, такие же основательные - по две смены на обработку. Оттого и звали его Павлычем, солидно, с уважением.

- Так у него прописка-то того, без печати, где надоело скакать тут и кровать - ответил Александр.

Вообще-то он Александр Иванович, и возраста солидного, но потому как ростом всего "метр пятьдесят с шапкой", да и на работе делал всякую "мелкогню привередливую", звали его Сашка Пономарев. За неугомонный нрав, за компанейскую натуру, за умение складно и красиво, а главное вовремя соврать, любил его Павлыч, как впрочем, и все в их компании.

- Да и пусть его нету совсем, мы же не на номерах - продолжал Сашка - Александр Иванович, перезаряжая ружье.

- Ты это там чего, опять реактивную холеру вставляешь? - спросил Павлыч и оба, вспомнив прежние охоты, расхохотались

- Тихо, черт тебя дери - зашипел Сашка - рано еще ржать, может его и нет, косого того, но осторожность-то тоже - того.

Павлыч продолжал улыбаться, вспоминая как в прошлом году, прочитав в журнале о сигнальных патронах. Сашка в запале похвастал, что изготовит эту "реактивную холеру" непременно. А в следующий выходной объявил испытания. Когда он поднял ружье к плечу, все замерли. Затем слы-

шался удар курка о капсюль и... все!? Сашка так и стоял с зажмуренными глазами, ожидая одному ему известного результата. Потом из ружья повалил густой черный дым, но не вверх, как все дымы, а из ствола и сразу к земле!? Сашка все стоял, и ноги его заволакивало этим дымом, пока все участники испытаний не повалились от хохота. Никогда и никому не рассказывал он, из чего и как готовилась "реактивная холера", но никто и никогда, наверно, не сможет забыть ту живописную картину. Поэтому Павлыч уверен - хитрит опять чего-то его приятель, меняя патроны.

Они прошли первый колок, и только вышли на поле, как, словно по команде, присели и сорвали ружья с плеч. Метрах в пятидесяти от кромки колка, то есть от них, сидела... лиса! На искрящемся снегу, в ярких лучах солнца она вся переливалась рыже-золотыми бликами. Вообще увидеть такую красавицу, да в такой спокойной позе, можно только в передаче "в мире животных". Лиса глядела куда-то в сторону, и кто ее знает, что она там высматривала, как это подпустила охотников так близко... да и не время ей сейчас в поле быть, но... так вот случилось.

Два дублета грохнули одновременно, не того класса были охотники, чтобы кто-то уступил в скорости. Лиса ушла, словно подрубленная. Секунду они смотрели друг на друга, потом, как по команде, воткнув ружья прикладами в снег, разом рванули к добыче. Оба удивились на бегу, что оставили ружья, и каждый для себя почему-то решил, что лиса достанется тому, кто прибежит первым. С первых прыжков, а снег доходил до колена, Сашка ушел вперед, наверно, как более легкий.

- Верке на воротник! - с хрипом выдохнул он, скорей для Павлыча, чем для себя, нарезая изо всех сил.

Павлыч бежал вполкорпуса сзади и, натужно сопя, набирал обороты.

Он все делал основательно, и уже четко представлял, как выиграет гонку. Вот поравнялся с приятелем:

- Ловко я ее! - словно поставил в известность. на всякий случай, надал и ушел вперед.

- Что же это, а? - забилося в мозгу у Сашки - уходит битюг-го, уходит!!

Ноги его заработали с невероятной быстротой.

- Верке на воротник! - сообщил он радостно, обгоняя друга.

- Ловко я ее! - снова прогудело над ухом.

- Верке на воротничок. мать ее... - зло стучало в висках.

До лисы оставалось метров восемь, охотники приближались "ухо в ухо" и вдруг... лиса прыжком вскочила и задала стрелача "прямо в чисто поле"! Она буквально стелилась, вытянув хвост над снежной белизной, и только фонтанчики снежной пыли вылетали из-под ее пружинистых ног. Охотники с раскрытыми ртами резко встали, как перед пропастью. Неуклюже плюхнулись в снег. С хрипом вырывалось дыхание. Смотрели сначала друг на друга, потом на оставленные ружья, не было сил даже садануть матом вслед этой рыжей бестии.

- Ловко я ее! - бухнул Павлыч по инерции.

- Да, капитально! - поддакнул Сашка, хватая ртом морозный воздух - на снегу-то - ни пятнышка!

- Верке на воротничок - передразнил огдышавшийся Павлыч - тоже ведь сдуплетил. холера реактивная.

- Как я же там еще... патроны с шестеркой вставил старые. От угок остались... подшуметь хотел.

- Так ты! Ч-ч-ч-чего!! Бежал-то? Ч-ч-ч-чего, как реактивный!!?

НАВАЖДЕНИЕ.

- Какие люди! - встретил хозяин гостей.

По всему видно - ждал. Порядок на столе, порядок и во дворе: есть куда поставить машину, есть что выпить и закусить. В субботу начиналась охота на лосей. Снег, которого так ждали, наконец-то выпал "в полколена" и, как говаривал егерь - ветеран, "вооруженная до зубов, моторизованная, полупьяная орава, бросилась на братьев наших меньших".

Застолье старых друзей само по себе интересно, но застолье друзей - охотников заслуживает описания особого. Впервые, мне не приходилось встречать настоящего охотника непьющего. Конечно, на охоте и на болоте были непьющие люди, но это, как правило, или не охотники, или же не настоящие охотники. Потому как трезвый человек разве может выдать стоящую байку, а тем более грамотно и красиво соврать? Ну а какой же охотник не любит красиво соврать? Да разве это охотник, коли он не может немного пофантазировать на благо общества? А отсюда интерес к охотничьему застолью особый и послушать и подивиться есть чему.

- Так вот я и говорю, вышел, значит, за деревню, а голова трещит! Ну, думаю, хорошо, что прихватил с собою фляжку. Приложился, значит, раз - другой - полегчало. И отошел-то всего с километр, смотрю, дерево ровное-ровное, сучья только на самой вершинке, и глухарь, значит, токует. Ну, вот как сейчас слышу, четко так: тэк-тэк - тэк, тук-тук-тук. Я, значит, первым номером из обоих стволов кэ-э-эк врезал... только когти сбрыкали, да, четко так сбрыкали, значит... с плоскогубцами!

А в другой комнате Владимир Петрович - человек весьма солидный, развлекал хозяйку и еще двух соседок:

- ... Так вот день и проходил и ни одного чирочка не встретил. Ну, думаю, выгонит меня Мария из дома, не повесрит, что на охоте был. А тут смотрю - сидят, милые! Да целая стая, видимо-невидимо, штук шешнацать и обе серые! Я, значит, со своей стороны подойти не могу, а собака моя не видит, росточку она небольшого, ну, из-за травы не видит! Я так шепотом ей - Дамка, утки... а она - дура, во все горло:

- Где!!

- Ну, ребята, это все не то! Сейчас и охотников-то настоящих по азарту уж нет. Вот, помню, в армии генерал Смирнов был... да. Так вот носила его, значит, нелегкая двое суток по болотам-перелескам, голодный, небритый, злой как черт домой едет. Вот уже город показался, а у него там, в педалях, один единственный чирок валяется... да. Он как пнет его хромовым-то генеральским сапогом, да и зло так говорит:

- Не нужда так поехал бы я за тобой, мать твою...

Далеко за полночь утомонились, наконец, нахохотавшись, и гости и хозяйсва. Утром, как говорил Васька - хозяйский сын, "ни заря - ни свет" намечен выезд по непрогореным и непротопанным дорожкам. Да и что за охота, если не побуксовать.

Семен спяну хорохорился:

- Да я завсегда все документы вовремя делал! Да по памяти завсегда абрисы рисовал, не то, что эти, грамотные! Куды им, робить да робить ишло!

- Да ложись ты, чудо в перьях, все уже по домам спят, тебе, зато одному завтра ехать, поспи и ты - уговаривала его жена.

А дело и, правда, не терпело. Почему-то вдруг, затребовал лесничий площади двух последних вырубок. Цифирь с площадями и кубами, конечно, не вязалась по книжному, как и всегда в лесном деле, но в пределах обычной нормы. Кто же эти болота когда точно мерил, пядь сюда да пядь туда. Но Семен знал, "выбивают" опять какую-то железяку из леспромхозовцев лесхозовцы. Так было всегда, по крайней мере, за те двадцать три года, пока Семен "состоял при должности". Застучит мотор тракторный - ищи лесник грех у промышленника, а тот, чтобы грешок-то замолить и отдаст свой моторишко. А леснику много не надо, у него транспорт петровский - ЛЫС - сто пятьдесят - М - с ушами.

Поднялся Семен затемно. Ругнул друзей - как им что надо, они тут как тут, а вот коли свозить приятеля в лес, так

их и не там и не тут. Заседлал Серка, "принял на грудь" поправки здоровья для, малую толику из припасенной с вечера фляжки, и отбыл в направлении злополучных вырубок.

Ровно гудел двигатель новенького УАЗИКА, кричали после вчерашнего охотники. Светало. Проскочили уже километров двадцать и, как говорил Владимир Петрович, везло да не повезло. Везло потому, как еще не буксовали, а не везло - следов лосей не было.

- Да не переживай, Петрович, просто у них профсоюзное собрание сегодня.

- Ага, по поводу открытия охоты - отозвался тот.

- След! А вон второй!

Остановились. Да, лось перешел дорогу и направился в болотинку, а метров за тридцать - еще один след, вроде туда же. Молча сели в машину.

- Все понятно - заявил Петька, самый авторитетный знаток здешних мест, "болван с понятием" как звал его Петрович - они на свежие вырубки пошли. Здесь рядом, километра два-три всего. Надо двоих поставить в распадок, а на машине быстренько заскочить наперерез, там дорожка накатанная.

Азарі делает с человеком чудеса, особенно охотничий азарт. Вот только что трещала голова, после вчерашнего, вот тут пересохло, а появился след, и как ветром сдуло всю «хворь». Круто выпрыгнули мужики из теплой машины и, на ходу заряжая ружья, потопали в сторону болотинки. Юрке Петрович привез спортивную винтовку со всякими приспособлениями, аж смотреть страшно какая "система". Стрелок Юрка отменный, а из этой "системы" можно до полукилометра стрелять. Поэтому выбрал он длинный прогал вдоль болотца, обтоптал снег, срезал несколько сосновых лапок под ноги, и занял позицию. Он очень любил все военное и слова и оружие. Быть бы ему в военном училище но, как говаривал его отец, с его отметками даже в колонию нормального режима не должны пустить. Каким-то седьмым чувством Юрка

понимал - сегодня его день и его выстрел, только не давала покоя мысль, что не посмотрел, как следует второй след. Он, конечно, направил в ту же сторону, выбросы снега четкие, но какой-то не такой. Резко загудел УАЗИК и помчался "закружать". Водитель смело гнал машину по дорожке, он знал эти дорожки почти наизусть. Каждый год повторялось открытие охоты, и год от года шлифовались навыки охотничьего водителя. Пролетели распадок и, сбавив скорость, поехали вдоль выруб. Густой мелкий соснячок - посадки скрывал машину, но и видеть позволяли только из-под веток. Уже в конце выруб машина плавно встала. Вопросительно посмотрел Петрович. Водитель кивнул головой и показал глазами. Под ветками сосняка виднелись серые лосиные ноги. Щелкнул предохранитель, Петрович открыл дверцу. Зверь тронулся с места, быстрее, быстрее и пошел махом - заметил.

- Гони! - рявкнул Петрович в азарте, распахнул дверку, развернулся на сидении, прижал приклад к плечу.

УАЗИК взревел, и началась погоня. Стрелять, конечно, было можно, но цель не видна как следует. Водитель знал, что стрелять Петрович будет только там, в конце выруб, когда лось выбежит на чистое место, и старался заскочить вперед. Вот лошадиные силы пересилили лосиную, вот прогал, выжато сцепление, машина плавно выкатилась на поляну по выруб, пригнувшись к луке седла во весь опор скакал лесник! Снег летел из-под копыт серого коня, лесник в форме махал рукой и что-то кричал. Резко затормозил УАЗИК, у Петровича из рук выпало ружье...

К вырубам Семен подъехал к рассвету. Увидев пересекающий дорогу лосиный след, улыбнулся про себя: вот ведь, животное дикая а тоже знает, что на вырубке свежие ветки, и пройти можно туда только по этой релке. Тронул повод, Серко повернул на след. На кромке выруб догнали лося. Он стоял за таловым кустом и смотрел на них с любопытством.

- Иди давай, любопытные-то долго не живут - посоветовал лоску Семен, и тот, словно поняв смысл сказанного, медленно направился в сторону от вырубов.

До квартального столба оставалось метров двести, когда на дороге загудела машина. Семен вспомнил, что сегодня открывастся охота на лосей, брезливо поморщился. Он признавал только охоту на уток, лосиную охоту называл бойней. Полупьяные, да на машинах. Машина остановилась, видно было только колеса - мешал сосняк. И тут Семен понял, что и им видно только ноги Серка, а они же серые, как у лося!

- Тьфу ты черт, убьют еще заместо зверя того, ему подсказал а сам врюхался - подумал Семен и огрел Серка поводом.

Мерин прижал от неожиданности уши, взял с места рысью и сразу перешел в галоп. Машина загудела в погоню. Семен слышал, как кто-то раскрыл дверцу и крикнул: гони! Серко прыжками мчался к спасительной кромке леса, машина гудела сзади, постепенно догоняя, а потом и обгоняя. Семен, сжавшись, ждал выстрела...

Когда машина осталась сзади, Серко сам перешел на шаг. Конь словно понимал, что вынес хозяина из пасти смерти. Семен на ходу достал фляжку и сделал пару солидных глотков.

- С днем рождения вас, Семен Прокопич, - поздравил он сам себя и, не мудрствуя лукаво, повернул домой, в сторону дороги. - Ну их к ляду, пока не порешили, их гут ссгодня как собак нерезаных, нечего приключений искать - решил он.

Хмель вчерашний из него куда-то вылетел, состояние - не из приятных.

Дорога была уже совсем рядом когда Серко наострил уши. Семен посмотрел вдоль прогала. Метрах в пятидесяти стоял под деревом парень с каким-то диковинным ружьем в руках и целился Семену прямо в лоб?!

- Э-э-э-э! - заорал во все горло Семен - вы чего, поганцы! Мать вашу! Советского работника леса от лося отличить не можете! - огрел Серка поводом, круто развернулся и во весь мах помчался к дороге, упав на лошадиную шею.

Когда УАЗИК подошел, Юрка сидел на дороге и тряс головой:

- Наваждение какое-то, лесники на лосях ездить стали. Нет, я сегодня не охотник...

ПУЛЯ - ДУРА.

Валерка еще в прошлом году провожал отца на открытие охоты, глядя исподлобья. Реветь он не умел, даже уколы не вызывали у него желания орануть, а от обиды глаза наливались слезами и, скрывая их, он начинал смотреть исподлобья. По уговору первый класс был закончен на пятерки и дорога на охоту, значит, считалась открытой. Но не таков человек Валерка, чтобы не получить за груды свои тяжкие сполна. Стал он потихоньку, но настойчиво, требовать себе и ружье. Мать не допускала и мысли о ружье для восьмилетнего малыша, но отец имел другое мнение.

Наш закон разрешает пользоваться человеку оружием только в восемнадцать лет. Это значит - приходит человек в армию а ему сразу автомат в руки. Да он же его боится как гремучей змеи! А змей боятся потому, что не знают ни их самих, ни чего от них ждать. Он помнил как погиб от всего этого молодой солдат, буквально на руках, ни за что ни про что. Помнил, к какому ужесточению инструкций и отдалению от оружия это привело. Но помнил и другое. По рассказам отца, на войне практически не было случаев непроизвольных выстрелов.

- Оружие само не стреляет, его нужно сначала уважать, потом любить. Два года жил и спал в обнимку с кара-

бином, никогда не признавал и не держал не заряженного оружия, никому в руки не давал, поэтому и живой домой пришел - говорил отец ему в детстве.

И запомнилась эта наука на всю жизнь. Поэтому, за два месяца до открытия охоты, появился на столе чемодан с теми, заветными для каждого папана принадлежностями, которые... ну, хоть на ночь под подушку!

- Вот это стреляная гильза, видишь - пустая, и капсюль вмятый. Вот сейчас ее зарядим, и она станет патроном. А патрон - товарищ опасный, потому, что большую силу мы в него вложим.

Так началась великая наука для мужчин, которая зовется странным словом ОХОТА. И все свободные вечера продолжалось таинственное колдовство около чемодана. Валерка узнавал много, и все пересказывал, как у доски, только степенно, как большой. Затем извлечена на свет и старая берданка тридцать второго калибра. Старательно вычищенная детскими руками, она приобрела довольно приличный вид. И вот верх радости - пошли стрелять!!!

Подрезанный приклад уже не тапился по земле, как прежде, а новый ремень скрипел и пах чем-то особенным. Пришли на место, определились, куда полетит дробь, кто откуда может появиться под выстрел, и... загремели выстрелы. защелкала дробь по мишеням. Ох уж это извечное желание мужской натуры - вклепить кусочек металла точно в обозначенное место. Ну, кто может мне объяснить, почему взрослые мужчины бегут к мишеням бегом? А папан? Да он просто летит, сломя голову. Прибежал, и давай высматривать дробины, считать, сколько их, будто вся жизнь от этого измениться может. Валерка помнил, что несколько патронов заряжено пулями. Дробь расстреляли, он вопросительно смотрел на отца.

- Ну-ка проруби вот здесь дырочку - подал тот сыну кусок доски и топорик.

Так вертелось на языке - зачем - не спросил. Взял топорик и начал долбить. Три сигареты выкурил отец, а Валерка все долбил свою дырочку. Лоб его давно уже был мокрый, доска навсрянка железная, а топор, конечно, тупой! Спросить? Остановиться? И получить в ответ:

- А еще в охотники собрался!

У пацанов в этом возрасте чувство собственного достоинства навсрянка сильнее инстинкта самосохранения. Ну, наконец-то! Вот! Насквозь!

- Молодец - похвалил отец - отсчитал тридцать шагов, поставил доску, вернулся - заряжай пулю, целясь в пятно.

Грохнул выстрел, сильно толкнуло в плечо, Валерка открыл затвор, достал гильзу, подал отцу разряженное ружье и стрелой полетел к мишени. Чуть полиже пятна была пробоина, сквозная!

- Так вот, сынок, двадцать пять минут ты рубил топориком дырочку, устал, вспотел, а тут пальцем надавил и... пожалуйста!

У Валерки стали округляться глаза.

- Так.. это, топором изо всей силы.. долго.. это одинаково?!

- Да, и в зьяря, и в доску, и в человека. Одинаково, даже если и нечаянно! И уже не исправить никак.

Валерка впервые с уважением посмотрел на берданку, заглянул в патронник...

- Ну, что, еще по чему стрельнем?

- Так есть там, где-то, правило у охотников - все патроны не расходовать, мало ли, воробьи нападут по дороге, нечем и отстреляться. Пошли.

И со смехом, оба довольные пошли домой, счастливые каждый по-своему.

ДЯДЯ САША.

Дядя Саша - удивительный человек. Он славится в округе как знатный охотник, Сергин отец, имеет бесподобный "ЗАУЕР" двенадцатого калибра, знает... впрочем, навсрное, проще будет перечислить то, чего он не знает. Вот и сейчас, мы с Серегой пыхтели во всю, заряжая патроны свежей самокатаной дробью, он же, посмеиваясь, сидел в своей излюбленной позе - спиной плотно к печке и отпускал нам ядовитые советы:

- А что, мужики, с каким усилием нужно порох уплотнять? Ну, вот ежели молотком постучать, так дальше или ближе дробь полетит?

Конечно, мы в то время не могли ответить на подобную головоломку, и от того с еще большим усердием налегали на милые сердцу предметы, до отказа заполнившие стол. Наверное, нам все-таки крупно повезло, мы уже в свои пятнадцать лет плотно приобщились к охотничьему делу. Серега осваивал эту науку давно, а моему отцу дядя Саша как-то сказал, что у каждого пацана есть два пути: или в хулиганы или в охотники. Так у меня появилось собственное ружье, и может, именно поэтому, я и не стал хулиганом.

У дяди Саши есть абсолютно все приспособления для охотничьего дела: многочисленные дробокатки, дроботяжки, дроборезки, пыжерубки, калибровки, обсадки. С приближением открытия охоты, мы извлекали все это на свет божий, и для нас начинался незабвенный, многодневный праздник. Множество вопросов возникало каждую минуту, и нужно иметь адское терпение, чтобы ответить на все понятно и вразумительно. Дядя Саша таким терпением обладал.

- Почему свинец кипит, почему проволока из него рвется, почему дробокатка заготовку плющит, почему пыжерубка каргон рвать начала, почему осыпь нормальная, а в середине пустота? - сыпалось на него все эти дни. Он же все

запоминал, бегло отвечал, а вечером доставал свою "германскую книгу", и начинал все заново "медленно прорабатывать". Эта "германская книга" имела свою удивительную историю. Был у дяди Саши когда-то автомобиль "МОСКВИЧ", по тем временам богатство несметное. Так вот, однажды, продал его дядя Саша. Взял, да и продал, а на вырученные деньги заказал себе в самой Германии "ЗАУЕР - три кольца". Около года ждал, переживал. А потом пришла посылка с ружьем, а в посылке, кроме ружья, огромное количество всяческих приспособлений, шомполов, прогирок, масленок, и вот эта "германская книга". В той знаменитой книге прописано все! Как ружье в руки брать, как его заряжать, чем заряжать и до того момента, как и когда в чехол класть. От и до, как говорил сам дядя Саша. Как-то раз он выпорил у нас «косушку» водки. Не давала видно ему Серегина маманя опохмелиться, так он нас растравил:

- А что, мужики, можно из одного ствола за пятнадцать шагов и за пятьдесят одинаковую кучность получить? - задал он нам вопросик.

- Так... наверное, не получится... - неуверенно переглянулись мы.

В итоге поспорили и... конечно проиграли. Поплелись в магазин со своими сбережениями, а дядя Саша, повеселев после похмелья, прочитал нам вслух выдержку из "германской книги" как это делается.

- Открытие охоты это вам не новый год или первое мая - рассуждал меж тем дядя Саша около печки - это, мужики праздник! И праздник особенный. В новый год все празднуют, а в открытие - только избранные, посвященные в великую тайну люди. Охотник природе большого урона никогда не нанесет. Ну, вот, сколько лет вы оба по лесам-то бродите? Года, наверное, два будет или три, а сколько глухарей подстрелили? То-то же, много видели, да ни одного не взяли. И не взять вам его, глухаря-то, не взять, пока не освоите достаточного количества лесной науки. А когда погом да грязью ту

науку освоите, тогда и дичину жалеть научитесь, и липиного выстрела в лесу не произведете. Вот вы сегодня на болото идете, охоту, значит, открывать. патронов-то штук по пятьдесят зарядили? Ну, я так понимаю, чирков по парочке прине-сете, да штуки по три потеряете. Да ладно возникать-то, вече-ром посчитаем. А вот я при вас, значит, беру пять патрончи-ков и еду Жестика промять. Четыре, значит, селезня кряковых привезу. В тапочках. между прочим, еду, учитесь. как на утку охотиться.

Возмущению нашему не было границ. Мы же две не-дели лазили по болоту, проверили каждую кочку, знали в ли-цо каждую утку... в общем, умело подзаведенные. опять по-бились об заклад на его пророчество: если мы принесем больше уток чем он, то постреляем из его "ЗЛУЕРА", ну а сс-ли... то каждому по шелкушке.

Весело затархтели легонькие дрожки по улице. Круп-ной рысью взял с места застоявшийся Жестик - чистокровный рысак, купленный в Ирбитском конезаводе на остатки денег от того самого "МОСКВИЧА".

Открытие охоты мы встречали на болоте, начинав-шемся сразу за огородами. Утки на нем много, всякой утки, и местной, и согнанной с реки более серьезными охотниками. Конечно, мы знали каждую утку в лицо, но и она нас знала не хуже. Утка никуда не улетала, косяки кружили над болотом. падая то на одну, то на другую озеринку. Чувство дистанции появилось у нее сразу же после первых выстрелов, у нас же пожаром полыхнул азарт.

Я не могу описать этот вечер. верней вечернюю зорь-ку, как говорил дядя Саша. Много раз принимался, ан нет, не получается. До сих пор не могу освободиться от заполнявших нас тогда эмоций. В общем домой мы брели уже около часу ночи, измотанные, заляпанные грязью, но счастливые. Не бы-ло сил делиться впечатлениями, не хватало сил даже умыться в луже. Непременным оставалось одно - патроны кончились, возвращаемся не пустые!

Дядя Саша в домашних тапочках обстоятельно распрягал Жестика. Медленно снимал выездной хомут, связывал и весил на деревянный клин ременные вожжи...

- Ну, каково на болоте? - встретил он нас вопросом.

Наперебой начали мы докладывать о неудачах и достижениях. Внимательно слушавший дядя Саша вдруг огоршился:

- Так подставляйте лбы, мужики, я так понимаю самое время - и выложил на дрожки четыре красавца с зелеными шейками...

Мы даже не стали доставать своих чирков. Звякнуло во лбу, больно, но не обидно.

ВОСПИТАНИЕ.

Семен Лобанов начал брать меня на охоту не вдруг, а только после того, как понял, что от моей собаки можно ждать "путнего азарту и работы". Был он немножечко подслеповат, но слух имел отменный, и лес знал не хуже собственного огорода. Охотиться с ним в паре, являлось для меня и счастьем, и откровением, и, конечно, мечтой начинающего следопыта. Ни одного следа не оставлял он без подробнейшего разбора, при чем имел несомненный талант учителя. Однажды показав и объяснив след, обязательно несколько раз проверял, как я усвоил урок. Философия его до предела проста и рациональна.

- Нет, паря, той не браконёр, который лося убил, и все до копыта в дело пустил, особливо ежели дома семья - говорил он раздумчиво, глядя на мерцающие головешки - оно, конечно, убил да продал, это плохо, убил да кусок отрезал, остально бросил, это вовсе преступление! Выводить таких надобно из тайги, их гиоловой мазью выводить!

Ихтиоловая мазь была для него чем-то вроде кары небесной. Он всегда пророчил ее на головы всякой нечисти.

- Человск завсегда права больше всех имел и имеет. Могёт человек жисти лишить каку зверинку? Могёт! Потому ему и ум даден. Вот, к примеру, кормиться же надо, съешь ты зверинку? Тогда лиши ее жисти смело. А коли не есть, так почто и лишать? На то тебе и ум даден, чтобы зазря жисть ни у кого не отымал! Зверинка она же для чего-то изготованная. ты ее не съешь, так кака друга зверинка съест, в тайге же смысл во всем, все кого-то есть должны. А лишение жисти есть нарушение порядку. Оправдашь нарушение лесного порядку, тогда стрелить могёшь, не могёшь оправдать - неча тебе и в тайге шастать.

Эта глубокомысленная речь возле вечернего костра вызвана моим полудетским поступком. Разошлись мы по кромке старого выруба и, медленно продвигаясь, ждали глухарей. Как на беду привязалась ко мне сорока. Летает вокруг меня и кричит на весь лес: тр-тр-тр-тр тр-тр-тр-тр! Оно, конечно понятно, что в лесу у нее забота такая всех об опасности предупреждать, но надоела она мне здорово! Прошли выруб, конечно, зря, всех белобокая разогнала, ну я и не выдержал, и трахнул по ней из левого ствола! Сороку убить, вообще-то. очень трудно, но на этот раз ей не повезло. Стою, значит, зелененькие перышки разглядываю...

- Далеко стрелил?

- Да вон от той сушины.

- Хороший выстрел!

Да ка-а-ак треснет мне по шее! Я на коленки как и клюнул.

- А сигу падлу, котору она клювала, теперь кто клювать будет, ты? - спросил Семси, как-то уж очень спокойно, и зашагал вдоль просеки.

Целый день он не разговаривал, переживал из-за меня. А вечером вот прорвало:

- Ты вот в лес почто пришел? Добыть кого подручного. Тебе моёт и не очень надо, тебе моёт просто радость от выстрела, а зверинке жисть али смерть от него. Вот она, тайга, и занимела тако радио лесно, вот она и орет, что ты пришел, смерть принес. Да ить как выполняют работу свою!! Подумай башкой своей дурной, жисти лишилась а всех, кого могла, известила, что ты тута бродишь, смерть носишь! Геройска птица. Опять же санитарка она, Где кто помрет не по делу - всех приберет, никакой падали не допустит. И сама опрятна, не то как баба кака - и в доме вонь и в шарах огонь...

И он замолчал надолго.

СЕРЫЕ ОХОТНИКИ.

След, пересекший дорогу, показался Олегу старым, и он проскал его, как проезжал уже много подобных переходов. Но что-то необычное отложилось в цепкой охотничьей памяти, и заставило-таки затормозить, и плавно сдать машину назад. Да, это был след двухдневной давности но! Это же не лосиный, как показалось вначале, след. Шаги короткие, а отпечатки большие, выбросов нет. Олег заглушил двигатель, и решил рассмотреть все, как следует. Каково же было удивление, когда вместо отпечатка копыта он увидел четкие, когтистые следы волка. Так это серые охотники оставили на снегу свою ровную цепочку, но шли они след - в - след и было их не два и не три. Олег никогда не называл волков общепринятым "разбойники", он понимал и, по своему, уважал их нелегкую жизнь и очень трудный кусок мяса. Для него это настоящие охотники, добывающие пропитание ежедневной, тяжелой и опасной работой. Цепочка следов потянулась к осиновому распадку, как раз туда, куда он сегодня и ехал. В этом распадке, на пологих склонах ручья, часто осганавливались

на лежку лоси. Объехав по дороге, и посчитав следы, можно точно определить, пуст ли распадок. Сегодня ни входов, ни выходов свежих не видно. Значит, снова холостой выезд, снова не закрыть лицензию. Интересно, а как поохотились серые? Не напрасно же они шли в такое место, уж, наверное, знают лес не хуже охотника-человека. Олег достал из машины короткие осиновыс лыжи и, на всякий случай, прихватив ружье, пошел по следу волков.

С километр следы уверенно тянулись в нужном направлении без малейшего сбоя, даже появилось желание повернуть обратно. но вот, без всяких видимых причин, один след резко ушел вправо!? Причем ритм хода стаи не изменился, а отколовшийся волк уходил прыжками, да еще какими. Семь шагов насчитал Олег от вмятины до вмятины его следа. Махал серый во всю мощь. Шагов через десять такими же прыжками ушел один волк влево, затем еще вправо. Решив проверить их позже, Олег медленно шел по основному следу. Если трое ушли в стороны, то, сколько же их было всего? И потом, как, каким сигналом послал вожак стаи этих троих именно туда, куда они придут? Ну, наверное, инстинкт скажет им, куда они должны прийти, но чтобы вот так, по одному, то в одну, то в другую сторону...

Так, вот за этим бугорочком распадок - пологая котловина шагов восемьдесят - сто в поперечнике, поросшая редким молодым осинником. Если лоси и лежали, то только здесь. И тут Олег увидел на снегу три большие вмятины. Да они же здесь сели! Трое волков сидели, прячась за бугорком. Не нарушая строя, как шли, так и сели. Вот первые две вмятины побольше, даже хвосты на снегу отпечатались, а последняя поменьше. Ага, засада! А те, значит, пошли в обхват. Но вот и эти трое взяли с места махом. Интересно сколько они здесь просидели? Первые двое бросились от прикрития прыжками, в снежную целину, рядом. Под уклон длина прыжка достигала восьми-девяи шагов. Маленький бежал

следом за одним из матерых и не мог точно вымахнуть в след, его три прыжка укладывались в два матерого.

Распадок - как на ладони. Следы уходили по левой стороне и терялись на противоположном склоне. Сороки не трещали, не видно и вороц, скорее всего, неудачно поохотились серые. Немного постояв, Олег повернул обратно. Очень хотелось посмотреть, как вели себя те троє. Вот первый след вправо. Прыжками серый пробежал шагов сто. Он сильно уклонился вправо, обогнул распадок, прикрываясь длинным бугром, затем спокойной рысью проскочил ручей, и поднялся на противоположный склон. Там он так же ушел за бугорок - своеобразный водораздел. затем, выбрав место, поднялся и залег около куста катины, просматривая весь распадок. От засады следы снова пошли мощными прыжками вниз и вправо. А вон и второй след затонщика, такие же большие прыжки, но по самому низу, вдоль ручья.

Медленно огибая распадок, и не теряя высоты, Олег с интересом читал "описание" волчьей охоты. Вон, на склоне, лежка лося. Видно длинноногий учуял или услышал волков раньше, чем они заняли позиции. Если бы застали они его врасплох, то не стоял бы он около лежки, не водил бы своими длинными ушами, а сразу бы бросился со всех ног. Но следы говорили, что лось, поднявшись, постоял, определил опасность и выбрал направление, наверное, единственно правильное, иначе радовались бы сейчас сороки на остатках чужого пира.

На другой стороне склона все стало ясно. Один из волков залег прямо на открытом месте, шагах в десяти от валяжины, засыпанной снегом. Наверное, как раз в это время лось и вскочил на ноги, иначе, что бы заставило серого выбрать такое неудачное место, немного не добежать до прикрытия, к которому он наверняка и стремился. Позже, когда лось, выбрасывая копытами фонтаны снега, мчался мимо, ему и не хватило этих десяти шагов. Вот первый прыжок, всего-то четыре шага, не смог видно оттолкнуться, как следует от прыж-

лого снега. Следующий прыжок уже полновесный, но время! Упущена драгоценная доля секунды, потому и след выходит на лосиный не прямо, а по дуге.

Для того чтобы нанести такому большому зверю смертельную рану, волк должен сходу сделать мощную хватку в область паха или в промежность сзади. Тогда добыча не уйдет далеко. Постепенно обессилев, лось все равно достанется стае. По паху серый не промахнулся, он просто не успел! Или лось увидел его раньше, или подвел тот, первый прыжок, та коварная доля секунды. А вот для того, чтобы догнать уже не хватило сил, потому, что лось видимо, набрал достаточную скорость, ведь ставкой в этой гонке была его жизнь.

Олег прошел еще шагов двести по следам. Впечатление такое, как будто он сам принял участие в этой охоте. Как будто он промахнулся, и отпустил тот трудный, горбом зароботанный кусок мяса, и не только свой кусок, но и кусок для всей стаи.

Ровная цепочка волчьих следов тянулась немного слева от лосиного. Серые охотники, не достигнув результата в скоротечной облаве, видимо решили предпринять длинную и тяжелую охоту измором.

А-А-А-А-А...

Охота не заладилась с самого начала. У Пестра спустило колесо, а в осеннем лесу на "Урале" без спортивной резины - не езда. Затем у меня оборвало пнем подножку... как еще нога целая осталась. Дичи не было, как будто ее здесь не было никогда. Грязные, злые, мы наконец-то выбрались из болота на полянку к мотоциклам. Место называлось Чертов мост, да и болото, наверное, тоже чертовым. Во всяком случае, такие кочки могли придумать только черти. Время - далеко за полдень.

Достали рюкзаки, разложили снесь. Юрка торжественно и со значением положил фляжку "свежего" самогона. Хорошо когда тебе не шестьдесят, хорошо, когда у тебя аппетит и силушка. Захрустели на зубах огурчики, с хрупаньем освобождались от скорлупы крутые яйца под розовые шпасты соленого сала. Сидели восемь умаявшихся мужиков, обедали, день пасмурный, сыроватый, самогон приятно погнал кровь по жилам...

- А-а-а-а!!! - послышалось из самой середины болота!?

Мы только что вылезли из этого божьего наказания и очень даже хорошо помнили, каково там, а голос был женский.

- Вот бедненькая, за что ей-то такое - подумал каждый.

- А-а-а-а!!! - вдруг заорал Юрка во все горло.

Мы так и подпрыгнули все, настолько неожиданно и звонко он это проделал. Похохотали над собой с удовольствием, и продолжили приятное занятие. Уже заметно полегчала фляжка, поубавилось на брезенте съестного...

- А-а-а-а!!! - вдруг снова, но уже заметно ближе.

- А-а-а-а!!! - снова заорал Юрка.

- Да ну тебя, придурьша, орать под ухо, прибежит баба сюда и чего ты ей скажешь, повезешь обратно за пятнадцать километров? - задал кто-то вполне резонный вопрос.

- А пусть бежит, может она ничья, а может дикая - подвел итог Юрка.

Просидели мы еще минут, наверное, двадцать, раза два кричал наш озорник, один раз страдальца ответила ему, приближаясь. Кусты затрещали совсем рядом. Болотина, чавкая, не выпускала человеческие ноги, женщина "перла как бульдозер" (так потом виновник и определил) и вот из зарослей ивняка выбралась на полянку плотная, рослая женщина с корзиной в руке. Платок сбился набок и темные волосы, мокрые от пога, закрывали половину ее лица. Огромные перепуганные глаза в надежде шарили по поляне, искали обладателя

человеческого голоса. Страх держал в напряжении все ее мочечее тело, казалось, она могла и гору свернуть, только бы добраться до своих, только бы определиться, куда это она попала, заплутав печально. Нас она не видела - стояла полу боком, все внимание на противоположную сторону поляны.

- А-а-а-а!!!

- Ну, чего орешь? Иди, давай, выпей вот с нами, пожуй чего... - по-домашнему спокойно произнес Петро.

Женщина быстро обернулась, сделала шаг вперед... и вдруг глаза ее стали округляться. Если сначала в них был страх, то сейчас в них поселился настоящий ужас! Лицо исказилось, она судорожно прижала корзину к груди, даже ручка хрустнула, сделала два шага назад, потом, круто развернувшись, врезалась обратно в кусты с такой силою, что только листья веером полетели с несчастной ивы...

- А-а-а-а!!! - заорал Юрка в след, - стой, милая, куда же ты, тебе чего компания не понравилась?! Стой, мы тебе дорогу покажем!

Но, только грек раздавался по чертову болоту. Мы с удивлением поглядели на себя - да не очень и страшные, грязью, правда, заляпанные, ну, ружья рядом. И вдруг все хором:

- Стой!!! Стой!!! - и покатались по поляне в припадке смеха.

- Н-н-ни чего... здесь через километр дорога... ни вправо, ни влево не убежать... я проходил, там мотоцикл стоит... - между припадками хохота выдавливал Иван.

БЗИК.

У каждого охотника в его неугомонной башке есть какой-то "Бзик". Бзик этот - не самое страшное место в недостатках охотничьего бытия вообще, не самое страшное и в характере, но вот в поведении... Кажется нормальный человек

(если считать охотников нормальными изначально) нормально говорит, что-нибудь делает так же нормально. но! Вот доходит до этого треклятого места и все! Бзик!

Таким моим проклятием или Бзиком была на протяжении многих лет оптика. Обыкновенный оптический прицел, который устанавливается на огнестрельное или другое оружие. Я в то время был очень азартным и, следовательно, постоянно-мажущим стрелком. Естественно, мне казалось, что только стоит поставить на мое ружье оптический прицел, и я буду стрелять как Робин Гуд. Где только не доставал я эти оптические прицелы! Вы же помните нашу страну в семидесятые годы, вы же представляете, как можно было вообще достать оптический прицел. Это сейчас полрайона накупили такого оружия, что хоть на войну отправляйся. Тогда оптику "упромысливали" только по великому благу, подпольно, за большие деньги, через третьи руки. Пройдя все эти препоны и заполучив вожаделенную оптику, я начал присплавивать ее на все стреляющее железо, какое только попадалось под руку. Я ее милую и присверливал, и приваривал, и прикручивал, изводил сотни патронов, изобретал новые и старые пули, обрезаю стволы и вырезал новые приклады... но пули из моего оружия летели не лучше чем из ротатки Вовки - соседа. Я даже ездил консультироваться к дяде Ване, отвоевавшему снайпером более трех лет. Дядя Ваня внимательно меня выслушал и определил:

- Дерзай, ты на правильном пути. Я ничему тебя не научу, ищи и обязательно найдешь.

Он, человек богатейшего жизненного опыта, наверное, сразу увидел мой Бзик и, как я потом уже понял, бзиковал в свое время, так же как и я. Но вот мои неустанные поиски привели не только к оптическому прицелу, купленному за спирт в дебрях северного Урала, но и к старенькой винтовке закамуфлированной под берданку и выменянной за два ножа у полупьяного ханта. Собрал на восьмимиллиметровые болты все это железо в кучу и свозив в лес дважды большие слесар-

ные тисы, я получил странное орудие. Первая пуля из него летела неплохо, остальные же летали как вольные осы по осеннему болоту. Но выглядело все это довольно внушительно, и мои друзья с тайной надеждой брали меня на серьезные охоты. Конечно, стрелять мне почти не приходилось, звери почему-то не попадались (или боялись того, что я с собой носил или еще почему) но вот мой яровский рюкзак, вмещавший шесть ведер картошки, вызывал у всех глубокое уважение. Дело в том, что отстрелять зверя еще пол беды, вынести добычу к машине - вот беда. А здесь я оказывался незаменим со своим "сидором" и опытом туриста - перворазрядника. А вскоре и наступил финал моего "Бзика".

Выбравшись из "угарного" болота, мы с приятелем оказались на просеке. Я плюхнулся на пень, бережно положив рядом свою "систему" и потянулся за сигаретами. Мой приятель, назовем его Папа, аккуратно тронул мое плечо и показал глазами вдоль просеки. На снежной прогалине, чуть припорошенный серебром, темно коричневый, с голубыми подпалинами ног и длинными одиночными рогами, метрах в ста пятидесяти стоял лось! Таких рогов без ответвлений я еще не встречал, потом мне объяснили, что это бывает у молодых лосей, но очень редко. Я медленно сполз с пня, встал на одно колено, поднял свое оружие и уверенно поймал лося в перекрестие оптического прицела! Вот оно! Свершилось. колотилось у меня не в мозгу, а во всем теле. Как настоящий снайпер я загаил дыхание, поставил перекрестие на левую лопатку зверя, выждал удар сердца и плавно надавил на спуск...

После грохота выстрела наступила тишина... лося на просеке не было! А потом - словно лавина в горах !!! Я не смогу передать смысл и эмоциональный взрыв речи моего приятеля. У меня просто не хватает таланта, да и кто же впечатает то, что он мне сказал. В общем, речь шла о том, кто я такой есть, кто мои родители, сколько стоит лицензия на лося, сколько осталось дней до се закрытия, как приятно ползти

по этому проклятому болоту, как было бы хорошо, если бы я там сломал ногу а еще лучше шею, и хорошо бы, если бы я вместе со своей "системой" залез в свой знаменитый рюкзак и никогда бы оттуда не высовывался.

Ушел лось. Закончилось "подведение итогов". И, я с удивлением обнаружил... что ушел и мой Бзик! Вот не стало его и все! Я с удивлением смотрел на только что любимую оптику как на невероятную гадость! Вынул из своего "знаменитого" рюкзака ключ на тринадцать (Бзик довел меня до того, что я уже и ключи с собой носил) отвинтил два болга, взял в руку оптику и размахнулся, чтобы забросить ее в самый глубокий сугроб. Увы! Мой приятель остановил меня. С дрожью в голосе, сквозь сжатые зубы сказал:

- Нет. Ты ее не выбросишь. Ты ее принеси домой, повесь на стену и детям своим расскажи, какой ты ... и снова перечислил ряд своих измышлений (или моих достоинств).

Скрипел снег под оледенелыми валенками, я понуро брел за Пашей, запинаясь и тяжело дыша. Мыслей в голове просто не было. Да и какие к черту мысли после такой отповеди. Километра через два я ткнулся носом в Пашин рюкзак. Поднятый палец медленно опустился в направлении мохового болота. На кромке болота, чуть дальше сотни метров стоял лось! Тот же самый лось, с теми же рогами. Может судьба его такая. но. мне кажется, он просто искал смерти. Пашино ружье на таком расстоянии бесполезно. Боязливо посмотрев на своего приятеля, я встал на колено, прицелился из своей горе винтовки лосю по лопатке через винтик, как попало припаянный вместо мушки, и так же плавно надавил на спуск...

Отгремело эхо выстрела. Лось исчез. Прижав уши, я ждал скорой расправы. Паша быстро шел к болоту, вынимая на ходу нож. Я обессилено свалился в снег и счастливо уставился в синее небо. Где-то ритмично застучал дятел, что ему наша стрельба, у него свои заботы. На душе, как и в лесу, светло, покойно и красиво.

И вдруг опять - грохот сошедшей лавины! Это Паша снова решил напомнить мне, кто я такой есть, кто мои родители, сколько стоит тот бензин, на котором я возил слесарные тисы в лес, чтобы как опозориться со своей драной оптикой... но это была музыка!

Сегодня у меня в домашнем сейфе лежит прекрасный карабин с восьмикратной оптикой, из которого я попадаю в сигаретную коробку с расстояния... но... нет уже тридцати лет прошедших с того времени, редки стали охоты, давно лежит на дне Щучьего озера та старая винтовка-берданка... а иногда я достаю из заветного сундучка ту самую оптику и удовольствием вспоминаю, кто я такой есть...

СВОЕ МЕСТО.

На поваленной березе, возле еле приметной дорожки сидели два пожилых человека. Рядом с каждым стояло полнехонькое ведро груздей, молодых, ядерных, без единой червоточинки. По всему видно, что оба прилично разбирались в грибах. Груздочки словно калиброванные, аккуратно уложенные так и просились... было, было на что посмотреть. Рядом, на расстоянии пяти километров расположенные, два шахтерских поселка Буланаш и Кировка находились примерно на одинаковом расстоянии от места их встречи. Один шел со стороны Буланаша, второй со стороны Кировки, оба притомились, годы брали свое. На седьмом десятке и ведро с грибами тяжело.

- Смотри-ка, а я думал, что только я знаю, где взять ведро грибов в этом лесу.

- Ну, наверное, так оно и есть, только ты знаешь, где его взять в той стороне.

- Ну, давай покурим. Вот почему когда идешь в ту сторону, ведро легче, а когда обратно - тяжелее, или ты еще не замечаешь?

- А, ты, с какого года?

Так, с пятого.

- А я с шестого, вот в том и дело, я же моложе на целый год, значит, в будущем году замечу.

- Давно живешь здесь?

- А вот со строительства шахты и живу.

- Погоди, погоди, так ты строил третью шахту?

- А почему бы мне ее и не строить?

Интересный разговор начался у двоих шахтеров, которые, как оказалось, почти вместе строили одну и ту же шахту, жили почти в одном бараке, ходили в одну столовую, а вот до сих пор не встречались. И если бы все читатели были шахтерами, стоило бы полностью привести этот разговор, но... мы послушаем его окончание:

- Так, говоришь под самой Кировкой твое знаменитое место, и грибов там, сколько хочешь, столько и наберешь?

- Нет, это ты говоришь, что твое место под самым Буланашем, и грибов там пропасть.

- Но с твоего места видно четырехгранный стог, а это стог в моем огороде, так ты ко мне за огород ходишь с самого Буланаша за груздями?

- Но ты же тоже под Буланаш топал сегодня за этим вот ведром, правда, огорода у меня нет со стогом. Однако интересный анекдот. Вот около тридцати лет друг к другу за огород ходим, за пять километров грибы носим... слушай, а давай поменяемся, годы уже не те так далеко ходить?

- А ты... еще молодой, еще тяжести не чувствуешь... давай через год встретимся, тогда и порешим. Оно когда свое место, все как-то спокойней, да и надежней. Ну, будь здоров, привет хозяйке!

У КАЖДОГО СВОЕ МЕСТО.

Влажный снег под ногами слабо хрупал и оставлял на себе четкие следы. До места ночлега оставалось еще километра три. Густые липняки обступили конную дорожку так близко, что будь они одеты листвою, пришлось бы идти по "туннелю". А сейчас, даже в быстро наступающих сумерках, достаточно далеко просматривались отдельные коряжины, валежины и прочие сухостойные чудища, всегда населяющие достаточно глухой уральский лес с наступлением ночи. День с утра не заладился. Случается, что заяц дорогу перебежит, соседка с пустым ведром не во время выйдет из ворот, а тут вот просто не заладился день и все. То свежего следа не попадалось, то появился, но какой-то то ли перепуганный, то ли от перепуганного зверя. После обеда - вроде и след хороший, но по нему еще лучшего качества след другого охотника... в общем, так вот, несолоно хлебавши и пробирался я, с трудом переставляя уставшие ноги, в сторону долгожданного ночлега. Второй день интенсивного поиска не давал возможности даже просто посмотреть на кабана, не то, что прицелиться. Время поджимало с реализацией лицензии. Кабан для наших мест (верней для нас, охотников любителей, в основном лосятников) зверь еще непривычный, мы его даже и искать-то, как следует, не умели. Да и переходы у него вовсе не лосиные. Лось, как правило, пробежав метров двести - триста, останавливается и, настроив свои "локаторы", внимательно изучает обстановку, более того не двинется с места, пока не определит точно, где его преследователь. Кабан же, просто почуяв опасность, непонятным образом выбирает себе азимут, и "прет как бульдозер", не меняя направления около трех - пяти километров, причем скорость его вовсе не как у трактора.

Мои размышления прервались появлением следов, да еще каких! Под углом дорогу пересекала целая кабанья группа. Следы настолько свежие, что внутри сразу же полыхнул

костер второго дыхания, как знакомое всем охотникам чувство "парного" следа, дающее возможность в любом состоянии сделать двух-трех километровый рывок азартной погони. Еще помет парил немного, разбросанный на тропе метра в три шириной. И я, как-то уж очень легко, побежал по следам, уклоняясь от липовых веток и прикидывая расстояние, на которое мог уйти табунок. Голов, наверное, около десяти прошло липняками буквально за час до моего появления. Вот следы пересекли болотинку, ушли в распадок, вернулись опять в липняк. Мельком я отметил, что тропу пересек одиночный лосиный след. Где-то в голове отложилось, что шаг обладателя такого мощного копыта подозрительно короток, но погоня будоражит кровь в голове и не дает думать, как следовало бы. Потом, метров через сто, след снова пересек тропу в обратном направлении. Соображать я начал только на третьем пересечении тропы и следа. В заметно сгустившихся сумерках остановился, присел и внимательно рассмогнул чегкий свежий отпечаток раздвоенного копыта. Батюшки! Так это же кабаньий след! Вот почему он так пегляет и постоянно держится тропы. И тут где-то из подсознания выплыла информация, которая в азарте погони просто, наверное, не могла пробиться к моей воспаленной голове: это же скак! Секач же всегда идет за своим табунком, сзади! Он же даже при самом обильном снеге никогда не торит тропу, предоставляя эту тяжелую работу самке. Но природа поставила его на самый опасный участок в сохранении рода - на прикрытие. Вот он и "мотается" сзади, прикрывает молодняк от преследователя, защищает потомство как может. Инстинктивно я оглянулся по сторонам. Сумерки сгустились еще больше, на расстоянии пятидесяти - восьмидесяти метров уже не различались отдельные деревья... и тогда это "боевое прикрытие" возникло у меня перед глазами так явственно, будто я видел его на самом деле. Я вспомнил длину и острогу подаренного мне знакомым егерем кабаньего клыка, и почему-то еще раз внима-

тельно оглянулся. Кабан выполнял свою работу, природа определила ему его место, и он хорошо знал свои обязанности...

Чего греха таить, бывают у охотника минуты, когда любимые охотничьи уголья, знакомые вдоль и поперек, вдруг становятся неуютными и... в общем, уяснив, что кабан находится на своем месте, я понял, что мое место сейчас там, в избушке, у теплой печки и кипящего чайника. Да, кабан дома. и пока было светло - мы были на равных, а вот с темнотой у него появилась значительная фора. Сегодня он выиграл.

НЕ СУДЬБА!

Утки летели плотной стайкой в полсолнца. Они просто выбирали спокойную заводь, наверное, устали, потому как, не меняя направления, летели прямо на охотников. Стоя на мыске, практически на открытом месте, охотники не понимали, почему утки летят прямо на них. Старший, назовем его бывалый, резко скомандовал:

- Не шевелиться!

И все трое замерли. На плечах висели шесть стволов, заряженных пятым номером качественной полированной дроби - неминуемая смерть приближавшейся стайке.

- Только по команде, все разом хвагасм ружья, и только по команде начинаем стрелять, они уже не свернут, высота не более тридцати метров, спокойненько, они наши - не пошевелив губами, продолжал командовать бывалый.

Вот уже слышен резкий свист утиных крыльев. Колотится готовое к прыжку сердце, вот, кажется, сейчас, как выскочит и метров за пятнадцать в озеро...

- Плотно летят. Нас же трое, одна стало быть лишняя, опять этот хрыч себе заберет, а может сам как раз и промажет - думал самый молодой между ударами сердца, уверенный в своей недавно приобретенной вертикалке.

О чем думал третий участник предстоящего убийства (ни на что другое приближающееся событие не могло и походить) я не берусь судить. Но он - человек своеобразный, немного замкнутый, с беспредельным чувством юмора, и очень точно подмечающий все тонкости их непростой, но довольно крепкой дружбы, всегда имел свое мнение. Критическое состояние пройдено, уже бедным кряковым ни отвернуть, ни спикировать, осталось только красиво умереть.

- Время! Огонь!!!

Рывком сорвали с плеч друга свои смертоносные приспособления и... шесть стволов, хищно, с поводкой, с мягким разворотом, выбрав (вроде бы) нужное упрямство, выверив каждую мелочь, изрыгнули огонь и выбросили сто восемьдесят шесть граммов убийственного свинца в братьев наших меньших!

Ни одна кряковая даже не покачнулась, перышка не потеряв. направления не изменив... как летели, так и пролетели!.. Хью - хью - хью- хью -удалится волнующий свист острых крыльев. Медленно поворачивая головы, опарашенные охотники удивленно смотрели им в след... вот уж еле видно...

- Худю-ющие б... - подвел итог юморист.

Через несколько секунд все трое катались меж кочек от хохота.

ХАРАКТЕР.

А было мне тогда лет, наверное, шестнадцать. В шахтерском поселке, затерянном среди уральских лесов, цивилизации, прямо скажем, не очень много. Кто-то шел в "Голубом Дунае", кто-то пел в шахтерском клубе, кто-то ходил чопорно и с достоинством в кино. Нам же, пацанам, оставалось совсем немного: или лазить по огородам (конечно, когда там все созревало), или бродить по лесу, где всегда все интересно. Так

вот незаметно и становились мы охотниками. Сначала с рогатками, потом с луками и стрелами, а уже кто вымалывал у родителей ружье - по-настоящему. Дичи, надобно отметить, водилось поблизости от поселка достаточно. Угольная шахта круглосуточно качала воду с горизонта восьмисот метров, и подпитывала громадное болото, прямо за нашими огородами. А в том болоте и утки, и всякая живность от норки до ондатры пребывала в избытке. За болотом же обитала и боровая птица, и косуля, и зайчишки. Как правило, к четырнадцати годам это пространство осваивалось нами, а жажда приключений тянула дальше и дальше. В свои шестнадцать я имел тяжелую, но надежную одностволку ЗК шестнадцатого калибра, и обладал достаточной подготовкой, чтобы пропадать в лесу по двое-трое суток. Однажды, по случаю, упросил отца купить мне собаку у старого лесника, который дал весьма примечательную инструкцию:

- Мотри, паря, собака браконьерска, она тебя всему научит, ежели ты не балбес.

Так вот и появилась в нашем дворе Рефта или Рита, как я ее ласково перекрестил, недалекая помесь лайки, белая с серой головой, высокая на ногах, внимательная и умная. Когда моя новая собака залаяла в лесу в первый раз, я принялся звать ее к себе, свистел, орал, а она все лаяла. Я пошел посмотреть - чего она там гавкает, и был немало удивлен, когда обнаружил ее сидящей под деревом и лающей на него. Господи! Насколько же прав оказался тот лесник. Так вот и улетел от меня первый глухарь, первая работа моей собаки. Но, наверное, я действительно не являлся балбесом потому, что скоро перестал приходить домой без трофея, а потом начал зарабатывать все охотничьи припасы. Не было в то время ни магазина охотничьего, ни чиновников от охоты в таком как сейчас количестве. Один дед Максим Казанцев мог дать и капсюлей, и гильз, и пороху, из заветного ящика под его кроватью, но только за беличьи или колонковые шкурки. Работала Рита с упоением, азартно и грамотно. Учила меня уму-

разуму но, выросшая на лесном хуторе, имела и свои особенности. Однажды, в покосную пору, мы возвращались домой с приличной "волочушкой" травы, и просмотрели как Рита шмыганула в болото на краю поселка с очередной "проверкой". Пока прибрали и траву, и инвентарь, пока я свел лошадь на выгон, времени прошло не так уж и много. Сосед появился вовсе неожиданно:

- Это чего же такое, Егорыч, детсяя? Это для кого же я уток кормил! Что твоему сынку с его испной диких мало, али че?

- Погоди, погоди, сосед. Каких уток? Никуда мой сын не ходил сегодня, вот только приехали с покоса.

- Какой к чемару покос, айда, сам гляди, а я убытков терпеть не собираюсь!

Пошли мы с отцом за соседом. На краю болота "отдыхала" Рита. Около нее лежали шесть белых уток аккуратной горкой и без признаков жизни. Рита, порычав на соседа для порядка, ласкаясь, пошла ко мне, наверное, с докладом об удачной охоте. Зная нрав своего папаши, я быстренько схватил свою любимицу на веревочку и дал деру без лишних напоминаний. После, расплатившись с соседом и осмыслив, что в покосную пору такое количество мяса как раз к месту, отец с юморком заметил:

- Вот каину Максиму-то, что до открытия охоты промышлять начали вы, друзья.

Но запомнился мне случай, который перевернул мое отношение к собакам вообще, и к Рите в особенности. Я тогда ушел за вторую Шилюжиху, это километров за пятнадцать от дома. Первый день не принес особых удач, но пропитание себе мы с Ритой добыли. Плотно поужинав, переночевали, и с утра пошли прочесывать старые выруба. Наверное, через час - полтора Рита подала голос. Аккуратненько два раза тавкнула, потом еще два, помолчала полминутки и опять пару вежливых "гав". Я уже мог безошибочно определить на кого, и как она лаяла. Это - без сомнения глухарь. Охотники знают,

как гулко в таких случаях грохает сердце, как оглушительно хрустит ветка под ногой, какое неповторимое ощущение испытывает человек старающийся подкрасться к сидящему на дереве глухарю. Это его только так называют ГЛУХАРЬ, я бы его называл слухарем. Малейшая неосторожность и все, только крылья схлопают. Причем умеет он слететь с дерева так, что выстрелить нет никакой возможности. Подошел я к самому дереву, а глухаря разглядеть не могу. Рита на той стороне дерева сидит, хвостом траву похлопывает, поскуливает, отвлекает его, злодея, как может, а я вот не вижу и - хоть плачь! В общем, наступил я на ветку. Треснуло в тишине, как из пушки, сорвался глухарь! Низом пошел через выруб, Рита за ним, сквозь поросль, кочки... чертыхнулся горе-охотник, саданул вслед хитрюге матом. А что поделывать, как говаривал Семен Лобанов: "не кормил, не поил - жалеть неча". Только слышу, залаяла опять на той стороне выруб! Неужели сел? Смотрю, и правда сидит глухарь мой на сосне, сидит, головой крутит. Не понял он, кто ветку сломил, вот, однако, и устроился. Тут уж откуда силы взялись, пробежал я эти полкилометра вокруг выруб и не заметил как. Стал подходить. Все аккуратно сделал, подошел нормально, но верного выстрела нет. На чистом месте сосна стоит, некуда спрятаться. А увидит "слухарь" - улетит совсем. А что вытворяла Рита! Движения аккуратненькие, шажочки малюсенькие! То туда сместится, метра на два, то обратно... гавкнет пару раз, поскуливает, хвостом по траве хлопает! Ну, балерина, да и только! Глухарь шею вытянул, смотрит на нее, про меня и не подумает... Я же топтался, топтался под осиной - ну никак не получается. И решил с восьмидесяти метров стрелять. Далеко, конечно, но решил. Прицелился и... грохнул! Слетел глухарь своей обычной манерой - сразу вниз и за деревом, только я его и видел. Смотрю бежит ко мне Рита. Странно как-то бежит, во весь опор. Подбежала и прыгнула с оскаленной пастью. Схватила за руку, дагнула зубами - не больно, но чув-

ствительно. Потом отскочила, глянула на меня из-под лобья, зло так, хвост опустила и побрела в сторону.

- Рита! Ко мне, Рита!

Куда гам... сел на валежину и думаю: вот ведь азарт какой, отработала, а я промазал: обиделась?! А как отработала-то, загляденье! Но, честно признаться, испугался я здорово, когда она прыгнула... так и ушла. Бросила меня.

Домой я пришел уже на следующий день. Мать подняла всех соседей-охотников - собака вернулась, а парня нет... а Рита... неделю от меня корм не принимала - простить не могла...

ШЕРИФ.

Шерифом мой давнишний приятель звал своего любимца - западносибирскую лайку. Бело серый, высокий на ногах, с мощной грудью и на редкость самостоятельным нравом, пес, и правда, походил на шерифа. У него - свое понятие гордости, места в обществе (особенно в машине) и неповторимая важность во взгляде. Нужно видеть, как он нервничал, если кто-то садился на переднее сидение "Нивы", как он скалился в самую шею нахалу, считая, наверно, дикой несправедливостью свое пребывание на заднем сидении. Вырос он в машине - дань современным охотникам, и четко понимал, где должен сидеть начальник. А то, что он считал себя начальником, определялось сразу, с первой минуты.

В тот день мы напросились к знакомому егерю потравить собак по кабану. Приехали на место, выпустили из машины Шерифа и Молодого, попли вдоль опушки по покосине, разминая затекшие ноги. Обе собаки, насидевшись в воюющей тесноте машины, убористым талопом начали проверять окрестности, все отдаляясь и отдаляясь, и скоро совсем

исчезли из виду. Осенний лес, когда буйствует листопад, неповторим в своей чистоте и прозрачности. Скошенные луга и поля дают ощущение хорошо вымытого и прибранного жилища. Гроздья калины, рябины, желтый шуршащий ковер под ногами...

Вдалеке дважды гавкнула собака. Четкий, грубоватый голос ее словно поставил нас в известность о чем-то само собой разумеющемся. Так, из вежливости ли к нам, или из уважения к хозяину: "Гав... гав." Даже без восклицательного знака.

- Ну, блин! Вот вам и кабаны. Чтоб вас, чертей, лихо-манка замучила! Все! Отохотились. Лопата у тебя в машине есть? - с обескураженным видом выдал мой приятель.

- Чего, отохотились? Твои что ли лают? - спросил егеря.

- Ну а кто же еще! Шериф говорит, что барсука Молодой нашел. Сейчас копать будем. Их же из норы не выгнать никакой силой теперь.

- Ну, уж и узнал ты все из двух гав-гав - запротестовал я.

- Бери лопату и пошли, там посмотришь - обрезал раздосадованный хозяин лаек.

- Так нет у меня лопаты.

- Ну, вот и "самое хорошее" свершилось - подвел итог приятель.

Когда мы нашли собак (километрах в полутора от машины), картина и вправду оказалась интересной. На кромке поля, заросший буйной травой, возвышался бугорок, метра два высотой и метров около десяти в поперечнике. Возле бугра лежал Шериф, вытянув ноги, и смотрел куда-то вдоль поля.

- Ну, чего вы тут нашли? Ты зачем сюда приехал, барсука бы и дома найти мог. Давай, показывай - словно к кому-то из нас обратился приятель к собаке.

К нашему удивлению пес нехотя поднялся и пошел на ту сторону бугра. Мы последовали за ним. Молодой закопался в нору прилично, один хвост шевелился в граве. Хозяин попытался выгнать собаку, но хвост спрятался, а Шериф недовольно зарычал.

- Да копайте вы, балбесы, копайте, ума-то нет - огрызнулся хозяин и плюнул со злостью под ноги.

- Ничего, у меня уже давно заказ на барсука, взять никак не могу. Будем считать повезло - успокоил егеря.

- Повезло без лопаты. Ножиком будешь копать, если тебе барсук нужен.

А собаки делали свое дело. Но как делали! Молодой закапывался все больше и больше. Скоро его сопение прекратилось. Перестала сыпаться земля за его исчезнувшим хвостом. Лежащий рядом Шериф встал, словно ему команду дали, подошел к норе, осмотрелся и... начал отгребать землю?! Это было разумное действие. Ни кто мне теперь не докажет, что собаки не думают, так же как и мы. Он греб передними лапами, отталкивал задними до тех пор, пока не послышалось четкое сопение Молодого! Сам до половины корпуса влез в нору, очистил все, и, закончив свою работу, отряхнувшись, лег на прежнее место с явно скучающим видом. Молодой же не прекращал рыть. Он не заботился, что закопает сам себя. Он ЗНАЛ, что Шериф очистит его "забой". Знал это так, словно работал по выверенной технологии! Мы с егерем удивленно молчали. Такое мне не приходилось не только видеть, но даже слышать. Да кто бы и рассказал, так я бы не поверил. Трижды Шериф чистил "забой". Трижды исчезал в нору, потом перемещал землю все ближе и ближе к выходу, пока не очищал все, как ему хотелось. И каждый раз ждал со скучающим видом очередной "заморочки", это у него на морде было написано! Ни азарта, ни волнения, ни сомнения! Он работал! Это действо продолжалось около часа. Вдруг он забеспокоился, встал, прислушался, внимательно поглядел на хозяина.

- Да я еще ничего не слышу - ответил тот.

Шериф рывком поднялся на бугор, встал, как изваяние в траве, скосил голову набок, и начал перебирать лапами. Хозяин тоже поднялся на бугор, прислушался.

- Все, достал наконец-то, идите, слушайте - обратился к нам.

Из-под земли еле доносился какой-то сдавленный звук, похожий на лай или повизгивание. Приятель мой взял заранее приготовленный и заостренный ствол ик дерева и принялся протыкать землю над тем местом, откуда слышался голос собаки. Видимо нащупав что-то мягкое, гкнул несколько раз мягко, затем посильней.

- Вот он здесь барсук.

- А как ты знаешь?

- Так если бы собака была, голос бы подала, копать нужно скорей. может уйти.

И принялись мы ножами раскапывать бугор. Шериф проявлял явное беспокойство. Когда мы вынули из земли "щуп", он просунул в углубление нос, усиленно потянул воздух и сразу преобразился. Земля полетела из-под его лап с такой скоростью, что нам пришлось оперативно посторониться. Пес работал на совесть. Яма расширялась довольно быстро. Вдруг он выпрыгнул из ямы и устоялся на хозяина. Гог, крикнув, встал на колени, и принялся вырезать ножом обнажившиеся два корня. Как только корни были выброшены, Шериф, оттолкнув хозяина, снова ринулся в яму. Азарт забирал его все больше и больше. Несколько раз пришлось нам вырезать древесные корни, освобождая ему поле деятельности. Вдруг он вцепился во что-то зубами, и из ямы послышалось глухое рычание.

- Так, сейчас отойдите. Он его держит. Аккуратно нужно. Если барсук вырвется - Шериф может укусить - сказал приятель и принялся осторожно разрезать землю вокруг собачьего носа.

Продолжалось это минут пять - восемь. Затем из норы покотился серый клубок. Я даже не успел понять, откуда что

взялось. Шериф дрался с барсуком около бугра не на жизнь, а на смерть! Из под земли доносился нетерпеливый вой Молодого. Не обращая внимания на драку, хозяин выкапывал вторую собаку. Вот захватил ее за лапу и потащил наружу. Рывком высочил Молодой из норы, и бросился на помощь Шерифу. Через несколько минут собаки просто растянули барсука, ухватив его сзади и спереди...

- Вот это работа! - Качал головой егеря. - Я такого не видел. Это же академики какие-то!

Шериф вылизывал что-то между когтями передней лапы, утробно рыча, и довольно шурился, поглядывая на хозяина.

- Давай-ка я гебя на поволок прихвачу, Молодой, иначе снова найдешь не то, зачем приехали - пробормотал приятель, одевая ошейник на "забойщика"

- А этот? - Спросил я, показывая на Шерифа.

- При Молодом-то? Не снизойдет. Ты что, для него авторитет выше добычи...

ТРОПЫ ТАЕЖНЫЕ

ЛЕНГЕНДА ОБ ОЗЕРЕ АРА-КУЛЬ.

Давным-давно, на берегу озера, маленького и не приметного, жил старый охотник. Когда поселился он там и как долго жил, никто и не знает. Был у охотника сын. Любил старик сына, все, что знал и умел, передавал ему, а тот рос, словно молодой лось, статный да могучный. Тайга им обоим родной - дом, кормила и одевала их, по своим законам жить заставляла, однако сильно и не баловала. А на другой стороне озера жил злой дух тайги. Ночами бродил по ельникам, по мшистым болотам-марям, по седым уральским кряжам и нес с собой смерть да несчастье. Где рыси спящего лосенка укажет, где в когти филину серого зайку загонит, да как захохочет от радости. От этого хохота, говорят, и у волка на загривке шерсть дыбарем поднималась. А днем не видно духа, в дупляную коряжину спать завалится, и только мошка-мокрец до самого вечера над смрадным дыханием его каруселью кружится.

Однажды пришли к озеру люди и выжили с насиженного места злодея. Поставили чумы островерхие, а из коряги дупляной челночек-лодочку сделали. Охотой промышлять начали, злобных рысей калканами половили, филинов - вещунов несчастья по лесу вовсе разогнали. Старика-охотника за его нелюдимость дикарем прозвали вместе с сыном его. Была, однако, в становище том и девушка-любимица. Черноокая, быстрая, словно косуля горная. Любила та девушка по ночному озеру на лодке-челночке кататься. С вечера сядет в лодочку, ударит веслом воду хрустальную, и плывет по лунной дорожке. Знать не могла она, что глядят на нее с разных берегов озера глаза разные. С одного берега, с гряды каменной, тоской-кручиною глаза молодого дикаря к дорожке лунной прикованы, а с другого, из болота мшистого, зеленой злобой глаза духа блестят. Долго продолжалось так, сидит молодой дикарь, от лодки глаз оторвать не может, а у ног его,

на камне сером, угольки тлеют. Однако, сказать трудно почему, но повернула однажды лодочка к гряде каменной, выпрыгнула из нее девушка, позвала охотника, да... по утреннему туману домой и вернулась. Так с той поры и повелось. Видно уж все молодос к молодому тянется, а счастье, оно берегами не обозначено.

Только злей еще сверкать стали глаза зеленые из болота мшистого. Пришел как-то под вечер злодей к дикарю старому, да и говорит:

- Остепени сына, пусть девку бросит!

А старик ему в ответ:

- Давно гляжу я на них и ничего плохого в том не вижу, да и на мать его, с которой меня противу воли разлучили, она уж очень похожа. Не мешай счастью цвести, злодей, не погань радость человеческую!

Да и прогнал его. Обозлился дух, полетел на гряду каменную к молодому дикарю.

- Брось девку - говорит - мы с тобой всегда в мире жили!

А тот смеется:

- Знаешь ли - говорит - зеленый, что такое счастье?

- Только ударится лодка о камни у берега - быть тебе камнем! - прорычал дух, да так зло зубами скрипнул, что серые валуны в темноте синими стали, жутким сияньем засветились.

Встал охотник, подошел к краю гряды, поглядел на дорожку лунную.

- Опоздал, зеленый, куда же мне без нее, да вот и она сама!

Только сказать успел - в камень и превратился. Выбежала девушка наверх, к костерку, да и поняла все сразу... припала к камню-валуну, заплакала. Долго она так плакала, слезы в сером камне ямки выбили и, стекая ручейками, озеро намного больше сделали.

Много дней и ночей смотрел на нее злодей - слезам человеческим радовался. Однажды захотел ее с собой утащить, только лапы прогянул, когтями плеч девичьих коснулся, отвалился кусок гранита-камня от валуна, да и перешиб обе лапы злодею. Взыл дух! Проклял место то и девушку в камень превратил.

С тех самых пор и зовут то озеро Ара-Куль, что значит Слеза-озеро. Гряды называют Дикарь - камень, а самый крайний валун, чуть наклоненный, по имени девушки Шихан-камнем зовут. И вода в том озере чистая-чистая, все камушки на дне видно. А вот на самой середине озера всегда рябь стоит. Там по преданию злой дух утоплен. Выследил его старый Дикарь, да вместе с лушлом, обмотав ремнями, и утопил на середине Слезы - озера.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЭПУД.

Никогда бы не подумал, что в вертолете такой "комфорт" для пассажиров. Заваленный нашими рюкзаками и тюками салон грохотал, дребезжал, болтался и лязгал, затем вдруг проваливался метров на десять вниз... в общем, полное ощущение галтовочного барабана. И все-таки мы, прижавшись к круглым окошечкам, с интересом смотрели на желто-зеленую тайгу внизу, выискивая тот пятнышко деревянного настила на берегу реки Согом, куда нас и обещали посадить отчаянные, мужественные ребята с этой летающей груды металлического грохота. Хорошо зная тайгу Западной Сибири с высоты человеческого роста, мы впервые видели ее с высоты машинного полета. Поражались как же много внизу воды. Озера, реки, протоки, болота. На одном из озер, наверное, приняв наш вертолет за хищника, стала подниматься стая уток. Много довелось мне посмотреть и пострелять уток, но

увидеть на подъеме стаю штук в четыреста, да еще сверху, такого не бывало. Впечатление на всю жизнь.

Но вот мы стали проваливаться куда-то влево вниз и затем зависли на одном месте. На кромке залива, переходящего в болото, ясно виден квадратик деревянного настила посадочной площадки. Рядом шевелились две точки.

- Ого, и встречающие имсются - подумалось.

Что-то кричал сквозь грохот Петька, его слушали, потом махали рукой, улыбались. Кто-то после его слов покрутил пальцем у виска. Петька наклонился ко мне:

- Если баба то моя! - крикнул он.

Я тоже покрутил пальцем у виска. Как ни странно, но вертолетчики посадили-таки свою дребезжалку точно на деревянный квадратик. Командир махнул рукой, требуя быстрее выгружаться. Ребята выпрыгнули на землю, и мне пришлось выбрасывать все тюки и мешки. Выбросив второй рюкзак, я заметил, что все буквально валяются от смеха. Однако любопытствовать было некогда, командир резко требовал освободить салон. Выкидав все в дверь, еще раз, оглянувшись, я махнул рукой пилотам и выпрыгнул сам. Вертолет добавил грохота, взмыл в высоту, и тут я увидел причину веселья. Встречали нас двое хантов: мужчина лет тридцати и женщина. Вог в ней-то и было все дело. О ее возрасте говорить бесполезно, нужно говорить о ее древности. Одета в живописные лохмотья - смесь мужской и женской одежды, в обуви, вместо лица она имела сгусток морщин. Но самая неотразимость - единственный зуб и узкие щелочки слезящихся глаз.

- Если баба то моя! - грохнуло в мозгу Петькиным голосом, и я тоже от души расхохотался.

Познакомились с хозяевами. Охотник - Николай Маремьянин представил нам свою мать - бабушку Марью и пригласил в избу. На пригорке стояла довольно приличная изба с навесом. Это их родовое охотничье стойбище. Ханты народ очень гостеприимный, приветливый, новые люди для них

всегда радость. Это возможность узнать о большом мире из первых рук, посидеть у костра за чаем, а если судьба пошлет хорошего гостя, то и за рюмкой. Гости они всегда накормят и рыбой и ягодой, и соленым, и вяленным. Если же гость еще и умеет слушать - разговоров до утра. Выпить любят все, от мала до велика и пьют не пока довольно, а пока есть что пить. Есть у таежников и особенность, на которой не раз приходилось спотыкаться незадачливому путешественнику. За разговорами, пропуская рюмку за рюмкой, они, как и мы, русские, не ведают меры. И вот наступает момент, когда уже лишку, в голове его что-то быстро меняется, он становится раздражительным, наглым, агрессивным и неуправляемым.

Николай помог нам наловить карасей, устроиться и вот - вечерняя уха. Ну а рыба, как известно, посуху не ходит. И потекла беседа, расспросы, рассказы. Мы услышали удивительную историю о том, как госпромхоз Согомский ловил ершей для совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москву. А ершей тех ловили не просто так, а по мерке. То есть каждый охотник получил палочку, меньше которой ерши партийным людям не годились.

- Однако, маялись много, но наловили - с гордостью говорил Николай - за этих ершей четыре контейнера пришло: с карабинами, моторами для лодок, боеприпасом и капканами.

Так рыбка за рюмкой, байка за рыбкой и вечерали восемь душ туристов да двое хантов посреди огромного моря тайги, в бассейне Иртыша. Наверное, трудно было бабке Марье угнаться за здоровыми мужиками, а отставать не хотелось, поэтому у нее у первой и случился тот самый щелчок в голове, после которого и начинаются приключения...

- А зачем сильно смеялись, когда прилетели? - вдруг довольно резко спросила она.

- Ой, мать, да с радости, что из этой стрекозы живые вылезли - сказал кто-то.

Но бабка продолжала настойчиво допытываться. Бабьим чутьем она видно уловила тогда, что-то обидное в беспричинном весельи, и это мучило ее до тех пор, пока вытесненное спиртом не вылетело наружу. На беду, кто-то из подвыпивших парней взял да и рассказал ей все как есть. Внимательно бабуля выслушала, смешного ничего не нашла, но поняла быстро и по-своему. Сняла платок, достала откуда-то из лохмотьев гребенку, расчесала седину, которая еще сохранилась на ее древней голове, и... подседа к Петьке!

- На небе решил - я твоя, почто сидишь, молчишь? Айда в марь, мох мягкий, багульник пахнет сладко...

У Петьки округлились и полезли на лоб глаза!

- Да ты, ч-ч-ч-чего? Ты же мне... Мать! Нет! Бабушка!!! Какой мох, какая марь?! - Он вскочил и ошарашенный ушел на другую сторону костра.

Бабуля сидела на собственных пятках, как умеют сидеть люди лишённые мебели всю жизнь, медленно раскачивалась из стороны в сторону. Блики костра бегали по ее лохмотьям, и невозможно было понять, открыты или закрыты щелочки ее глаз. Какие мысли теснились в ее голове, что вспоминала она? Ясно было одно - она сейчас где-то далеко-далеко отсюда, может быть в молодости своей. Вдруг она встала и пошла к избе. Наступила неловкая пауза, но зазвенели струны, полилась по тайге песня, негромкая, задушевная.

- Дернул же за язык черт какого-то дурака - думал Петька нахохлившись.

Он еще не считал себя виноватым, не прочувствовал. Кто-то сзади крепко взял его за плечо. Петька повернул голову: рядом стояла бабка Марья, в одной руке у нее был здоровенный ржавый нож и, что больше всего поразило Петьку, смотрела на него большими, широко раскрытыми, блестящими глазами.

- Сначала бабу надо, потом смеешься? Пошли, однако!

Мигом вылетела из Петьки вся дурь, вместе с хмелем. В долю секунды, оценив и осознав, куда его занесло, из по-

ложения лежа маханул от бабули через костер метра на четыре!

- Ты чего, мать, а!? Поспать бы тебе, устала поди за день-то. иди давай в избу...

Но бабка шла не в избу, а к нему. Петька шмыганул за угол, бабка - за ним! Он вылетел с другой стороны, и встал сзади нас. Пошатываясь, мелкой трусцой из темноты вынырнула бабка, огляделась, увидела Петьку, засеменила к нему. И начали они бегать вокруг избы и кострища, одна молча и целеустремленно, другой же с мольбами после каждого круга.

- Ну, сделайте же чего-нибудь, ну остановите ее. она же старая, пьяная, ей же нельзя так, вредно же!!

Мы сидели вокруг костра и не успевали осмысливать ситуацию. То, что Петьку нужно выручать - поняли быстро. Но как? Остановить бабку Марью силой? А в каком состоянии ее сын? А если после этого и он задурит? И на дипломатию времени не оставалось.

- Коля, ты бы ее остановил. мать-то, старая ведь, поберег бы ее - посоветовал Юрка, подливая из фляжки в кружку хозяина.

Гот не торонясь, глотнул из кружки, залил холодной ухой, закурил.

- Правда, старая уже. Скоро устанет, сама сядет - утешил всех.

Гонки вокруг избы продолжались.

- Петька, бросай кружигь, беги в тайгу. ночь ведь, спрячешься.

- Ага, она тут каждую кочку знает, (обежал круг) найдет и прирежет одного-то! (еще кружок) Да придумайте же чего-нибудь, сволочи!!!

На следующем круге бабка загнулась обо что-то, толи лесину, толи чью-то ногу и шлепнулась, тяжело дыша, прямо Юрке на колени.

- А ведь не догнать тебе его, молодого, пока не выпьешь - посочувствовал Юрка.

Бабка отдыпалась, внимательно посмотрела на него...
- Наливай!

Одному богу известно, сколько спирта отбулькало из фляжки, но бабуля вышлеснула в беззубый рот все без остатка (как в каменку, сказал бы покойничек отец) выпила полную кружку холодной ухи, попросила закурить. После нескольких затяжек мысли ее смешались совсем. Она немного попила, что-то тягучее, грустное и, свернувшись калачиком, уснула мертвецким сном праведного пьяницы. Мы хотели отнести ее в избу, сын не дал:

- Здесь лучше, с рассветом по ягоду уйдет.

Петька молча принес свой спальник, положил на него сухонькое тельце древней старушки, заботливо укрыл брезентовым тентом. Долго стоял, и задумчиво смотрел, как безмятежно спит это неповторимое дитя природы. Было ясно, что урок получился хороший и усвоен крепко: бабу ему больше не хотелось.

Утром проснулись мы довольно поздно. Хозяина не было - проверял сети. Ведро свежей ухи стояло у костра. На брезенте, которым Петька укрывал на ночь бабулю, красовалась приличная куча бордовой брусники. Пока приводили себя в порядок, вернулся Николай.

- Это вам - указал на ягоды - мать собрала. Спасибо говорит, спать хорошо уложили - тепло было. Ей сегодня четыре мешка ягоды набрать надо, тяжело, старая стает. Ешьте уху. Кто вчера просился уток стрелять? Поехали!

НУ, БЕРДАНКА.

Мутные волны не широкой рски медленно несли байдарки своим невидимым, но мощным течением вдоль заросших буйной зеленью берегов.

В группе царило весьма непонятное положение. С одной стороны напряжение, порожденное обидой, с другой - добродушное, смешливое перешептывание. Утром, когда байдарки вытянулись вдоль реки, Андрей начал подрабатывать веслами, чтобы немного оторваться, и подойти первым к залому. Около заломов всегда обитали стайки уток, и верный выстрел доставался тому, кто раньше их замечал. Резкое хлопанье крыльев раздалось как-то вдруг справа. Андрей закрутил головой, не сразу разобравшись, что река сделала крутой поворот. Когда стая черняги появилась над вершинами деревьев, грохнул торопливый дублет, утки, не потеряв ни единого перышка, полетели вдоль реки. Условия для выстрела были настолько идеальными, что мы разинули рты. Андрей оглянулся в смущении, но наши физиономии, очевидно, так поразили его, что он решил как-то оправдаться:

- А, берданка чертова! Налюела, рогатка проклятая, сколько раз Верке долбил, что пора ружье доброе купить, так ведь нет! Зараза! Все деньги отдаю? Ну что, на ружье не заработал!?

Здесь последовала добавка непечатного текста, для большей убедительности. Решив, наверное, что нам все ясно, Андрей налег на весла, и с бурунами ушел метров на пятьдесят вперед. Собственно в этом случае не было ничего особенного, мазали мы все и довольно часто. Минут через пять все со смехом приступили к осмыслению его тирады.

Километров через семь-восемь, высоко в небе появилась ворона. А надобно отметить, что к воронам Андрей питал неугасимую ненависть. Он считал их врагами всего живого на земле, и уничтожал нещадно, ежегодно отчитываясь в обществе охотников и занимая там призовые места.

- О, гетка ворона - врагиня природы - проворчал он скороговоркой и шелкнул предохранителем своей неповторимой двустволки двенадцатого калибра с самодельным прикладом.

Ворона летела метров на восемьдесят высоты и "в штык". Ну, нельзя достать ворону в таких условиях, да еще из положения «сидя в байдарке». Промаях, конечно, был обеспечен, мы затаили дыхание. Грохнул выстрел, ворона камнем полетела вниз!?

- А! Блин! Берданка чертова! - Возопила вся группа - есть же путние ружья у людей! Ну, Верка, купила же мужику сорокапятку!

Ворона гулко шлепнула о воду совсем рядом, кто-то быстренько поднял ее.

- В самое сердце, мужики! Умеют же люди стрелять!

Закипела вода под веслами. взбурлились мускулы под рубашкой Андрея. И вот уже часа два мы посмеивались и ждали, когда он остынет.

ДОКТОР ПО СОВМЕСТИТЕЛЬСТВУ.

Это случилось в самой середине похода по Северному Уралу. Наша группа вышла к реке Ваграи в заброшенный поселок Тулайка. Красивая поляна на берегу живописной реки серьезно обезображена человеком. Геологи оставили пару больших емкостей из-под соляра, массу брошенного железа, куски гусениц, обрывки троса, полу разобранный двигатель. В общем, как и всегда, бывает от избытка средств и недостатка ума. Однако на опушке векового пихтача стояла большая добротная изба, и это определило место дневки.

Траверз по главному Уралу от Денежкина до Конжаковского камня давался трудно. В первых числах мая в тайге еще лежал снег, но под ним уже журчала талая вода. Реки и ручьи начинали вскрываться. Продвигались довольно тяжело, группа еле-еле укладывалась в график. Побросав рюкзаки на просохшей поляне, все дружно отправились собирать дрова. Взвалив на плечо приличную сухарю, я прихватил в правую

руку увесистый сук, и пошел к поляне. Корявый сук зацепился за что-то и выскользнул из руки. Упускать его не хотелось, и я резко нагнулся, чтобы поймать строптивца еще до того, как он упадет на землю. Сухара на плече мягко давила сверху, и в поясице полыхнула острая, резкая боль. Сук, упав, ударил меня по ноге, и я застыл в полусогнутом состоянии не в силах ни выпрямиться, ни сбросить груз. Мимо шли девочки с охапками хвороста.

- Снимите... - процедил я сквозь зубы.

- Нет уж, нам чего полегче - хихикнули они, и пошли дальше.

- Юра, - позвал я приятеля, рубившего еще одну сухару, но стук топора заглушил голос.

- Уходи, на тебя пойдет! - крикнул Юрка, разгоряченный работой, - уходи, говорю!

Наверное, заметив мою неестественную позу, он бросил топор, и медленно подошел:

- Ты чего?

- Сними... - опять прохрипел я.

Юрка снял с плеча сухару, и я кулем свалился на снег.

- Что с тобой?

- Спину... заклинило... подожди, сейчас встать попробую.

При малейшем движении спину пропивала острая колющая боль, дыхание перехватывало, в глазах темнело. С великим трудом, уцепившись за Юркину шею, мне удалось подняться. Кое-как, переставляя ноги, добрались мы до поляны. Ребята с удивлением смотрели на мои "маневры".

Я сидел на ступеньках ветхого крыльца уже больше часа, боль не отпускала. Любое движение позвоночника провоцировало новый прострел. Положение становилось весьма щекотливым. Мы прошли только половину маршрута "тройки". А поход третьей категории сложности имеет свои особенности: протяженность почти двести километров, рюкзак не менее тридцати килограммов. Это значит, что впереди еще

около сотни километров пути вдоль хребта, до первого населенного пункта. Да ребятам просто не вытащить меня отсюда по снегу и буреломам. Конечно, рюкзак они разберут между собой, там же сгущенка, кофе со сливками... а как же я?! Сделать плот и сплавиться по Ваграну? Пройти сквозь все заторы и перипетии паводка? Утопия.

- Думать будем - мрачно изрек командир.

Вот я и сидел, и думал... Ребята быстро и споро готовили обед, наводили порядок в избе.

А по тайге шествовала красавица весна! Звонко щелкали шишки, выбрасывая на талый снег новую жизнь. Длинными очередами барабанил где-то дятел по сухому звонкому суку, обещая неизвестной еще подруге уютное дупло. Пересвистывались через поляну два рябчика, решая кому лететь первому. Солнце пригревало, и с хрупаньем рушило снег, льдистый и рассыпчатый в потускневшей уже близине своей. Под берегом шумел и ворочался Вагран, протаскивая под еловыми "расческами" льдины, коряги, стволы деревьев. До сознания медленно дошел какой-то новый, посторонний, жужжащий звук. Он ширился, разрастался, мешал слушать тайгу. И вдруг! Не слабее того прострела в пояснице - прострел в голове! Да это же кто-то едет на технике! Сюда же едет! Больше же некуда! Сюда!!!

Где-то через час, на поляну фыркая гарью и лязгая гусеницами, выполз тягач! Веселые, полупьяные мужики сидели сверху на кабинке, свесив ноги, и удивленно разглядывали нас.

- Эт-то что за чудеса?

- Откуда и какие черти вас сюда занесли?

Тягач остановился около емкости, водитель с гаечным ключом и ведром забрался наверх, остальные трое подошли к костру. В тайге люди знакомятся быстро. Через пару минут мы уже знали, что они - геологи и работали здесь восемь лет, а сейчас приехали на глухариный ток. Что места здесь очень богатые и скоро, возможно, пойдет по Ваграну драга. Рассказ

о нашем походе позабавил их. Они посмотрели наши карты, как могли, откорректировали, подсказали, как легче пройти на Ольвинский камень.

- А это что у вас за барин на крыльчке сидит, злой или умный очень? Даже к костру не идет?

- Да не то, чтобы умный, но сегодня злой. Поясницу у него заклинило, вот и злится, топать-то еще до Кытлыма нужно. Сомневается - съязвил кто-то из наших.

- О, так это же почти коллега! Геологи же все радикал-литчики. Это не так уж и страшно. Вот Иваныч "коня" своего напоит и все проблемы решит. Он у нас шесть лет за доктора был.

Вытирая грязной руки, к костру подошел водитель.

- Иваныч, рабобенка тебе есть - скрюченного править!

- Ну, говорил я вам, что без бани не обойтись - весело блеснул зубами Иваныч - еще палатку не хотели брагь! Эго вон того скрючило? У, какой большой! За него и магарыч большой придется платить. Что пьете, славяне?

- Ты его что, гусеницами выправлять собрался? На трезвую голову не получится! - осведомился командир.

- Чем я его выправлю это мое дело, а вот если выправлю, бутылка за тобой.

- Бутылку нести легче, чем его самого, а вот ежели он сам пойдет, то свою фляжку со спиртом тебе и презентует.

- Считаю, что он уже к Кытлыму подбегает - ослепительно улыбнулся Иваныч - айда за дровами!

Затарактела в ельнике бензопила, и через полчаса тягач приволок солидную связку суньяка. Оцепив ее на берегу, водитель давал последние "указавы":

- Видите каменюка на берегу, рядом с дровами, вот и палите костер вокруг него, пока не прислеш. Да, фляжку береги, как следует - закончил Иваныч, повернувшись ко мне.

Тягач круто рывкнул, и увез наших гостей смотреть гоковища. Ребята, окрыленные надеждой, принялись сооружать костер около здоровенного валупа. "Каменюка" велича-

во возлежал около воды. Приличный, кубометра на три-четыре валуц, упавший, наверное, с неба, потому, что вокруг ничего похожего не наблюдалось, казалось, дышал древностью. Бока его темнели копогью, видно не однажды лизало их жаркое пламя. Сушняк весело разгорался, трещал и бросался головешками. Поздно к вечеру, когда от последних дров остались жаркие угли, из лесу выполз тягач.

- Ну вот, как в аптеке, прибыли в самый раз - определил Иваныч - а ну, парни, обрубите-ка лапник с этой красавицы - указал он на привязанную к тягачу пихту.

Пока ребята обрубали ветки, мужики достали из тягача лопату, сноровисто отгребли от валуна горячие угли, подмести площадку. Затем закидали "каменюку" пихтовыми ветками и... натянули над ним шатровую палатку, закрепив ее за торчащие из земли железные прутья. По их уверенным действиям стало понятно, что дело это для них привычное, давно освоенное.

- Ну, вот тебе и медпункт, приступим к анализам - подошел ко мне Иваныч - сердце-то нормальное? Не давило никогда? Смотри, я давление только в двигателе умею регулировать. Спирт-то далеко? Ну, вот и накати грамм сто пятьдесят, да и готовься в баню. Спальник сразу постели вон в том углу, там меньше дует.

Минут через пятнадцать, когда "в башке зашаяло", я с трудом добрался до палатки и начал раздеваться. На лапнике, вокруг пихтовой горы, сидели и дружно потели геологи. Изпод пихтовых веток шел тугой дымноватый жар. Кто-то из них вдруг плеснул на лапник полведра воды. Камень внутри, казалось, охнул, заворчал. Потом выплюнул вверх зеленое облако пара. Густо запахло пихтовой смолой. В зеленом тумане люди гоготали и скалились, как призраки. Палатка вздулась пузырем, пихтовая гора обмякла, потемнела. Сквозь маленькое оконце пробивались отблески угасающего дня.

- Ну что, парень, прогнуться не можешь? Ложись на лапник животом и терпи. Когда совсем прищечет, поворачи-

вайся на бок тихонечко - и он отправил камню еще порцию воды.

Через мягкие ветки валун отдавал набранное тепло с такой силой, что в животе все закипало. Повернуться на бок я не мог. Иваныч взял охапку горячей хвои и начал растирать мне спину. С трудом сдерживаясь, чтобы не заорать, я кричал, и инстинктивно, чтобы сохранить кожу на спине, начал поворачиваться с боку на бок, как мог. Мне казалось, что жар сквозь живот уже дошел до позвоночника.

- А ты, милый, матерись громче - гогогал Иваныч - с матом из человека вся злость и яд выходят. Ишь ты, течет как с трофейного мерина. это спирт хворь выгоняет. Спирту все бояться, и черт, и бог, и хворь всякая, все, кроме русского мужика - приговаривал он, без усталости работая пихтовой охапкой, и вдруг, резко перевернул меня на спину. Остро садануло в пояснице, но Иваныч, упираясь в грудь, дожимал меня, персибая через камень. Я обессилено рухнул на горячие ветки, боль притупела. Густой жар давил на всю спину, прожигал насквозь. Кто-то то и дело поддавал водички на камень. Я уже не понимал, зеленый-ли это пар, или зелено у меня в глазах. Кто-то сильно растирал бока и грудь пихтой. Меня кагали по веткам с боку на бок, душили чем-то горячим, мяли, а снизу все давил и давил адским огнем перегретый "каменюка"! В замутненном сознании зеленые бэсы, в зеленом же дыму и чаду, хохотали и радовались моим мукам. Они весело прыгали вокруг большой сковороды, и читали перечень моих грехов, жгли сатанинским зельем мои бока, и методично поворачивали мое пылающее тело на той сковороде, словно это вовсе и не я а свежий, трепещущий хариус.

Сколько это продолжалось, я не помнил. Но вот меня окатили холодной водой, из весенней реки, кое-как натянули трико.

- А ну бегом в спальник, чтобы хворь не догнала - гаркнул Иваныч, и я вылетел из палатки вместе с клубами зеленого пара.

Наступившая ночь показалась мне светлым, радостным днем. Было такое состояние, словно я, и правда, из самого ада вырвался... Не помню, бегом или ползком добирался до избы и своего спальника, помню только, как удивились ребята что я "раскрючился"...

Проснулся я от ощущения хлюпающего болота под боком. На столе горела самодельная коптилка, вокруг нее сидели геологи и о чем-то тихонько разговаривали с командиром.

- Ну что, забулькало в спальнике, страдалец? - обернулся Иваныч, заметив мое шевеление.

- Вы чего, еще и здесь меня кипятком обдавали?

- Вылезай, давай скорей, да выворачивай спальник-то, потом снова ныряй в сладостный сон, до утра должно хватить, ну а если замкнешь опять, вытряхивай любого из друзей, но до утра чтоб лежал в тепле и сухости.

Когда я проснулся, в избе никого не было. Спальник мокрый и противный словно выплюнул меня. Судя по его состоянию, пропотел я изрядно. Ноги, будто набитые ватой, дрожали, в голове стоял чистый, мелодичный звон. Счастливое майское утро снопом солнечных лучей встретило на крыльчке мои жареные мощи.

- Ну, понимаешь, думал, что ты уже на небушко смылся - шел с белозубым оскалом Иваныч. - Нам вот пора давно тоже смыться, да хотелось на тебя глянуть. Ну-ка, достань ладошками половицу - ласково полу приказал он.

К моему большущему удивлению его просьбу я выполнил с великой легкостью!

- Достал? Ну а теперь пойдя из рюкзака фляжку достань, которую мне твой командир обещал, заждался я тебя, парень.

ЭСПЕРАНТО.

Часто приходится слышать сегодня от молодых людей, что жизнь однообразна, скучна, да и вообще, смысл существования человека - понятие довольно спорное. К сожалению, это не выплески дискуссий, а постоянное состояние души значительной части общества. Не имею ни малейшего желания философствовать, и учить жизни нашу молодую смену, ибо каждый должен пройти свой путь. Но помнится, что и в мои двадцать пять подобных стеланий было предостаточно. Значительная часть мне подобных не находила себе интереса и месса в жизни, буквально кисла, не умея увидеть рядом с собою простое, прекрасное и удивительное. Мне всегда везло на людей содержательных, умеющих создать себе и своим ближним простор познания и кучу маленьких, удивительных радостей, из которых собственно и состоит лучшая часть жизни.

Сегодня трудно сказать, кому пришла в голову мысль, не рубить елку на новый год в лесу, а идти к ней самим. Эту, казалось бы, шальную идею раскрутили так, что мне, например, пришлось семь лет подряд встречать новый год в лесу. Первый новый год мы встречали в местах, где я постоянно охотился, под заброшенной деревней Крутая, в палатках, у разлапистой молодой елки. И уже в сентябре того же года получил я от матери строгое внушение. Оказывается наш сосед, заядлый охотник, недавно, на охоте, выйдя на поляну, увидел... наряженную елку!/? С человеком, охотником с детства, обладающим неиссякаемым чувством юмора, стало плохо! Он еле добрался до дома, и слег в больницу. Мать же решила, что кроме меня - некому. Наверное, матери хорошо знают своих детей.

Более других мне запомнился новогодний "карнавал" на озере Белом. Собралось нас тогда сорок один человек. Конечно, и время другое, и мы были другими. Однако ни плэйеров, ни магнитофонов у нас тогда не водилось, а в дополне-

ние к гитарам носили мы с собой купленный в магазине драгоценных товаров патефон. Конечно, нести в рюкзаке пластинки образца семьдесят восемь оборотов это не десяток компакт кассет, но при остром желании задача вполне выполнимая. Когда такая группа приходит в холодную лесную избу, то все должны работать на пределе сил, и только тогда есть возможность часов в десять вечера сесть за импровизированный стол для встречи нового года. Но, поскольку ленивые с нами не ходили, дело спорилось. Праздник был прекрасен уже подготовкой. И вот первые тосты - за новый год, за счастье всех и каждого в отдельности... тогда еще ни кто с нами не боролся, и существовала возможность отметить новый год Шампанским, Бисером, Варной, даже на озере Белом.

Отгремели тосты, отзвенели песни, дело дошло до танцев. Конечно, и наши родители говаривали, как и мы сегодня:

- Ну что они танцуют, господи!

Но в наше время для того, чтобы танцевать, приходилось все-таки этому учиться, хоть немного. Поступила команда: ЗАВОДИ! Заскрипела патефонная ручка, задвигались рычажки: - Ш-Ш-Ш-Ш - и полилась мелодия популярной песни "Эсперанто" - песни о несбыточной мечте человечества - общем языке. Танцевал ли когда-нибудь мой читатель под патефон? То-то же!

- ЗАВОДИ! - и снова ш-ш-ш-ш - эсперанто, эсперанто...

Юмора было не занимать, Посмеялись и снова:

- ЗАВОДИ! - и опять ш-ш-ш-ш - эсперанто, эсперанто?!

Это было уже слишком! Праведный гнев обрушился на патефонщика лавиной. Но он не был бы одним из нас, если бы не знал достойного ответа. Выждав минуту тишины, он сдержанно похвалил нас и спросил:

- А не скажете ли вы, кто догадался сесть на этот вот рюкзак и раздавить все пластинки кроме одной?

Следующий тур эсперанто оттанцевали молча и ожесточенно, как дань той заднице, которая осчастливила нас этой неповторимой и единственной мелодией.

Но праздник шел своим чередом, пели, плясали, лазали на елку за развешенными там конфетами. Слишком больших любителей сладкого сбивали комьями снега. К утру сели пить чай. Наступила этакая минута тишины от пресыщения вельселем. Каждый дул в кружку и приглядывал место, где устроится спать. И в этот момент:

- Ш-ш-ш-ш - эсперанто, эсперанто!

Это прозвучало как гром на новый год, затем гром хохота минут на десять.

Расстелили спальные, утомленные и по-новогоднему чуть пьяные, все сорок человек, утомившись, засыпали. В избе установилась тишина, нарушаемая ровным дыханием уставших ребят. Но ведь нас насчитывалось сорок один и, поэтому, вдруг в дальнем углу, за печкой:

- Ш-ш-ш-ш - эсперанто, эсперанто!

Что тут началось! Кто хохотал до слез, кто ругал патефонщика (сейчас его назвали бы диск жокеем) самыми последними словами, кто кидал в угол лыжные ботинки. В углу безмолвствовала тишина. Но это - только начало. Стояло только всем задремать как из угля:

- Ш-ш-ш-ш - эсперанто, эсперанто!

А ведь громкость у патефона не регулируется, да и тембр тоже. К рассвету "патефон жокей" достал всех, и его выбросили на улицу, вместе с патефоном, предварительно отобрав пластинку.

До обеда спали, потом, плотно пообедав и наведя порядок в избе, к вечеру, отправились на поезд, на остановку с романтическим названием "Красные Орлы". Патефон-жокей был обижен на всех и вся и, никого не дожидаясь, ушел по вечерней лесной дороге, как говорится, "в гордом одиночестве". Усталые и счастливые, брели мы небольшими группками, тихонько разговаривая каждый о своем. Немного жалели, что

так быстротечен в этом году праздник. За новогоднюю ночь мы стали как бы одной семьей, что-то сроднило нас всех сорок человек. Вот только сорок первый. Нехорошо все-таки. что один ушел, обидели человека, наверно, а может, просто не поняли. не сумели за общим весельем. И вдруг в темноте, рядом с дорогой, из-за кучи занесенного снегом хвороста:

- Ш-ш-ш-ш - эсперанто. эсперанто!!!

Это был феномен! Как будто взорвалась дорога! Каза-лось, грохотало и хохотало все в этом зимнем лесу, каждая ветка, каждое дерево! Патефон-жокея извлекли на общее обозрение. Получилось так, что каждый из нас думал о нем, топя по дороге.

За этот вечер он еще дважды заводил свою Эсперанто и каждый раз выбирал неповторимый момент. Только вот редкие пассажиры на остановке и в вагоне не понимали, почему нужно смеяться под патефон, хотя, заражаясь, хохотали вместе с нами.

ЖЕЛТУШНИК.

Болезнь поразила командора как-то внезапно и уж очень серьезно. Вечером его положили в инфекционное отделение с диагнозом - болезнь Боткина, желтуха по-простому. Он никогда ранее не болел, и все привыкли, что этот рыжий каменный мужик может искупаться в ледяной реке попить талой воды и, как ни в чем, ни бывало, травить после этого интеллектуальные анекдоты. Вообще, когда нормальный человек попадает в больницу, друзья стараются скрасить его одиночество, приносят что-нибудь вкусненькое, рассказывают о жизни города, словом демонстрируют, как его всем не хватает. Для командора эта демонстрация вылилась в настоящее паломничество. Великая его популярность не давала, не только поболеть, а и просто спокойно полежать. Врачи.

естественно, позакрывали все окна и форточки, проконопатили все дырочки и отверстия, перекрыли доступ к заразному больному как могли. Однако нас было слишком много. И вся эта предприимчивая братия, как упорные муравьи, находила лазейки и щелочки, передавала все, что хотела передать, соблазняла при необходимости молодых санитарок и проникала под любые замки.

- Давай командор кружку или что там у тебя вместо нее, я принес настолько забористое зелье, что ты должен или околеть или... - уговаривал я его через выставленное стеклышко, удобно пристроившись на кем-то сооруженных под окном козлах.

- Да, если бы с самого утра не прогонять таких как ты, я бы уже валялся в пьяном угаре, а печень моя бегала бы по коридору.

- Слушай, а когда желтуха, это что болит?

- Знаешь, все-таки, наверное, задница, даже считать не успеваю, как колют...

Поболтали мы всего минут двадцать. На дорожке появилась компания девчонок с кульками, цветами, книжками и прочими атрибутами.

- Ну, дорогой, племя амазонок наступает, пойду я, пожалуй.

- Черти, дали бы полежать нормально. Одни уходят, другие приходят, я порой себя памятником чувствую - пожаловался он.

- Не переживай, времени еще немного прошло, вот недельки через две-три тебя вовсе позабудут, кому ты нужен заразный-то - поддержал я его морально и освободил место на «насесте» для какой-то козы с челкой.

Может, я тогда и стусил краски, но к тому все и шло. Через пятнадцать дней поток поубавился заметно и, иссяк бы, наверное, совсем, если бы кто-то из нас смог удержать в руках бразды правления всеми туристами города. Группы уходили и приходили, приносили маршрутки и карты, показыва-

ли какие-то диковинные снасти и веревки, куски палаток и штормовок... командора хватало на всех!

Из очередного похода по Северному Уралу мы вернулись ночью. Я бережно нес свернутый трубкой громадный плакат, занявший призовое место на конкурсе. Чего там только не значилось в этом плакате! Назывался он не броско и скромно: "смерть желтушникам". Условия конкурса - весьма просты: изобразить муки туриста в аду. Вся эта фантазмагория уложилась в восемь метров бумажной полосы. Ну и когда я приписал заголовок, все всё поняли! Приятное людям не так-то просто сделать, говорят для этого нужен талант. Не ожидая утра, я сходил в больницу, и прикрепил на заборе, против окна, наше творение из гробиков, виселиц и прочей агитации. Доложить командору о возвращении пришел часовой около одиннадцати дня. Плакат висел на месте. Я бросил в окно камешек - тихо, спит, наверное. Подошел под самое окно и постучал, довольно крепко - ни кого!? Влез на козлы, заглянул в окно... матрац скручен, палата пуста! Холодом ободрало все мое игривое настроение, бросился к двери приемного покоя, затарабанил изо всей силы! Мучительно долго кто-то подходил и открывал дверь, появилась удивленная женщина в белом халате.

- Где Владимир! - Заорал я на нее.

Она ошарашено попятилась, побледнела и пролепетала:

- Его больше нет... слава богу... здесь...

Его больше нет!!! Его больше нет!!! Зациклило в мозгу, молотом забухало. Нет! Нет его больше! А я-то по горам гуляю, мальчиков-девочек вожу, а его нет больше! Гулко хлопнула больничная дверь, его последняя дверь. Я мчался в Комсомольский переулок. Неужели не увижу больше? Да как же это, почему!!!

В ответ на мой суматошный стук раздался недовольный голос командоровой жены:

- Ну, кому там так приспичило? Дверь же вылетит!

- Где?! - Выдохнул я ей в лицо и опустился на пол около дверей.

Ноги противно тряслись, не хватало воздуха. в горле сидел липкий, сдавливающий ком.

- Чего где - попятилась она.

- Миша где - шепотом повторил я.

- Да вон, на диване...

Я неловко стянул с головы беретку и, с трудом поднявшись, вошел в комнату... на диване лежал командор и... читал газету!?

- А-а-а-а г-т-т-тебя ж-ж-же больше н-н-нет, слава богу?

- Огорошил я его вопросиком...

На второй день вечером, зашел на огонек приятель. Бродяжить он любил очень, но проклятье работы не позволяло ему порой и просто за город вырваться. После каждого похода приходил он, посидеть, послушать, повздыхать.

- Чего хорошего в лесах Северного Урала?

- Так все те же елки-палки, так же тебя ждут - не дождутся. Может у вас, что интересного случилось, пока мы любили свою страну?

- Да уж, по вашей милости случилось...

- А при чем я в вашей больничной маяте?

- Плакаты же на заборе кроме тебя никто не догадается развесить.

- Ну, не плакаты, а плакатик, да и на один заборчик всего, а что?

- Да ничего, думать же головой уже пора! Вечером в эту палату зам пред райисполкома угодил! Ты думаешь, он ваш черный юмор оценил, как подобает?

- По занимаемому положению должен бы оценить...

- Вот и оценил, главврач чуть с работы не слетел. Покаялся главный-то найти наместника и прооперировать лично.

ГУСЬ.

Майский сплав по нашей родной реке Реж, после сибирских и восточных рек, конечно, выглядел не очень серьезно, однако, по мере прохождения этого маршрута выходного дня, мнение понемногу менялось, приходило удивление и даже малая досада, что до сих пор не познакомились со своей, домашней речкой, красота которой нас просто шокировала. Реж - ни что иное, как Чусовая в миниатюре. Классических форм утесы и скалы по берегам, малые пороги и разбои, в общем все, что привлекает нас на серьезных сплавах. только в масштабе. Добавляло азарта и разрешение на весеннюю охоту. Конечно, мы почти ничего серьезного и не подстрелили, кроме пеньков на берегах, но, как известно, оружие всегда придавало любому мужику и смелости, и уверенности, да и просто интереса в жизни. Иногда налетали хорошие стаи уток, но байдарка же не крейсер, невозможно держать под рукой и гитару, и сигареты, да еще и ружье. В общем интереснейший, буквально домашний сплав, проходил весело и содержательно. Не обошлось и без переворотов, без налетов на коряги.

Где-то в половине четвертого предпоследнего дня, байдарки тихо скользили по большой излучине. Зеркальная вода завораживала. Частенько на плесах бултыхалась бездомная в эту пору ондатра. Мы заметно подустали от этой идиллии, да и вообще, всегда к концу похода наступает какое-то непонятное угнетенное состояние.

- Гуси летят! Где твоё ружье!?! - Вдруг известил сзади Славик.

Я выдернул из пришитого к байдарке чехла ружье и завертел головой. Гусиная стая и правда налетела слева, чуть в угон. Тщательно прицелился...

- Стой! Белые же гуси-то, домашние!

- Не пойму, солнце спит!

- Да точно! Не стреляй, белые!

Только когда стая пролетела мимо, и солнце перестало слепить глаза, я тоже увидел, что гуси белые. И в этот момент со следующей байдарки - шарах!!! И гусь, медленно завалившись на крыло, пикирует в воду. Гулкий удар, счастливый крик удачливого охотника и... гробовая тишина. На зеркальной глади воды барахтался белый домашний гусь. Ситуация складывалась настолько необычная, криминальная, как сейчас говорят, что наступил общий шок.

- Да подберите же птицу и прекратите ее страдания, браконьеры несчастные - подал. наконец, голос командир.

Глас командира - закон в походе. Все разрешалось как бы само собой: раз командир приказал - нужно подбирать. и шею сворачивать тому гусю. И вовсе мы не браконьеры, а простые воришки. В группе, как всегда, существовал "ты-бы". Это самый молодой участник и, как правило, самый расторопный. Вот он-то и подобрал гуся с воды и, как мог, "прекратил его страдания". Какая-то неловкая тишина навалилась на нас. С одной стороны, конечно, чужого брать нельзя, этому еще мама учила, с другой же стороны, что сейчас, бегать по деревням и спрашивать всех, чей это гусь? Так праздник же, еще и морду набьют деревенские мужики спяну. В общем зачихал "ты-бы" гуся под дэку и поплыли мы дальше.

Километров через пять подошли к мосту, который словно лежал на воде, так высок был наводок. На мосту собралась вся деревня, поглазеть на тряпичные лодочки и на нас дураков, что в праздник брызгаются в реке на трезвую голову. Пришлось перетаскивать байдарки через бетонные плиты. Последней оказалась байдарка с гусем. Не знаю, как он там остался жив, после "тыбушкиных" усилий, но только байдарка появилась на тверди моста, внутри ее что-то вятно гикнуло, потом еще разок, местные зеваки наострили уши. Рывком сбросили ребята суденышко на воду, прыжками заняли свои места, и только вода зашипела по кильватеру. Вот уж не даром говорят, что на воре шапка горит.

Эпизод этот, как ни странно, снял напряженность, все стало на свои места: воришка должен быть всегда начеку, а гуся необходимо прикончить всерьез. Так и путешествовали мы до самого города Ирбита. Проплыли через затопленный ирбитский ипподром, битком набитый утками (стрелять больше никому не хотелось) и вплотную подплыли к вокзалу. Паводок в Ирбите всегда очень силен, так что выгружались прямо на асфальт. Время вечернее и зевак тоже оказалось достаточно. После того как упаковали байдарки и весь свой скарб, командир скомандовал - вперед! Общее правило гласит: каждому путнику, отойдя метров пять от стоянки, не плохо бы оглянуться. Так сделали и мы. Стояли зеваки, смотрели на нас, стояли мы, смотрели на землю, не оставили ли чего.

- Гуся не забыли?! - Во все горло осведомился наш неповторимый "ты-бы".

Так и присели все от неожиданности. Долго еще потом потешались друг над другом, вспоминая злополучного гуся. На общем совете решили гуся того зажарить и съесть на второй день по окончании похода.

И вот стоим на лестничной площадке, опрятно одетые, совсем другие люди. городские, положительные, вежливые, ждем остальных, чтобы засесть за стол. Ну вот, идут, наконец-то.

- Ну что, гусь-то готов!? - Во весь свой богатырский голос осведомился "ты-бы"! Только стекла задребезжали.

ПРОЙДЕМТЕ.

Он появился на разливе. На полной скорости заложил вираж, от которого байдарки чуть не перевернулись, и жалобно закрипели на крутой волне. Поцеголяв мастерством хама-навигатора, хамски же предложил, даже скорее прика-

зал высадиться на берег. Возмущению нашему не было границ, но причалили мы быстро, на земле все-таки уютой.

- А, мать вашу! Браконьеры, а ну выпряхивайте все, шас я глядеть буду, чего вы тут шастаете!

- А может для начала из тебя дурь хамскую выпряхнуть? - Взяли мы его в кольцо.

- А ну осадил! Видел и не таких. Я - старший егерь бобрового заказника и всех вас должен задержать, а оружие изъять и браконьерскую добычу тоже!

Здоровый, краснорожий мужик, явно с хорошего "бодуна" орал матом, и дышал перегаром нагло, не сдерживаясь, видно считал себя здесь царем.

- А мы тебе не браконьеры, у нас маршрут утвержден, официальное разрешение есть. А спиннинг это не сеть, котора у тебя вон в лодке.

- Какой спиннинг? - Спросил он, подошел к байдарке, посмотрел на ленинградскую безинерционную катушку - неси в мой катер! - Приказал одному из нас.

- Ч-ч-чего!? Да ты, хамло тасжное...

И тут начался разговор на пределе фантазии. Заорали мы на него все разом, но ни переорать, ни перематерить, увил, не сумели. Запас дерьма на его языке был огромен.

- Так вот же тебе говорю маршрутная книжка, и печать исполкомовская стоит, какого ляда еще надо!? - Кричал командир.

- В гробу я видел твою печать и власть вашу, у меня здесь своя власть! - Размахивал он новеньким карабином - и печать вот могу поставить, последнюю!

И вдруг среди этого содома спокойный голос:

- Какую это власть вы видели в гробу?

Воцарилась тишина, как и правда в гробу... и только тут мы увидели Виктора. Как-то не включился он в напуганную перепалку, сидел тихонько на валежине и помалкивал. До поры.

- Так говорите задержать всех должны? А вместо Советской власти этот карабин? - Он взял из рук оторопевшего хама карабин, посмотрел номер - предъявите документ на нарезное оружие. А ты - обратился к одному из нас - принеси сумку с бланками. Свидетелей достаточно, а уж я ему за Советскую власть лет на пять напишу, даже и комары не помещают. Пройдемте.

И он отдал карабину обратно, даже не посмотрев в патронник. В звенящей гишине звонко цвикали кузнечики. Среди общего мата и ору эти "вы" и "пройдемте", рванули как гранаты! Побледневший хам-егерь, спотыкаясь, плелся к своей казанке, затем долго рылся в сумке, так ни чего и не найдя там, потом что-то залепетал шепотом, оглядываясь в нашу сторону.

Посреди глухой сибирской тайги мы махом вспомнили, что есть и власть, и порядок, и закон, и страх перед ним. Вот какая силища у этого "пройдемте". Минут десять что-то лепетал егерь Виктору, и еще минут пятнадцать читал нотацию Виктор хаму-егерю (а может и не егерю вовсе) затем великодушно отпустил его. Взревел "Вихрь", и только буруны остались от прежних страстей.

- А все-таки как хорошо иметь в группе хоть одного милиционера - улыбаясь, постави 1 точку старший лейтенант милиции - наш давний товарищ по походам.

КАЛЬМАРЫ.

Море размеренно голкало волнами в бок белую громадину теплохода. натягивало якорные цепи и мощные пеньковые канаты, которые, как длинные щупальцы, удерживали под левым бортом углый плашкоут. Небольшая и тоже белая рука стрелы подъемного крана описывала плавные, замысловатые фигуры и, доставая из трубы теплохода, аккуратнo

складывала на палубу планкоуга какие-то тюки, ящики, мешки. На судне шел обычный будничныи день. Люди привычно выполняли свою работу, изредка поглядывали на столпившихся вдоль борта пассажиров, да вяло поругивали наблюдавшего за разгрузкой старпома. Теплоход стоял на рейде бухты Тетюхе. Нам - уральцам, непривычное и постоянное раскачивание "тверди под ногами" уже порядочно надоело, и мы слонялись по теплоходу, ожидая следующей бухты, где, по словам старпома, можно было сойти на берег на полтора часа. Плавание наше кончалось в бухте Светлая, там же начиналась активная часть похода по Уссурийской тайге и, коротая время, веселый народ туристы изощрялся в выдумках и острогах. На ночных стоянках мы просили вахтенного направить прожектор в воду, часами наблюдали подводное царство и его обитателей. Дневные же стоянки, как правило, приносили много разочарований и очень мало удовлетворения рыбакам. Вот и сейчас нижняя палуба была оккупирована ими. Ребята доставали лески, блесны, еще какие-то диковинные снасти, в которых мне, наверное, никогда не разобраться и азартно свешивались за борт, замирая в ожидании. Все повторяли магические слова: "не берет"! Один за другим выгаскивали рыбаки на палубу свои приспособления, что-то подвязывали, подкручивали, меняли, опять опускали их в зеленую воду, а там... опять "не брало". Я лениво разглядывал этих людей и думал, что никогда не понять мне их азарта. В голову лезли умные словесные штампы вроде: "без труда не вынешь рыбку из пруда", "на безрыбьи и рак рыба". "самая хорошая рыба - колбаса" и так далее. Мысленно сравнивал рыбалку с охотой и, конечно же, рыбалка безнадежно проигрывала. Они даже не видели того, кто у них там, за бортом "не брал", а в моем рюкзаке лежала старенькая, испытанная двухстволка двенадцатого калибра. поход практически еще не начинался и я надеялся уже до перевала на деле доказать преимущества охоты.

Вдруг мое внимание привлек до боли знакомый предмет. Да, это была латунная гильза тридцать второго калибра. Обвязанная красной ленточкой за дульце, она медленно спускалась к воде прямо перед моим носом. Из капсюльного отверстия торчал строенный рыболовный крючок, и все это кощунственно раскачивалось на леске. Перегнувшись через борт, я посмотрел вверх: на фоне безоблачного неба красовалась крупная безволосая голова с оттопыренными просвечивающими ушами. Состроив вопросительную гримасу, я покрутил пальцем у виска, голова оскалилась и подмигнула, затем рядом с ней появилась волосатая рука и начала рывками дергать леску: вверх-вниз, вверх-вниз. В прозрачной воде отчетливо видно, как на гильзе шевелится ленточка. Вся рыбацкая братия, так же как и я, удивленно ждала результата. Не знаю почему, но мне вдруг захотелось, чтобы тот, кто упрямо "не брал" ни одну из снастей, обязательно "взял" эту гильзу, все-таки охотничья принадлежность. И минуты через три он "взял"! Мстнулась под водой какая-то тень и леска стремительно пошла в сторону, натянувшись струной, затем остановилась и поползла вверх. Из воды показался обвивший гильзу щупальцами кальмар. Леска влекла его из воды, метр... два... три...

- Сорвется! - Не выдержал кто-то из ребят.

И тут случилось неожиданное, от кальмара взметнулся целый фонтан воды, прямо к любопытным физиономиям наблюдателей. Теплый морской ветер соленым дождем поделил струю на всех отпрянувших от борта зевак и рыболовов. А великолепный кальмар уже раскачивался на уровне наших глаз и как-то странно хрюкал, судорожно сокращая свое стреловидное тело.

- Эй, снимайте! - Кричала голова.

Нашелся смельчак, который довольно уверенно, на первый взгляд, начал отцеплять маленького спрута от диковинной снасти. Голова сверху давала советы и раскатисто хохотала. Наконец трофей шлепнулся на палубу и все, сгру-

дившись, принялись рассматривать его, забыв о голове, диковинной снасти, обо всем на свете.

Почти полуметровое тело кальмара, как бы, разветвлялось на несколько гибких и страшиноватых на вид щупалец. Этот венчик постоянно шевелился, как бы цепляясь за жизнь, то разворачивался полным размахом, открывая отверстие водометного движителя, то вдруг сплетался в плотный узел, мертвой хваткой сжимая несуществующего противника. Изредка по телу пробегала судорога, и раздавался глухой хрюкающий звук, это сжималась мускулистая пружина, которая с силой выбрасывает воду и придает кальмару редкостную стремительность. Говорят, что он развивает скорость до семидесяти километров в час.

Внезапный повторный душ прервал наше занятие. Чьи-то проворные руки бросили на палубу еще одного спрута, и общее внимание привлекла диковинная снасть. Удивлению и восхищению не было конца! Нашлись, конечно, и последователи. Мне только пришлось вздохнуть, когда по палубе покагилась дробь из моих, особым способом заряженных, патронов. За бортом на всевозможных лесках медленно поползли увенчанные причудливыми бантами гайки, колпачки от авторучек, разряженные патроны, даже просто крючки с бантиками и грузилами (опять же из моих жаканов, которыми я втайне собирался разить насмерть свирепых бурых и черных медведей)

Нужно отдать должное изобретательности рыболовов: особенно хорошо кальмары "брали" колпачок от авторучки с бантиком алого шелка и анодированным строенным крючком.

На палубе собралась уже приличная кучка рыбацких трофеев, когда погрузка плашкоута закончилась, и загремели якорные цепи. Латунная гильза уллыла вверх. Наши рыбаки тоже, оживленно обсуждая эпизоды ловли, сматывали свои несовершенные снасти.

- Ну, здрр-р-равствуйте! - Прозвучал за нашими спинами знакомый раскатистый голос.

Все разом обернулись. Покачиваясь на крепких, широко расставленных ногах, перед нами стоял плотный, коренастый мужчина в отутюженных брюках и небрежно накинутом пиджаке, обладатель безволосой головы и эффективной рыболовной принадлежности.

- Здравсьте! - Сказали мы почти хором и поняли, что зрим "тертого морского волка".

"Волк" между тем уселся на один из рюкзаков, в котором лежала кинокамера, и поделился впечатлениями:

- Ничего-с?!

Мы согласно кивнули головами. Затем он взял одного кальмара, расправил пальцем щупальцы, зацепился за что-то и рывком освободил его от кожи. Рыбаки и сочувствующие удивленно разинули рты.

- Во-о-о! - Протянул кто-то.

Короткие пальцы с удивительным проворством перебирали улов. За борт шлепались "спрутовы одеяния" а белоскальмарье мясо отправлялось в объемистый полиэтиленовый мешок. Между делом новый знакомый рассказал, как можно приготовить мясо кальмара, и каково оно на вкус, где и как его нужно ловить и какую снасть он особенно хорошо "берет".

- Наш кок отлично жарит этих чудищ, а особенно хороши они с вином из рабкоповского магазина следующей бухты - сказал он и, озорно подмигнув, зашагал на корму, подхватив мешок с добычей.

- Ну, уж это наша забота – чуть ли не хором ответили мы ему.

Нужно ли говорить, что теплоход гащился как черепаха, и что мы, первыми высыпав на пирс, ринулись искать знаменитый рабкооп. Покосившееся сооружение "торговой точки" показалось нам шикарным гастрономом, а дешевое вино в запыленных бутылках - бургундским многолетней вы-

держки. Померкли в спешке и прелести твердой почвы под ногами, и экзотические сопки, укрывавшие бухту со всех сторон, и пестрая толпа встречающих теплоход. Мы думали о жареных кальмарах. Рыбаки шумно спорили о чем-то своем, а я, шагая за ними следом, воображал как дома, на Урале, буду описывать трапезу с "морским волком" знакомым охотникам.

Около самого ширса толпились женщины. Пестрые платки и косынки, словно пчелы, сбившись в рой, рябили в глазах однообразным движением.

- Что это их заинтересовало - подумал я, направляясь к этому своеобразному улью в миниатюре.

Говорящий паровоз поразил бы нас меньше! На разбитом ящике сидел коренастый лысый мужчина и раскатистым голосом предлагал чищенных кальмаров:

- Гр-р-р-ривенник за шгуку!

АНФИЛОФИЙ.

На Ландишские разливы мы вышли к вечеру. Девственная песчаная коса уходила вдоль берега вправо, и манила за поворот. Повинуясь этому непонятному влечению, все четыре байдарки послушно втянулись в зеркальное чудо, отражающее синее небо, кучевые облака и багряные осины. В конце косы дымил костерок, шевелились какие-то люди, у берега застыла на привязи добротная смоленая лодка.

- Мир дому вашему - приветствовали мы их - не возьмете ли в соседи на ночлег?

Бородатый мужик не высокий, плотный и какой-то сумрачный, искоса глянул на нас, ткнул топором в сторону большого кедра:

- Эвои, костровище свободно, располагайтесь, с вами бог и совесть.

- !?

В тайге обычно приглашают к своему костру, чайку предлагают, еще чего. Привычно выгрузили нехитрое свое добро, отправились за сушняком. Когда вернулись с несколькими спиленными сушинами на плечах, бородатый заинтересованно зыркнул на походную пилу и одобрительно крикнул.

Запотрескивал огонь, дежурные начали готовить ужин. От безделья я стал присматриваться к работающим без устали мужикам. Дело у них спорилось. Младший закончил тесать пятиметровое бревно, старший принес из лодки какое-то кольцо и... раскатал его в длинное полотно. Вырезав три палочки из соседнего куста, быстро и аккуратно соорудил лучковую пилу. Получилось все это так неожиданно. Я всегда гордился своим творением - походной пилой, но вот такого еще не встречал. Обычная пила в походе, конечно, доставляет массу неприятных моментов, а вот когда вырубишь из нее узкую полоску с зубьями, приклепаешь удобные текстолитовые ручки, да выточишь и разведешь как следует - радость не работа! Бородатый, между тем, сделал два запила на противостоящих соснах, выколол топором верхние куски. Затем они подняли протесанное бревно и плотно вогнали его в выступы. Получился вроде бы стол или верстак. Младший взял из лодки саперную лопатку, и стал копать вдоль стола узкую траншею. Бородатый отпилил две чурочки, и приставил их к столу, принес котелок с ухой, и они попили умываться. Ни одного лишнего шага или движения в их действиях, все выглядело до предела рациональным. С берега слышалось глухое бормотание, затем они подошли к столу, серьезно перекрестились, и старший стал ломать хлеб.

- Двумя перстами крестятся. староверы это - шепотом предупредил всех кто-то сведущий.

Подобное открытие не было нам в диковинку, но диковато определенный тип поведения. Мы и раньше встречались в тайге со староверами, или проще кержаками. Люди они деловые, серьезные, заслуживающие уважения. Но очень не любят, когда к ним назойливо пристают с вопросами, зна-

комствами. или разглагольствованиями о вере. Не терпят табака и непомерного питья, хотя, как истые таежники, признают живительную силу своевременной стопочки. Когда мы поужинали, бородастый спросил:

- На озеро рыбачить пойдете?

- А что здесь и озеро есть?

- Так вот... тропа на озеро, полтора километра болотом - ответил он, удивленно подняв бровь - а вы откуда и почто сюда. ежели не на озеро?

Наш командир степенно встал и пошел знакомиться. Правила приличия требовали того. К нашему костру они конечно бы не подошли, а разговаривать сразу со всеми, как это у нас принято, просто бы не сумели. Впрочем, скоро все и объяснилось. Озеро Щучье расположено за болотом. щуки здесь довольно много, и потому они приехали на заготовку. Ловить будут дня три-четыре, нам же необходимо сходить и посмотреть, чтобы не целлять спиннингами их сети. Ловлю спиннингом, конечно, любят, но это удовольствие, а сегодня заготовка на зиму. А еще лучше ловить на блеску, леска в руке. чувствуешь, как рыба берет, азарту больше.

Озеро нас увлекло. Щука на нашу снасть брала только утром, но очень жадно, и мы до следующего "жора" только-только успевали обработать пойманное. Соседи же наши ловили наплавными сетями, и главной их работой была переноска добычи к становью. Наплавная сеть представляет собой обыкновенное полотно сети с ячеей на пятьдесят и верхней веревкой. Ни грузил, ни режи на сети нет. Редкие пенопластовые поплавки держат четырехметровой высоты крыло длиной в шестьдесят метров. Бородастый, звали его Анфилофием, на утлом челночке выбирал и расставлял сети, а молодой - Голик, как заведенный, целый день ходил по болоту с громадным мешком. Вечером же запаливали дымокур, и началась разделка, которая и привлекала меня больше всего. Рыбак из меня не получился. а вот по разделке - не было в группе равных. В глубине души я этим гордился, и всегда

охотно выполнял обязанности "мясореза", ребята не менее охотно похваливали любителя, говорили, что я управляюсь с ножом как с ложкой, но поэтому я и видел, что второе большая куча щук у кержаков исчезала с невероятной скоростью, я же все возился и возился.

На второй вечер Анфилофий подошел ко мне сзади, долго стоял, ворчал себе под нос, потом толкнул меня рукой:

- Закурить дай-кошь? - Вдруг огорошил.

- Да ты же не куришь - изумился я.

- Како твое дело! Дай, говорю, сигарку!

- Вот возьми в кармане - подставил я бок.

- Фу, какой глупый! Ты, говорю, дай, своей рукой. Вот и я мотрю, что не могёшь, руки-то в кишках по локоть обсе! А коли зимой придется пороть, да еще стрелить надо станет? Ты вот четыре рыбки выпорол, да измазался весь, а вон Голик полцентнера обробил, а всего токо три пальца мокры. Брось, айда мотри, поучись, энти-то вовсе ни куды не годятся - махнул он рукой на ребят. И началась самая, наверное, интересная учеба из всех, сколько их у меня было.

- Щуку клади к себе брюхом, ежели чешую не чистить, а делать пластину. Плавники и хвост отруби, да нет, верхний не трогай, опосля! Вот таперя поверни спиной. Голову отрубай. Да не так, так токо топором делают. Ты должен нож-от как палец чують, пальцем кость дробить станешь? Конечно, не станешь, а почто ножом пробуешь? Найди сустав в позвонке, да запомни где он, по жабре запомни. Не лезь правой рукой! Права рука завсегда суха быть должна! Права рука струментом сильна. Вот таперь вдоль хребта режь, веди нож-от, веди. Вишь чешуя лезвие засаживат, не лезь второй раз, по дереву проведи и нет ее. Вот таким как у тебя ножом должен за два раза расплатать до хвоста, здесь всему голова - длина лезвия. Таперь от себя, правильно, сильней, зараз чтобы все ребра отхватить. Разворачивай пластину-го, вот вишь, кишку выходную перерезал, и выпало все, да не гребь рукой, нехристь нещасная! Ножом падо, чуть совсем. Да не скреби, не тупи

нож-от, наклони его, он заодно и поточится. В рыбе же всегда песок или грязь есть. В ямку, в ямку норови, чтобы работы лишней опосля не было. Ну а в тузлук-от рано кинул, по-что таки версты кости возить, убери хребет-от... Вот ране, когда барам отправляли, так все косточки выщипывали...

Часа через два он скупо похвалил меня, а на следующий вечер я управлялся с рыбой наперегонки с Толиком. Анфилофий довольно посмеивался в бороду:

- Ты, Толян, не говори ему боле ни чего из твоих секретов, не то перегонит. Он еще не все видит, но споровка есть. В бригаду можно брать смело.

Догорал сентябрьский день. В тучи садилось медно-красное осеннее солнце. Догорала и короткая сентябрьская осень. Солнце в тучи - дождь в окно. Нужно было сниматься с насиженного места. Анфилофий с Толиком молча и споро приготовили все к раннему отъезду, оставили только палатку да пару одеял.

- Ну, Миколай, айда на жареху рыбки почистим, под антирес - хитро сопурился Анфилофий.

На вымытом, гесаном бревне лежало пять приличных щук, и еще что-то было прикрыто кулечком из бересты.

- Значит, твои две и мои три, на жареху, стало быть, чешую долой, кто вперед того и антирес - кивнул он на загадочный кулек.

Ребята оживились, соревнование обещало быть коротким и захватывающим. Приготовления заняли не много времени: Анфилофий поправил брусочком нож, принес ведро воды... начали!

Я расшастал первую щуку с такой скоростью, что и сам удивился. Глазнул на соперника, он спокойно считал чешую и довольно улыбался. Только тут я понял, где подвох! Мне же сейчас нужно с пластины чешую сдирать, а это далеко не с целой рыбины. Дальше дело пошло проще, что называется ухо-в-ухо. Заканчивали почти оба враз, но что-то еще копался Анфилофий, загородившись от меня спиной. Я уси-

нож-от, наклони его, он заодно и поточится. В рыбе же всегда песок али грязь есть. В ямку. в ямку норови, чтобы работы лишней опосля не было. Ну а в тузлук-от рано кинул, пошто таки версты кости возить, убери хребет-от... Вот ране, когда барам отпавляли. так все косточки выщипывали...

Часа через два он скупо похвалил меня, а на следующий вечер я управлялся с рыбой наперегонки с Толиком. Анфилофий довольно посмеивался в бороду:

- Ты, Толян, не говори ему боле ни чего из твоих секретов, не то перегонит. Он еще не все видит, но сноровка есть. В бригаду можно брать смело.

Догорал сентябрьский день. В тучи садилось медно-красное осеннее солнце. Догорала и короткая сентябрьская осень. Солнце в тучи - дождь в окно. Нужно было сниматься с насиженного места. Анфилофий с Толиком молча и споро приготовили все к раннему отъезду, оставили только палатку да пару одеял.

- Ну, Миколай, айда на жареху рыбки почистим, под антирес - хитро сощурился Анфилофий.

На вымытом, тесаном бревне лежало пять приличных щук, и еще что-то было прикрыто кулечком из бересты.

- Значит, твои две и мои три, на жареху, стало быть, чешую долой, кто вперед того и антирес - кивнул он на загадочный кулек.

Ребята оживились, соревнование обещало быть коротким и захватывающим. Приготовление заняли не много времени: Анфилофий поправил брусочком нож, принес ведро воды... начали!

Я расшпалстал первую щуку с такой скоростью, что и сам удивился. Глянул на соперника. он спокойно счищал чешую и довольно улыбался. Только тут я понял, где подвох! Мне же сейчас нужно с пластины чешую сдирать, а это далеко не с целой рыбины. Дальше дело пошло проще, что называется ухо-в-ухо. Заканчивали почти оба враз, но что-то еще копался Анфилофий. загородившись от меня спиной. Я уси-

ленно сопел над неподатливой чешуей и, скребанув последний раз ножом, поднял глаза. Анфилофий тоже только что закончил, и смотрел на меня, хитро улыбаясь.

- Мотри - пододвинул он три пластины чистейшего щучьего мяса.

Ни единой косточки не было в нем! Голько досиня выскобленная кожа и нежная белая мякоть. Зачарованно смотрели все на виртуозно выполненную работу.

- Да ладно, забирайте, жарьте, не мне же для вас - нехристей ужин готовить. А ты неси кружку - скомандовал Анфилофий

Я покорно принес кружку. Под берестяным кулечком оказалась фляжка с медовухой.

- Хотя и нехристь, а вроде бы парень не совсем спорченный - весело приговаривал Анфилофий, экономно отливая в мою кружку фирменное зелье.

- Завтра в дорогу, счастливо тебе, Миколай...

КОНТРАБАНДА.

Поздним вечером в дверь моей комнаты постучали весьма настойчиво и неуважительно.

- Ну, света же нет, кому там загорелось? - зло отозвался я, отпирая дверь.

На пороге стоял Володька со своей постоянно сияющей физиономией.

- Привет, спишь?

- Успеешь с вами.

- Слушай, мы завтра на Старик-Камень, ты ведь не идешь?

- Ну?

- Да... у меня спальника нет... а четыре холодных почечки...

- Забирай. бомж лесной.

- Так я сейчас... ты бы завтра к поезду принес... с рюкзаком вместе? Ну, спасибо, ты всегда настоящий! Я побежал! Спасибо!!

И он исчез! Я просто не мог рот закрыть от такой наглости! Я? Утром!? К поезду принесу этому наглецу свой мешок спальный?!! Да еще в своем рюкзаке новеньком, яровском!!! Нахал несчастный. Я бросился к окну, распахнул раму, с треском отлетели полоски приклеенной бумаги, морозный воздух клубанул в комнату, осадив мою ярость. Володьки уже не было, лишь из сугроба виднелась кучка кирпичей. да в беседке обнималась Нагашка с очередным воздыхателем.

- Ну, нахал, стучать тебе морожеными костями четыре ночи у костра, принесу я тебе, жди, на блюдечке!

Сон не шел. Ворочался я долго. Ругал Володьку, ругал Наташку, за то, что мерзнет там, с кем попало, а у меня здесь тепло. Какое-то восьмое подсознательное чувство крутило меня вокруг кучи кирпичей. Надо же быть таким хозяином, всю зиму будет эта куча здесь валяться, растащат половину. Ну, хозяева страны! Ведь растащат... растащат? Так пусть же ташат... ташит! Конечно, пусть ташит, поганец!

Утром, перед работой, я встретил поезд и, под удивленные "ах" туристской общественности, молча подал Володьке свой рюкзак с аккуратно уложенным спальным мешком. Уже потом я узнал, что Володька появился в вагоне на легке, с лыжами и гитарой. На удивленные вопросы ребят ответил:

- Да принесет к поезду салажонок один все что нужно.

Тем более, когда на перроне появился я с рюкзаком, это было действительно "ах". Володька взял у меня рюкзак, критически осмотрел.

- Ну, побежал я, всего.

- Спасибо. Володя - съязвил я ему в след.

Первый день лыжного похода всегда самый хороший день. Право, нет необходимости описывать искрящийся снег, таинственные наметы на выворотнях, бездонную синеву неба. Великие, однако, использовали все слова, оставив нам только чувства. Артемовская школа инструкторов туризма ежегодно проводила на пятое декабря первый зимний поход с четырьмя холодными почевками. Строгие инструктора, отчитав положенные лекции, принимали экзамен у начинающих на практике. Среди читающих - принимающих бывал и я, и Володька, и туристские авторитеты города, до которых нам не дотянуться и сегодня.

Володька не отличался атлетическим телосложением, но выносливость природа подарила ему лошадиную, а врожденное чувство юмора, как бы возводило ее в квадрат. Приняв из рук завхоза положенное количество банок, мешочков и прочего груза, он рассовал его по пустотам моего рюкзака, и сейчас с упоением топтал лыжню, проваливаясь в снег по колено. Он мог так вот потеть целый день и, пока шел первым, не было на него никакой усталости. Но если ему приходилось замыкать группу - скисал очень быстро. Натренированные плечи раньше головы ощутили несоответствие рюкзака положенным двадцати восьми килограммам.

- Не отставать, ребята, первый день рюкзак всегда кажется тяжелым - громко огласил он прощисную истину и, как бы, успокоил себя.

Вечером молодежь ломала лапник, устанавливала палатки, варила ужин. Инструктора вяло давали советы, безделье расслабляло, но строгие правила запрещали мешать молодым любым действием.

- Основная работа инструктора в походе - есть много, но часто, и спать в тепле - изрек Володька, и принялся вынимать спальник из мешка.

И тут он почувствовал что-то лишнее, мешающее, постороннее. Насторожился, разом "пролопатил" в памяти легкость и безропотность моего поведения...

- Да что он его пришил что ли - ворчал Володька и шарил рукой в складках спальника.

И вдруг глаза его полезли на лоб! Он нащупал в середине рюкзака силикатный полуторный кирпич! Затем - второй!

- ... принесет к поезду салажонок один... - вспомнилось ему.

Лоб покрылся испариной. Воровато оглянулся. Он отлично понимал, что значит сейчас достать эти кирпичи. Это же "липучка", анекдот на всю оставшуюся жизнь. Это слава на всю туристскую братию, это же в одной Свердловской области не удержать. Он старательно запихал кирпичи глубже, завязал рюкзак и сел на него. Еще раз оглянулся и попросил кого-то подать гитару. Висела она на сучке, рядом, но встать с рюкзака он панически боялся. Отличный гитарист, знавший уйму песен, сегодня, не слезая с мешка, выдавал все подряд, как из рога изобилия. Когда командир силой отправил всех спать, Володька огрызнулся и еще что-то долго тренькал у костра, в загадочном одиночестве. И только после того, как кирпичи были зарыты в снег в безопасном месте, он, сопя, влез в палатку, в спальник и сделал вид, что заснул. Тело, наверное, отдыхало, но мозги его работали лихорадочно. Как быть? Он, конечно, понял, и был уверен, что я не прощу ему подобной выходки и, конечно, приду встретить к поезду. Конечно же, группа узнает об этих... стройматериалах, будь они. А лежа здесь, под сосною, будут давить они его долго-долго.

- Так, лучшая защита - нападение - начал приводить в порядок собственные мысли и психику. - Если меня спросят по приезду, где кирпичи - я сгорел! Значит, это я должен спросить, где кирпичи! Кого же мне спросить? А, всех!

План был принят. Уснул Володька мгновенно, с легким сердцем. Утром, на переходе, плечи его не бунтовали, но он твердо знал, что двое в группе старательно несут мои подарки. С истинным удовольствием наблюдал он, как ребята обнаруживали их у себя в рюкзаках, и что потом с ними дела-

ли. В общем-то, все поступали одинаково, как же как их инструктор. Только двоим, еще нужно было прятаться друг от друга.

А группа продолжала зачетный поход строго по графику. Завхозы считали продукты, корпели над калькуляцией. летописцы все свободное время отогривали авторучки и строчили отчет. Девчонки с такой нахрапистостью выполняли культпрограмму, что болели пальцы от стальных струн. Отрабатывали все и вся друг на друге потому, что каждому летом нужно вести группу уже самостоятельно, командиром. Вечером третьего дня Володька обнаружил в своем рюкзаке одно из старых знакомых.

- Ого, по второму кругу пошли, приятели - с удовольствием подумал он, укладывая утром подарок в рюкзак командира похода.

Конечно же, я пришел к поезду не один. Обещая друзьям несколько веселых минут, я даже прихватил с собой бутылку шампанского. Не терпелось увидеть, как Володька будет прятать глаза. Но тем и прекрасен туризм, что из тайги люди возвращаются немного другими. Что-то с ними там происходит, для них самих незаметное. Ты не видел этого человека всего четыре дня, и вдруг обнаруживаешь в нем доброт, новое, чистое, вовсе тебе неизвестное ранее качество.

Из дверей вагона появился командир, за ним две девушки несли на импровизированном подносе, перевязанный шнурком от ботинка, кирпич. Следом шла охрана с топором. Командир доложил встречающим, что зачетный поход прошел нормально, но в группе обнаружен контрабандный груз. Следственной комиссией составлен список носильщиков и график его переноски, но владелец груза не обнаружен. Половину груза по общему приговору оставили на гольце Старика-Камня, среди диких валунов - на потеху будущим поколениям, вторую половину решено передать председателю турклуба ГОРИЗОНТ вместе с графиком. Я глянул в бумажку, Володьки среди носильщиков не было. Под общий смех

кто-то настойчиво тормозил меня за локоть. Отглядываюсь - сияющая физиономия:

- Слушай, ты вечером дома? Можно я занесу тебе рюкзак?

БЕЗБИЛЕТНИК.

С возрастом у человека постоянно происходит переоценка ценностей. Всем нам очень нравилась "ишачка", как мы тогда говорили. В переводе на нормальный язык, это означало пешие категорийные походы. Для тех, кто не занимался туризмом, можно коротенько объяснить: категорийный поход имеет определенные параметры трудности - отсутствие населенных пунктов на маршруте, преодоление водных, горных и других препятствий, сложность прохождения маршрута и его протяженность. В общем, поход, в котором можно и нужно как следует попотеть. Позже, вместе со значком первого разряда по туризму (естественно на грудь) некоторые любители "ишачки" начали незаметно получать первые признаки радикулита (естественно в пояснице). Время потихоньку делало нас степенными и мудрыми: значок носить стало не совсем удобно, и его сняли, а вот то, что в пояснице, снять - увы. Тогда мы пересели на плоты и байдарки. И началась в нашей жизни эра водного туризма. Самое главное впечатление, я бы сказал одно из откровений, это перекладывание всего скарба, который несколько лет ездил на вашей спине, на деревянные плечи плота или под деку байдарки. О, Господи, для всех нас это явилось открытие мира! Конечно, кто носил этот знаменитый яровский рюкзакище, тот знает, что типовое положение туриста - колени полусогнуты, корпус наклонен вперед, руки ниже колен, нос в землю! Ну что можно увидеть в таком вот состоянии? А ведь так вот идешь изо дня в день. Другое дело на байдарке! Река несет тебя со скоростью три-пять километров в час, ничего тебе на плечи не давит, ничего

нигде не жмет, сиди себе, смотри, радуйся. Со временем пришел и опыт, как смотреть и чему радоваться.

За пять отпусков мы прошли практически всю красивую и мощную реку Конду. Прекрасна эта сибирская река! Нет числа ее богатствам и щедрости. Каждый из нас полюбил ее, правда, каждый по-своему, но полюбил все. Для меня Конда открывала свои тайны и прелести, как правило, не во время дневного плавания, а, так сказать, наедине. Вечером, конечно если свободен от дежурства, я разгружал свою байдарку, брал только ружье или спиннинг, и возвращался вверх, против течения. Правда, приходилось крепко поработать веслом часика полтора, но все окупалось сторицей. Затем разбирал и прятал весло, закрывался тентом до подбородка, устраивался удобней, этак полулежа, и дрейфовал вниз, как обыкновенное бревно. Вот тут-то и случалось самое интересное. Охотники знают, что жизнь в тайге начинается очень рано. Если ты плывешь по реке в девять - десять часов дня, то ничего интересного уже не увидишь. Но если ты появился там в пять часов утра или в семь вечера, природа подарит тебе такие моменты, которые запомнятся на всю жизнь.

Байдарку несет могучий поток воды. Кажется и незаметно его вовсе, и нет будто потока, но вот зацепляется носовая часть за маленькую коряжку, заносит немного корму и байдарка становится парусом. Так круто развернет, с такой силой, никаким веслом не удержишь. И снова дальше и дальше. Однажды прибило мое суденышко к затопленной валежине, думаю, оттолкнуться бы, но решил не шевелиться. Что-то скрябнуло по натянутому брезенту, затем еще раз... лежу, не шевелюсь, голову не поворачиваю. Царапает - живой же кто-то. Успокаиваю себя, что, судя по царапанью, зверь не очень большой. В этот момент течение подхватывает байдарку, и относит от берега. Ага! Забежал, заволновался гость мой. От берега уже метра четыре. Поворачиваю голову - на носу байдарки сидит рыжий комочек, весь как пружина сжал-

ся, воздух носом тянет, страшно ему, но держится с достоинством.

- Ну, что, безбилетник - говорю - далеко ехагь собрался?

А он на самый-самый нос байдарки отодвинулся. Дальше уже некуда. Глазками своими черненькими то на меня, со страхом, то на берег, с надеждой поглядывает. А у меня возможности такой никогда не бывало, чтобы колонка так вот спокойно рассмотреть, как на картинке. До чего же красив, пельмец! Все в нем ладно скроено: и желтоватые на кончиках коготки, и черненькие лапки, и весь он стремительный такой, обтекаемый, на сучке будет сидеть, ни за что не увидишь, шерстка цвета молодой сосновой коры освещенной солнцем. Жаль, что фотоаппараты у меня всегда двустольные. не дается мне эга фото наука. Метров триста мы плыли, разговаривали мирно так. Правда. когда я шевелился, он зубки свои беленькие все-таки показывал раза три. Смелый, однако! А когда к берегу прибывать нас стало, он вида даже не показал. Берег - вот, совсем рядом, а он сидит, высчитывает, ошибиться боится, ну а потом видно уже не выдержал, молнией рыжей в осоку, только сщуршал.

Сел я, ноги затекли уже, тент сбросил, под впечатлением значит, улыбаюсь, ружье на коленях лежит. Да... пожалел. что не фоторужье. А осины над водой нагнулись, течение несет, как в туннеле. Размечтался... сумерки на реку опускаться начали. Вдруг с наклоненной-то осины кто-то большущий да черный как свэрзится! По лопасти весла блестящей скребанул когтями, аж байдарка закачалась! Ветром с меня шапочку сдуло, зажмурился с перепугу. Глаза открываю, а он здоровенными крыльями машет, тяжело так, на подъем значит пошел. Ну, я дублетом в ту сторону... мимо конечно. Да и, слава богу, что мимо. Филин весло хотел утащить, а может, перепугал с чем-нибудь. Успокоился помаленьку, повезло, думаю, моему безбилетнику-то, как раз бы его злодей и спал. В тайге ведь каждый себе пропитание ищет, и выживает

не только тот, кто в этом деле преуспел, но и тот, кто другому в лапы не попался.

А тут и костер на берегу. Ребята с надеждой смотрят. может, съестного чего добыл, стрелял же. Человек тоже пропитанием интересуется и весьма прилежно. Успокоил я их. В следующий раз, если филин меня утащит, моя порция, значит, им достанется. Слабос, конечно, утешение, но все-таки...

ПЕСНЯ.

Груженные байдарки тяжело продвигались против течения. Прогибались весла, бурлила вода, на поворотах носы брезентовых суденышек страшно наусили и, преодолевая каждый такой водный парус, нужно было напрягать все силы, выжимая из себя еще и еще капельку пота (величиною с солдатский когелок). Природа распорядилась несколько по-другому, нежели рассчитывали наши стратеги. Лето оказалось на редкость засушливым, русло реки Согом, притока Иртыша, обмелело. Там, где были пятикилометровые "соры", или по-нашему разливы, красовались грязевые поля. До берегов добраться - ни какой возможности. Решение приняли самое правильное - выходить на реку Конду. Пять лет сплавлялась наша группа по Конде, прошли эту красивую и могучую реку от истока и до устья и первый же сплав по другой реке закончился для нас возвращением на привычную и неповторимую красавицу Конду.

Иван работал веслом автомагически, мысли были где-то там, на разливе Конды. Ему нравилась Конда, нравилась как красивая и знающая себе цену недоступная женщина. Она именно такой и была эта свосправная западносибирская река. Много дней и ночей проведено на ее берегах, каких только случаев не происходило за прошедшие пять лет. Сколько песен спето у костров на отмелях. Много и собственных песен

спето. Песни Иван писал как-то неожиданно, вдруг. Нет ни мыслей, ни темы, а потом как накатит, успевай, записывай. О Конде песни Иван написать не мог. Несколько раз брался "на полном серьезе", а вот не получалось и все тут. Он скучал в этом походе по Конде, скучал, и, правда, как по женщине. Невольно сравнивал грязные берега Согома с буйными зарослями смородины на Конде, с ее многокилометровыми песчаными отмелями без единого следочка. Когда командир сказал, что пора расставаться с этими плантациями девственной грязи и пробираться на Конду, у Ивана на душе потеплело. Словно грязи стало меньше вокруг.

Вообще странное чувство появляется от этой грязи. Приходилось ли вам когда-нибудь видеть столько грязи? Это не грязь на дороге, не грязь в канавах при хорошей буксовке, когда вымажешься, весь до макушки, это даже не та грязь в Шиловке, по которой приходилось ползти на учениях, с трудом вытаскивая руки из липкого месива и буквально носом прокладывая курс. Это совсем другая грязь. Грязь, которая сильнее тебя. Грязь, по которой ни пройти и не проползти. Грязь, у которой нет дна. Грязь, которой слева - километры и справа - то же самое. Вековая сибирская грязь, донная грязь, (пятиметровый шест уходил в сапропель и не доставал дна) может быть впервые представшая пред взором человека. Страшная грязь. И, слава Богу, что группа уходила от нее.

Протока называлась Кама. Своеобразным каналом длиною в четыре километра, она соединяла Конду с Согомом. Упрямое встречное течение не позволяло расслабиться ни на минуту, и эта сумасшедшая гонка все нарастала и нарастала. Иван сидел впереди, на заднем сидении мощно сопел "дизель Володя". Протока стала расширяться и, просто, вдруг запахло Кондой! Кто много побродяжил по рекам, знает, что каждая река имеет свой запах. И вдруг Иван понял - накатывает! Песня о Конде накатывает! Бросив на полу взмах весла, вытянул из-под брезента гитару... Звякнули первые аккорды!

- Ты чего!?! Магомаев липовый! Гребни, гад, а не то вдоль спины веслом отрегулирую - враз дурь выскочит - заорал "дизель Володя".

Байдарка завилыла носом, мало ей было одной человеческой силы. но продвижения своего вперед не прекратила.

Иван не слышал ничего. Он как бы вышел из этого мира, выпал совсем, куда-то в призрачную страну, страну, где нет ни крика, ни людей, ничего нет. только мягкий, ласковый плеск Конды, ее необъятная ширь и приветливые блики на волнах.

Каждый раз, возвращаясь. на Конду мы выходим
И по дому скучая, здесь покой мы находим
Нас несут катера до железной дороги
И попутным ветрам улыбаются боги...

Песня лилась, как вода из ключика, чистая, родниковая, выстрадавшая и желанная!

Байдарки лежали на пирсе. разобранные и упакованные. Гора туристского скарба высилась как внушительно, что попасть на речной трамвай не было ни какой возможности. Оставалось ждать грузового судна, на которое, согласно инструкции, капитан вообще не имел права брать посторонних. Капитан "ЗАРИ" отдыхал где-то далеко от глаз людских, а его помощница, как мы решили - капитанша, стояла на палубе, опершись на ограждение, и задумчиво смотрела на закат. Мы все тоже смотрели на этот закат, только несколько иная задумчивость отражалась в наших глазах и головах. Всяческие уговоры и дипломатические выпады с нашей стороны отвергнуты столь решительно, что надежда погрузилась в ту самую согомскую грязь навсегда.

Иван взял гитару, присел на старый топляк. Песня просилась наружу.

"Дизель Володя" здорово отругая его тогда, в устье протоки, наговорил такого, что петь расхотелось. Два дня носил в себе Иван песню о Конде, больше не было сил!

Каждый раз, возвращаясь, на Конду мы выходим
И по дому скучая, здесь покой мы находим
Нас несут катера, до железной дороги
И попутным ветрам улыбаются боги!

Белеют вдали песчаные плесы
Ведут корабли капитаны матросы
Но зовут поезда, огоньками мигая
Досвиданья Конда - сестренка Дуная...

Иван пел, вдыхая знакомый запах Конды полной грудью, он весь ушел в песню, забыл, где он и что с ним. Он пел не людям, он пел Конде, своей любимой, знающей себе цену и неприступной...

...А потом в тишине, в кресле качаясь,
Расскажу я жене о песчаном Урае.
На Конду приведу повзрослевшего сына,
Чтобы счастье найти в краю лебедином.

Кончилась песня. Плескалась вода у пирса, громко гудел шершень, запоздавший где-то по своим неотложным делам, догорал один из красивейших сибирских закатов...

- I рулите свое барахло на корму, пока капитан спит, да смотрите не сбрыкайте чем-нибудь. А завтра ты мне слова запиши и мелодию еще раз напой - сказала вдруг с палубы капитанша и, круто повернувшись, пошла в каюту.

КОНКУРЕНЦИЯ.

Витька смотрелся неотразимым. Он сегодня пребывал немного в ударе от бабьего лета, оттого, что группа снова садилась в поезд, что впереди интересный таежный маршрут длиной в двенадцать дней, что через несколько минут останется позади надоевший город. Да мало ли еще от чего может быть в ударе парень в двадцать шесть лет в начале бабьего лета. Тихо, на низах, ворковала гитара. Витька всегда настраивал ее чуть ниже, под свой голос, поэтому петь можно или громко-хором, или ему одному и тогда всем оставалось только слушать. Перрон почти пуст. Пассажиры заняли свои места. провожающие давно и дружно "ломанулись" к автобусу. До отправления оставалось минут пятнадцать.

- Силеневый туман в прозрачной дымке тает
Над тамбуром горит полярная звезда.. -

вполголоса пел Витька, и протекторы на ботинках мягко кракали в ритм гитаре.

Девчонки под неусыпным Веркиным контролем одели его "на вырубон". Олимпийская шапочка своей белизной подчеркивала высокий загорелый лоб, японский нейлоновый свитер, белый с красными полосами (последний крик - чего не достанешь) снятый с мощного Веркиного бюста, делал грудь широкой, а плечи крутыми. и совсем скрывал выгоревшую клетчатую "ковбойку". Из-под свитера мужественно выглядывали ножны.

- Кондуктор не спешит, кондуктор понимает,
Что с девушкой я прощаюсь навсегда...

Витька прошел вдоль состава, с удовольствием замечая, что люди в окнах вагонов замолкали при звуке гитары и

смотрели на него в приятном удивлении. Он дошел до тепло-воза, подмигнул машинисту и повернул обратно.

- Еще один звонок и смолкнет шум вокзала,
И поезд улетит...

У второго вагона стояла девушка - кондуктор. Так, наверное, стоят первоклашки на первом звонке. Голубенные глазищи распахнуты, как окна в майское небо, форма пригнана, ушита, отутюжена и, черт его знает, что еще сделана от самого берега до туфель. Это, конечно, ее первый рейс. Она зачем-то держала флажок на уровне плеча, наверное, так нарисовано в учебнике, и смотрела на Витьку, приоткрыв маленький ротик.

- Явление Христа народу - мысленно хохотнул Витька и улыбнулся "первоклашке".

- Быть может навсегда, ты друга потеряешь...

Гитара по прежнему мягко выстлила звуками путь словам, из чего, собственно, и рождалась всегда душевная песня. Кракали шины по асфальту перрона. Все вроде бы так же, но почему-то уже не так. Что-то не давало покоя, будто обронил чего... Витька прошел три вагона и... оглянулся. "Первоклашка", как зачарованная, шла за ним вместе со своим флажком на уровне плеча. Она не видела сейчас никого и ничего, она шла и впрямь как за Спасителем, забыв все кроме одного - не отстать, не потерять!

- Она так и на Кваркуш за мной уйдет, пожалуй - подумал Витька и ускорил шаг.

Почему-то ему стало неудобно на перроне, может даже неудобно оттого, что явно перестарался. Парни, разместив по полкам туристский скарб, стояли у вагона и курили. Над чем-то смеялись девчонки.

- Вера Ивановна! - громко позвала Лидка - конкурентка приперлась, да еще какая!

Все дружно замолчали, удивленно разглядывая Витьку и его синеглазую преследовательницу. В этом молчании никто не заметил в дверях вагона Верку. Разозленная Лидкиным "Вера Ивановна", она стояла во всей своей красе крепкой и надежной девицы - на выданье, у которой есть все, кроме мужа.

Она давно считала Витьку своим, видела, что парень "дозревает", знала, что он в последнее время тяготится общезжитием и шумными компаниями, любит посидеть в сторонке, когда всем хорошо и не надо никого веселить. Верка на полгода старше его и Лидка специально называла его "Витька" а не "Вера Ивановна". У Лидки, наверно, тоже имелись свои мысли и свои планы. Да у кого их нет? Но бабьим извечным чутьем Верка знала: Лидка - не соперница, однако реагировала на все ее выкрутасы исправно, и здесь оценила обстановку и нашла верный тон мгновенно:

- А вы, девочка, почему, собственно, рабочее место бросили? - Ровным, сухим голосом спросила она строго. - У вас же там семьдесят человек пассажиров, вам, между прочим, вверенных. Или вы за себя бригадира оставили? Да опустите же вы свой дурацкий флажок! И идите на место.

Верка, выдав все это, круто повернулась, на какой-то миг задержалась, демонстрируя хорошо обтянутую фигуру, и, уверенная в себе, шагнула в вагон.

Когда почтенная публика смогла повернуться к объекту Веркиных нравоучений, объекта уже не было. По перрону сыпалась дробь каблучков "убывающих на место".

Тики-тики-так, тики-гики-так... Вагон покачивало. Витька лежал на полке, смотрел в потолок. Девчонки уже два часа перекладывали гитару с места на место, "печально" задевали струны, поглядывали на Витьку. Они привыкли к нему другому. Лидка занялась своим рюкзаком, тихонечко звякнула бутылка... Витька спустился с полки. Снял и аккумуля

рапно свернул Веркин свитер, положил на полку, сверху уложил шапочку. Снял шипастые ботишки, надел свои старенькие кеды. Достал из рюкзака гитарный ключ, взял гитару и пошел в тамбур. В группе это называли "настраиваться". Верка тихонечко пошла следом. Она любила смотреть как Витька "настраивается". Иногда чувствовала, что ему нравится ее присутствие и внимание, знала, что в такие минуты главное - не помешать.

Витька постоял у окна, погладил струны... из темноты ночи, сквозь стекло, на него смотрели голубенные глазницы, смотрели так, как не смотрел никто и никогда. Постепенно мысли стали приходить в стройность и порядок. Он достал свой знаменитый гитарный ключ, который подходил ко всем вагонным дверям, перед самым носом удивленной Верки закрыл двери, постоял секунду...

- Это настоящее - решил окончательно и... пошел во второй вагон.

ПРОБЛЕМА СОВМЕСТИМОСТИ.

Байдарочный поход по Куме, притоку Конды, замышлялся, конечно, значительно шире, чем получился. Впервые мы поставили себе задачу увеличить жилую площадь байдарки за счет создания катамарана. Готовились брусья, укосины, емкости под бензин. Высшей точкой фантазии для нас - весельников, стал мотор "Салют - 2-М". Этот очень неказистый и, что самое главное, очень ненадежный агрегат, имел, однако одно самое убедительное достоинство - был до неприличия дешев. К моменту похода вдруг осталось всего четверо желающих, то есть, нужны были всего две байдарки или один катамаран. Одно дело, когда в походе восемь-десять человек, другое - всего четверо. Вот сегодня я точно знаю, что такое

совместимость. Тогда же мы молодые, самоуверенные не знали предела своим возможностям.

Худо ли, бедно ли, но в верховьях Кумы собрали-таки мы свое сооружение, загрузили и... ршили заночевать. Уж очень необычно получилось все, даже для нас. Две байдарки соединялись брусьями на расстоянии полутора метров одна от другой. На этих брусьях собрана решетка из брусочков помельче. Посередине заднего бруса укреплен наш "могорище", в байдарках емкости с бензином, по шестьдесят литров в каждой. Все остальное имущество размещено тоже в байдарках. Самим же только оставалось взгромоздиться на настил. В общем, не решились мы с маху отдать швартовы - заночевали. С утра весело затарахтел наш "двигатель" и катамаран отвалил от берега. Собранием приключений получился этот поход. Наверное, время позволит мне когда – ни будь сделать его полное описание. Сейчас же хочется остановиться на одном эпизоде, в котором, на мой взгляд, сконцентрирована вся проблема несовместимости.

Поначалу в любом походе люди всегда предупредительно-вежливы друг к другу, более того, стараются угодить, помочь.

- Валера, подай кружку (до кружки свободно мог бы дотянуться и сам)

- Эту? Возьми.

Но дни проходили на замкнутом пространстве катамаранного настила в четыре квадратных метра, а ночи в одной палатке, где даже повернуться на другой бок можно только всем разом. И через полторы недели начались срывы.

- Валера, подай кружку.

- Я тебе что шестерка, бери, если надо, вот она!

Вот в таком плане развивались события. Хлеба на месяц в тайгу не возьмешь. Обычно ежедневно дежурный заводит тесто и стряпает лепешки. Я же всегда брал с собой полутора литровый ковшик, который заменял мне чашку, кружку и сковородку. Конечно, это оказалась самая удобная посуди-

на для замешивания теста. Но за прошедшее время мы так надоели друг другу, что уже с каким-то сладострастным ослеплением выискивали опшибки, недостатки и прочие причины для подпитки возникшей взаимной ненависти. Поэтому я глубоко уверовал, что друзья мои сознательно замешивают это поганое тесто в моем ковше. Что им просто не хочется заляпывать и потом мыть свои чашки, и они специально не моют мой ковш! Мне стало казаться, что они вгаине считают меня бесхарактерным и, зная, что я все стерплю, просто наглют. Я с глухой злобой мыл свой ковшик три раза в день, скреб его с проклятиями и разрабатывал планы отмщения, один коварней другого. И вот момент настал!

Утром я "нечаянно" утопил жестяную плошку, из которой кормил пятого и самого лояльного члена нашей группы - моего кобеля. Я не просто утопил плошку, они же могли бы ее достать, я утопил ее под заломом!

- Ну, теперь твой кобель с голоду сохнет - счастливо (так мне показалось) заметил Витька.

- Это, между прочим, моя забота - парировал я - вот ты бы утопил, из своей бы чашки кормил.

- Да я бы скорей его застрелил, чем стал с ним из одной чашки жрать! - Возмутился Витька.

А все мы знали, что был он на редкость брезглив.

- Ну, я же ем с вами из одного ведра и вы все еще пока живы - ухмыльнулся я.

Злой разговор заглох так же внезапно, как и начался. На обеде Валерка, как всегда без спросу, взял мой ковшик (даже не подумав о своей громадной чашке) замешал в нем тесто, очень даже небрежно и заляпал как раз то, что плохо моется. Сосстряпал лепешки, век бы ему их не есть, и подтолкнул ковш мне, ногой!!!

- Ну, гад - думал я - последний раз ты дотрагиваешься до него своим поганим копытом.

Пообедали как всегда хорошо и сытно. Все остатки я слил в ковш и... остудив в воде, поставил кобелю! У моих друзей произвольно раскрылись рты.

- Т-т-ты чего это - первым пришел в себя Валерка.

- Да нафига мне тесто отскребать, он вылизет все, как следует, да и все равно не из чего его больше кормить - спокойно ответил я.

Пес добросовестно лакал суп с кусками недоеденных лепешек.

- Козел! Образина! - Завопил Витька - я чего тесто в сапоге заводить буду?!

- А я чего, посудомойкой к вам нанялся!? Заляпывают сволочи трижды в день, а потом ножкой так, небрежно - на, чисти!! Фигу вам!

- Так ты сказать-го мог? - Спросил наш более опытный и зрелый командир - Все! Закончили обсуждение, его дело, его ковш, его кобель.

- Как только из этого ковша пожрешь - в палатку спать не пуцу - заявил Витька.

Однако обсуждение закончил пес. Он предельно аккуратно вылизал ковшик до блеска, затем улегся в сторонке и, задрав ногу, начал вылизывать то, что всегда вылизывают сытые собаки. У Витьки округлились глаза, он зажал рот рукой и бросился в сторону.

- Ну и свинья же ты - сказал мне командир, не оборачиваясь.

До ужина на нашем "дредноуте" царил гробовое молчание. Витька удачно сбил трех уток и к вечеру оттаял. Валерка задумчиво сидел в байдарке и часто курил, командир ковырялся с картами и щелкал по берегам своим "Зенитом".

А сибирская природа и правда удивляла. Осень распятнала тайгу в желтое, золотое, багряное, зеленое... навесила на кедровые шишки, на кусты ягод. Особенно интересной стала черсмуха. Порастеряв почти все листья, она оказалась увешенной черными гроздьями. Я сидел "на моторе" и, уви-

дев хорошую ветку над водой, подруливал под нее. ребята быстро срубали пожами несколько кистей и мы дружно чавкали на всю реку, жмурясь от удовольствия. Все наши мелкие склоки куда-то испарились. Прекрасная природа потихоньку помирила нас... до ужина. Валерка дежурил, и именно ему нужно было приготовить ужин. Молча, достав свою чашку, он начал разводить тесто. Я, помогая ему, разделал уток, взял злополучный ковшик и долго драил его песком, потом зачерпнул воды, прокипятил на костре, и мы стали ужинать. Витька, наполнив чашку кашей, ушел на берег Кумы. После ужина меня как черт кольнул! Я опять выставил еду кобелю в ковшике. Ребята замкнулись, вечер был испорчен окончательно. Однако ночевал я в палатке, вместе со всеми - не изгнали.

На следующий день дежурил Витька. В группе установилась этакая напряженка. Она могла разразиться большим скандалом, а в гайге это очень серьезно, могла и вылиться в какое-то другое русло. Но... все повторилось. Подошло мое дежурство. Утром, пока все спали, я взял большую Валеркину чашку и сделал лепешки. Чашка была уляпана тестом до предела. Я поставил ее на видном месте и объявил подъем:

- Ведра полные, подъем, товарищи!

Сегодня мне кажется, что проблема совместимости все-таки «от лукавого». Какая-то адская сила заводит тебя, постоянно подливая в башку яду, не дает остановиться. До того уже надоели эти морды - мочи нет! Вот и начинаешь изощряться в ядовитых мелочах, изобретая массу мелких пакостей. И так - все четверо, и так - каждый день. Все понимаем, что среди моря тайги это может закончиться очень плохо, но остановиться нет сил! Наваждение какое-то.

Как только Валерка подошел поближе, я демонстративно ногой подтолкнул ему чашку. Он вынул на меня глаза и задохнулся от злости. Рывком взял чашку и пошел к реке мыть. Сначала с берега донеслось глухое ворчание, потом все громче и, наконец, дублетом грохнул замысловатый

мат! Затем появился Валерка с сияющей чашкой в руках. Больше он ее из рук не выпускал.

Перед обедом я аккуратно выудил из общего багажа Витькину чашку и, история повторилась. Вечером чашки были надежно упрятаны и все настороженно следили за мной. Поставили палатку, развели костер.. я взял свой ковпик, приготовился насыпать муку.

- Струна зазвенела на пределе - написал потом в отчете командир - момент шикарный - до драки одно движение, а что такое драка в тайге четверых вооруженных парней?

Но на то и есть в группе командир, мне под ноги шлепнулась его чашка. Я посмотрел на Кирилыча, он отвернулся от меня. Этот опытнейший турист, которому мы не годились и в подметки, не хотел меня видеть. Он понимал все, но по доброте души своей все в себе и держал. Поужинали молча. На следующий день дежурил Кирилыч. Все гадости поутихли, отступили. Но уже к обеду Валерка завел какой-то непонятный разговор о животных и прочем...

- Вот мы, русские, лошадь не едим, а ведь она из грязного ведра пить не станет, а вот свинья жрет все подряд, а мы ее жрем и хоть бы что - туманно начал он.

- Ты это к чему? - Прищурился Витька.

- Да к тому, что вот головастика ты не ешь, а кряквою вчера уплеп за милую душу. А она ведь на головастиках отъелась, вон какая жирная была.

- Сам ты головастик!! - Заорал Витька и, схватив спиннинг, пошел к реке. Кирилыч, лежа у костра, что-то писал и чему-то улыбался. Чашку свою он вымыл сам, и дежурство его закончилось.

Утром Валерка встал рано. Мы не спали, мне, как и всем нам, всегда нравились эти минуты, когда кто-то там, у костра, варил, жарил, а ты мог еще минут тридцать поваляться, понежиться.

- Ведра полные, подъем. бродяги! - Бодро позвал Валерка.

Мы разом вывалились в прохладу утра, к костру. Минута ошалелого молчания и истерический хохот четверых обросших, уже неделю не улыбавшихся мужиков потряс тайгу.

На пеньке высилась горка лепешек, а рядом стоял мой, заляпанный тестом ковшик!

ПРО ЛЮБОВЬ.

Обычно в парке, на танцплощадке, все наши "бродяги", как мы тогда себя называли, собирались в одну кучу. Походы, особенно категорийные, сближают людей и после одного - двух походов ты не можешь быть "и не друг и не враг". Человек или уходил от нас насовсем, или, чаще всего, находил среди нас и друзей и любимых. В такие вечера всегда вспоминались какие-нибудь курьезы, случаи, время проходило интересно, весело.

Варька постоянно оглядывалась - не было Лешки. Заметив ее нетерпение, я подумал, что скоро в стане холостяков поубавится народу, так романгично возникшая любовь не могла исчезнуть вдруг, запросто. А вот и Лешка, всегда "с иголочки", с улыбкой.

- Ну, кто сегодня гляделки вылупил? - Вместо приветствия спросил он.

Взрыв смеха был ему ответом. Слегка смутившаяся Варька прижалась к его руке...

Я тогда шел замыкающим и поэтому мог видеть все как на экране. В группе было человек пятнадцать. Мы шли, по-моему, вдоль реки Сольвы. Традиционный майский поход по Северному Уралу нашей школы инструкторов. Местами много еще лежало снега, шли без лыж, донимала талая вода и поэтому, берегом реки, по осевшим и твердым сугробам, старались до обеда проскочить как можно больше. Наверное, ко-

гда человек торопится, он и находит себе приключения. Так получилось и с нами.

Варька с Лешкой шли в середине цепочки. Лешка так тайно любил Варьку, что все это знали, и ни кто не оспаривал места рядом с ней. Лешка же не сводил с нее глаз, правда и было на что посмотреть. Слишком близко подошли к обрывчику ребята в голове колонны. Река уже вскрылась, и все с интересом смотрели, как льдины ломали кусты и лопались на перскатах. Зрелище, весьма редкое, скрашивало напряженный ритм хода. По твердому намету прошло человек восемь, и только на него ступила Варька, как вдруг снежная масса, охнув, осела и съехала в омут, конечно вместе с нашей красавицей. Варька медленно погрузилась в воду по шею, подняла руки, словно хотела плыть, и тоненько завизжала, видно талая вода поубавила у неё голоса. Лешка не думал ни секунды, он как будто ждал этого! Сбрасывая рюкзак, гаркнул на весь лес:

- Держите за ноги! - И, упав на живот, скользнул к воде.

Ребята еле успели схватить его за одну ногу. Быстро взявшись за руки, закрепились за дерево. Кто-то торопливо вытаскивал из клапана рюкзака веревку. Лешка схватил Варьку за руку и за лямку рюкзака.

- Тащите - крикнул он, а голова его уже коснулась воды.

С перепугу парни рванули так, что они с Варькой вылетели из воды, как пробки от шампанского. С полминуты оба сидели на снегу и глядели друг на друга, затем Лешка вскочил искомандовал:

- Раздевайся! Завхоз - водки! - А сам шагнул к рюкзаку, вспомнив о новеньком пушистом свитере, в котором же Варька согреется сразу и вообще, это же самый теплый свитер, для нее это же сейчас...

Раздевали Варьку всей группой, Да так быстро, что еле остановились, когда на ней остались одни плавки. Затем пар-

ни с сожалением, под натиском девчонок отвернулись, дальше было их дело. В это время Лешка и достал свой "самый-самый" свитер. Не обращая ни на кого внимания, подошел к Варьке, протянул свитер, и... слова застряли у него в горле!

На фоне реки, на чистом белом снегу, на живописной куче мокрой одежды, облитая майским солнцем стояла прекрасная нагая нимфа! Сине-зеленые лапы елей так отчетливо вырисовывали ее контур, что она казалась неотъемлемой частью этого пейзажа. У Лешки дух захватило... он даже подумать не мог, что Варька так красива! Он не верил, что это она и знал, что это она, и не мог на нее наглядеться...

- Ну, чего гляделки вылупил?! - Вдруг крикнула Варька и вlepила ему пощечину.

- На вот... теплый он - пробормотал Лешка, возвращенный в действительность таким экстравагантным способом, и пошел к рюкзаку. Затем повернул к Людмилке - завхозу, взял из ее рук полкружки водки, приготовленной для "утопленницы". залпом опрокинул в рот и долго молча сидел на развязанном рюкзаке, не обращая внимания на истерический хохот всей группы.

Вечером так получилось, что мне пришлось невольно подслушать, наверное, самое необычное объяснение:

- Леш... ты извини... ты меня из воды, а я...

- Да ты что? Да я бы под розги лег, если бы еще... хоть краешком глянуть...

ПРО МЕДВЕДЕЙ.

Байдарки тихо скользили по омутам таежной реки. Грести - просто лень. Времени - избыток. Группа опережала график на два дня. Река несла брезентовые суденышки со скоростью около четырех километров в час. Ребята разглядывали берега, кто-то лениво взмахивал спиннингом, на второй

байдарке лузгали смолистые кедровые орешки. Редкие заломы заставляли немного встряхнуться. Вдруг на первой байдарке что-то заметили и пристали к песчаной отмели. Собрались все пять байдарок. На мокром песке отчетливо отпечатались внушительные следы хозяина тайги. Он прошел по самому краю воды осторожным мелким шагом, словно проверяя свои угодья. О присутствии медведей мы знали уже третий день. Дело в том, что западносибирские реки петляют по тайге такими причудливыми кренделями, каких человеку и не придумать. Можно переночевать под приметным высоким кедром и, отплыв от него утром, благополучно вернуться к нему же вечером, только с другой стороны. Вот уже три вечера на берегу подавал голос Михаил Потапыч, и у нас сложилось впечатление, что это один и тот же зверь. Поэтому картина свежих следов действовала сильно. Видно у него сложилось о нас плохое мнение, видно мы ему очень надоели. Конечно, для вида все храбрились, но из имеющихся четырех ружей ни в одном стволе давно уже не было ни одного дробового патрона. Есть несколько, без преувеличения писанных кровью, походных правил, которые в подобной обстановке нарушать не рекомендуется. Поэтому, когда из-за поворота показался очередной залом, и Володя собрался его осмотреть, командир группы, напомнил ему:

- Один не ходи.

Шустрый Володька быстро выпрыгнул из байдарки, потоптался на берегу, поджидая своего медлительного напарника и, крикнув ему "догоняй", скрылся за кустом. Подобный поступок, да еще после напоминания, выглядел как вопиющая безалаберность. Байдарки приткнулись к берегу одна за другой. Парни критически поглядывали на залом, оценивая его сюрпризы. К тому времени мы научились уже и прорубаться сквозь них и, вообще, спускать их по течению, обгоняя на поворотах.

Бабах! Грохнуло вдруг за кустами. Пулей вылетел я из байдарки, не помню, как и ружье схватил (и не я один).

- Из виду не терять, двоим остаться - крикнул командир.

Мы бросились за кусты. Метров через пятьдесят выбежали на песчаную косу. Река делала плавный правый поворот, и видимость не превышала пятнадцати метров. В начале косы валялась Володькина штормовка, немного поодаль - шляпа, в конце косы - рубашка и патронгаш. Осмысливать некогда, мы бежали изо всех сил. Через несколько метров увидели сапоги и ружье, затем брюки...

- Да что он это раздевает что ли - буркнул кто-то за спиной.

Я и сам ничего не понимал, автоматически отмечая, что одежда брошена как попало, но не порвана, ружье оставлено в сачке, но стволами на валежине. Гляжело бухая болотными сапогами вылетели на длинный плес и... увидели Володьку. Он плыл к берегу, смешно, по-собачьи, загребая руками, и держал в зубах огромного глухаря!

Вот такие моменты неповторимо прекрасны. Жаль, что никогда не удастся сфотографировать подобную немую сцену. Конечно же, не плохо бы записать и на магнитофон, как мы оценили этого горе-охотника, но уж очень прочная попала добилась бы пленка.

- Тыфу ты! Чтоб тебя! Путних-то людей и, правда, медведи заедают, а этот, прости Господи... ни хрена с ним не сделалось! Кунается видите ли. Приспичило ему - собаке!

- Ну, как августовская водичка в Сибири?

- М-м-м-муму - мычал в ответ Володька, пока не выбрался на берег. Затем, отбросив глухаря подальше от воды, запрыгал, не то от холода, не то от возбуждения.

- Я т-т-только - з-за ккуует, а он ка-а-ак ввымахнет! В двух шагах! Н-н-ну, ддумаю, к-к-кконец! Да с перепуту из двух стволов, нне целясь и вввыпалил! А он вввозьми дда и ушпади в воду - прыгал, рассказывая, Володька.

- П-п-пока ппонял, что нне ммедведь, он ужжже попцпцлыл шшо течению.

Ну, я же п-п-первого гглухаря в жжжизни еще... жалко здорово стало. Б-б-ббегу и ввижу, что он все дальше от бберега, н-н-ну вот и п-п-поплыл!

- А я думаю, нафига он тебя раздевает, медведь-то. гурман должно быть - ехидно заметил Миша

ГДЕ ОЛЕНИ С КОЛЕН...

Во второй половине дня подъем кончился, а к вечеру тропа заметно пошла вниз, чувствовалось приближение реки. Пешая часть похода заканчивалась. Юрка уже мысленно строил плот и прекладывал на его деревянные плечи это проклятую "сырую тяжесть рюкзака", придавившую его к земле. В настоящей тайге он первый раз, хотя, как и всякий парень городской окраины, знал и лес, и комаров, и ценность топора. В походе ему нравилось все. Он пребывал в состоянии постоянного счастья, с удовольствием делал всякую работу и, как каждый начинающий, состоял в должности "ты-бы", ты бы сбегал, ты бы принес и так далее. Поэтому, когда все сбросили рюкзаки, и командир похода сказал - "тут мы будем жить" - Юрка взял ведра и отправился по воду. Тропа, по которой они шли, привела к устью ручья, впадавшего в реку. Река шагах в тридцати, а здесь, на поляне, слышалось журчание воды в зарослях смородины. Юрка пошел к ручью. Он уже привык к сибирским неожиданностям, но то, что увидел...

Ягод смородины висело столько, что подумалось - а настоящие ли они? Крупные, черные, уже переспевавшие, просились в ведро или в рот, причем немедленно. От первой горсти Юрка зажмурился, вторая полетела в ведро. Так через горсть он и продолжал свой неожиданный пир, предвкушая удивление ребят, когда принесет полведра этого чуда. Собира-рал, даже не сходя с тропы, медленно приближаясь к журча-

шей воде. Вот и последний куст, пора возвращаться. ждуг ребята воду. Обошел, не задевая гроздь, загреб еще горсточку в рот. Над водой нависла какая-то странная коряга с выполосканными дожелта кореньями.

- Чего только нет в этих дебрях - подумал Юрка, опускаясь на корточки в трех шагах от коряги, чтобы попить и набрать воды.

Коряжина вдруг шевельнулась, и он увидел два больших, уставившихся на него глаза! Время вдруг пошло медленно-медленно. Так бывает во сне, когда нужно бежать от погони, а ноги чуть двигаются. Коряга, фыркнув водой, качнулась и пошла вверх, вместе с желтыми кореньями и мохнатым пнем. Затем еще какие-то палки, с треском вырвавшись из грязи, полетели вверх вместе с листьями и ветками противоположного куста. Что-то огромное, коричнево-серо-белое взметнулось над Юркиной головой, зависло, махая серыми палками. И вдруг это что-то начало поворачиваться, приобретая бурый цвет...

- Нечистая сила! - С ужасом подумал Юрка, сжимаясь в комочек, и потянул на голову пустое ведро. Всех таежных зверей он знал, это было что-то мистическое!

- Вот почему ягод много - мелькнула в голове лихорадочная мысль, и он впервые пожалел, что не знает ни одного святого слова от оборотня, кроме "иже еси". Ошалевшими от страха глазами он проследил, как это громадное нечто с треском проломило кусты и исчезло в весре листьев.

- Юрка, ты чего там воюешь - позвали его с поляны и вернули в мир действительности.

- А-а-а-а! - Заорал он запоздало и, бросив ведра, кинулся назад, на чистую, светлую поляну.

Вид его был настолько дик, что все замерли от неожиданности, а Павел рывком схватил ружье и щелкнул предохранителем.

- Что, Юра, в чем дело - подскочил командир.

- Н-н-н-нечисть какая-то! Как вверх п-п-побежи-и-ит!
И ягоды ра-а-азве-е-е-сила, зар-р-р-раза! Заманива-а-ает! Знает
ч-ч-что м-м-молодой я !

Павел с ружьем наизготовку скрылся в кустах.

- Да ты чего, Юра? Какая нечисть в тайге? Да тут же
все понятно, все просто. Это в городе бояться надо, а здесь...
ну пойдем, посмотрим, что там, вот и Паша не стреляет, а
значит, и нет никого.

- А-а-а-а! М-м-может она его слопала уже? Или в эти...
ягоды переделала? Ка-а-ак выскочит, да палка-а-ами зама-а-
ашет! А пенек-то мохнатый и гляди-и-ит! - Старался объяс-
нить Юрка, и видел, что не понимают его, а самого начинала
бить нервная дрожь.

Из кустов вышел Павлик, ружье на плече, в руках вед-
ро.

- Мужики! Да тут полведра такой вкуснятины, сейчас
вам плохо станет - объявил он - от таких ягод и правда крыша
поедет.

Юрка в ужасе смотрел на крупные черные ягоды, в го-
лове у него все смешалось.

- Паш, а оно где? - Спросил с опаской.

- Кто оно? Мясо-то? Убежало, чего ему ждать?

- Ка-а-а-а-кое м-м-мясо? Чего издева-а-аешься? - Обидел-
ся Юрка - с палками серыми коряга и глядит, говорю! Где
она!?

- Да лось это, Юра, пил он тут, а ты его напугал, вот и
он тебя, наверное, тоже напугал.

- Чего он лежачего ли пил-то? С похмелья еще скажи,
голову мочил в холодненьком ручейке!

- Как он же всегда на колени встает, чтобы попить, у
него же шея короче твоей! Иди сам следы смотри, если не ве-
ришь! - Начал перегреваться Павел.

- Ч-ч-чего? Туда?! Да нафига они мне твои следы!
Чтобы я еще куда пошел, да ешьте сами ягоды эти!!!

Юрка замолчал. Способность соображать медленно возмрапалась к нему. Дрожь не унималась, накатывала какая-то противная слабость.

ОРОЧ.

Легкий июльский ветерок сдувал гнус и ласкал наши загоревшие лбы. Весело потрескивали головешки какого-то диковинного уссурийского дерева, дежурные готовили ужин. Сегодня у нас гость! Само понятие гость имеет несколько другой смысл, когда появляется он у походного костра, да еще в верховьях Бикина. Уже семнадцатый день мы путешествовали по уссурийским дебрям. Пешую часть закончили перевалом хребта Сихоте-Алиня, а сейчас, вот уже скоро неделю, пробирались на плоту по своеобразной и неповторимой реке Бикин. Сюрприз за сюрпризом преподносил нам Бикин, испытывая не только наше плавучее сооружение, но и нас самих на прочность. Река то разливалась метров на сто и спокойно кагила воды свои, то сопки сжимали ее, начинали вертеть с юга на север и, после крутого поворота, уходила она под дикое нагромождение коряг, деревьев, всякого хлама. Природное сооружение такое называют местные жители заломом. Каждый залом имеет свое имя: Амба, Метакеза, Большой Наук. Представьте себе с какой скоростью летит вода сжагая сопками со ста метров ширины до тридцати. Но это еще не все, эти тридцать метров переторожены заломом, и только где-нибудь, у самого берега, есть маленький проходик, метров пять всего! Две трети воды уходит под залом. Все, что попадает туда, больше не возвращается на свет божий. А одна треть, как в трубу, несется в проходик. Вот это и есть дорога в жизнь потому, что прямо, под залом - дорога в рай... или ад... кому там что предписано. Пройдя один такой залом самостоятельно, мы дружно решили, что нам просто

почему-то повезло. Наверное, в это время и в рай и в ад была большая очередь. Заскучали, конечно. В походе пятой категории гида не положено, спросить не у кого, на то она и высшая категория сложности. А по рассказам местных охотников километров через шесть уже следующий залом - Амба. В переводе на русский язык - Тигр. И от этого названия становилось так уютненько, что звук лодочного мотора на реке прозвучал для нас сладчайшей музыкой!

И вот он наш гость! После шквала вопросов все немного успокоились и проявили такую любезность к гостю, что ему стало не по себе. Говорил он с сильным акцентом, но довольно прилично. Становье свое организовал быстро и умело, с удовольствием слушал наши рассказы, и тоже, наверное, был нам рад. Пока готовился ужин, осматривал наш плот, цокал языком, что-то бормотал по-своему. Но вот сели обедать, командир достал из заглашника "валютную" бутылочку. Гость с удовольствием принял "наркомовскую", затем вторую и потекла беседа. Неторопливая, плавно-спокойная беседа у костра.

Зовут его Егором, фамилия Канцуга. На Бикине и родился, и вырос, и живет все время. Только вот в Финляндию, да в Германию, да еще в Манчжурию ездил.

- Слушай, дед, поездки какие-то у тебя страшные да дальние?

- Так, ана многа наса естила, орося-та, руски тоса ес-гила, на вайна са естила. Снасяла финка ваивал, патом немис ваивал, патом ипонис ваивал...

- Матерь божья! Так ты, дедуля, три войны отвоевал!?

- Три канесна...

Дежурный подал гостю полнехонькую чашку рисовой каши с сушеной тушенкой - раздобрился завхоз ради гостя. Кто-то из ребят бросил в реку опорожненную бутылку и, конечно, по дурацкой российской привычке, надобно стало ее расстрелять. Грохнул один выстрел. второй, бутылка качалась на волне меграх в семидесяти.

Пс, щас не разбить! - Определил Санька – далеко, да и волна.

Дед видно после "наркомовских" решил тряхнуть стариной, потянулся за карабином, прищурился на бутылку, потом как-то бочком вскинул карабин... и больше мы бутылку не видели! Выстрел пас, конечно, поразил, так мог стрелять только мастер!

- Ну, дед, опасный же ты, однако, человек, наверное, на войне много немцев ухлопал? - Спросил зачарованный Санька.

- Так ана сразу ни считала, патом стука гвсти пыл, триста. наверна, пыл. Я снайпирка ваивал.

Впервые нам довелось увидеть живого снайпера, да еще со счетом двести или триста врагов! Это же легенда какая-то! А ороч между тем встал, поставил в воду чашку с кашей, затем принес из лодки какую-то жестянку...

- Что, горячая?

- Буда...

Подойдя к полузагопленному вековому вязу, оторвал кусок коры, поковырял чего-то в гнили, намотал на локоть ни весть откуда появившуюся леску, забросил под корневище. Рывок, и на песке забил хвостом здоровенный ленок!? Все это произошло так неожиданно. Дед принес свой топорик, котелок, разрубил ленка на несколько частей, паложил в котелок какой-то травы, поставил стоймя куски рыбины, посолил и придвинул к огню.

Окончательно добил нас тем, что вывалил в жестянку рисовую кашу и отдал своему "Миске" – здоровенному, лохматому псу!

- Ну, ты, дед, даешь! - ошалело проговорил Миша, заядлый рыбак.

- А что ты сказал "буда", это по-вашему горячо, да?

- Как на русски переватить? Буда, это, ну... сытъ мосна, катить мосна. тока тика-гика... савсем патиконька.

Ох и хохотали мы над этим объяснением! Через несколько минут, дружно помогая деду управляться с остатками рыбины, зачарованно слушали его по детски наивный и бесхитростный рассказ. Ломались воспитанные в нас представления о многих вещах, многое открывалось в неожиданной простоте своей и порой страшной нелепости...

- Наса орося на вайна симой сапирали. Русья сваи ни тавали прать... пасиму ни тавали? Тама трукой русья тавали, новый, а стриляит шюка. Камантира рукаитя: пасиму га русья ни прал, трукая русья ни прал, пасиму стиклянный муска ни прал, пасиму прастой муска лутьсе, патом плювал. Каварит телайте как васа ната, а сирис пять тней мая сапка ни папатаите - тюрьма пайте! Я гвинатсать русья пасматрел - агин всял. Тва раса стрилял, камантиру скасал: тавай сапка, паставь талико. Камантир сапка новый, талико, талико паставил, мала-мала витать. Атин рас стриляй, русье систить сатись. Камантира каварит прамасал, стриляй иссе рас. Я каварю сасем типе тва тырка на агин сапка? Иги сапирай, кватит. Патом камантира все орося саставил стрилять, тока свой сапка кастый. Патом мнока вотка пиринес, тва тень пили вотка орося. Патом ваивать паскали, финка ваивать паскали. Трукой камантира скасал - нината орося стрилять усигь...

Финка каросый силавек. Карасо ваивал. Терева сятит и ситит, стриляит патиконька. Маладес. сря никакта ни стриляит! Нось прийгет, снек закапайся, гень смагри-смагри, весирам увигис - ситит на терива. А стрилять иво салка - каросый акотник, сэлый тень клител. тока весирам увител, как карасо терива снаит, сам как терива станит! Умный вайна с финка, калавой ваивать нага. Тока умный вайна нету, ана всикта клупый весь! Пасиму атин силавек насяльник, трукой нет? Пасимиу атин силавек трукой каварит: пайти и упей вон та финка? Ната типе, пайги сам упей иво насяльник, мне с финка-акотник сиво гилить? Пасиму иво упивать пата? Пускай ана свая терива ситит, я иво гайка ни пайту ана и стрилять миня ни путит.

Замолчал дед Егор. Узкие щелочки его слезящихся глаз неотрывно смотрели на костер, будто видели там сугробы и финского снайпера на вековой ели. Молчали и мы, воспитанные на пионерско-комсомольском питании, когда всем все ясно. Неграмотный дед показал вдруг войну совершенно с другой стороны. И действительно, зачем этому орочу финская или карельская тайга, зачем отбирать ее у кого-то, когда своей родной уссурийской вон сколько. Полмесяца идем, а еще и середины не видать.

- А патом коспиталь папатал, раненый пыл. Малатой пыл, клупый, мала-мала линивый. Са пинек пирятался, ямка капать ната пыла, ни стал капать. Немис тосе карасо стреляит, наверна тосе акотник. Как рас нимнока мая сатниса витна пыла, ана тута пулька прасал, мая станы тырка телал. Польна! Вставать никак нилься, станы мокрый. крофь мнока писал. Мала-мала сапсем ни прапал. Сатниса госпиталь пыстра старовый стал, аиратна ваивать паекал. Привесли трукой места. Русье пальсой-пальсой, тва калиса тасе есть. Каварит три славейка стрелять путитс. Куга стрелять? Ни витать ни каво. Папал или нет? Я каварил камантир: такой русье ни путу стрелять, тавай пинтопка, харасо путит. Камантир савсем плока слава каварил, матирок слава каварил. Сарай миня пасатил, каварил утра путит - састрелит миня. гисиртир называл. Я сарай савсем мала сител. Тырка клител, камантир пальсой пириекал, станы с красный патаса. Я ноктем ямка капай-капай, камиска прасай, сисавой камиска сматрел, я к пальсой камантир катил. Пальсой камантир папука-а-а-ался! Сильна напукался, пелый стал. Патом толка с орося раскаваривал. Мая камантира звал, матирка слова каварил, кромка так. Утрам тал мне русье-пинтопка, поставил пратсикар сиреприний талико, стреляй каварит. Я каварил: тва пагрона тавай, русье сюсой, как стреляит, кто снаит? Атин патрон папропавай - пулька мала-мала лсва лити.. вгарой патрон пратсикара тырка телал. Салка пратсикар, сиреприная. Бальсой камантир мая рука толка сасымал, малатес каварил. Патом

пумака прал, красный карантас прал, "ваивать толька снай-пирка" написал. Пра сипя - кто такой написал, пратсикар с тыркой мне сапсем патарил. Патом никакта пальсой русье ни тавали...

Катил Бикип свою кристально чистую воду к Хингану. Ночь опускалась на уссурийскую тайгу. Крупные, яркие звезды загорались в черно-синем небе. С великим удивлением и восторгом смотрели мы на человека прошедшего три войны, и вернувшегося домой, в свою тайгу. Словно бы на работу ездил он в Финляндию. Германию и Манчжурию. Да она и была для него трудной и несправедливой работой эта тройная война. Понимал он ее по-своему, как бойню не нужную ни ему, ни тому немцу или японцу, которых застрелил он по чьему-то непонятному приказу. Он совершенно правильно определил, что за все три войны так и не увидел человека, которому бы действительно была нужна война. Многое понимал он до предела просто. Далек был и от ложного патриотизма и от идей всяких. Для него сегодня проста была тайга, вчера как же проста была война. Ошибка на охоте могла стоить жизни, ошибка на войне уже чуть не стоила жизни. Удивительно просто ответил на наш вопрос о наградах:

- Митальяка-та? Есть митальяка. Атнака стука тесять есть. С винтикам стука пять есть, с пулавка есть... внука икрайт... спать тавай. Савтра рана павису Ампа сматреть, атнака ни пасматреть - ни прайти, фанкули путит.

- Как фангули?

- Сапсем калавой внис, пат салом...

И он пошел в свой "камарник", старенький, весь в заплатках ситцевый полог на двух палочках, поставленный рядом с лодкой. Победитель финов, немцев и японцев.

ШЕРШНИ.

Случилось это на той злополучной Куме, где мы прошли массу испытаний. Уже минула проблема несовместимости, закончившаяся хорошей проповедью нашего опытного командира. Уже разломали мы вдрызг наш неповоротливый катамаран, налетев на топляк, и продолжали путь на подобранной в заломе полугнилой лодке. С трудом заведя утром мотор, старались не глушить его до следующей заправки. В общем, приспособились и шли довольно сносно. Место, на котором развернулись события, называлось ласково Ландинка. Подошли мы к вечеру к красивейшему яру. С реки он выглядел особенно приветливо потому, что стояла над обрывом добротная, крытая голем избушка. Пока я возился с двигателем, перекрывал все краники, привязывал лодку, ребята убежали на крутой берег, к избушке. Когда я поднялся туда, они шепотом спорили:

- Да они, я тебе говорю!

- Да не может быть, уж очень большой, не похоже...

- Ну а кто же еще так может сделать?!

- А черт его знает, но не они...

- Кто же это там, а - спросил я, почему-то тоже шепотом.

- А ты посмотри сам - ответил командир.

Я заглянул в полуоткрытую дверь. Под потолком висел огромный шар серого цвета, величиной с хороший цветной телевизор. Вокруг шара летали насекомые, лохматые, желто-черные и страшные еще оттого, что гудение их казалось, пропитано глухой угрозой. Конечно же, это были старые знакомые - шершни.

Накрапывал дождь, изба нам пужна позарез, но уж очень серьезные хозяева в ней поселились, чтобы решиться на захват. Мы потихонечку ретировались и стали советовать. Положенне, конечно, щекотливое. Просто так они избу не отдадут - будут драгся. Я же хорошо помнил, как такой

шершень с одного удара сшиб с копны нашего соседа дядю Мишу. Конечно, один укус еще переживешь, но в тайге приходится втрое осторожничать, докторов нет, а до ближайшей больницы транспортировать пострадавшего смысла особого тоже может и не быть. Поставили, значит, мы палатку под мелким морозящим дождичком, натаскали дров и стали варить ужин. А "хозяйева" откуда-то прилетали, куда-то улетали и, несмотря на дождь, жили в свое удовольствие, как хотели. Но избу строил же человек! Они же ее захватили, а нас с детства учили, что захватчик должен быть наказан. После ужина забралась в палатку. В тесноте опять та же тема:

- Ну, как же так? Я - человек, царь природы, маюсь здесь как последний... а они там ж-ж-ж-ж, сволочи! Оккупанты! - Возмущался Витька - сейчас открою дверь и пальну по этому шарiku из обоих стволов!

- Ну, убьешь сотню - полторы, а остальные от тебя одни болотные сапоги оставят - резонно заметил Кирилыч.

- Так не справедливо же! - Возмущался тот.

- Самое интересное, что придет кто ночью, устроится, а к утру загрызут они его. Конечно, зимой кто-нибудь уберет их, но до зимы.

Стемнело, а шершни все не давали нам покоя. Слишком уж страшна сила у этого, бигком набитого "мессершмидтами" шара. И начали мы помаленьку разрабатывать операцию по захвату жилья. Для начала вытащили из рюкзака клеенчатый мешок, привязали к нему ивовый обруч, и получилась ловушка-западня. Затем, по общему решению троих членов группы (командир уже спал, запретив нам и думать о сражении) определили в нападение представителя морской пехоты в недалекое прошлое - Витьку. Замотали ему голову тряпками и портянками, на руки одели варежки. Он должен был ворваться в избу, падать на шар мешок, и выскочить в двери. Валерка завязывал мешок и волок его к реке. Я должен светить и направлять действия войск.

Когда мы пошли "на дело", Валерка замешкался в палатке, да так больше и не вылез оттуда. Витька распахнул дверь и с криком, который употребляется только в морской пехоте, бросился внутрь. Я засверкал зажигалкой, которая только что отлично загоралась, но тут... не загорелась вовсе! Витька стал надевать мешок на шар, попутно прижимая жужжащих в темноте шершней к полу матом. Одел он мешок довольно быстро, только схрустело, но оторвать его от потолка никак не мог и запросил подкрепления.

- Не могу! Привязан он что ли? Да как они его привязали-го, чем? Давай скорей, режь ножом, гудит гад над самым ухом. сейчас врежет, тогда мешок брошу!!! - Завопил он в отчаянии. Мне совсем не хотелось участвовать в боевых действиях, но совесть поборола страх и я, как мог медленнее, рванулся в крошечную темноту избы. Шар был привязан к потолку и очень крепко (потом, днем мы разобрались - медной проволокой). В темноте я шарил руками, чтобы не полоснуть Витьке по пальцам ножом. Нащупал проволоку и с трудом перерезал ее. И уж тут-то мы дружно и организованно ломанулись из избы! Только дверь состукала! Выскочив сразу свернули влево и залегли. Над нами пронеслись несколько штук сторожевых (а может один) но было очень страшно. В мешке стоял сплошной гам, я бы даже сказал мат, там все гудело и жужжало! Наскоро замотав горловину мешка заранее приготовленной веревкой, мы кубарем скатились в темноте к реке, и затопили мешок под лодку. Назад возвратились героями! Посидели у костра, рассказали друг другу о своих, наилучшим образом проявленных, качествах, и нехотя полезли в палатку. Командир спал, как всегда, мертвецки. Валерка отвратительно сопел и делал вид, что тоже спит.

- Командир хренов! Хоть бы плеснул по грамульке из фляги после боя, так нет, дрыхнет - с добродушной злостью пробурчал Витька засыпая.

Утром дождь закончился. Встали мы с Витькой ранним-рано, не терпелось посмотреть, как гам наши угоплен-

ники. Поскольку в мешке все еще шевелились страшные плешики, решили их не трогать. Кирилыч уже развел костер, когда мы вернулись к палатке.

- Миша, - вдруг начал Витька - мы ведь вчера кончили шершней-то.

- Как кончили? Я же говорил не трогать.

- Так все нормально, только мы их утопили вчера, а сегодня они как-то вылезли и на носу лодки сидят, роем. Крылья сушат, прилетят, наверное, скоро обратно...

- Чего?! Заразы! Сворачиваемся! Быстро! - Завопил Кирилыч - олухи поганые! Да если они обсохнут, нам же во всей тайге места не найдется спокойного! Забирать все, что можете и вон туда, бегом!

Мы с Витькой покатались с хохоту. Смотрелся наш командик, конечно, оригинально. Не видел я его таким ни до, ни после того. Поняв наш подвох, он пошел к берегу, внимательно проверил все и только потом разрешил нам спокойно позавтракать. Валерку мы обозвали предателем и посадили в избу, добивать заблудившихся.

Оказалось, что человек подвесил к поголку мешок с сахаром, и не проверил что в окне дырочка. Вот шершни и нашли мешок, и свили вокруг него свое страшное жилище. Долго еще потом вспоминали мы эту операцию. Это единственный случай, когда командир обозвал свою группу заразами.

ПОСВЯЩЕНИЕ.

Около десяти часов вечера позвонили. Я открыл дверь. На лестничной площадке стояли два парнишки и три девчонки.

- Вам кого?

- Нам Скутина.

- Я Скутин, проходите.
- Да не. мы ненадолго, можно и тут.
- Давайте тут.

- Татьяна Ивановна сказала, что в городе вы лучше других знаете, как в походах проводится посвящение в туристы. Вы не могли бы прийти завтра в школу в шесть вечера, и рассказать нам как это делается. Ну, то есть, как это у вас было, потому, что мы тоже в поход пойдем и, в общем, нам в план нужно...

- А кто это такая Татьяна Ивановна и откуда она меня знает?

- А она тоже в походы раньше ходила, а сейчас наша классная дама, то есть... ну, классный руководитель.

- Вечер у меня как раз свободный, конечно я приду, а вот Татьяну Ивановну я, наверное, не знаю.

- Ну, так и хорошо. до свидания!

И они горохом сыпанули с плюшадки, а я весь вечер думал о загадочной Татьяне Ивановне. Конечно, помнил я посвящение, конечно, мы его не записывали в план, не организовывали, у нас все происходило экспромтом, своеобразно, неповторимо и, как всегда, на грани.

В дверях своей родной школы я появился с точностью до минуты. ребята ждали, загоропили в раздевалку и в зал, где уже сидел весь класс. При попытке усадить меня на первый ряд сознался, что был двоечником и никогда кроме последней парты ни где не сидел. Немного осмотревшись, сирсился у одного из моих опекунов:

- Слушай, а Татьяна Ивановна здесь?
- Конечно, а как же!
- А она где?
- Да вон же около стола стоит.

Силы небесные! Около того самого стола стояла... Танька Савельева!

Ах ты, холера ясная! Так как же это я буду рассказывать процедуру посвящения? И пока на сцене разворачивалось офи-

циальное действо, память рывком перенесла меня на тринадцать лет назад, на Северный Урал, на живописный яр в слиянии Козьей и Каквы...

Зачетный поход Артемовской школы туризма проводился всегда на Северном Урале в начале мая. В середине маршрута устраивалась дневка, готовился праздничный обед, надевались конкурсные наряды, готовились фирменные блюда, в общем, заняты все до предела. А потом, с обеда и до поздней ночи, гудела тайга от нашего хохота, песен... а при свете вечернего костра и проходило посвящение в туристы новичков. Трудно вспомнить, кто его придумал, это посвящение, но...

В группе тайно назначался соглядатай, который собирал крамолу на каждого новичка. К крамоле относилось все, что человек хотел бы спрятать от посторонних глаз. Затем, общим собранием выбирались прокурор, защитник, палач. Судья назначался командиром, и сам выбирал себе телохранителей. И вот около костра садилась троица: судья и два телохранителя. Судья мог одеть (или снять), или снять с кого-нибудь и одеть на себя все, что ему заблагорассудится, телохранители же обязательно должны были быть свирепыми, криволапыми и волосатыми. Приглашался прокурор, который оглашал список непосвященных, появлялся защитник и обязательно около пня-эпафота палач. Скупулезно, с пристрастием разбирались под общий хохот все деяния непосвященных. Каждому новичку давалось не только "наказание" но и несколько добрых советов. Особенно задиристым прописывались розги. Виновник прижимался к пеньку, задним местом вверх, рядом ставился его рюкзак, которому и доставались розги.

- Девица незамужняя, при фигуре, с вертлявыми глазами и задом, мешанка Савельева Татьяна! - Проорал я на всю поляну.

Мешанка Татьяна, хоть и не была первой, все равно выходить ко пню сама не пожелала, и телохранителям при-

шлось выволакивать ее, цепляясь за все места, потребные и не очень, дабы выполнить волю судьи.

— Общественный дознаватель по профсоюзно-комсомольской линии, доложите суду!

- Значит, сия девица была поведения нормального, затем стала легкого, облегчила свое поведение тем, что глядела на командира масляным глазом и воздыхала. Третьего дня, при переправе через ручей, сделала вид, быдто падает и, ухватив за шею отрока Константина, таково к нему прилипнула, что бедный Константин опосля, ночью дюже маялся шевелением конечностей и скрежетом зубовным. А при отъезде из града Аргемовска, крадче от опчества, облизала всю, как есть физиономию неизвестному отроку за вагоном - на одном дыхании подвел итог соглядатай, и мне показалось, что дай ему волю, так и на судью...

- Кто из честного народу еще крамолу за Татьянкой знает?

И пошло - поехали! А дело в том, что девица Татьяна - мешанка и вправду была весьма соблазнительна, и многие из нас дорого бы дали, ежели бы она "крадче от опчества"... ну а коли на всех Татьянки не хватало, то и каждый воздыхатель старался от души поквитаться. Короче говоря, насыпали Татьянке такой мешок грехов, что и сами притихли. А больше всех старался прокурор. Мужик женатый, но до Татьянки очевидно гако же не равнодушный.

- Так, а все ли грехи твои перечислены? - Вопросил он вкрадчивым голосом инквизитора.

- Да нет еще - пискнула Татьяна из-за пенька.

- Покайся!!! - Возопил Семен Григорьевич, торжествуя.

- Прелюбодействовала, уже в походе...

— Это был грех серьезный и карался за такой грех, как правило, мужчина и до предела сурово.

- С кем?! - Взвизгнул прокурор в азарте.

- С Семеном Григорьевичем - грохнула Татьяна!

- !?

На минуту над судилищем воцарилась тишина, затем как прорвало:

- Ах ты, орясина! А еще в прокуроры затесался!!

- На пенек поганца!

- Да как ты посмел, аксакал ошипанный!

Но громче всех вопили девчонки:

- Подробности, подробности-и-и-и!

Как опытный "судья" я понимал, что это кричат не ребята, а кричит, наверное, их зависть, но согласиться с ними нужно. В воспитательных целях нужны подробности, это раз, и не верилось что-то, это два. Скорее всего, Татьяна сводила счеты с Семеном Григорьевичем, но за что? В этом случае точен же оказался ее расчет.

- Подробности - огласил я, с надеждой уладить скользкое положение.

- Он меня целовал - вещала Татьяна.

Дело заходило далеко.

- Как, где!?! - Взорвалась толпа.

- Вот тут - показала Татьяна на свою обворожительную грудь - под маечкой.

- Да вы... ч-ч-чего?! Да не было же этого! Да и быть не могло!! - Орал Семен Григорьевич, но никто его, конечно, не слушал, игра перешла ту грань, когда начинают играть всерьез.

Конечно, если бы Татьяна - мещанка указала на рядового, по возрасту подходящего, смехом бы и обошлось, но тут явно помысел на грех со стороны мужчины был.

- Ах ты, прокурор липовый, под маечкой! А дай тебе волю так ты...

- А еще учителем работает!!

- Тихо вы, племя лесное, - начал приходить в себя Семен Григорьевич - прокурорскою властью своей назначаю девице Татьянке двенадцать розог, за возведение напраслины на должностное лицо и за мысли непутевые!

Но толпа закусила удила, да и слишком уж зацепила всех своей внешностью мешчанка Татьяна.

- Иш ты, назначаст, как ты же еще не судья! Ты, поганец, просить токмо могёш. Опчество требует десять розог ему и токмо две девице!

Нужно срочно гасить конфликт и я, кивнув защитнику, огласил:

- В следствии обнародованных фактов назначаю по сказанному, ибо - глас народа семь глас божий! Палач, приступай немедля.

Палач сурово взял Татьянку за шиворот, подволок к пеньку, подумал, пододвинул свой рюкзак и положил виновницу животом на него. Походил, поправил рюкзак, затем Татьянку и вдруг, не удержавшись, нежно погладил обтянутую ластиком Татьянкину попку!?

- Охальник, отлучу от должности!! - Вдруг заорал я, вскочив с места...

Дружный хохот группы привел меня в чувство. Ну и Татьяна, ну бестия, до чего же довела всех со своими телесами, и судья на блесну клюнул!

Палач, между тем, выбрал розгу, из припасенных Семеном Григорьевичем лозовых прутьев. Резко свистнула розга раз, второй... и два удара обрушились на пень. Толпа одобрительно загудела. Палач сделал великодушный жест рукой: катись, мол, отседова, каналья! Телохранители же, не теряя времени, сграбастали Семена Григорьевича и поволокли ко пню.

- Отлучаю вас от должности ввиду пренебрежения. пусть и не содеянного, но в помыслах свершенного и, по настоянию опчества, назначаю десять розог, запрошенных вами для девицы сей! Палач, исполняйте!

Гулко захлопали свистящие розги по рюкзаку: раз, два... семь, восемь, девять...

- А-а-а! Ты что, крокодил! Совсем что ли спятил - завопил бывший прокурор.

Палач отвесил ему последний полновесный удар куда следовало, и круто мызнул в кедрачи.

- Вас зовут! - Тормошил меня сидевший рядом парнишка - вон и Татьяна Ивановна тоже зовет.

Я медленно шел к столу, еще не соображая, что рассказать этим любознательным ребятам.

- Петр Иванович расскажет вам, ребята, конечно, не подробности, а сам принцип, как все связанное с посвящением организуется. Жаль, что времени у него совсем мало. Пожалуйста, Петр Иванович - объявила Татьяна Ивановна и пошла на свое место в пятом ряду.

Это шла не Татьяна Ивановна, это шла от пня прежняя Танька... я смотрел ей в спину (каюсь, ниже спины) и...

"ТЫМАНЧА".

Верховья Конды оказались заповедным краем непуганых зверей и птиц. Сама Конда начинает свой медленный бег в необъятных болотах Западной Сибири маленьким, неприметным ручейком, а проходимой для байдарок становится уже около станции Кондинская. Верховья отличаются от всех петлястых речек обилием заломов. Планируя сплав, мы рассчитывали пройти речку Эсс до слияния с Кондой, за пару суток, но буквально на первых же километрах поняли, что ввязались в серьезную, изматывающую борьбу с девственной природой. Девять дней упорного труда понадобилось, чтобы выпутаться из этой истории. Конечно, мы не уложились ни в какие графики, но приобрели неоценимый опыт прохождения заломов. В шутку и всерьез называли себя бригадой по расчистке западносибирских рек. Поразило нас и обилие дичи. При наступающей цивилизации все живое сохранилось только там, куда не может добраться охотник на моторе, а поскольку современный охотник пешком ходить не очень-то

стремится. всякая таежная живность чувствует себя превосходно на таких вот речках, насчитывающих от верховья до устья ровнехонько шестьдесят четыре залома. Залома, конечно, бывают довольно разные. Некоторые - просто заторы, оставшиеся от весеннего паводка, некоторые громоздятся на излучинах как свидетельство дикой, необузданной стихии. А на старых, солидных заломах, уже и березки выросли метра по четыре высотой. Проходили мы их всяко. Поначалу даже перетаскивали груженные байдарки на специальных ремнях, но скоро поняли, что при такой технологии нас хватит всего на пару дней. Потом начали переносить все по частям, как попало, скидывая обратно свои пожитки до следующего залома. Как правило, у каждого залома всегда сидела приличная стая черняти. Утка эта довольно крепкая на рану и способная нырять не хуже рыбы, часто оставляла нас "с носом", но скоро и мы поняли, как ее брать и обманывать. Обилие кедровой шишки, рыбы, всевозможных ягод, сторицей окупало наши страдания. Такие сплавы, конечно же, определяют и состав команды. Ребята подобрались хоть и разные, но влюбленные в природу до самозабвения. В общем-то, каждый имел достаточно времени и возможностей заняться своим делом, которое ему больше всего нравилось, кто-то ловил рыбу, охотился за щуками, которых мы за их размеры называли крокодилами, кто-то наоборот, очарованный красотами сибирской тайги, шелкал затвором фотоаппарата. Один из нас все время что-то писал в своей замусоленной тетради, а вот другой... с этим другим было довольно хлопот. Человек этот, наверное, просто поздно родился. На его долю не осталось белых пятен на карте, и он как мог, добирал неизведанное в тайге Западной Сибири. Мог он отстать от группы потому, что ему захотелось обойти вон ту болотинку, мог удрать вперед, так как при гвалте, производимом группой, вообще вся живность убегала. В общем назвали мы его Тыманча, в честь юного героя тундры.

Где-то на шестой или седьмой день пути остановились мы около среднего заломчика, осмотрелись - можно просто прорубиться и провести байдарки поверху. Время обеденное, коса белого сибирского песка, девственная чистота и, главное, мощные заросли смородины определили стоянку. В хорошо сработавшей группе все делается слаженно, быстро и споро. Тыманча начал прорубать проход в заломе и скоро перетаскил свою байдарку. Дежурные принялись готовить нехитрый обед. Мне же дела просто не нашлось и, очарованный крупной ягодой, я углубился в заросли со свободным ведерком. С реки задувал ветерок, и гнус не донимал. Побродив немного, я быстро набрал половину ведерка переспевавшей смородины, нашел несколько сочных груздей, один подберезовик, вволю наелся и собрался, было уже к костру, как вдруг услышал хруст сломанного сучка. В тайге ничего не бывает просто так. Никто не крикнет просто так, не сломается сам по себе сучок, не плеснет вода. Имея приличный опыт таежных странствий, я осмотрелся, выбрал старый пенёк среди зарослей и, осторожно, как мог, взобрался на него. Смородина вымахала выше моего роста, сейчас же я возвышался над ней по плечи. Немного погодя снова хрустнула ветка на земле, затем шагах в пятнадцати дернулись кусты. Сначала мне просто хотелось посмотреть, сейчас же я понял, что в кустах кто-то довольно серьезный, и лучше бы его не рассматривать на таком близком расстоянии. Но удрать незамеченным я уже не мог, а поскольку знал, что зверь всегда нападает на убегающего, решил ждать. Медленно, соблюдая все предосторожности, заменил в стволах дробовые патроны на пулевые, снял с предохранителя... сомнений уже быть не могло, это медведь. Только он мог, сгибая ветки лакомиться смородиной, да и по габаритам не похоже было на лося. Медленно, но неотвратимо приближались подергивания кустов, напряжение возрастало. На восьми шагах кто-то сопел, чмокал, нагибал ветки и... оставался невидимым! Я понял - мирно нам не разойтись. Мушка чуть подрагивала, я ждал. Выстрел должен быть

единственным и последним, если промажу - для меня. В пяти шагах куст смородины поплыл в сторону, нагибаясь все ниже... из-за веток показалась сосредоточенная физиономия Тыманчи?! Он бросил в рот полную горсть крупных ягод и, потянувшись к ветке, поднял глаза. Я не знаю, каково это, увидеть в пяти шагах направленные тебе в лоб стволы, но я видел его глаза! После он утверждал, что был приятно удивлен.

Мы сидели под пеньком и дружно молчали. Дежурный уже раза три прокричал, что в ведре ни чего не осталось.

- Ну и как же ты сюда попал?

- Как река петлю делает, байдарка-то моя вот, в пяти шагах привязана. Слышу - говорите, ну, думаю, обед уже готов...

- Да, навалая бы я сейчас мяса к обеду... пошли, где-то ведро тут еще, не забыть бы, да не так быстро, ноги что-то не идут, трясутся.

КОНЧИЛАСЬ ЛЮБОВЬ...

А приходилось ли вам бывать на севере Челябинской области? Выйдя из поезда на станции Силач, и пройдя семь километров в сторону озера Аракуль, вы сможете увидеть изумительные изваяния из камня - Аракульскую грядку. Я, наверное, счастливый человек, потому, что мне довелось побывать на той гряде пять раз. Ходили мы туда и летом, в самую комариную пору, и весной, и зимой. Само озеро, гряда и увалы Вишневых гор, далеко просматривающиеся с Шихан Камня, стоят того, чтобы сходить туда еще.

В то время я работал в школе преподавателем физкультуры. Был, как и все физруки (не женатые) молод, красив, беспечен и наивен. Увлечение юности - страсть охотничья привела меня в общество любителей природы, неугоми-

мых бродяг - туристов. Надобно отметить, что туризм в нашем, как, наверное, и во многих других малых городах, начинается с учителей географии, потом передается их ученикам, коллегам, продолжается дальше, развивается, но подпитывается всегда оттуда. из школы. В нашей школе работала учительница географии, прекрасной души немолодая уже женщина, незамужняя, вся такая пухленькая, я бы сказал с хорошим избытком в весе. Она не являлась источником туризма в школе, не водила ребят в походы, не "балдела" от романтики полевой жизни, но в тот раз весьма круто и настойчиво увязалась с нашей компанией в поход на озеро Аракуль.

Вагоны, гитары, песни, об этом написано уже столько, что не стоит повторяться. Стоит только заметить, что гитара сама по себе уже является источником вдохновения, а вот гитара с шампанским... это вдохновение в квадрате. Наверное, я перестарался в этом самом вдохновении, и наша пухленькая географичка стала вдруг оказывать мне весьма недвусмысленные знаки внимания. Поход дело святое, зачем портить человеку настроение. Я отвечал ей предупредительностью и не дергался, когда она садилась рядом... наверное, ей это нравилось.

Когда подошли к краю гряды, очарование осеннего леса во всех его красках и дикость вековых выветриваний просто ошарашили нас. Сквозь желтую и зеленую листву проступали фантастические контуры чего-то неземного. Казалось, кто-то громадный и упорный насобирал этих валунов, и сложил их друг на друга по какому-то своему проекту, для какой-то своей цели. Некоторые громадины держались вообще непонятно на чем. Все это имело обтекаемые, причудливые космические формы. Издалека казалось, что над лесом возвышается хребет доисторического динозавра.

Оставив в лагере рюкзаки, мы поднялись на эти каменные глыбы и решили пройти всю гряду поверху. Вид на Вишневые горы изумлял. Хотелось бы сказать лучше, но в голове только одно: "... а вокруг голубая, голубая тайга..." Перепры-

гивая с камня на камень, осторожно продвигались вперед, удивляясь мастерству природы. В отдельных местах идти приходилось по узенькому переиёйку, а слева и справа обрывы метров по пятьдесят. Женская половина группы вцеплялась в мужскую мертвой хваткой, мешая не то что двигаться, а просто стоять. Если учесть, что я с детства страшно боюсь высоты, можно представить какво приходилось. Но вот впереди три глыбы уложенные друг на друга. Обойти их невозможно, а между первой и второй узенькая нора, как проход дальше. Кто-то из ребят, привязав веревку к ноге, осторожно полез в неизвестное. Через несколько минут из норы послышался голос:

- Веревку я закрепил, лезайте по одному, здесь только на выходе аккуратней, я помогу.

Со страхом, визгом и смехом самые шустрые и тоненькие начали проскатызывать, подтягиваясь по веревке. Наверное, так бы все и проскользнули, если бы не присутствие людей выше средней упитанности. У моей коллеги стали округляться глаза, на лице появились признаки страха. Я пытался успокоить ее, объяснить, как нужно действовать, старался подбодрить.

- А что будет, если там застрянешь, - спросила она.

- Да ничего страшного, сбегает за взрывчаткой и взорвет эти камушки - ответил один из наших юмористов.

- Не нужно бояться, если что-то случится, нужно просто намотать веревку на руку, сказать ребятам на той стороне, и они вытянут - успокоили бывалые.

И она решилась! Застегнула свою голубую куртку на молнию, завязала плотнее платок и, нервно пыхтя, поползла в нору длина которой - метра четыре. Ободряющие голоса с той стороны прекратились потому, что она плотно закупорила отверстие. Мы же заинтересованно и с крайним напряжением заглядывали в каменный проход и желали всего самого лучшего. Сначала прекратилось пыхтение, затем перестали

скрести кеды по камню... затем с той стороны послышался крик:

- Она застряла! Она не отвечает!

Вы можете себе представить, что вы на высоте пятидесяти метров от земли застряли в каменюке, толщина которого превышает пять метров в ширину и немногим меньше в высоту, а там, сверху, лежат, Бог знает каким образом, еще два таких же каменюки. Что раздолбить эти природные создания практически невозможно, кроме как взорвать. Да. И что тогда с вами станет? Да еще за взрывчаткой куда-то нужно бежать... кто-то ее и приготовил. В такой ситуации даже опытный скаюлаз начнет нервничать, что уж там говорить об интеллигентной женщине выше средней упитанности. А случилось самое неприятное. Наша беспечность позволила запустить в каменный проход абсолютно неподготовленного и непроинструктированного человека. и она поступила так, как не нужно поступать ни в коем случае: она сделала попытку вылезти обратно, назад. Вот тут-то и завернулась ее голубая куртка на том месте, где должна быть талия, и заклинила беднягу довольно крепко. Мы же ничего не понимали и не могли с ней говорить, а на той стороне оказались только самые шустрые и тоненькие, то есть не очень опытные. Минут через пятнадцать один из самых шустрых каким-то образом забрался на второй валун и смог передавать нам ход событий с той стороны.

- Она там заклинилась, сначала сопела, а сейчас уже кричит и ревет - порадовал он - она лезет к вам. обратно.

- Успокойте ее, поговорите о чем-нибудь постороннем, отвлеките, скажите, что мы сейчас попробуем проверить ее состояние отсюда - скомандовали ниши авторитеты, знающие, что делать в таких случаях.

- Ну, что, - обратился ко мне командир нашего похода - лезай, попробуй прощупать твою пассивность и расклинить, если это возможно, руки у тебя длинные, должно получиться.

- Она не понимает ничего, визжит, как ее успокоить? -
Спросили с той стороны.

- Скажите ей, что мы сейчас ее вытаскивать будем, пусть не шевелится.

Короче говоря, снял я с себя все лишнее и полез в проход. В крошечной темноте поймал ногу. Нога немного подергалась, потом замерла. Я поймал вторую, отодвинул их к стенке, похлопал, погладил и стал, перебираясь руками, продвигаться дальше. Вот уже ноги на уровне груди... мелкая дрожь говорила о состоянии потерпевшей. Я шарил в темноте руками, упорно продвигаясь дальше. Одной рукой, исследовав мощный и мягкий зад, вдоль спины, начал дотягиваться до плотного жгута из куртки. А вот вторая рука никак не могла принять нужного положения. Уперевшись головой в "пятую точку" бедной женщины, я попытался извлечь вторую руку, и видно ухватил ее за самую промежность. В тот же миг получил короткий и точный удар пяткой в собственную промежность. Знаете ли вы, что такое получить удар в самое болезненное место мужику? Это же дыхание перехватывает и скрючивает всего! А ежели ваша физиономия впечатана в чужую задницу? А ежели дышать и как не чем? Короче моя попытка скрючиться от удара привела к повторному движению рукой и как следствие к повторному удару в то же самое место! Я понял, что скоро нужно будет вытаскивать уже двоих. Выдернув левую руку, я уперся ей в мягкий зад и из последних сил оттолкнулся, пытаясь выскользнуть обратно. Естественно и правая рука уперлась в промежность страдальницы и тоже сделала рывок. Мое тело выскользнуло обратно наполовину, но! Тут ее нога среагировала на недозволенное прикосновение (по ее мнению) и я получил еще один "прицельный" удар в правый глаз. Брызнул яркий свет в нашем подземелье! Брызнул так, что даже сейчас мне становится невыносимо страшно и непонятно, почему не загорелась одежда от того снопа искр.

Я сидел на камне и судорожно тряс головой, восстанавливая дыхание. Глаз довольно быстро заплывал пока еще розоватым наливом.

- Ну чего вы там делаете, она уже орать перестала - порадовали более тонкие и шустрые.

Получив от меня информацию о событиях, более опытные наши товарищи передернули веревку, взяли конец с той стороны, и на ней каким-то мудрым способом доставили туда самого авторитетного и сведущего.

К тому времени, как проход освободился, мой правый глаз уже ничего не видел. Потом рассказывали, что успокаивали бедняжку в норе минут сорок, пока она начала воспринимать слова. Затем ее привязали за руки и общими силами выволокли на ту сторону. Понадобилось еще около часа, пока она пришла в себя и сказала, что дальше не пойдет, и мы должны вернуть ее обратно!?! Еще через полчаса до нас дошло, что обратно можно только через ту же нору! Затем ребята пробежали всю гряду и убедили ее, что впереди такого страха больше нет. Вот только после этого, на всервочной обвязке, со страховкой с двух сторон, ее повели дальше...

Чарующий свет костра отражался в светлой воде Аракуля (Слезы озера). причудливые очертания Шихан Камня делали фантастичным звездное небо. Молодой, красивый и неунывающий преподаватель физкультуры, с огромным лиловым фингалом вместо правого глаза, пел под гитару песню о романтике дальних странствий, о светлой любви и верности. Отдельно от компании, у кромки воды, сидела нахохлившись симпатичная женщина средних лет, выше средней упитанности...

ПАЛОЧКИ.

Весной шестьдесят восьмого года свела меня судьба на туристских тропях Северного Урала с группой омичей, да так плотно свела, что от Тулайки до Конжаковского камня вместе пришлось протоптать. Так бы вроде и ничего особенного, ну встретились молодые здоровые люди, ну прошли вместе полторы сотни километров по уральской гайге. Но встретились две школы туризма, вот в чем заковыка. Нас и в областном-то клубе называли представителями жесткой школы Артемовского туризма?! Такова была заслуга нашего предводителя М. Владимирова, а уж в слухах по всей стране мы выглядели не менее как скифами или гуннами. Много интересного осталось в памяти от того похода, от неповторимой группы - четыре парня и девушка - командир.

Они делали свою "тройку" (маршрут третьей категории сложности) по экзотическому для них Уралу. Для степняков Уральский хребет, да еще с разлапами майских снежников, действительно казался чудом. Наверное, не меньшим чудом был и я - примкнувший к ним в силу обстоятельств местный парняка, метр восемьдесят ростом, с рюкзаком в тридцать пять килограммов и почти игрушечной берданкой тридцать второго калибра на шею. Наши две группы от Тулайки уходили на железную дорогу, а мне, как изъявившему желание командиру одной из групп, выпала возможность сделать полный траверз от Денежкина до Конжаковского камня. Вообще туристы народ коммуникабельный, сходятся быстро, но зато присматриваются внимательно, да и проверяют друг друга по-своему. Проверки начались сразу же. Просто утром встали и пошли, ежели бы я просто пошел следом, промолчал, потерял бы очень много. Но не зря видно была за нами такая слава, что-то толкнуло меня подать голос:

- Эй, ребяташки. не вижу порядка в группе.

- ?!

- Так мне что общественный груз не доверяете? Я же в группе новый человек, и должен долю свою волочь.

Все остановились, переглянулись, и я четко понял, они просто ждали, что я сделаю. С облегчением уразумел - первый этап проверки пройден. Это потом, после купания в ледяном ручье, когда Витя немного приболеет, и в мой рюкзак перекочет почти весь груз из его рюкзака, все будет как бы само собой, как будто так и надо, а сейчас... А дальше началась "ишачка", это значит пешком, по колено в снегу с горки на горку, да каждый день. Говорят что туристы - таежники много видят?! Вот положите на свою спину эти килограммы, какая получится поза. походите с часик, а потом попробуйте посмотреть на макушку телеграфного столба, тогда поймете.

Так вот от реки Вагра, заброшенного поселка геологов или старателей Тулайки, и начался наш совместный путь вдоль главного уральского хребта до самого Конжаковского камня и Кытлыма. Путь на юг по девственному снегу уральской тайги конечно красив и приятен, когда ты наблюдаешь его на экране телевизора, а вообще-то через пару часов начинаешь упорно размышлять, почему же это не проложили здесь дорогу, или не проехал хоть кто-нибудь, и чем-нибудь ни притоптал этот сыпучий и мокрый снег. И вот - чудо! Как по заказу, проехал-таки кто-то на тягаче, протоптал для нас дорожку! Знаете как это здорово, получить совершенно неожиданный подарок в виде крепкой тверди под ногами. Весело зашагали мы почти в нужном направлении. Надобно отметить, что дилеганты среди нас отсутствовали, и каждый понимал - нужно идти строго по азимуту, что бы попасть в распадок между двумя горками Хозмером и Ольвинским камнем. Распадок этот всего-то полтора километра, так, не распадок - понижение рельефа, а вот до него пятнадцать верст. Угол довольно малюсенький, а след как-то все норовил увлечь нас на запад. Есть в народе такое выражение: "лешак водит", вот, я думаю, он самый нас и повел по следку, да так повел - вовсе здравый смысл потеряли. В общем к вечеру вышли мы меж-

ду двумя горками, перевалили верхнюю точку и остановились на ночлег в хорошем лесу. Быстро организовали лагерь, поужинали и... как в омут. Вот одно из самых ярких впечатлений в походе - богатырский сон. После пятнадцати километрового броска вверх - в гору, да еще пары чашек макарон, да еще в двадцать с небольшим лет - даже девки не снятся! Утром быстренько собрались и в путь. Между двумя этими горками и должна начинаться река Ольва. По ней нам нужно спуститься до начала Конжаковского массива. Вот и пошли, весело так пошли, нет, пожалуй, сегодня можно сказать "лешак повел". В середине второго дня пути наша командирша начала как-то подозрительно часто поглядывать на компас, на солнце, оглядываться назад. Во время обеда я разложил свои карты и тоже стал разбираться в смутных еще подозрениях. Мне казалось, что Ольва забирает много западнее, чем должна бы. Дело еще осложнялось тем, что карт района реки Ваграны в областном совете по туризму мы не нашли. Ну, вот секретили тогда все от всех, а привязаться к местности после пробела в двадцать с лишним километров очень даже не просто. Так и отправились дальше, ни Наташа - командир омичей ничего не сказала, ни я не рискнул задать ей бестактный вопрос. К вечеру мы уже топали прямо на запад. У костра состоялся "военный совет".

- Мне кажется, мы идем не туда?

- Может аномалии магнитные, склонение не учитываем?

- Так солнце прямо перед носом садилось, какое уж тут склонение. Что-то мы напугали.

- Вроде бы по расстоянию уже Буртым должен быть, а тут какая-то низина пошла.

- Так леший же водит, наверное, вот и природа лешачья...

- Да перестань зубоскалить, не до этого!

- Ну, все, объявляю завтра дневку, нужно как-то определяться - поставила точку Наталья.

Слово командира - закон, иначе не бывает. Вяло стали устраиваться на ночлег. Опять разгорелся спор между степняками и таежником, то есть мной. Воспитанные в хроническом недостатке дров, ребята не рубили сухостой для костра даже на ночь. Они как-то умели обходиться маленькими палочками, которые ломали руками и постоянно подбрасывали в костер. Так вот и варили, постоянно ломая и подбрасывая сухие палочки. Я же, как настоящий (а может это только я так думал) таежник, на ночь останавливался всегда у сухого дерева, рубил его, разделявал на поленья и разводил "приличный" кострище. Конечно, долго, конечно много работы, зато можно было хорошо высушиться, погреться и, мало ли еще чего. Они же постоянно подтрунивали надо мной, называли меня глупым бульдозером. Потом заспорили по настоящему (уже под конец маршрута), и оказалось, что по времени все равно выходило одинаково, вся разница получалась в моей мокрой спине.

Ночью все ворочались, каждый переживал непонятное наше положение по-своему. Утро не принесло облегчения. Поняли, что окончательно заплутали, что проводника взять нигде, нужно что-то предпринимать. Степняки предлагали вернуться по своему следу до места последней "привязки" то есть километров двадцать пять - двадцать восемь обратно. Тогда вставал вопрос - хватит ли продуктов чтобы завершить маршрут. Часам к одиннадцати я предложил залезть на большое дерево и определиться по рельефу. Посмотрели на меня все как-то странно, но согласились. Долго я объяснял, что с детства боюсь высоты и потому лезть на дерево не могу - с трудом, но поверили.

- Значит так. Витя, бери компас, бумажку а не карту, залезай на кедр и запиши азимуты всех гольцов, которые увидишь, постарайся точнее засечь, затем найди самый ближний по расстоянию голец и молча слезай. Потом Риф повторит эту же операцию.

- А мне-то зачем еще туда лазить?

- Потом поймешь, так меня учили, главное у вас должна быть своя, не согласованная информация, потом проверим и вычислим средние величины.

С уважением посмотрели на меня парни, я даже сам себе понравился. Минут через сорок Виктор был уже на земле, отдал мне свои записи, и с ехидством давал Рифу советы, на каком расстоянии от ствола держать "пятую точку". В итоге получилось, что ближайший голец находится в двух - трех километрах, всего же таковых засечено восемь штук.

- Ну и что сейчас?

- А сейчас я пойду искать этот ближний голец и с него попробую определиться, где мы находимся.

- Один пойдешь? Не нужно по одному-то.

- Как вы же на дерево не втроем лазили.

Конечно, в тайге лучше бы не ходить по одному, я это понимал, но уж очень хотелось покрасоваться, да и без советчиков в таком деле удобнее. Около четырех часов дня я уж сидел на камнях возвышающейся над бескрайней тайгой горки. Теоретически я помнил, что нужно делать, но практики не было никакой. Сидел и рассуждал: бесспорно одно - я сижу на возвышении, на карте явно просматриваются две гряды гольцов и три отдельных в сторонке. Предположим, что я вот на этом "пупке", тогда по азимутам, записанным ребятами... и начинал чертить азимуты. Получалось, что я должен сидеть в низине. Тогда предположим. Что я вот на этой горочке... часа через два, все указанные азимуты наконец-то сошлись на одном из гольцов!! Господи! Получалось, что мы идем по руслу реки Пожвы а не Ольвы. Увлечшись следом тягача, мы промазали и вышли к подножию не Ольвинского Камня, а Хозмера. Сейчас вот я только обратил внимание, что Ольва и Пожва абсолютно одинаково начинаются, а потом одна идет на юг, а вторая на запад. Сумерки приближались довольно быстро, и я наскоро повторно проделал всю операцию с каждой видимой горочкой. Результат получился точно такой же. Уже в полной темноте, устало ступая в свои следы, я шел к

лагерю, когда услышал треск впереди. Очень отчетливо вспомнил, что в мае медведи встают из берлог, это уж точно, нельзя одному ходить, это уж правильно, берданка тридцать второго калибра не очень надежная штука, это уж определенно... встал под мохнатую ель, приготовил свою берданку...

- По следам-то все равно найдем... только бы вот еще тащить не пришлось... здоровый же он черт...

- Зачем тащить, заройте его в снег, не протухнет - вставил я свое мнение в этот монолог.

Мне показалось, что главная радость ребят - я топаю своими ногами. Они пошли меня встречать, решили, что я повредил ногу, так как уже темно, а меня все еще нет.

- Ну? - не выдержала Наталья.

Я зажег свичку и ткнул пальцем в карту.

Если бы мне кто-то рассказал, что можно за один день, без обеда, перевалить через гряды Хозмера, Ольвинский Камень, и выйти на границу леса, всего сделав более сорока километров с рюкзаками в тридцать пять килограммов - я бы не поверил, ни за что! Но мы сделали это на следующий день. Такой был подъем в душе, такое облегчение, от того, что определились. Там же до самой Перми можно топать, и еще дальше, по этой Пожве... По колено в ледяной воде, по пояс в снегу, с хрипом и матом, крадче от Натальи, через буреломы, камешки и провалы. Одержимость какая-то.

А вот ночевка получилась вообще самоубийственная. С Ольвинского камня спустились на последних силенках. На границе леса омичи соорудили свой мини костер, сварили рисовую кашу, я нарубил лапника, навалил кучу на могучие корни кедра, под которыми явственно побулькивала вода. Горячая каша, да еще двойная порция расслабили нас настолько, что ни у кого не осталось сил поставить палатку.

- Да постелем ее на ветках и все, хватит места...

Так и поступили. Привязали палатку за кедр, расстелили на ветках, запахали спальники, влезли в них и - провал в небытие. Сегодня, сидя за столом, я, конечно, понимаю, что

так вот нельзя делать ни в коем случае. Мы же настолько устали, что даже ветки не выравнили.

Проснулся я от того, что страшно замерз один бок. Открыл глаза - темнота, лицо закрыто палаткой. Правый бок заледенел, попробовал пошевелиться - бесполезно, зажат как в тисках! Понял, что правый бок в воде, в талой воде... а слева на меня накатились все четверо моих друзей. Повернул голову - подбородок коснулся воды. Ужас! Стал звать ребят - бесполезно, начал орать во все горло, попытался повернуться - палатка поползла еще дальше в воду. От моего крика (а, может, я просто хрипел) никто не просыпался. Вы знаете, что такое страх? Мне приходилось встречаться с медведем нос к носу на расстоянии метра. Это, конечно, было страшно, но уже потом, когда я стрелой летел по тропе. А здесь - руки по швам, наполовину в воде, никто не слышит, сверху давят - отступить, в общем, некуда. Мысль в таких случаях работает почему-то очень четко и очень быстро. Я пока что мог пошевелить только пальцами правой руки, на левой руке кто-то лежал. Вот и сработала моя привычка не снимать нож на ночь - пальцами нащупал на боку ножны. Как никогда ярко вспыхнула физиономия знакомого кержака и его слова:

- Нож на поясе - ты человек, ты выживешь где угодно. Нож на поясе - жизнь.

И я начал медленно вырывать руку из плена, добираться пальцами до рукоятки, и еще один мой недостаток сработал в то утро - у меня всегда были ножны мягкие, из кожи, что, в общем-то, запрещается по технике безопасности. Трудно сказать, сколько времени мне понадобилось для того, чтобы хорошо ухватиться за нож и прорезать и ножны и спальник и палатку. Но когда послышался треск палаточной ткани, я понял, что на том свете, наверное, большая очередь и в рай и в ад, им просто не до меня сегодня!!

Я сидел у костра и смотрел, как Виктор медленно сползает в воду, прямо задним местом в дыру, которую я прорезал в палатке. Его спальник в полосочку бугрился мощ-

ной задницей, и уже начинал булькать. Они не проснулись даже тогда, когда я рубил дрова, брякал посудой. Через полчаса он заворочался, потом замычал, наверное, ему тоже казалось, что он кричит во все горло. Начала пригорать вчерашняя каша - редкий случай, когда в походе не досели кашу, и я вспомнил, как они меня проверяли на первом обеде. Каши сварили много. Каждый съел свою порцию, спросили кому нужно добавки - я взял еще один ковш (заменяющий в походе и чашку и кружку и сковороду), оказалось, что еще много остается, а выбрасывать жалко. Тогда я умел еще один ковш. Наливаю себе чаю и смотрю - они все на меня уставились...

- Вы ч-чего?

- Эт-то ты всегда так... жрешь?

- Да нет, когда дают, тогда и так вот... - потом понял и расхохотался - да вы ребята не бойтесь, варите нормально, я обычно ем не больше любого из вас, но умею и про запас.

Сейчас, когда пишешь в теплой комнате, после сытного ужина, сам себе кажешься таким супер героем... а тогда, наверное, моя физиономия была красненькой от стыда. Но стыд в походе тоже понятие относительное. Уже спустившись от границы леса к реке, после скудного обеда, начали понимать, что тайга не прощает буквально ничего. В животе настойчиво урчал вчерашний грех – брусника перезимок. Дело в том, что когда мы поднялись на Ольвинский камень, перед нами раскинулась моховая поляница, вся усыпанная перезимовавшей брусникой. И такая была она бордовая, сочная, аппетитная... в общем, повалились мы на эту поляну и за обе щеки уплетали ягоды, покуда челюсти не свело. Понимали, что не следует этого делать, понимали, что должно получиться, но уплетали. Для людей несведущих поясню, что брусника - перезимок есть наипервейшее слабительное. Сорви ее, да с чаем... ну а так вот, как мы?! Снег в колено. Идем одной тропой. Как приспичивает - шаг в сторону и ждешь, покуда все пройдут, а потом еле успеваешь штанишки сдернуть. Не успеешь группу догнать, смотришь уже следующий стоит с

круглыми глазами. Да еще же Наташка... ну через часик она осталась далеко позади с наказом не наступать на "мины". Правда, долго пришлось ее убеждать, что медведи - шатуны не едят людей, когда последние в таком состоянии. Однако, тайга калечит, но гайга и лечит. К ужину подошли к руслу реки, надрали черемуховой коры... ох какой вкусный чай из черемуховой коры! Да еще в течении трех дней ни одной "мины" по следу.

Медленные, трудные километры оставались позади, легчали рюкзаки, веселели люди. Как-то сразу открылся Буртым. Вот когда выходишь на него с севера, сразу понимаешь, какие здесь прошли ледники. Видели ли вы когда-нибудь гору грунта, нагребеную бульдозером? Вот точно так и выглядит Буртым, только в несколько тысяч раз больше. Вот тут-то и начинаешь понимать, какие силы природы свирепствовали здесь много столетий назад, начинаешь чувствовать себя таким маленьким, даже малюсеньким. А вот за Буртым мы ой как почувствовали еще и какие же мы варвары! Тайга вдруг просветлела и перед нами открылась площадь квартала в четыре, это около шестнадцати квадратных километров срубленного леса... срубленного и не взятого. Не вывезенного! Даже не очищенного от сучьев. Шок был настолько силен, что около часа просидели мы на кромке этого преступления. Пройти по этому варварскому бурелому, нет, я бы сказал дуролому, даже и не пытались, пришлось делать крюк. До сих пор не покидает меня вопрос без ответа: кто и зачем сотворил такое? Где он сейчас? Как он живет-то после этого?

Уже четко слышался рев Северного Иова. Есть такая неприметная летом речка, которая становится ревущим потоком весной. За Иовом возвышался Конжаковский массив. Даже страшно подумать, что нам предстоит перевалить это дикое нагромождение обомшелого камня. Синие вершины в снежниках, тяжелые темные тучи, лохмотья тумана... но упряма порода людская, которую что-то постоянно гонит и гонит вперед.

Заночевали на границе леса. Ночью пошел дождь, затем подморозило. Утром палатки походили на сооружения из кровельного железа. Здесь уж и степнякам пришлось валить сухостой до поту. Просушив палатки и все остальное, что нужно укладывать в рюкзаки, двинулись вперед. И начался самый опасный переход. Обледенелые ватуны совсем не страшны, когда нет необходимости на них карабкаться, а тропочку-то никто для нас не протоптал, песочком не посыпал. Когда Риф вдруг, взмахнув руками, полетел кувырком с такого "камешка" я просто закрыл глаза. Но, как говорится, не судьба! Набили мы там синяков да шишек, чуть не забрели в тумане в провалы Серебрянского камня, но на перевал к обеду вышли. Вообще-то, нужно бы переждать гололед, нельзя ходить в горы в такую "склизь", но... когда тебе двадцать с небольшим... когда в твоих мускулах намного больше вещества, нежели в голове, когда еще жизнь не ткнула тебя мордочкой в предел твоих возможностей - все кажется простым и преодолимым. Повезло нам, конечно, что никто ни руки ни ноги не сломал, крупно повезло. Спускались уже снова под дождем. Впереди Кытлым.

ПРО ЛАТЫША.

На областные соревнования в город Нижний Тагил собирались сумбурно. Положение о соревнованиях почта доставила, что называется, "под занавес", поэтому, нормальную команду собрать, просто не успели. Зачет производился по трем лучшим результатам и по три участника у нас имелось и в мужской и в женской командах, а вот четвертых искали "быстро, но долго". Уже в поезде попытались натаскать липовых ориентировщиков и поняли, что "не до жиру". Решение руководитель команды принял такое:

- Ты, Сима, главное - не заблудись. Пристройся к какой-нибудь группе и шлепай себе сзади, что они будут делать, то и ты повторяй. Девчонки все равно в стада собьются, как всегда, только одна в лесу не оставайся. Ну а ты, Николай, парень почти деревенский, значит, в лесу не пропадешь. Поэтому будешь у нас отвлекающим. Главное, как можно меньше говори. Вообще мало говори, а на вопросы - улыбайся.

- На какие вопросы? - Спросил Колька.

- Я уж постараюсь, чтобы они были разные - ответил наш неповторимый командор.

- Девчонки, соберите все самые модные тряпки и свешаете на него, нарядите так, чтобы за версту импортом несло!

Потом они о чем-то долго говорили, махали руками, спорили.

Сентябрьское теплое утро распянуло юристую местность в окрестностях Нижнего Тагила, как в сказке. Какое-то очарование, я бы сказал, наваждение, есть в бабьем лете. Природа как бы успевает выдать всему живому остатки тепла, света и красок перед долгой выюжной зимой. Большая поляна гудела молодыми голосами. Эти слеты всегда приносили массу встреч, походы к тому времени в основном заканчивались, и у каждого находилось, чем поделиться с друзьями. А друзей - весь Союз!

Судейская бригада уже разложила на столах все нужные и ненужные бумажки, и по рации опрашивала контролеров. До старта оставалось минут сорок. Из общей массы народа вдруг вырвался рослый, статный парень и, как бы разминаясь, резко побежал в подъем. Бежал, играя, словно радовался тому, что у него избыток силы и стати. Мы невольно залюбовались этим красавцем. Да кто же это? Наши уральцы так не одевались. А он словно из сказки "Серебряное копытце" взлетел на горку, покрасовался, выполнил какое-то замысловатое упражнение, сжал ноги вместе и закрытал вниз, к изумленной публике. Прыжки все увеличивались, резко ме-

нялось направление, казалось он. и земли-то вовсе не касался. Гул на поляне затих. Все смотрели на эту сумасшедшую серию прыжков, затаив дыхание. А парень допрыгал до нас и вдруг с высокого прыжка сразу на руки и головокружительный кульбит! И перед нами предстал счастливый Колька. От неожиданности мы разинули рты. На шее нашего "ориентировщика" красовался яркий шелковый платок, какая-то еще нестерпимо желтая тряпица и... чудо того времени - германский жидкостной компас! Японский ластик васильковой голубизной обтягивал его мощное, красивое тело, старенькие кеды ослепительно белели на жухлой траве, черт-те чем набеленные. Он улыбался нам, довольный произведенным эффектом и, отойдя к валежине, начал отжиматься.

- Миша, это что за чудо? - Спросил наш старый знакомый Борис Сергеевич - заместитель главного судьи.

Ответ нашего командора ошаршил всех еще больше:

- Да, взял вот, личником побежит пока... кандидат в мастера, из Латвии приехал на завод недавно, по распределению.

- Тридцать пять! Тридцать шесть! - Хором считала толпа Колькины жимы. А он старался во всю, поблескивая свесившимся с шеи германским компасом. Затем, побегав еще немного, улегся на услужливо подстеленный кем-то плащ и задрал ноги на рюкзак. Галка вдруг достала какой-то пузырек и начала массировать ему ноги, поливая на ладонь загадочную жидкость. Общество было крепко взбудоражено.

- КМС. КМС из Латвии - слышалось везде.

- А вы в Ярославле на первенстве Союза не бежали? - Крутились вокруг Кольки какие-то девчонки.

Галка зыркала на них пантерой, а наш герой застенчиво улыбался и молчал...

- Номера первый, шестой, двенадцатый на старт! - Вдруг рявкнули динамики.

Соревнования начались. Ребята из трех команд сразу получали карты и, отбежав метров на пятьдесят, принимались

их внимательно изучать, затем по одному резко исчезали в молодом сосняке. Вот и из нашей команды двое ушли.

Колька стартовал третьим. Когда он получил карту, у сосняка собралась группа человек в пятнадцать. Все делали вид, что работают с картами. Нап липовый латыш взял карту, бегло глянул на нее, буквально одним глазом, посмотрел на солнце... на старте воцарилась гробовая тишина. Более двух сотен человек смотрели, как стартует КМС, а он вдруг стрелой полетел в ту сторону, куда убегали и все. Кучка "изучавших карты" молча ринулась за ним.

Это была гонка! Колька летел как лось, а бегать он и, правда, умел. Миша успел где-то узнать, что первый КП - контрольный пункт, который и нужно собственно найти в этих соревнованиях - находился почти на пересечении просек и проинструментированный "латыш" смело и целеустремленно махал через все буераки. Толпа преследователей не отставала, растянувшись по просеке. На пересечении просек Колька сходу пошел на круг, он часто поступал так, когда терял заячий след на охоте, и... о чудо! Вот и КП! Отмечая карту, он вдруг огорошил контролера:

- Как на второй КП вернее попасть?

- По просеке... и вправо тропочка, возле камня, прямо... туда... - от неожиданности разболтал «военную тайну» парнишка.

Толпа преследователей рвала друг у друга цветные карандаши, которыми нужно делать отметки в карте.

- Догоняйтесь, соколышки - крикнул "под прибалта" Колька и замахал по просеке до камня.

Камень он проскочил метров на сто, круто повернул назад и буквально врезался в кучу преследователей. Их набралось уже около двадцати человек. На всех подобных соревнованиях новички, которые посильней, а в карте не понимают ни бельмеса, всегда "присасываются" так вот к опытному ориентировщику и как бы "едут" на нем до последнего КП, а там у кого ноги крепче, тот и первый на финише.

- Э-э-э-э! Ты куда, латыш!?! - Заорали они.

- Домой! - Рывкнул Колька и поддал вдоль просеки обратно.

Вот и камснь, а вот и тропка. Он побежал по ней, размышляя, соврал контролер или нет. Метров через гриста толпа догнала его. Парни, зло переругиваясь, толкались на тропе, дышали в спину. Километра через два, на маленькой полянке увидел призму - опознавательный знак КП и контролера. Сзади одобрительно загудели. Он отступил в сторону и смотрел, как ребята делали отметки в картах. Свою отметил последним. Никто никуда не бежал. Колька тоже не бежал, он просто не знал, куда бежать. Человек двадцать - тридцать парней смотрели на него и молчали. Они ждали, готовились снова ринуться за лидером, который, вовсе не глядя в карту, махом нашел два КП.

- Ну что, юноши, - как мог вежливей спросил Колька - куда думаете дальше направиться? Вот вы - подошел он к рыжему, долговязому парню

- Так щас, сориентируемся - бодро ответил тот и вперил взгляд в карту, приложив к ней компас - вон туда надо, до гольца, наверное...

- А вы как думаете? - Спросил Колька второго.

Черноглазый крепыш подозрительно глянул на "латыша":

- Ты что, экзамен решил у нас принимать, думаешь на Урале дубаки одни? Сам-то голец найдешь? А вообще лучше просекой, до болотца нужно, оттуда должно быть видно голец-то.

- Умный, по злой - сказал ему Колька - побежали до болота, раз уж ты так решил.

И они побежали, а за ними все остальные. Третий КП парнишка нашел медленно, но уверенно. Оставалось еще семь, запрятанных среди просек, гольцов и болотин контрольных пунктов вместе с контролерами. Колька знал, что ему их никогда не разыскать, он уже вдвое перевыполнил на-

ставления командора по... прорезался азарт соревнований! И он, так легко нашедший три КП, решил искать четвертый. Быстро сделав отметку, потихонечку шагнул за куст, пригнулся и побежал в сторону. Оторвавшись метров на сто, остановился и стал медленно, неумело ориентировать карту.

- Ну, и дальше что? - Спокойно спросили сзади.

Колька вздрогнул от неожиданности, так увлекся. За спиной стоял тот, коренастый парнишка и внимательно смотрел прямо в глаза.

- Да вот, смотрю, как дешево обойдется...

- Вот они догонят, так дешево не будет - кивнул парень головой в сторону КП и, круго повернувшись, исчез в лесу.

- Ну, если один понял, поймут и остальные - решил для себя липовый латыш и почесал затылок.

- Витька, он куда делся, этот КМС - то? - Кричали совсем рядом.

И он побежал. Просто побежал потому, что погода отличная, бежалось легко и радостно, да и все равно пора и честь знать. Судя по солнцу место старта оставалось слева, но там гудела и толпа, и он решил сделать крюк вправо, обойти их, и спокойно вернуться.

- Вот он! Я его вижу!! - Загремело по всему лесу, и началась захватывающая погоня.

Колька летел, как на крыльях, забирая все правей, а толпа не хотела терять лидера. Они уверовали в этого "латыша" и рассчитывали "ехать" на нем до самого финиша. У них просто не оставалось уже другого выхода. Более трех километров продолжалась эта гонка. Преследователи догоняли, отставали и снова догоняли его, они бежали цепью, и что-то жуткое угадывалось в этом неотвратимо надвигающемся го-моне. И вдруг Колька вылетел на четвертое КП?! Встал от неожиданности. Медведь с аккордеоном удивил бы его сейчас меньше.

- Судьба - решил он и закричал, кривляясь - э-э-эй со-колькоки, быстро, быстро! - А сам, даже не отметив карты, дал такого деру, что контролер вытаращил глаза от неожиданности.

До финиша около пяти километров. Стоило ему только появиться на просеке или открытом месте, как сразу же началось преследование. Найти все контрольные пункты оказалось и вправду нелегко, и очень многие участники просто плутали рядом с ними, но "латыш" для всех казался звездой.

- Уж он-то точно нашел все до одного и вот чешет как угорелый - думал каждый.

Бежать оставалось еще около полутора километров, когда вконец измотанный Колька плюхнулся на траву, чтобы немного отдышаться. Сердце колотилось на пределе. Гудели ноги, пот заливал глаза. Вот сейчас он начинал понимать, что чувствует заяц, когда его гоняют две-три хорошие собаки.

- Слушай, латыш! - Выстрелом грохнуло над головой - как девятое КП искать?

Колька от неожиданности вскочил.

- А я чего там был что ли!? - рявкнул в ответ с перепугу и, не дожидаясь пока эти трое придут в себя, без зазрения дал деру.

Па всернем построении участники и болельщики образовали мощное каре во всю поляну. В центре стоял столик, около него судья.

- Сегодняшний день принес неожиданный сюрприз - гремели динамики - собственно произведено ориентирование и... гонки за лидером в неизвестном направлении. Несколько участников, вместо того, чтобы искать контрольные пункты, ловили мифического мастера из далекой Латвии! Хорошо, что еще до Эстонии не добежали - доходчиво повествовал судья.

- Владимир, покажи своего липового латыша из деревни Паршино Аргемовского района, все-таки впервые человек на соревнованиях.

Ребята выталкивали вперед упиравшегося Кольку. Мощное каре грохотало могучим хохотом.

- В результате упорного преследования этого молодого человека, с соревнований снято шесть команд - продолжал судья - это значительно приблизило команду города Артемовского к призовому месту. Завтра в десять утра старт на полосе препятствий. Счастливо отдохнуть.

Закончился первый день соревнований.

**АРМИЯ - КАК ЭТАП
РАЗВИТИЯ**

БАСНИ.

День части праздновался ежегодно в конце октября месяца. В этом году - юбилейном, части исполнялось тридцать лет, в клубе подготовка просто гудела. И вот полный зал народу. Резко выделялись черные бушлаты арсенальцев, офицеры ослепляли галунами парадных мундиров. в общем, публики более чем... и замполит влез на трибуну. Доклад - непременно коллективное чтение замполитных измышлений, давал возможность поразмышлять и нам грешным. Кто хотел - внимательно слушал и размышлял о боевом пути нашего многострадального Глуховского, орденов Суворова и Богдана Хмельницкого, краснознаменного узла связи (а, как известно, связь награждают в последнюю очередь). Кто же имел другие ориентиры, мог и просто отглядеться, и задать себе несколько каверзных вопросов. Например: почему в сибирских лесах и матросы? Да потому, что кто-то решил, что арсеналы должны охранять непременно матросы!? Вот и служим рядом, а форма разная, но и срок службы тоже другой. Приедет такой вот "моряк" домой и... (а подписку с него о неразглашении взяли) вот и попробуй, наври за целых четыре года. Или вот почему бы к празднику не выдать по сто граммов "наркомовских"? Что наша страна бедней стала за последние десятилетия? Перед войной давали, ну, в войну - сам бог велел, но и после войны, в разруху находили для защитников... ведь все знают - пьют солдаты на свои три рубля, все пьют! Что, мораль блюдем? Так вот пусть замполит и не пьет, по праздникам особенно, вот это мораль... ну и так далее.

Закончился доклад, закончилось награждение и присвоение званий. Конечно, выглядело все очень здорово, жаль только, не было гражданской молодежи, вот агитация была бы в училище! Самым же гвоздем программы был конкурс на лучшего. Да, просто на лучшего, кто во что горазд. Много прошло народа на сцене. Приз наш командир объявил знат-

ный - двое суток увольнения. У матросов тоже командир объявил, но уже отпуск на Родину.

Выскочили матросики - шестеро и пошли "кренделяг" яблочко. Все как на подбор молодцы, один к одному. Да так все синхронно пляшут! Аж душа стонет... нет такого в нашей части, не умеем мы и все тут! Покорили, одним словом, всех.

- Ну, нет, матросики, не видать вам победы над гвардейцами!
- вдруг изрек сосед мой и приятель Васька Салимов.

- Библиотекаря на выход - заорал во всю мощь и пошел к дверям.

- Чегой-то с ним - спросили сзади.

Я недоуменно пожал плечами.

Минут через двадцать, а проще, через четыре номера, Васька появился на сцене с книжкою в руках.

- Таракон ваенный салтат и ваенный са свистой на паконе тоша, мая камантира скасала, шива матроса караша пилисала, и пирикасала тоша кансерта телать. Мая ни пилисала никакта, атнака Сайт Питровиц Кирлов пасня щитала, мамка квалил, пратка квалил, чичас тавай паслушай мала-мала.

Публика пораскрывала рты, такого говорка ни кто не ждал. Все знали, что Васька - татарин, но и все знали, что он от нас ничем не отличался, а тут...

- Агин рас аллах паслал па плату варонам кусоцик принса - продолжал меж тем Васька - варонам тура, залес на виркатура, ситит сапака на суцка и клюваит свая нака. Лисис пишит. Гута пишиг, апратна пишит, квастом икраит. Патпикаит: "страсите - каварит - таракон варон. пашалиста!" Варон пирет пиринса нака, клатет щюцка и атвицаит:

- Мараль сакател, та? Крен тине, кощишь пиринса ашарга, ити рапогай, сволащ!

Зал взорвался громом хохота и аплодисментов. Все это произошло настолько неожиданно, что произвело феноменальный успех. Васька же перевернул страницу и продолжал:

- Атин касяин тиршал повар. Кот Басика патиконька мяса таскай-таскай, касяин повар Банька матирком-словам

насывай и сапсим праканяй. Пазвал казяин повар Мустафа. Рапотай - каварит - танька платить стану, кушать как я путишь... Мустафа кукня пиришел. мясу решит. Кот Басика кушоцик кватай, мала-мала таскай и на Мустафа смотрит Тумаит как Банька акитировать станит. Мустафа паклитела и каварит:

- Басика, твая мясу кушала? Как азу телать путим? Мясы нсту, казяин кушать чиво станит?

Пирет Мустафа кот Басика за шкирка, решит иво атин яйшка, азу казяину телатит. Басика арет-арет, а все прапильна, казяина кушать ната.

Мнока атнака бирема прапшел, гот - тири мошит, Мустафа апать азу телатит. Ма-а-а-алинькая мяса втрук на пол пататит... Басика ка-а-ак пиригнит! Ка-а-ак мясу скватит! Ка-а-а-ак апратна пирикнит! Ка-а-ак на места палашит! Ситит, палетний яйшка ли-и-ишит... Канишна, есть марал в этаг скаска. Самая карошая метат васпитания ни русская слова-матирка, нет, вастошный мутрасть!

Гром хохота в зале залушил последние Васькины слова. Настолько неожиданна манера исполнения, оборот мысли, исполнение прямо с листа, что восторгу солдатскому не было предела. Командир части вытирал глаза платком. Его приятель - командир матросов сидел, опустив голову к коленям, обхватив живот руками, плечи его сотрясали конвульсии. Васька заметил это и продолжал:

- Ана канешна мнока кароший насня написала Сайт Питровищ, ана шисня снала! Кито кута катить дапшна, например. Канишна, камантира магросика на мая в кости ни пириитет, ана пайтет наша камантира. гак и ната! А вот как лисис на шуравель косити катила:

Каварит лисис шуравель, пайтем на твая косити, кушать путим, пипивать путиним... шуравель каварит: типе ната што ли? Прикати таракой Лисис пирикотит... пипивать сапратся! Шурапель на куплии каша палашил, сама длинный клюв са-суник - кушаит, патом каварит: чива, лисис? Пкусна, та? Так

и пакушали патиконька. Лисис итет тамой, слой как шайтан, ну, каварит, сволащъ, пирикати на мая косити, пипивать путим! Шурапель каниина какатал-какатал а косити пиришел. Та, пиришел! Лисис пирет каша вку-у-усный, билюдицка машит, тонинька мапшиит, масла клатет мала-мала, исыком ли-и-ишиг ситит! Ли-и-ишит. Шурапель сматрел-сматрел, тавай клювать. Как заклювант, как билюдицка клювам талпанет - талпанет, весь маска стрисла! Щигъри сернышка склювала, сапсим нашка шлюка стала.

"Нимаку - каварит - такая трянь кушать, нипкусна!" А лисис лишит та прикавариваит: "нищива таракой, нищива, маска тристи путишь, ум тапавлять путишь, сапугишь патла, как пкусный каша кушшин пирятать!"

Марат пасиня голшин быть? Путит! Сапливый та? Тинька нету, та? Никати камантира косити, свая пратка - салтата кати. На атин палуцка атин путилка, нината щушой купшин своя морта сувать.

Очередной взрыв хохота потряс солдатский клуб. Хотели все, кто даже в детстве не улыбался. Первые ряды бросились качать Ваську. Судя по реакции командира, приз Васька выиграл. Но с той поры солдаты в наказание ли, в благодарность ли, стали называть его Басика.

ДУРАК.

Занятия по медицинской подготовке проводил старшина сверхсрочной службы Вологотин. Почему-то этот вологодский мужик не пришелся нам "ко двору". Он подервенски окал, был такой нескладный, подчеркнuto-официальный. Говорили, что у него пять нашивок за ранения, он фронтовик... но у нас были другие запросы. В соседней роте занятия проводила симпатичная медичка, и мы ждали ее, как светлого пятна в серо-зеленой солдатской жизни.

Но судьба, в лице командования, распорядилась иначе. Мы упорно не желали осваивать технику бинтов и лангеток, а старшина медленной "сапой" вбивал в наши головы науку писаную кровью. Когда он, не выдержав, сам перебинтовал голову командиру отделения, до некоторых стало доходить...

- А ничего старшина-то, секег в деле затыкания дыр на теле - оценил мой товарищ курганец Толя.

- Да ну его, дубоголового, дурак - он и в Африке дурак - вяло отозвался я.

- Становись! - гаркнул старшина над самым ухом, я даже пригнулся от неожиданности.

Построились.

- На первый - второй рассчитайсь! Первые номера - раненные, вторые - зачет за неделю, кто не уложится в нормативы, продолжим в личное время

И пошло: ранение локтя - есть! Ранение головы - есть! Ранение бедра - есть! Очередь дошла до меня.

- Сколько тебе годков, гвардеец?

- Двадцать, товарищ гвардии старшина.

- Да, в двадцать у меня уже оба копыта прострелены были... конечно, ты образованный, умный, не то, что я - дурак. Но одно я тебе скажу, лет через двадцать сыну расскажешь, кто дураком был сегодня. Ранение правой половины левой ягодицы.

- Есть! Старшина, так это же...

- Вот в это самое твоего товарища и ранило, выполняйте!

Знаете ли вы, что такое забинтовать правую половину левой ягодицы? Смешно? А вы попробуйте! Представьте себе весенний день, яркое солнышко, кое-где еще и снежок лежит. Тепло, но не настолько чтобы лежать на тренажной скамье среди гарнизона с голой задницей. И не просто лежать, а терпеть, что кто-то возится, сопит над этой твоей задницей, постоянно перекладывая с места на место все твое мужицкое хозяйство. А бинты не закрепляются, вся повязка слазит, вот

уже и гимнастерка задрана до плеч, и штаны спущены до колен...

Все ребята давно курят и смотрят на этот бесшумный театр... советуют... ну что могут посоветовать тридцать человек солдат, мающиеся бездельем, да еще наперебой! А потом нужно смагивать бинты. Конечно, забинтовал кисть - разбинтовал кисть, одна - две катушки бинта, а на задницу-то их надо ровно тринадцать штук! В общем, не сдал я зачет старшине...

Личного времени у солдата в учебном подразделении всего-то полтора часа вечером. Ну а у того, кто не способен освоить какую-то часть военной науки, это время уходит на дополнительные занятия. Пришел-таки старшина в казарму вечером, не забыл...

- Ну, что, гвардеец, сам найдешь напарника, али подмогнуть?

- Да уж, наверно, вам лучше, товарищ гвардии старшина.

- Кто добровольно подставит правую половину левой ягодицы и поможет товарищу сдать зачет!?! - заорал старшина на всю казарму.

Шарахнулись все от нас, как от чумы. Ну, кому же светило все свободное время на посмешище роте пролежать с голой задницей. Однако старшина знал солдатскую науку всю, до тонкости, изучил ее, что называется, собственным горбом. После третьего окрика, когда все попрятались, кто как мог, он вежливо пригласил меня и пошел выбирать жертву. Под общий хохот и издевки, через полтора часа мучений, зачет я сдал, но это было только начало...

С той поры и повелось... То правая половина левой, то левая половина правой. В паре со мною никто уже не стоял, при выполнении команды: в две шеренги становись, напротив меня в строю зияла позорная дыра. Но старшина осуществлял свое обещание методично и грамотно. За два с половиной месяца я перебинтовал каждую задницу во взводе, я один только знал у кого из ребят какая задница и какой величины

все то, что болтается, потому, что для выполнения хорошей повязки это самое хозяйство нужно отодвинуть тыльной стороной руки восемнадцать раз и ладонью - двадцать один! Меня звали всякими обидными кличками, но остановились все-таки на одной: "Левая половина..."

Через два месяца курс медподготовки закончился. Мы стояли в строю и ждали экзамена. Принимал наши познания сам начальник госпиталя подполковник Иомдин. С ним были две незнакомые женщины, наверное, тоже медики. Все поглядывали на меня и ждали заключительного аккорда.

- Гвардии рядовой Кожемякин - прочитал сержант в зачетном листе...

- Я! - бодро ответил я по уставу.

- Товарищ подполковник - вдруг сказал старшина - это мой любимчик, выполняет любую повязку идеально, не стоит время терять. Предлагаю объявить благодарность и поставить зачет отлично.

Подполковник улыбнулся:

- Никак вы старшина не можете без любимчиков, что ж, ваш авторитет для меня - закон. Следующий!

Сегодня, когда пришло время написать об этом мудром человеке, минуло тридцать два года. Я выполнил желание старшины и рассказал сыну, как назвал дураком человека прошедшего фронт и имевшего пять ранений. И еще... за эти годы мне, слава богу, не пришлось применить свои познания в деле наложения повязок, но если когда-нибудь судьба подбросит возможность забинтовать правую половину левой или левую половину правой... это будет шедевр!

ГРЯЗИНА.

Заканчивалась полугодовая проверка боеспособности нашего подразделения. Служить мне довелось в одном из уз-

лов связи Сибирского военного округа. Проверку проводили два майора, которых мы, служащие третьего года, знали в лицо и по характеру. Они приезжали на узел связи раз в полгода. Сначала делали несколько "взрывов" на элементах узла (это когда меня вопи и заходит с бокорезами он) После этих импровизированных "взрывов" приходилось довольно долго искать неисправности. Надобно отметить, что технику майоры знали отлично, и где напакостить тоже разбирались. Но с этим мы всегда справлялись прекрасно. Затем были проверки у офицеров. Потом снова приходили к нам, как правило, ночью и просто закрывали на замок один за другим элементы. Так вот закроют ЗАС - закрытую автосвязь и старайся, передавай информацию с ручной расшифровкой. Обычно все попытки майоров сбить нас с устойчивой связи кончались полной неудачей. Последний штрих, как они называли, проверка строевой и огневой подготовки. Строевую сдавали ребята из второго взвода, а нам всегда доставалась огневая. Вот и на этот раз прямо к плацу подкатил "газик" командира части. Вышел наш Алексей Самойлович и подчеркнуто громко объявил:

- Желающие сдать стрельбу московской проверке два шага вперед.

Конечно, мы четверо и шагнули. Попробовал бы еще кто-нибудь. Стреляли мы лучше всех в дивизии. Но не нужно, навсрное, хорошо стрелять при нашей службе, потому нас и не учили, как следует. Однако Голя был охотником-промысловиком, я - охотник с детства "по призыванию", Витя Анашкин - охотник из курганских степей, гусятник, как он сам себя называл, ну и Коля Шаров - перворядник по пулевой стрельбе. Конечно, и нас майоры знали в лицо и по характеру, но видно и командир наш обладал незаурядными дипломатическими способностями.

Как и в прошлый раз, приехали на стрельбище, вышли на огневой рубеж.

- Что, Анатолий Ефимыч, - спросил майор Толю - ты еще не забыл свой коронный номер? Порадуй, долго не доводилось видеть.

Толя надел противогаз, сделал несколько шагов вперед. Его коронный номер - стрельба в противогазе сходу, одиночными. Причем нужно выдержать всего-то два условия: стрелять, не останавливаясь и попадать только в голову ростовой мишени на расстоянии в двести метров. Когда майоры впервые увидели этот трюк, они просто не поверили. Пошли, сами поставили новые мишени, заставили стрелять снова, но Толя был постоянен в результатах, как бог. Конечно, при таких знакомствах и командиру хорошо и нам приятно. Толя запагал по стрельбищу, на пульте подняли все шесть мишеней и, Толя начал стрелять. Так - так - так - так - мишени... стояли!? Стояли как приклеенные, будто это и не он стрелял! Толя остановился, снял противогаз, осмотрел автомат и снова выстрелил навскидку... Мишени стояли.

- Эй, на пульте, что там у вас? - крикнул командир.

Мишени все разом упали и снова поднялись.

- Контакт нормальный, сигнал срабатывает, товарищ гвардии подполковник - ответили с пульта управления.

Толя сделал еще один выстрел, но, уже тщательно прицелившись - мишени стояли... Командир быстро подошел к Толе, взял у него автомат, Дал длинную очередь - на середине стрельбище взметнулась пыль.

- Шаров! - рявкнул Алексей Самойлович - первый раз за два года службы я слышал как он повысил голос - дай твоей автомат!

Снова очередь и снова чуть дальше, на поле - пыль.

- Разрядить оружие - приказал командир - марш в машину!

Потом он долго говорил о чем-то с майорами, уговаривал, просил настойчиво и, нам показалось, даже униженно. Мы сидели в машине и молчали. Стыдобушка, конфуз, болес того, мы ничего не могли понять.

"Газик" летел до расположения части как стрела. Развернулись прямо на плацу.

- Старшину ко мне! - гаркнул командир дежурному, не выходя из машины.

Майоры сидели сзади и подхихикивали. Прибежал запыхавшийся старшина.

- Товарищ гвардии подпол...

- Кто чистил оружие перед проверкой? - тихо спросил командир.

- Так, молодежь, значит, чистила, все работали на СЭС, как положено...

- Ты... ну ладно, я потом тебе скажу, кто ты есть, а сейчас послушай, что ты наделал. Ты зачеркнул всю отлично пройденную проверку, Ты вместо пятерки организовал мне конфуз на весь округ. Чтобы через десять минут все оружие лежало в машинах и ящик с боеприпасами тоже.

Он говорил все тише и тише. старшина, чтобы слышать, подходил все ближе и ближе

- Обед, вот для них, для четверых, свезешь на стрельбище лично сам. Скажи старшему лейтенанту Шибанову, чтобы отправлялся вместе с ними, с целью произвести пристрелку всего табельного оружия части заново. На все отпускаю двадцать четыре часа. Пристрелочную оптику возьмите в мастерской - закончил он совсем каким-то змеиным шепотом.

Старшина стоял, нагнувшись к командиру, рука, полнятая к виску дрожала, и "ел глазами начальство".

- Марш выполнять, собачий сын!!! - вдруг во всю зычь командирского голоса рявкнул Алексей Самойлович.

Старшина аж подпрыгнул и взял с места такой крупной рысью, что мы выпучили глаза, затем опомнился, понял, что дерганул в другую сторону, круто развернулся и промчался мимо "газика", только подковки на хромачах засверкали. Майоры грохнули громким хохотом, мы за ними. Ко-

мандир зыркнул на нас глазом так, что, казалось, смех залетел обратно в горло каждому...

Майор посмотрел на часы. Сидели мы в машине все десять минут, пока старшина разворачивался в казарме. Мимо сержант вел молодых солдат из нашей роты. Командир приказал остановить строй и подозвал к себе одного из "салаг":

- Расскажи, сынок, как старшина заставил вас автоматы чистить - ласковым голосом спросил он.

Молодой потупил глаза и молчал.

- Да я же не знаю и не спрашиваю твоей фамилии, так что не бойся, ничего тебе не будет - успокоил командир.

- Ну, это... построил он нас и говорит - найду грязипу - наряд в туалет, две грязипы найду - два наряда, ну вот и чистили.

- Дальше, дальше - подбадривал подполковник.

- А чего дальше, не нашел старшина никакой грязипы ни в одном автомате.

- А под мушками смотрел?

- Нет, он не смотрел, но мы все равно и там прочистили.

- Пойди в строй, воин - устало сказал командир, а майоры снова разразились смехом.

Ровно через десять минут примчался старшина и резво доложил, что приказание выполнено.

- Поедете и сделаете все, как надо - обернулся к нам подполковник - приеду через сутки - проверю.

Пересели мы в кузов "ЗИЛа" и поехали обратно на стрельбище. Никогда не доводилось мне столько пострелять из автомата, да, наверное, и не доведется больше. А пристрелка происходила так: ставишь рядом оптическую трубу на треноге, делаешь выстрел по мишени с расстояния в сто метров, затем винтишь злополучную мушку, вверх или вниз, смотря по тому, куда ее винтил молодой. И так все двести ав-

гомагов. Толя со своим автоматом ковырялся около часа. Мы молчали, знали, что стрелять ему за всю часть одному.

После трехчасового бабаханья приехал старшина с обедом.

- Ну, как, старшина, кашу сам подполковник солил? - издевательски осведомился Витя.

- Жуй, поганец, а то я тебе посолою сейчас. Скажи спасибо, что стрелять тебе еще много, а то, как раз бы фонарь подвесил тебе гвардии старшина, на ночь глядя.

Да, лучше помолчать, старшина еще не остыл. Как и общал, командир приехал ровно через сутки. Мы уже часа два спали, когда часовой заметил "газик". Быстро привели себя в порядок, построились.

- Товарищ гвардии подполковник... - во все горло начал докладывать старший лейтенант Шибанов...

- Во настрелялся, сейчас будет неделю орать - заметил майор.

А мы тоже заметили, что наш командир зря времени не терял - оба майора были изрядно навеселе и настроение у них - отличное.

- Ну что, Анатолий Ефимыч, начинай заново - сказал один из них.

Толя выполнил свое упражнение в лучшем виде, затем отсчитал пятьдесят шагов, положил на камень бутылку, горлышком к себе и стоя прицелился. Выстрел - бутылка осталась лежать. Толя разрядил автомат и сладеньким голосом обратился к майору:

- Пройдите, товарищ майор, полюбопытствуйте... - и пошел с огневого рубежа.

Командир, зная Толю третий год, понял, что это как раз то, чего не хватает. Сам сходил и принес бутылку, подал майору. Дна у бутылки не было!

Замолчали товарищи офицеры, видно достал их гвардеец, умением своим достал до самого...

- Ну что, еще стрелять - спросил Алексей Самойлович.

Майор молча пошел к "газику", натил пол кружки коньяка, протянул Толе, затем, не оглядываясь, ушел, сел в машину и сказал:

- Поехали Самойлыч, свою пятерку ты заработал, вот его руками заработал. А все-таки перевел бы ты его в снайпера, в соседнюю часть. Командующий-то говорил, что о державе надо думать. А ты, понимаешь, закопал гут талантище и рад...

КОЖЕ - КОЖЕ.

Старшина медленно шел вдоль ряда палаток, оглядывая свои владения.

Он любил эти минуты относительного покоя, когда все двести человек его батареи пристроены на работу и учебу, наряды исправно несут службу, все подметено и вымыто. Служба не составляла для него тяжести. Командир быстро подметил его хозяйскую жилку и точно определил на место. Не так уж много понадобилось и времени, для наведения погрешного старшине порядка в батарее. Сегодня ни кто не шатался по расположению части, в этом-то как раз и был секрет успеха. И вдруг его как током дернуло - кто-то бесцельно брел меж рядов палаток навстречу...

- Кто таков, доложи! - гаркнул старшина.

- Товарищ гвардии старшина, санинструктор Попов прибыл для транспортировки больного в расположение госпиталя - бойко отпартовал сержант.

- Ну, так транспортируй, чего тут шататься, окурки бросать!

- Никак нет, товарищ старшина, не курю, а вот кого забрать - забыл.

- Как забыл? Ты что без документов приехал? Кто же тебе без документов солдата отдаст, дурья твоя башка!

- Так в машине документы, а машину начальник госпиталя забрал, а мне другую дали, пылесос какой-то, та была новая, вот и уехали...

- Кто уехали?

- Документы уехали на новой машине, а я на старой за солдатом приехал. Голько вот помню, что фамилия начинается на Коже - Коже, а дальше не помню.

- Ну, вот что, уехали - приехали, ухай-ка ты обратно в госпиталь и приехай с документами, а просто так я тебе ничего не отдам.

- Никак нельзя, товарищ гвардии старшина!

- А я говорю - как и будет!

- Так дизентерийную палочку обнаружили у этого Коже - Коже...

- !?

- И приказано его немедленно изолировать, иначе он вас всех тут задизентерит.

У старшины заработали мозги. Враздрай заработали. С одной стороны никогда нельзя принимать решения без документов, с другой же - задизентерит... это уже ни в какие ворота. Как быть? Доложить по инстанции - диктует устав. А устав штука проверенная, самой жизнью проверенная. Но командир на площадке - около пятидесяти километров, а к которому командиру взвода обратиться, если точно фамилия неизвестна? Ну а как задизентерит, это же на всю дивизию: старшина Филатов допустил случай массового распространения... срам!

- Пошли - сказал гвардии старшина, еще не приняв решения.

Пришли в палатку, подняли список батареи, стали смотреть. Коже - Коже было несколько: Кожевины - два, Кожин - один. Кожевников - один. Кто? Наверное, Кожин. Да, конечно он. Вчера все уже спали, а он брел, уныло как-то, из туалета, да и вообще, невеселый он в последнее время. Все! Решение старшина принял.

- Забирай Кожина, он, точно - а сам думал: привезет, там разберутся.

Не хватило вот только у обоих младших командиров ума, просто подойти к телефону и позвонить в госпиталь.

Вовка сидел на занятиях и дремал. Служба в последнее время, как говорится, пошла боком. Народу, как всегда, не хватало и приходилось ходить из наряда в наряд. Классным специалистом он еще не был и на боевое дежурство не ходил, а вот всякая грязная чепуха доставалась ему сплоша. Спать он хотел хронически. А тут еще ребята из дома написали.. хоть и не вспоминай совсем... старшина - как привидение, никуда не спрячешься от него. Почему невеселый спрашивает, а чего вселиться, клоун в части не положен, вот и все. А чего положено? Парикмахера и того не положено. Это же только подумать, ни в одной части нет парикмахера, сами себя стригут солдаты. А тут еще эта физика, за десятый класс, он ее дома ненавидел, так еще и в армии зубрить приходится...

- Гвардии рядовой Кожин к старшине! Дежурный по батарее Симонов - гавкнул громкоговоритель в классе.

Лейтенант, читавший электротехнику, посмотрел на него и мотнул головой в сторону дверей. Вовка встал и побрел к выходу.

- Товарищ гвардии старшина, гвардии рядовой... - начал он...

- Значит так, поедешь с санинструктором в город, он тебе все объяснит в дороге - заявил старшина, критически оглядев Вовку со всех сторон.

- Есть, ехать в город - отороцело козырнул Вовка, удивившись привалившему счастью.

Это же нормальных людей увидеть можно! Пусть даже из окна машины.

Но в нормальной же одежде и даже женщин в платьях! Осто-чертели все эти ремни и португези, хоть бы кому сказать просто "здрасьте", без этого дурацкого "прибыл - убыл".

- Поехали, до обеда успеть надо - сказал санинструктор, и они пошли к тому самому «пылесосу», который привез санинструктора без документов (лучше бы наоборот).

Через город проскочили слишком быстро, Вовка даже не успел наглядеться на этих счастливицков - гражданских. К госпиталю подкатили вовремя. Зашли в приемник. Два дюжих "медбрата" моментально "оприходовали" его в изолятор с такой скоростью, словно ждали всю жизнь. Вежливый лейтенантик показал ему койку и назвал больным.

- Какой же это я больной, и куда я вообще попал? - спросил Вовка.

- Здоров ты или болен, это нам лучше знать, а попал ты в изолятор по причине заражения дизентерией - отработал лейтенантик.

- Какая дизентерия, вы чего, в уме? - заволновался Вовка.

- Пройдите на свое место - официально заявил медик, и разговор был окончен.

- Да катитесь вы все, вас не переспоришь - огрызнулся Вовка - придет же врач, разберутся.

- На обед! - донеслось из коридора.

Соседи по палате ели плохо, так что ему досталось добавки и слева и справа - досыта! Главное в наряд не посылали, и он завалился спать. Кто-то приходил, что-то спрашивал, кто-то ставил уколы - Вовка спал! Он отсыпался за все наряды, караулы, кухни и прочие прелести, где положено спать солдату четыре - шесть часов, согласно устава.

Проснулся он под вечер следующего дня. Все хворые слонялись, изнывая от безделья. На тумбочке у Вовки лежала горочка сахару и пара кусков хлеба. Посмотрев на сахар, он удивился - как долго проспал.

- Все мое - недоверчиво спросил у соседа?

- Твое, твоё, спишь как сурок, могу еще и свое отдать.

- А ты чего?

- Да несет третий день, свету белому не рад.

- Чего несет - не понял Вовка?

- Ты что, дурак, или приставляешься? Чего в дизентерийном отделении несет? Сам не знаешь? Зачем тогда здесь?

- А черт его знает зачем, привезли и не спросили.

- Ну, вот тебе таблеток две горсти принесли, съешь, тогда и разберешься.

Вовка посмотрел на гору таблеток - почти столько же, сколько и сахару.

- Да если все это срубать, то и правда лечить надо будет - подумал он - ну, нет, поспать еще туда-сюда. а вот это...

Подполковник Йомдин сидел в своем кабинете и писал отчет. Неприятности преследовали его последнее время. Почему-то потребовали в штаб отчет о профилактических мероприятиях по грызунам, кому он там понадобился? Ни одного случая заболевания связанного с ними не было в части уже несколько лет. Вот палочка выскочила откуда-то, это да. Но ему, фронтovому врачу, давно было известно, что, как приезжает молодое пополнение, так обязательно привезет что-нибудь интересненькое. С палочкой этой он, конечно, справится, даже и в отчет ее включать не будет, подумает, страху тоже... Что-то стукнуло по отливу открытого окна. Затем еще... Подполковник встал, подошел к окну. Таблетки падали со второго этажа методично, как по заказу. Он взял фуражку, положил на отлив. Таблетки стали падать в фуражку. Быстро пошел на второй этаж в третью палату.

У окна стоял солдатик и опускал за подоконник таблеток за таблеткой. Подполковник подошел к нему сзади, но тот так увлекся своим делом, что не замечал ничего.

- Чем это мы занимаемся? - спросил подполковник и крепко взял солдатика за ухо.

- А-а-а-а! Больно! - завопил тот - отпусти, ударю!

- Я те так ударю, в травматологию надо будет переводить! Что ты тут расшвырялся лекарствами, лечиться не хочешь?

- Так отчего лечиться-то, здоров я как бык.

- Как фамилия?
- Гвардии рядовой Кожин.
- Дежурный. книгу учета больных - приказал подполковник.

Прибежавший дежурный подал книгу и застыл, почуяв недоброе. В книге Кожина не значилось!!!

Произвести проверку! - приказал Иомдин.

Произвели, как положено. Кожина не значилось, Кожевникова не хватало!

И пошла раскрутка в обратную сторону. Через пятнадцать минут все встало на свои места. Чесались у подполковника руки наказать санинструктора, но сам же отобрал у него машину. Воздать должное старшине? Так и тот поступил почти правильно - перестраховаться лучше. Но на всякий случай дал нагоняя всем - для остратки.

Вовка, прилично выпавшийся и огъевшийся, после нескольких неприятных процедур анализов, ехал в часть. Из всей этой истории он один был не в накладе: на его медицинской карточке красовалась жирная красная полоса - год в наряд на кухню не посылать!!! Не положено после изолятора.

КТО КОЗЕЛ?

На узле связи шла обычная работа, как и каждый день. Кто возился со схемами, кто перебирал ЗИПы, в общем, кто во что. Работы всегда всем хватало. Старший сержант Пыхтин внимательно следил, чтобы не было безработных.

- Все зло от безделья - говорил он - сельский механизатор в душе и по призванию - безделье порождает все, от пьянки до преступления.

И в этом, однако, великий смысл потому, что не случилось у нас ни самоволок, ни пьянок (незапланированных) ничего другого порочащего.

Толя сидел на столбе, привязавшись поясом и прозванивал пару за парой старенького кабеля. Что-то хрипело и потрескивало в нем после обильной росы. На коммутаторе загоралась лампочка и Толя со столба изрекал:

- Пыхтин - балда, как слышите, прибор.

Подключали прибор, и Пыхтин обязательно ворчал:

- Ты, басурманин, когда перестанешь, ну можешь ты понять, не положено такое болтать.

- Да кто нас тут слышит на трех метрах проводов? Что это радиостанция что ли? - защищался великий юморист Толя, и все начиналось сначала.

Я сидел у окна и драил какие-то допотопные приборы, обнаруженные в тайниках сержантской кладовки. Ребята собирались поступать в университет и срочно готовили мини радиостанцию вместо шпаргалок, вот и приходилось помогать по скудости ума, чем могу.

Вдруг Толя соскользнул со столба с такой скоростью, что у меня полезли глаза на лоб, затем побежал к нам, не снимая когтей!? Да так побежал, словно за ним крокодилы гонятся.

- Пыхтин, что-то с Толей случилось, рвет как стометровку на зачет, но когтей не снимает - сказал я командиру, и все собрались у окна.

Через минуту в кроссовую ворвался Толя.

- Пыы-ы-ыхти-и-и-ин, я-а-а-а...

- Ну что ты-ы-ы-ы, говори что-нибудь!

- Я-а-а-а... Полковника коззззлом назвал!!!

- Зачем? - спросили мы разом.

- Да ни зачем, балбесы, па-а-ары перепугал!

- !?

- Ч-ч-ч-чего делаешь-тоо-о-о Пы-ы-ыхтин? А?

- Ну, говорил же я тебе, не болтай что попало, дурак!
Какой полковник-то?

- Нуси-и-и-инов!

Это был конец! Заместитель командира дивизии по строевой гвардии полковник Нусинов славился крайне свирепым нравом. Солдаты называли его ходячим уставом. Говорили офицеры, что он даже жену на "вы" называет. Встретаться с ним в расположении части, даже просто так, было наказанием, а тут...

- Ну, чего делать-то? Пы-ы-ы-ыхтин? - скулил потихоньку Толя.

- Сдаваться в плен - отрезал командир - марш все с элемента! Одному умирать легче.

И мы сыпанули по закоулкам узла связи... кто в аккумуляторную, кто за коммутатор, кто в ЛАЗ. В общем, попрыгали, но выглядели, как тараканы, готовые как удрать, так и подслушать. Закокали в коридоре сапоги... медленные, уверенные, как перст божий неотвратимые. Полковник вошел в зал КРОССА.

- Товарищ гвардии полковник, личный состав телефонной станции проводит регламентные работы согласно расписания - четко доложил Пыхтин, он немного побледнел и страшно волновался...

- Вы здоровы, товарищ гвардии старший сержант? - осведомился полковник.

- Так точно, здоров!

- Бледность какая-то в вас - отметил Нусинов - у меня сейчас зазвонил телефон, я снял трубку и кто-то назвал меня козлом. Разберитесь, пожалуйста, и доложите через двадцать минут - отчеканил ходячий устав, повернулся через левое плечо и "убыл".

Пыхтин опустил прямо на пол. Как стоял, так и сел.

- Ну, ты - позвал Толю - иди сюда, рассказывай, как было.

- Ну, я перемычки снял и приткнул ТАИ к вилтам не на коммутатор, а на его телефон. Крутнул а он говорит: слушаю, ну я говорю: козел... а он говорит: кто козел? Я говорю: ты козел... а он спрашивает: почему козел? Ну, тут я и понял, и сыпанул со столба-то... никогда бы не поверил, что в когтях бежать можно бетом... чего делать-то Пыхти-и-ин?

- Так, спокойно, парни. двадцать же минут он дал. Если не придумаем, лучше в дисбат проситься добровольно. Заценку нужно на козла найти, почему человек на столбе может козла вспомнить? Думайте!

Коллективно все делать легче, даже думать в такой ситуации. Около десяти минут понадобилось, чтобы найти заценку. Вспомнили, что был позывной одного из бесчисленных, нам подобных узлов связи - "косуля". Быстро разыскали эту самую косулю по аварийной связи и объяснили обстановку, на всякий случай. Время истекло, Пыхтин пошел докладывать. Мы сидели, затаив дыхание, ни кто не верил, что такое может обойтись. Кто-то должен был стреметь "на губу". Загорелась лампочка на коммутаторе - телефон полковника:

- Косулю по аварийной для гвардии полковника! - Скомандовал Пыхтин из полковничьего кабинета.

- Юрка, сидевший за коммутатором, защелкал ключом.

- Косуля слушает - донеслось из необозримых сибирских лесов.

- Говорит заместитель командира дивизии гвардии полковник Нусинов - зазвенело в наушниках - почему вы допускаете искажение позывного, и как вас телефонисты называют? Слушаю!

- Так козлом называют, товарищ гвардии полковник. Вот, только что опять ваши грамотен с "Лиры" дразнились. А вообще-то прикажите начальнику связи позывной сменить, противно же, козел да козел, мы уж и рапорт писали...

- Отставить разговоры! За искажение позывного объявляю вам замечание. Все!

Минут через пять в зал влетел Пыхтин. Был он уже не бледен, краснехонький, как помидор, был наш командир.

- Где этот поганый юморист?! - заорал он с порога.

Мы дружно оглянулись, Толи не было. Вообще на узле не было. Предусмотрительный Толя уже сидел на своем столбе.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

В армии существует такое выражение: "через день - на ремень". О многом оно может сказать человеку, который сам походил через день на тот самый ремень. А в переводе это просто караульная служба. Сутки отдыха, относительного, конечно, и сутки в карауле. А караул это когда ты два часа стоишь на посту, потом два часа сидишь в караулке, так называемая бодрствующая смена, и потом два часа спишь, если можешь уснуть сразу. Причем раздеться нельзя в течение суток. Вроде бы и не очень страшно, но изматывает прилично. А если это постоянно, через сутки - на сутки, то уж совсем пропащее дело. Ну, кроме усталости физической и моральной, есть и побочные явления. Теряет человек и чувствительность, и ответственность тоже, стоит только немного расслабиться. Валерка ходил "через день на ремень" второй месяц. Он был уже убежден, что ни кто не собирается нападать на тот объект, который он охраняет, ни кто не придет его проверять, потому, что ему верил сам начальник караула, что можно вздремнуть, только аккуратно. Поэтому после традиционного уставного "пост сдал - пост принял" он обошел эти кучи мертвого железа и, в половине четвертого ночи, когда воры уже не придут, если не пришли до сих пор, присел под огромным колесом законсервированного "УРАГАНА". Он был убежден, что караулить эту территорию вовсе не надо. Стояли здесь на колодках, на бревнах, всякие телеги, трактора,

броневые автомобили и прочее, никому сегодня не нужное железо. Немного в стороне стоял какой-то нерусский, громадный гусеничный агрегат. Гусеницы были сантиметров на десять выше Валерки. Кабина казалась очень маленькой, по сравнению с общим объемом. Офицеры говорили, что это очень мощная техника и работает как часы. Хвалили двигатель, ходовую, но в работе ни кто из солдат ее не видел. Справа, в углу, стояла сенокосилка. Как она сюда попала - тоже ни кто не знал. Валерка размечтался под методичный грохот взрывов. Строители рвали скальный грунт в шахтном сооружении. Иногда взрывы были настолько ощутимы, что земля немного вздрагивала. Постепенно сон сморил Валерку...

И приснилось ему, что несколько пьяных гражданских мужиков подошли и стали заводить тот самый большой тягач. Валерка предупредил их, что он на посту и шутить не любит, Но они по-прежнему крутили большую "заводялку" и старались запустить двигатель. Долго Валерка с ними перепирался, но вдруг двигатель чихнул, выбросил облако дыма и заработал, как часы: тик-тик-тик. Один из мужиков высунулся из кабины и бросил в Валерку гранату.

Грохот взрыва подбросил его на месте, он вскочил, затряс головой. Тягач, лязгая гусеницами, двигался к проволочному ограждению... Взрыв бабахнул настолько ощутимо, что сон перепутался с явью. Тягач уходил из зоны объекта, это факт, взрыв был, это тоже факт. Мысли шелкали с сумасшедшей скоростью. Валерка прыжком бросился под спасительное колесо "УРАГАНА". Еще в падении перелернул затвор автомата. Уйдет - обожгло злостью!

Длинная, патронов на пятнадцать, автоматная очередь наделала в караулке такого переполоха, какого, наверное, не случалось никогда. В пять секунд все были на местах: кто у окна, кто у двери, кому положено оказался в окопе, вне стен помещения. От техтерритории хлестанули еще две приличные очереди.

- Бодрствующая смена за мной!! - рывкнул начкар и, пригнувшись, побежал на выстрелы.

За ним, рассыпавшись в цепь, захрустели кустами солдаты. До техтерритории всего-то метров сто...

Оцепили площадку, залегли. Уткнувшись в старую березу и, наклонив ее, стоял громадный гягач. Валерки не было. Начкар, как положено, "подвесил" осветительную ракету, осмотрелись...

- Семенов! - окликнул начкар из-за дерева.

- Тут я, тут, товарищ лейтенант. Идите сюда. Всех я их, наверное, перебил - отозвался Валерка.

- Кого перебил? - спросил лейтенант, когда все собрались.

- Так мужиков этих. Гранату гады еще бросили, еле успел за колесо, а то бы и меня...

Валерка не выпускал из рук автомата. Начкар поставил одного из солдат на пост, потихонечку забрал у Валерки автомат, разрядил. Затем все пошли к тягачу. Замерла громадина в конце пологой лужайки. Маленькая кабина буквально исхлестана пулями. Стекла рассыпались, замок дверки выворочен, снизу что-то капало и булькало...

- Ну, где твои мужики. Семенов? - спросил лейтенант.

- Так тут были, заводили же они его, заводялка такая длинная...

Не слабей автоматной очереди грохнул солдатский хохот.

- Заводялка говоришь? Реактивная, наверное, иначе не провернуть!

Валерка крутил головой и не мог понять, что он такое смешное сказал. Сон и явь все еще путались в его голове.

ПОКОС.

Сама по себе вахта не была для них сложной. Заканчивался третий год службы, и оба они уже "видали виды". Конечно, на узле связи, напичканном всевозможной аппаратурой, достаточно наслаивающихся друг на друга полей и электрических и магнитных. Весь этот винегрет из свиста, треска, разрядного пощелкивания, ультразвуков и прочей "прелести", до предела выматывал солдат. Но на то она и армейская аппаратура, чтобы выполняла свою основную задачу, о русском солдате просто, как и всегда, забыли подумать. Монотонные будни боевого дежурства, в общем-то, привычны. Но более всего угнетало медленно ползущее время. Приказ о демобилизации ожидался в сентябре, а сейчас...

Дурманящими запахами, опалевшим обвалом солнца, звенел и пел июль. Буйствовала зелень, роняла семя созревшая гравя, вкусно, по-домашнему, пахло свежей копотиной. Строем по бетонке ушла дежурная смена на обед и сон до ужина. Им же "старикам" позволялось прогуляться до столовой напрямки, через поле, березняк, пойму ручья. Тяжко хлопали кирзовые сапоги по пыльной тропинке. Говорить не хотелось, да и все уже пересказано за эти долгие два с гаком года солдатского бытия. Натужно жужжали упитанные мохнатые шмели и прицельно пикировали на сочные полевые цветы за извечной и вкусной своей данью. Ласково шуршал березовый лист.

- Самое время веники ломать... - пробормотал Толя, прищурившись хозяйским глазом охотника-промысловика на молодые березки.

- Да, отец всегда с первых выездов на покос делал эти запасы. Сегодня четырнадцатое - самое время - отозвался Сергей.

Березняк кончился, вышли к ручью. На небольшой елани, шагов сто в поперечнике, около прислоненного к березке велосипеда, дед с бабкою распаковывали не большой

вьючок, отвязывали косу... Парни остановились, переглянулись:

- Пойдем?

- Пошли. Толя, аж в лопатках зачесалось!

Свернули с тропинки и почти побежали к старикам. Дед, еще крепкий, с окладистой бородой мужчина, настороженно смотрел на приближающихся военных, прервав свое занятие.

- Здравствуйте - хором поздоровались ребята - косите?

- А что, нельзя здесь? Так сгерь вроде разрешил - неуверенно ответил дед.

- Да нет, отец, - заговорил Сергей - просто... можно покосить немного? Очень уж захотелось...

- Ой, да с твоими рученьками только косы и ломать - опасноливо заметила бабуля.

- Да не переживай, мать, что тебе для Советской армии косы жаль? - ответил ей Толя, забирая из рук недоверчивого деда косу.

По хозяйски оглядел ладно изготовленный инструмент, померил, неторопливо перевязал "пупок", мягко вдавил конец кося в землю:

- Ну, где оселок-го, отец?

Суетливо достал из узелка оселок дед и стал наблюдать с интересом. Весело запела покосная сталь под бруском. Вжинь-нь, вжинь-нь, вжинь-нь...

И пошла гулять коса по елани! Кажется, сама натура русская вырвалась наружу, раззадорилась, размахнулась, да на полный оберушник, с придыхом:

- И-и-и-и-эх! И-и-и-и-эх!!

Валилась сочная трава "вполколена", сбивалась в пушистый духмяный вал. словно выбритая полоса оставалась за Толей с двумя росными следами ног "с приволоком". Остановился... сбросил ремень, гимнастерку, майку на траву, сноровисто вжинькнул оселком, сунул его за голенище, и опять! Бугрились мышцы на спине, пружинисто ходили лопатки:

- И-и-и-эх! И-и-и-нэх!!

Затуманились глаза деда, с восторгом смотрела на молодца - гвардейца бабуля, приоткрыв маленький, аккуратный ротик.

Толя сноровисто подбил валок, вытер косу травой, уважительно передал ее Сергею и... с размаху прыгнул на свежий вал! Сергей поправил косу бруском и осторожно тронул стелу травы первым движением. Коса пошла "едко", "прилипчиво". Насаженная умелой рукой, она словно посвистывала в траве, выводя аккуратные строчки при самом малом усилии со стороны косаря. Увлекаясь, Сергей размахнулся во всю мощь почти двухметрового роста и повел оберушник, оставляя за собой крутой зеленый вал. Все исчезло вокруг! Не было больше армии, не было боевого дежурства, не было казармы и узла связи, был покос! И, казалось, вот сейчас отец из-за куста крикнет свое обычное:

- Эй, не запались! Квасу вот холодненького...

Когда Сергей приблизился к началу прокоса, деда уже не было. Удовлетворенно и глубоко вздохнув, он отдал Толе косу и с наслаждением растянулся на траве. Высоко, под редкими облаками, кружил ястреб, высматривая добычу, полуденное солнце лило на землю свои животворные струи, дурманила пряным запахом скошенная трава... мучительно захотелось домой, на покос возле нешприметной лесной речки с самобытным и редким названием Трясун... закрыл глаза и лежал так, погрузившись в воспоминания. Ласковый теплый ветер приятно охлаждал разогретое тело, где-то рядом настойчиво звал подружку кузнечик. Почему-то всплыло - "коленками назад".

... Мать выносит потертую сумку с обедом, ох, и чего там только не было... отец режет своим складнем розовое сало, шипит законченный чайник на костерке. Хитрюга Майка, или, как ее звал отец воропуха, подбирается к телеге своими замшевыми губами и позвякивает удилами наборной уздечки... вот, звякнуло... да не сон ли? Опять звякнуло... Сергей

открыл глаза. Приехавший на велосипеде дед отвязывал вторую косу. Толя махал "на всю мощу", не останавливаясь, на середине елани.

- Эй, проснись, вон тебе дедуля орудие приволок по просьбам служивых, сейчас мне мешать не будет. А ну давай пятки догоняй. Даю фору двадцать шагов - кричал Толя.

Сергей взял из рук деда косу, примерился, поточил хорошо отбитое лезвие и бросился догонять товарища. Когда-то, дома, ему приходилось косить в хорошей "помочи" у лесника. Мужики становились друг за другом и то тут, то там раздавалось ухарское: "пятки береги!" Вот и сейчас...

Бабуля весело и сноровисто хлопотала возле разостланной холстины, расставляя миски, чашки, булькая вкусной окрошкой и нарезая сочные, зеленые перья лука. Дед с достоинством вынул из кузовка бутылку, воровато оглянулся и с юморком спросил:

- Старшина-то не тут ходит?

- Нет, отец, старшина только в казарме страшен - ответил Сергей - а с великой радости да с твоего благословения, наверное, можно.

- Да, видели бы ребята, какой нам обед привалил. лопнули бы от зависти - восхитился Толя - словно дома, на брянщине...

- Да какой там обед, у вас там поди и ужин-то прошел - заметил дед.

- Мать моя, Серега, так и правда, уже вечер, через два часа на вахту. Потеряли нас, однако.

- Ну ладно, не ходить же туда-сюда сейчас, да и как бы это я от такой снеди ушел? Это же во сне только и могло приниться.

- Вот я и говорю - заметил дед - только во сне мог увидеть, что весь покос за полдня уберу! В прошлом году мы вдвоем с бабкой тут целую неделю брякали. Конечно, мы в свое время в армии по сто граммов получали, но вам сегодня

норма двойная, да и работаете вы красиво, деревенские видно ребята?

- Ох, дедуля, не в стопаре дело, вот покосил и знаешь, просто как с души камень. Будто в родниковой водичке искупался! Вот грести - ненавижу, а косить - страсть люблю.

Тяжко хлопали кирзовые сапоги по пыльной тропинке. Друзья медленно шли к своему триста третьему, отдельному, Глуховскому, орденов Суворова и Богдана Хмельницкого, гвардейскому узлу связи. Пел вечерний июль, пел далекий динамик в расположении части, пели два солдатских сердца от привычной, знакомой с детства и потому особо дорогой работы. Еще полкилометра до вахты. И только через полкилометра эти двое крестьянских парней станут солдагами. Еще на три месяца.

СКРИПКА.

Второй год службы для Павлика вытянулся в длинную, монотонную вереницу однообразных дней. Собственно сама служба не так уж и тяжела, как в учебном подразделении. Прекратились бесконечные занятия, зубрежка физики и электротехники, изматывающие ночные броски и сводящее с ума чинодральство. Батарей стояла на боевом дежурстве. Шла нормальная армейская работа. Только сейчас и начали они все понимать, зачем нужна учебка, подход - отход к начальству, строевая и ползание по болотине, подъем и отбой за сорок пять секунд. Потихонечку все встало на свое место, и он понял, что без неуклонного подчинения старшему по званию, к такой технике его допускать нельзя. Что от его точного выполнения полученной команды может зависеть очень много. А перерыв, даже на минуту, заданных параметров напряжения с его элемента - электропитающей станции, попросту оставит "без нервов" все ракетные части Сибирского военного

округа. Знаменитая теория винтика, которую он всегда ненавидел, здесь почему-то даже нравилась. Нравилось быть не винтиком, а крепким болтом этой грандиозной машины, которая называлась ракетными войсками СИБВО.

Однако все красоты в армии состоят из серых буден. Тяготы службы вылились в сумасшедший график: шесть - девять - восемнадцать. На нормальный язык это переводилось так: в восемь часов утра заступала вахта - тридцать восемь человек, через шесть часов вахта шла обедать и спать. После ужина заступали на девять часов дежурства, затем, после завтрака, спали до обеда и заступали на восемнадцать часов. Все эти напряженные часы, проведенные в полуподземном сооружении, рядом со всевозможными селенами, ртутными лампами, печатными платами, прочей электронной холерой, которая чего только не излучала, доводили молодых, здоровых парней до состояния "жеванной мочалки". Затем были сутки "отдыха". Старшина в течение этих суток всегда находил каждому "любимую работенку по антиресам". А "антирес" старшинский кончался только тогда, когда казарма блестела "как хрустально блюдишко". Казарма же блестела "блюдишком" только после того, когда спина солдатская блестела крупными жемчужинами пота.

- Еще месячишко и озверю, мочи больше нет.

- А может просто озверину принять с солдатской полочки? Снимает, говорят, стресс махом.

- Да ни хрена он не снимает, потом весь месяц окурки только сшибаешь, вот и все, да еще, если повезет, попадешься кому-нибудь, так на кухню в наряд походишь в "отдыхной день".

- Да, такое удовольствие за собственные три рубля только в армии и можно купить!

- Нет, ребята - мечтательно изрек Павлик - отдушину нужно какую-то, пищу духовную, чтобы душа вот так вот вся развернулась... а потом опять свернулась!

- В чем же дело, дуй к замполиту, ему как раз делать нечего. жена уехала, он те кэ-э-эк развернет...

- Ага, а свертывать уже старшина будет.

- Да ну вас к лешему, я вот мечтаю на инструменте каком-нибудь поиграть, на скрипочке, например. Дух захватывает, когда хорошую скрипку слушаю...

Ребята как-то разом замолчали, и Павлик понял, что зацепил то, самое больное, которое сидит сейчас под каждой гимнастеркой, ноет помаленьку, щемит...

- А что, пожалуй. на свои три рубля и кушью скрипочку, вместо озверинчику! Не велика премудрость, гитару же освоил, а там даже струн меньше. Кто, мужики, знает, сколько у скрипки струн?

- Да струн-то у нее четыре, а вот трех рублей, однако, не хватит... придется месяца четыре - пять на окурках жить - спокойно проговорил Пэстро - пойдем, покурим, пока есть чего, музыкант.

Разговор на том и закончился, а мысль о скрипке засела где-то далеко-далеко в подсознании. На одном из очередных дежурств Павлик попросил у дежурного по связи канал на город и, с трудом, выйдя по телефону на музыкальный магазин, узнал, что самая дешевая скрипка стоила двадцать рублей!/? Ефрейторская получка его составляла четыре рубля восемьдесят копеек... Значит, поделить двадцать на... Четыре месяца копить? Конечно, в армии прожить можно и без денег: воротнички не покупать, у старшины наверняка есть старые простыни. Обувной крем - тоже, придется пользоваться штатной вонючей мастикой, письма домой - треугольником. Зубной порошок? Так в прошлый раз, после озверинчику, научился пользоваться туалетным мылом, которого мать прислала месяца на четыре вперед... вот с куревом... а, не первая зима волку! И он начал копить.

Уже в конце осени, когда полетел первый сибирский снежок, попросил Павлик сверхсрочника - Виктора привезти из города скрипку.

- Скрипку!? Какую скрипку? На кой ляд она тебе здесь?

- Слушай, Вить, ну что тебе тяжело? Зайди в музыкальный магазин и купи скрипку за двадцать рублей, вот деньги.

- Нет, дорогой, не будет из тебя путного солдата, вечно у тебя какие-то выверты! Шестой год служу, а не видел, чтобы солдат на свою получку скрипку покупал.

- Витя, так разве ж я виноват, что пришлось тебе слушать среди такого сброда?

- Да пошел ты! Привезу, хоть контрабас, мне-то что.

В город Шапкин уехал в пятницу, возвратиться должен утром в понедельник. Места не находил себе Павлик эти два дня. Заснуть не мог. Скрипка превратилась для него в какую-то сладкую мечту, столько вложено в нее страданий! Вечные эти: оставь покурить, дай щетки, дай марки, дай, дай, дай!!! Ничего своего не было у него эти долгие четыре месяца. Письмо матери карандашом написал, потом порвал, на телеграфном аппарате напечатал... дома всех переполошил, перепугал. Мать на командира части написала, думала, что уже и нет у нее сына. Ну, командиру же не скажешь, что писать нечем, а просить просто уже... но вот наконец-то все!!!

Старший сержант Шапкин появился утром на разводе. Павлик стоял в строю и сл его глазами - привез или нет? Раз-норядкой определили Шапкина на третью площадку, и Павлик понял, что встретятся они только в восемь часов вечера. Ох, и муторный же выдался день! Валилось все из рук, ни о чем, кроме скрипки, думать не хотелось.

Вечером в казарме появился Шапкин. Под полой шинели он нес какой-то сверток! Павлик стоял около своей кровати и не мог сделать шага навстречу...

- На свою скрипелку - подал Шапкин сверток.

Трясущимися руками развернул Павлик бумагу и... вот она! Засверкала своим крутым глянцево-коричневым боком... красавица!!! Среди казарменной казенной прибранности,

ровных, прямых линий, дэка ее, гриф, солидно-коричневый лак... это была как бы... балерина на орудийном лафете! Павлик залюбовался, забыл обо всех и вся! Вот она какая. Кругом толпились ребята и, видно такие же чувства обуревали их...

- А пилилка-то где? - подал кто-то голос с задних рядов толпы.

- Да иди ты, тмугаракань тамбовская!

- Да не, пилилка-то где, я говорю шиликать-то чем?

- Смычок, дубина ты гвардейская - проворчал Пестро и... замолчал.

- Э-э-э, Шапкин, давай смычок, где он? – опомнился, наконец, Павлик.

- Здравсте, я - ваша тетя! Ты мне двадцать рублей дал? Я тебе скрипку купил? А эта самая штука еще два пятьдесят стоит. Команды не поступало, Паша. Да не дергайся ты! Не жалко мне эти два рубля, просто не подумал я, ну, извини, привезу в следующее воскресенье.

Этого Павлик выдержать не мог, это уже выше его сил. Губы его побелели, щеки покрылись пятнами, руки затряслись:

- Д-д-да ты, крокодил драпированный, я же сейчас из тебя самого пилилку сделаю! - заорал он на ни в чем неповинного Шапкина и, кто его знает, что могло бы получиться, если бы не крепкие солдатские руки друзей...

Уже несколько дней лежала скрипочка в тумбочке. Ребята понимали всю огромную полноту принесенной Павликом жертвы, понимали как трагедию незаконченной любви. Видели, как Павлик вынимал ее по вечерам, гладил по выгнутому боку, даже, казалось, разговаривал тихонечко с ней. Но до города восемьдесят километров уже заснеженной сибирской тайги. Где-то там лежал этот самый смычок, та "пилилка", которая только и могла заставить подать голос это дивное создание.

- Батарея, смирно!! Товарищ гвардии майор, батарея занимается... - отчетливо докладывал дежурный начальнику ГТЦ.

- Вольно! - майор прошел в ленкомнату, за ним поспешил старшина.

Все продолжали заниматься своими делами.

- Васильев, в ленкомнату срочно! - вдруг покричал дневальный.

Павлик удивленно посмотрел на него и пошел в ленкомнату. Гвардии майор Валиуллин не отличался словоохотливостью. Начальником был строгим, но до предела справедливым и внимательным, зря вызвать не мог. Сосредоточенно выслушал доклад, сесть не предложил.

- А зачем ты, Васильев, скрипку купил?

Павлик от неожиданности онемел.

- Ну да ладно, какой же я начальник. если все знать о тебе не смогу - проворчал он. как-то смутившись, и протянул Павлику что-то длинное, завернутое в бумагу.

Павлик взял, и... это был смычок!

Он задумчиво сидел на кровати и держал в руках тонкое, стремительное, как стрела древко. Смычок смотрелся под стать самой скрипке. Тонкие, длинные волосы натягивались специальным винтом... миниатюрная рукояточка матово отливала черной. И тут Павлик понял, что это далеко не та, заляпанная дешевыми картинками, взводная гитара, которая способна издавать гвардейское "дрынь-дрынь" при любой погоде. Это не просто три аккорда три раза. Это нежное и хрупкое создание имеет собственную волю в несколько раз превосходящую волю человека. Как же он сможет своими грубыми руками чемпиона части по выжиманию двухпудовой гири заставить заговорить, запеть это чудо человеческой фангазии?

Он с трудом пристроил смычок в тумбочку, выломив оттуда предварительно кусок дощечки - полки и лег на кровать. До вахты было восемь часов. Спать Павлик не мог. В

нем боролись страх и нетерпение, желание и боязнь неудачи. В первом часу ночи он тихо всгал, взял свое сокровище и пошел в ленкомнату. Плотнo прикрыл за собой дверь, отошел в самый дальний угол... струны были настроены еще три дня назад по баяну. Натянул волос смычка, приложил скрипку к подбородку и, закрыв глаза, провел по струнам.. Послышалось неприятное шипение. Еще и еще раз водил он смычком по упругим струнам - скрипка только презрительно шипела. Павлик обессиленно сел на стул, пошарил по карманам, кто-то сзади протянул ему сигарету. Он глубоко затянулся, нисколько не удивившись...

- Ну, чего же она, а? - спросил не оборачиваясь.

- Пойдем, Папа спать, восемнадцать часов впереди сегодня - тихо сказал Петро - и они медленно пошли в казарму...

Только в третьем часу дня смог Павлик дозвониться до города и выйти на филармонию. Долго искала какая-то девушка кого-нибудь из скрипачей...

- Константин Вербольский, слушаю вас - представился на том конце провода скрипач.

- Скажите, пожалуйста, я купил скрипку, смычок, а она не играет, почему? - спросил Павлик, ему казалось, что говорил он понятно, что весь мир знает о его несчастье.

- Так у нее и спросите, что ей не нравится - был ответ.

- У кого у нее?

- Ну, у той, что не желает играть.

- Да она же скрипка!!! - заорал Павлик в трубку - как же я у нее спрошу?

- Подождите, подождите, давайте по порядку, вы кто и где?

- А вот этого-то я вам сказать и не могу.

- Тогда чего же вы от меня хотите?

- Я чувствую, что ей чего-то не хватает, что-то я не так делаю, она как будто злится и не играет, скрипка не играет! Ну, вы же скрипач, вы же должны ее чувствовать!

- А собственно, почему вы решили, что она злится?

- Так она шипит, зло так шипит...

Оглушительный звонкий хохот разразился там, далеко, где-то за восемьдесят километров. Хохотал человек долго. Павлик терпеливо ждал, это была единственная ниточка надежды. Наконец Вербольский успокоился.

- Простите меня, пожалуйста, вы что, решили скрипку самостоятельно освоить?

- Да, вы знаете, здесь ни композиторов, ни преподавателей как-то не погодилось.

- К сожалению, у меня кончился перерыв, но два момента я вам скажу: у вас канифоль найдется? Вы знаете, что это такое?

- Да навалом ее здесь.

- Нагрите волос смычка канифолью, ваша скрипка от этого, конечно, не запоет, но звук появится, и ежели то, что вы услышите, вас не испугает - держайте. Второе: запишите мой телефон и адрес и постарайтесь со мною встретиться, когда станет совсем плохо на душе - и он продиктовал скороговоркой, Павлик еле-еле успел записать.

- Почему станет плохо на душе - спросил он Вербольского.

- Сами узнаете через неделю, извините мне нужно уже бежать на второй этаж бегом - и из трубки послышались гудки.

Вечером, после ужина, ленкомната не смогла вместить всех желающих присутствовать на скрипичном концерте. Пока натирали целым куском канифоли волосы смычка, порвали несколько волосинок.

- Ну, зверье, как он лысый-то скрипеть будет? - возмутился кто-то из батарейных юмористов.

И вот Павлик поднял смычок и, зажав ни середине грифа одну из струн, извлек звук!!! Звук был не очень чист, но красив и мелодичен. Павлик победно оглядел присутствующих, радости его не было границ, да и ребята радовались

за него от души. Вторая струна издала такой "художественный скрип", что окружающие ошарашено выпучили глаза... Верхняя струна вообще заорала мартовским котом. Но для Павлика это была МУЗЫКА! Минут через пять помещение опустело, и он продолжал "скрипеть" в гордом одиночестве. Конечно, хотелось сразу извлечь какую-нибудь хоть маломальскую мелодию, но привередливая деревянная бестия не позволяла фамильярности и орала так, словно ей было больно, словно это не смычком, а шилой водит Павлик и не по струнам, а по живому телу.

Наскрипевшись от души, с просветленным лицом вышел он в казарму. Какими же прекрасными показались ему ровные ряды кроватей, синие тумбочки, подтянутый дневальный и солидные в своем величии оружейные пирамиды...

С этого вечера все свободное время Павлик стал проводить в ленкомнате. Скрипка так уже не кричала, уже иногда и просто нравилась ему, правда того, первого звука, он так и не смог больше извлечь ни разу. Мелодии из нее вытянуть, тоже не удавалось... Но беда пришла совсем с другой стороны. Дело в том, что "скрипеть" нравилось только одному ему. В конце недели в казарме начался ропот, затем ему просто предложили найти более укромное место. Ну, где же в армии сыскать укромное место? Все тихие места давным давно заняты. А на сибирском морозе не поскрипишь, разве только пошвыркаешь, да и то носом.

И начались его мытарства. Он забирался в кааптерку, в склад обмундирования, в оружейную комнату, везде его преследовали возмущенно-насмешливые крики ребят. Ему советовали выступить на плацу, играть после отбоя в роте охраны... но терпеть "скрип" ни кто не хотел. Через две недели он тайком унес скрипку на узел связи. Когда в четвергом часу ночи на узле "заскрипело", с дежурным по связи стало вообще плохо. За такое повышение боеготовности он объявил Павлику пять нарядов вне очереди. Когда Павлик попробовал заниматься в дизельном сооружении - взвыл Мишка. Этот

спокойный, уравновешенный пес давно нес службу не за страх, а за совесть, всегда знал на кого лаять, а тут не выдержал, взвыл во все овчарочье горло. После третьего выступления такого дуэта. Павлик унес скрипку в казарму. Но главное заключалось все-таки в том, что прогресс в этих занятиях был постоянен и... равнялся нулю. Ничего путного извлечь из этой привередливой синьориты чемпион части по гире увы, не мог.

За неделю до нового года Павлик попросил у майора Валиуллина увольнение в город. Вообще увольнений майор не давал никому, тут же крикнул, пожал плечами и... приказал старшине выписать увольнительную.

- Ну, мужики, поехал наш Паша к роялю прицениваться. До демобилизации еще полтора года, глядишь и накопит.

- Да рояль-то еще ничего, а вот как барабан приволокет, вообще погибнет наша батарея. Представляете, полчетвертого ночи, мелодично так: БУЗДЫРЬ!

Павлик ни с кем не разговаривал, молча ушел на узел связи и целых три часа искал Вербольского по телефону. Разговор был очень коротким а отсутствие Павлика оказалось длительным...

Приехал он на вторые сугки. Это был прежний Павлик. Глаза его смеялись, он привез массу новых анекдотов, какую-то красивую книгу. Впервые, за последние несколько месяцев, подошел к помосту и, ухватив за рукоятку гирию, долго вертел ее вокруг головы, пояса, ног. Шли дни, недели, к скрипке Павлик не прикасался.

В конце января в казарме появился сияющий Шапкин:

- Петро, Павлуха, собирайтесь, поедете ко мне домой на великий праздник! С майором я договорился, дочь у меня родилась! Имя вместе будем придумывать! Давайте шустрой, машина ждет.

- Слушай, Паш, а какой подарок придумаем, давай у старшины простыней на пеленки возьмем? - спросил озадаченный Петро.

- Да нет, Петя, подарок ей уже есть. лучше не придумаешь. Пошли переоденемся, а не то умчит папашка без нас, да все шампанское один и вылакает.

Перед первым тостом Павлик достал из чемодана скрипку, уважительно протер ее чистой фланелькой:

- Вот, Витя, а ты спрашивал, зачем чемодан. Значит, Ленке твоей подарок приехал в чемодане. Оцени. Шапкин, от души отрываю! Сам бы не рискнул, да Вербольский посоветовал, сказал, что вот ей еще не поздно начинать привыкать к скрипке, прямо с сегодняшнего дня! Пусть она вырастет красавицей, пусть когда-нибудь, мы с вами, старенькие и седенькие, будем сидеть в темном зале, а там, на светлой-светлой сцене, будет стоять Ленка...

БОРЬКА - БАРАБАНИЩИК.

Не так уж и много свободного времени у солдата в хорошем подразделении, всего-то каких-нибудь полтора часа, да и называется оно вовсе не свободное, а личное время. Как правило, его хватает на элементарные дела по уходу за одеждой, шитье-бритье, да анекдоты. Но когда впрямь еще почти три года службы, важно не потерять себя, важно иметь какую-то цель, не оступеть, не обозлиться. Борька имел и цель, и смысл жизни. Он просто был талантлив от природы. Это мы все узнали потом, а пока в его кармане всегда лежал кусок резины, а за голенищем сапога хранились барабанные палочки. Без палочек и резины Борька не ходил ни в караул, ни на вахту, ни на кухню. Любую свободную минутку он использовал для "избиения куска резины". Ему не хотелось ничего кроме минутки покоя, и тогда он садился, на что придется, клал перед собой кусок плоской резины, доставал палочки и... уходил в другой мир. Он мог так сидеть часами, закрыв глаза,

раскачиваясь в каком-то, только ему известном, ритме и стучать, и стучать палочками. Когда вокруг тихо - улавливался замысловатый перестук различного размера. можно было даже определить Борькино настроение. Говорили, что он играл в одном из ведущих оркестров Узбекистана, сам он как-то проговорился, что таких как он в Узбекистане всего четверо. Но, кто верил, кто не верил, пока не произошло событие.

Однажды Борька вместе с замполитом сели в машину командира части и, прихватив несколько бушлатов и одеял, уехали в город. Мы бы и не заметили ничего необычного, мало ли кто и куда едет, но лицо Борьки сияло, он явно ехал на праздник - получать посылку из дома. К вечеру Борька уже бережно заносил в казарму что-то укутанное и круглое. Армейская жизнь интересна в учебке, а в состоянии нормального боевого дежурства в части происходит настолько мало необычного, что все сбежались помогать. Никому не доверил Борька ни одного свертка. Положил их в ленкомнате и два часа молча ходил вокруг, потом аккуратно начал разворачивать и выставлять на стол... барабаны! Вся батарея глазела на такое чудо. Барабаны какие-то необыкновенные, продолговатые, блестящие, с множеством барашков и подставок. Потом Борька достал свои палочки, нежно как ударил по одному из барабанов, наклонив голову послушал, еще ударил, и стал вертеть барашки.

- Боря, это ты чего делаешь? - задал вопрос наш батарейный гитарист.

- Ну, ты же гитару свою настраиваешь, вот и я...

- А разве барабаны настраивают?

Борька обиженно отвернулся, потом глянул исподлобья, постучал себя по лбу палочкой. и больше ни с кем не разговаривал. Постояли солдатики, посмотрели да и разошлись. Бум... бум... бам... доносилось из ленкомнаты. За полчаса все привыкли и перестали обращать внимание. Каждый занялся своими делами, немудреными, но необходимыми.

Та-та-та-та-та-та! Вдруг хлестанула автоматная очередь на всю казарму. Та-та-та-та-та! Двести человек солдат, пригнув головы, оцепенели, глядя в сторону ленкомнаты. А оттуда: пак-пак-пак-пак - макаровский, а потом: ту-ту-ту-ту-ту-ту-ту - пулемет, очередь патронов на пятнадцать!!! И пошло! И пошло! Недели две прошло, как мы выезжали на стрельбище, еще не выветрился из головы его грохот, а здесь сразу и не поняли - откуда, кто? А из ленкомнаты тулко долбил пулемет, вторил ему автомат, и старшина из своего стечкина нег-нет, да и вставлял пару-тройку выстрелов. Потянулся личный состав к двери ленкомнаты, осторожно пак, на цыпочках... а там воевал Борька! Все его пять барабанов выстроились полукругом на специальных подставках, Борька крутился меж ними на стуле, палочки мелькали в его руках. Стучал пулемет, хлопали пистолеты комсостава, по два патрона отмерял из автомата лейтенант Смирнов (только он один мог стабильно делать очередь в два патрона), где-то вдалеке ухали разрывы РГД-5...

Не менее получаса воевал Борька, потом разом вскочил, бросил палочки на пол. Глаза его горели, всего била дрожь, лоб мокрый - он был счастлив!!! Батарея ответила густым восторженным ревом.

- Давай! Борька! Давай войну!

Много раз потом Борька "воевал" на всю казарму, много показал нам всем настоящих восточных ритмов... но вот сегодня, через три десятка лет, я так отчетливо помню пригнувших головы солдат и горящие глаза по настоящему талантливого человека.

ФОТОГРАФИЯ.

Когда вам за пятьдесят, даже далеко за пятьдесят, вы, наверное, частенько в одиночестве рассматриваете свои ста-

рые фотографии. Есть о чем вспомнить, есть на что посмотреть. Вот и я, когда "бывают минуты", а бывают они у каждого, люблю покопаться в своих объемистых альбомах. Каждая фотография - кусочек жизни, порой такой солидный кусочек, что задумаешься не на пять минут, а на целый вечер или ночь. А вот единственная фотография в моем альбоме сделанная в фотоателье. Служил я там, где все до смешного засекречено. Нельзя было фотографироваться, писать домой, как называется населенный пункт, и много еще тех нельзя, которые знал весь город Новосибирск, и которые, как мы только сейчас стали понимать, давали работу многим "низяшникам".

Попросила моя девушка фотографию. Написала, что стала забывать мое лицо... мы же, не скуля, служили по три года и более, не то, что сейчас. А сфотографироваться оказалось не просто. Гвардейца (а проще солдата ракетчика) мог сцапать патруль у ателье, и тогда заканчивать службу пришлось бы на объекте под названием свинарник. Заплатить за фотографию нужно три рубля пятьдесят копеек, при солдатской получке в три рубля восемьдесят копеек, и много кое-чего еще. Но, чего не сделаешь для красивой девушки! (А после полутора лет службы они все кажутся красавицами). Так вот пройдя все препоны, накопив нужную сумму за три месяца, оказался я в небольшой полуподвальной каморке под аляповатой вывеской "ФОТОАТЕЛЬЕ".

- Ух, ты! Гвардеец!! Что я из тебя изделаю!!! Мамочка любимая... а ну вали за бутылкой! - радостно поднялся мне навстречу пожилой, небритый мужчина в белой, давно не стираной рубашке и мятых брюках.

- Слушай, папаша, если я выйду, меня патруль сцапает, а если бутылку куплю, так и за фотографию заплатить нечем будет, - ответил я фотографу.

- А если я выйду, с такого "бодуна", то обратно уже не приду, и тогда вообще хрен тебе не фотография, а вот сбегашь, тогда я из тебя такое сотворю! Ты, шурун проклятый,

даже не подозреваешь, что можно выдавить из твоей блестящей физиономии! А деньги твои я все одно пропью, так что давай, прояви солдатскую смекалку, вали скорей. видишь, трясет всего.

Из этого монолога я понял, что мужик бывший пограничник, только они звали нас шурупами, и что он действительно если уйдет, то не вернется. Пришлось-таки бежать за бутылкой, благо опыт был.

Для начала пограничник повесил на двери табличку, что сго гут нету. Потом достал кружку, плеснул в нее граммов сто пятьдесят водки, вышил и надолго плюхнулся в кресло. Я принялся рассматривать фотографии на стенах. Попадались здесь и неплохие портреты, особенно детские. Продолжалось это минут двадцать.

- Ну вот, милоч, давай сейчас знакомиться.

Передо мной стоял совсем другой человек. Грязной рубашки не было видно, отутюженный голубой халат, улыбающееся приятное лицо, в зубах сигарета с золотым мундштуком... мне сразу припомнился шпион из фильма, который подпоил солдата, а потом...

- Это с чего я с вами знакомиться буду, - ответил я, весь напрягшись.

- Ха-ха-ха! И этот туда же! Да не шпион я из вашего дурацкого фильма, и не надо мне номера твоих площадок, офицеры ваши давно все уже выболтали. Ты мне расскажи, как тебя мать звала дома, как твоя зазноба выглядит, которой фотографию послать собрался, когда последний раз девке под подол лазил, или хотя бы физиономию облизал. А я вот тебя послушаю, и портрет твой сотворю. Не фотку тебе выдам, а портрет сотворю! Выпей вот давай меленько.

В комнатенке уже стоял маленький столик, на нем были конфеты, два огурца, кусочек сала, хлеб... откуда это появилось? Но отступить некуда, деньги отданы, вперед гвардия! Беседовать с ним оказалось просто и свободно. Лишнего он не спрашивал, смотрел очень внимательно, ходил вокруг

меня, приглядывался... после второй рюмки я перестал его опасаться, подробно ответил ему на все, как мне показалось, глупые вопросы.

- Ну вот, теперь садись, гвардеец, и терпи, сейчас я работать начну, и если ты вытерпишь, до пенсии меня вспоминать будешь.

И действительно, преобразился мужик! Я не существовал для него как человек, я был натурой, всего лишь натурой. Он усадил меня на стул, долго устанавливал четыре лампы, затем убрал одну, поднимал и опускал мой подбородок, крутил мою голову так, словно она и, правда, шляпка от шурупа. Нагибал меня и так и этак, дергал мой мундир со всех сторон, ворчал, что не могут солдатам пошить достойную форму... потом плюнул себе под ноги, выплеснул в рот остатки волки, предложил мне походить по его камерке. Принес гитару, очень удивился, что я могу на ней играть, заставил меня минут двадцать петь все, что мне нравится...

- Стоп!!! - Вдруг заорал во все горло. Поймал! Нашел, все! Садись, дорогуша.

Хлопнул затвор деревянного ящика и фотограф снял с дверей табличку. Устало опустился на стул.

- Ну, все. Теперь приходи на следующей неделе. Да не беспокойся, если увольнения не дадут, позже придешь. Твою фотографию я не потеряю.

Он был прав. Попал я к нему только через месяц.

- А, гвардеец. Вот ищи свою фотоморду - бросил он мне пакет черной бумаги.

- Так нет тут меня - удивленно пробормотал я, перелопатив всю пачку матовых фотографий.

- Ну, как уж и нет, а это кто же, по-твоему: показал он на снимок какого-то артиста, в ладно пригнанном мундире, с задумчивым лицом и какой-то внутренней уверенностью, что ли.

- Гак... так... эт-то я?!

- Бабушка твоя! Ты что не поверил мне, когда я тебе сказал, сто сотворю портрет? Ты меня тогда от смерти почти спас. Знаешь ли ты, что такое вовремя опохмелиться? Нет, не знаешь. Вот оттого и не сотворишь тебе такого, хотя ты и есть обладатель этой физиономии. Ну, все, некогда мне сегодня, забирай и вспоминай долго.

Тридцать шесть лет минуло с того дня. Много пришлось после того фотографироваться, но я всегда узнавал себя, в любом, так сказать, виде. А тогда не узнал. Вот такой кусочек жизни.

ШОФЕРСКІЕ БАЇКІ

ДОМАШНИЙ ЛЕКАРЬ.

- Хм, спина у него болит, да у настоящего водилы это же неперменное качество жизни. Вот, что приобретаешь с профессией водителя или тракториста? Правильно, геморрой, радикулит и язву желудка. Приобрести-то этот букетик - запросто, а вот избавиться, не с маху. Но есть несколько народных средств, когда вылечиться можно моментом, правда ненадолго, но быстро. Я думал, что все уж освоил, но вот однажды довелось удивиться.

- Это тебя-то удивить? Это знаете ли такое нужно сотворить...

- А все гениальное до дикости просто. Так вот, внимайте, пока я еще жив. Пересекло у меня спину, в который раз уже. Дело знакомое, вышел на больничный, передвигаюсь по дому как буква семь, жена ругается, дел полный двор, зима уж пришла, озера встали, а я еще с дровами не разобрался. Ну, это она так, для порядку, просто горбыля машину привез, вывалил ее в середине двора, а распилить не успел. А тут ребята пришли, на рыбалку зовут. У меня во дворе тягач гусеничный стоял из списанных, восстановил я его для охоты, рыбалки... ну какая тут рыбалка, да еще по льду в моем положении. Ладно, говорю, берите танк и не травите душу. Ушли мои приятели довольнехонькие, а я посидел, повздыхал, да и вспомнил, что на одном катке подшипник же у меня раздавило! Сказать мужикам - так ведь не станут менять, черти, пока на озеро не приедут, кончат кагок, точно. Пойду-ка, думаю, сниму крышку, тогда им все равно придется заменить подшипник-то. Ну, вышел кое-как, носом в землю, вдоль стены, вдоль стены, достал ключ на тринадцать, прислонился к стене, отдохнул, потом вдоль гусеницы прополз и потихоньку болты вывинчиваю, боль в пояснице дикая, терплю, кручу себе...

- Ах ты ж магь твою ...! Это ты куда же, скотина, собрался, значит, дрова пилить тебе нельзя, а с железякой своей возиться можно?! Это ты с этими алкашами на рыбалку собрался?! Симулянт ты несчастный!

Ну, думаю, жепушка вернулась из магазина, сейчас часа два пилить будет, а сам последний болт вывернул, поворачиваюсь к ней потихоньку, как раз боком встал, голову-то поднимаю, а она, стерва, горбыль из кучи схватила, уже рядом стоит, да со всего размаху по спине-пояснице ко-э-эк врешет!

- Убью - кричит - калеку несчастного!

Я на колени так и клюнул. Смотрю - второй раз размахивается, вскакиваю и вовремя хватаю ее за руки. Ну, объяснение, сами понимаете, не совсем литературное, успокаиваются женщины довольно медленно. А она на всю улицу орет:

- Ну, что, асмодей, выпрямился сразу!? Где твой радикалит?

А я смотрю и правда прямехонько стою и спина совсем не болит. Ах ты, говорю, дорогуша моя, доктор домашний, как вышибла ты же из меня болячку-то! Да я сей момент весь горбыль перепилю, сложу, только вот этот в целости оставлю, до следующего приступа, уж больно круто лечит, лучше блокады повокаиновой. Так вот вечером горбыль испилил а утром с мужиками на озере поехали, еще пешней проруби долбил, как настоящий. Помнится, месяцев на восемь хватило процедуры-то.

ОПЫТ, МАТУШКА МОЯ.

В Нижних Сергах я тогда работал. Как туда попал - история особая и длинная. Завгар мужик прямой, фронтовик,

да и водил много еще работало тогда, фронтовиков . Вот он мне и говорит:

- Кто ты парень и как к нам сюда попал, я не знаю, и знать не хочу, надо будет, сам скажешь. Но машину добрую я тебе дать тоже не могу, потому, как надо на тебя сначала посмотреть, что ты за фрукт такой. А поэтому пойдн вон к забору, там Зис - 5 стоит, проволоку разматывай и два дня тебе на раскачку. Потом на линию. Понятно?

- Чего не понять. Я что всю оставшуюся жизнь на этом Захаре буду?

- Почему всю жизнь, может, ты его через неделю на столб намотасшь, тогда уж пешком придется ходить.

Так вот и началась моя водительская карьера. А шофера народ шустрый, юморной, особенно молодым постоянно внимание оказывают, и горе тому, у кого гордости выше капота - не работать ему в автобазе. Ну, втянулся я понемногу, начал на линию выезжать, муку возить, торгашей обслуживать, по мелочи, куда же еще на таком аппарате. Как-то раз путевку получил, вышел в курилку, а тут меня Степан Данилыч и спрашивает:

- Ну как, нормально Захарушка тянет-то? Не задыхается?

- Да вроде бы тянет, сколько может. не Зил конечно.

- Первейшая машина на фронте была. Неприхотлива. но секреты имеет. Да... а ты глушитель-то почистил?

- Как почистил?

- Ну ладно, по молодости, конечно, можешь и не знать. Забивает его у Зисов. глушитель-то, вот профилактику и делаешь. Значит, горячий двигатель, что бы был, педалью газа раскочегарь его до хороших оборотов, зажигание выключи секунды на две-три, потом включи. вот глушитель-то и выгорит. А так он, конечно, задыхаться будет.

- Не слыхал я такого чего-то..

- Ну, как вас же на каких машинах учили-то? Вот то-то и оно. Опыт, матушка моя

Так я и поехал грузиться на базу, а в голове - ну вот залыхается мой Захарка и все тут! Загрузился мешками всякими, коробками и привез в продуктовый магазин "под горочкой", как его называли. Во двор запятился. Глухой такой двор, с одной стороны гора прямо от забора, с другой высоченный забор и двор частного дома. Начали грузчики кузов освобождать, а у меня все мысль - глушитель почистить. Завел я двигатель и ну его раскочегаривать. Вот когда он уже завыл я зажигание-то и выключил. Сосчитал до пяти и включил.

Рвануло под машиной так, что я из кабинки выпрыгнул, а грузчик из кузова. В соседнем дворе куры на крышу полетели, поросята завизжали, баба какая-то завопила... продавцы из магазина на улицу вперед покупателей вылетели. Минут через тридцать, когда все рассказали мне что они обо мне думают и будут думать, кто мои мама и папа, и где вообще мне место, осмелился я заглянуть под машину. Остатки глушителя торчали из днища кузова, труба была начисто срезана до самого крепления. Обратно я ехал через весь город с диким ревом. Серьги - большая деревня, через пару часов уже все знали о моих подвигах. Завгар встретил меня весьма своеобразно:

- Стянан научил глушак-то почистить?

- Да, Данилыч...

- Балбес он, а не Данилыч. Завтра до обеда работай на его Газике, а он будет твой глушак варить. Да он знает, не первый раз. Да... но и ты балбес тоже... бессольный вобщем. Ну да ради первого опыта я тебя наказывать не буду. Только ради первого.

ОТКРОВЕНИЕ.

Давно это было. Очень давно. Еще самой модной в то время машиной был ГАЗ -69. Вот на такой машинке мы с заместителем и добирались до дому. Осень, помню, сухая и теплая, лес весь в красках, солнце яркое, рябина над дорогой таких кистей навесила - загляденье. Дела все сделаны. осталось до дому доехать, километров пятьдесят по лесной дороге. Ну а гут как раз избушка у ручья... в общем, достали мы сумки - извечные спутники всех лесников и сели перекусить. Все проблемы лесного хозяйства рассматриваются у пенька и сквозь налитый стакан. Если кто возразит или не поверит - значит, никогда в лесном хозяйстве не работал. Но в этот раз не понадобились нам запасы, не нашлось, потому что особых грехов, да и лесничий - один из немногих, непьющий, редкость, конечно, но и такое бывает. Так вот сумки открываем, а там - у меня, значит, бутылка и у зама две! Готовились-то серьезно. Ну, день субботний, настроение отличное, с утра только чаю и попили, целый день голодом... короче говоря, под хороший обед уговорили мы одну бутылочку... потом вторую. Решили заночевать в избушке. Потом за разговорами последнюю прикончили и... стали, стало быть, героями. Ну, мужики и есть мужики. Так бы мы и проспали в избушке до утра, а вот сигареты кончились! Ну, какой же пьяный ляжет спать без сигаретки? Да еще хорошо пьяный, у которого ум-то уж из последней бутылки выглядывает. Зам и говорит:

- Поедем шеф потихоньку, дорога отличная, лес не горд.

- Да ты что? Я не то что ехать а и сидеть-то прямо не могу на лавке - отвечаю.

- А ты садись на свое место, а я за руль, мне не впервой.

А сам протяжно так говорит, язык еле ворочается.

- Разобьешь - говорю - машину алкоголик, позору не оберемся.

- Да что ты понимаешь в вождении, хоть и начальник.

Вот это и явилось той самой каплею... забрались мы в машину, уж как Бог привел, а он за руль поймался и как косяжной стал.

- Ты - говорит - разговаривай со мной только, заснуть мне не дай.

Ну я, как уж мог, бормотал что-то, спрашивал у него... короче говоря, поехали. И вы знаете, доехали ведь черти до самого дома. Машину в ограду загнали?! Ни одним колесом не зацепился алкаш .. а вот закурить на крыльчке сели да и... проснулись на крыльце-то, одним одеялом укрытые.

- Слушай, дорогой, - спрашиваю его утром - ты как ехал-то? Дорогу-то видел или нет? И вот еще, почему-то ты часто останавливался, ломалось что ли что?

- Да нет, не ломалось, просто я глаза менял.

- Подожди, подожди, как глаза менял?

- Ну, вот сразу видно, молодой ты еще водитель. Вот когда очень пьяный, голова кружится?

- Конечно, все в глазах едет, полностью же ориентация теряется.

- А вот и не ориентация ни какая! Да просто пьяный человек глаза сфокусировать на одной точке не может, вот и плывет все. Конечно, как тут поедешь. А вот когда один глаз закроешь - ничего уже не плывет и ехать можно, тохонько только. Я на одном глазе километров пять - шесть могу проехать, потом глаз слезиться начинаст, закрываю уставший, открываю второй и дальше. Вот во время движения смена глаз ну никак не получается. А ты что ни разу не слышал?

- !?

- Ну, попробуй как-нибудь.

Пришлось мне потом попробовать - правда, так оно и есть. Вот и вы не знали об этом. Молодые еще, какие ваши годы.

ПРИВЫЧКА.

- Ну, задолбал, ты Николаич, своими поворотами! Какого черта ты их переключаешь, лес же кругом? Едет по болатинам да еще повороты переключает. Кто тут тебя заяц что ли обгонять будет? - не выдержал один из охотников - мало того, что ни одного следочка нет, так еще эти щелчки на нервы давят!

- Ладно, перегреваться уже стали, давайте перекусим. видно лоси на профсоюзном собрании, некогда следы оставлять. А про повороты я тебе сейчас расскажу. Это ведь наука железная, на всю оставшуюся жизнь.

На кромочке мелкого осинника остановили машину, расположились на валежине, разложили пехитрую "скатерть самозванку".

- В Нижних Серьгах я тогда шоферил. Только с "Захарушки" на ЗИЛа пересел. Самосвальщики в то время хорошо зарабатывали, вот и я в Атиге в карьере породу возил на дробилку. Утром завел машину, настроение отличное, голова еще где-то там, на танцульках, и поехал в Атиг. Километров пять от Серег. Уже за Серьги выехал, глянул под магнитик - а путевки-то и нет. Замечтался видно. да и не взял у диспетчера путевку. Ну, думаю. вовсе голова с дыркой, как же без путевки и товаротранспортной смену-то отмечать? Возвращаться надо, чтоб тебя. Ну, как схал, так и развернул машину поперек дороги... глаза поднимаю, а к самому ЗИЛу уже ГАЗик со скрипом подкатывает. С метр он до меня не доехал... метров десять, значит, юзом шел, если не больше. Да и некогда было их мерять, метры-то. Сижу, еще испугаться не успел, вообще не понимаю, что происходит. А из кабинки ГАЗика начал вылезать мужик. Да. Так вот не просто вылез, а начал вылезать. Долго вылезал. Думаю: Господи, как же ты там такой громадный уместился-то? Когда он во весь рост выпрямился - смотреть страшно. И вот эта громадина медленно так ко мне идет... лицо белое все, зубы сжаты... напугался видно крепко.

Ну, тут уж и я переструсил. Думаю, сейчас вынет меня из кабинки и задний мост с передним свяжет, так что потом не разберешь какой палец от руки, какой от ноги. Машинально монтировку подтянул поближе. Потом одумался: что ему моя монтировка, разлить только еще больше. В общем, чуть было не заорал я благим матом. Смотрю, а он вроде мимо меня идет... я шею вытянул, ну, думаю, щас ЗИЛа перевернет нафиг! За левое переднее ухватит и в кювет, только карданы сбрыкают. А у самого уж зуб на зуб не попадает - дошло, до самой селезенки. Подходит он ко крылу, берет рукой в суточной варежке подфарник и р-раз его, вместе с болтами и оторвал!? Вы же знаете, какой подфарник на ЗИЛе - 585, на двух болтах шестимиллиметровых... подходит ко мне и подает: "на - говорит - да включай в следующий раз, а то как во! башку возьму и оторву". И пошел залезать в свою кабинку... долго залезал... потом рукой мне машет - давай, мол, разворачивай свой агрегат. Ну, тут меня как током шибануло: пронесло, думаю, и сам еще не верю. Разворачиваться стал, да с перепугу в кювет заехал - совсем конфуз. А тот смется, головой качает, а сам все еще бледнехонек... как вот я с того времени эти повороты автоматически включаю. даже когда и не нужно совсем, даже и по болотине.

- Мужики! Я за поворот-то зашел, а там следы свежие, гройка прошла. Давай короче закрывайте свою столовку, они влево пошли, я побегу на выруб!

- Ну, блин, смотрите, если еще сегодня лицензию не закроем - больше не поеду. Все, потопали.

АВТОПИЛОТ.

В Копейск я тогда собирался. Обстоятельно собирался-то, торопиться некуда, с вечера собирался. А погода, скажу я тебе, стояла какая-то осенне-хрустящая. То брызнет немного, то подморозит. не понять, короче говоря. Ну, воробей я стре-

ляный (как я тогда думал), решил. значит, шиповки не одевать, а с собой взять. мало ли что погода преподнесет. В общем, собрался, уложил все в свой Москвич и с утрачка покатил. Дорога свободная, рабочий день еще не начался, качу себе где-то около сочи на полном автопилоте. Для молодых могу пояснить. что автопилоты не бывают разные, автопилот у настоящего водителя один. и появляется он только с опытом. только после того. когда не одну луковицу с солью за баранкой сгрызешь. когда два друга шоферских (геморрой с радикулитом) братьями станут. Вот тогда и появляется автопилот. Это когда руки ноги и глаза делают свое дело независимо от твоих мозгов, (конечно ежели есть они у тебя) а голова с мозгами где-то далеко-далеко блудит. О чем только не передумаешь в дальнем рейсе, какие проблемы не переберешь, не раскидаешь как семечки. А автопилот, хотя свое дело и делает. но в крутых моментах мозги подключает очень даже резко. О чем бы ты там ни размышлял, ни фантазировал. каких бы приятностей себе ни выдумал - опасность на трассе. все! Сразу включается вся твоя гидравлика от макушки до ноготка, и выход-решение правильное находится в долю секунды, откуда чего и берется. Да, так вот качу я на автопилоте, жена с сыновьями о чем-то там разговаривают... машины стали попадаться. под Свердловском уже... и вдруг как по затылку молотком, три машины впереди. Далеко еще. Маз и два I азика. Сначала не дошло, почему он меня дернул-то, но это буквально миг какой-то, а потом! Дорога-то как стекло! Лед же сплошной... да... видно не было для него опасности. пока встречных машин не появилось. Так бы я и прокатил это место гололедное, километра два-полтора всего, даже не заметил бы прокатил. А вот именно в этом месте помеха... он, автопилот-то и попросил "пardonу" значит. А зря попросил. однако. Я и сделал-то всего - газ немного сбросил, ну интуитивно, наверное, а зря. Вот теперь понимаю - зря. Да и тогда понял, но уже когда прокукарекат. От этого вмешательства в нормальный ход машины ее и развернуло. Даже не разверну-

ло, а просто повело влево немного, ну так на встречную полосу чуть-чуть. И покатился мой Москвич. как в замедленном кино, помаленьку к середине дороги... управления, значит, уже никакого, ни выравнивать, ни ускориться и ни замедлиться. А маз-то все ближе и ближе. Морда у него широкая, голубая такая, как памятник крашенный, железный весь. А мыслишки заработали быстро-быстро. Не успеваю я уйти влево до Маза, не хватает времени. Газануть - совсем развернет, тогда уж точно - соли и пельмени стряпай. Смотрю - я уже на середине дороги. Гляжу, Маз-то вырывается на середину тоже!?! Вроде как в лоб идет... а Москвич все тащится, тащится к левой бровке... медленно так... как черепаха. До Маза уже немного осталось. Но тут Москвичошка мой зацепился левым колесом за щебенку, подрулил я немного, задницу из-под Маза вытянул, да и улетел с полотна на всех четырех колесах. На тормозах уже конечно. Хорошо так улетел, до дерева метров пять осталось, крепкая сосна, за кюветом уже. Слава Богу, кювет неглубокий да пологий. Сижу, колени заклинило, нужно из машины выходить, а я ногу с тормоза снять не могу, не гнется проклятая. Вышел, сел на землю примороженную, покурил, багажник открыл - лежат мои шиповки рядышком, новые, шипов на них много...

Оклемався, поддомкратился, поставил обе на задние колеса, на дорогу выехал. Еду а в голове две мысли: вот приехали бы ГАИшники, машина под Мазом а в багажнике новенькие шиповки - сэкономил стало быть. И вторая: какой же опытный водила на Мазе. Он же все просчитал, он сам на середину дороги вылез, в случае аварии можно сказать себя под статью подставил, а мне жизнь спас. Да и невозможно просчитать-то в такой момент. Наверное, у него автопилот сильней моего оказался.

А до самого Копейска больше ни одного сантиметра льда на дороге и не было. Так и свистел своими шиповками - сэкономил. С перепугу.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПРЕКРАСНАЯ И УДИВИТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ.

«Болесь» -	5
«Белогвардещина» -	8
Буль – Буль -	14
Чудо -	18
Дачник -	22
Демократия -	25
Брусчатка Яйва – Соликамск -	28
На дороге -	29
Как грабли стреляют -	32
Хорошо -	35
«Каторга» -	38
Ковер -	45
Много -	47
Обычай -	53
Мы и Они -	55
Открытие -	68
Перестройка -	72
Персональное -	78
Плаша -	80
Жалоба -	84
Сервиз -	88
Скачки гладкие -	90
Тест -	95
Трубач -	97
Королевский выстрел -	100
Логическая записка -	102
Земные -	107
Вячеслав Иванович -	110
Дед Андрей -	117

Дневники -	119
О женщинах -	121
Закрытая область -	130
Пошел -	134
Расчет -	137
Смысл -	138
Событие -	140
Сплетня -	142
«Гак уж было раз...» -	144
Творчество -	146

ОХОТА КАК СТРАСТЬ
ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ. - 148

Артист -	149
Глухари -	154
Хохотун -	158
Кабаны -	161
Киса -	166
Лиса -	169
Веркин воротник -	172
Наваждение -	175
Пуля - дура -	181
Дядя Саша -	184
Воспитание -	187
Серые охотники -	189
А – а – а – а -	192
Бзик -	194
Свое место -	198
У каждого свое место -	200
Не судьба -	202
Характер -	203
Шериф -	207

ТРОПЫ ТАЕЖНЫЕ - 212

Легенда об озере Аракуль -	213
Психологический этюд -	215
Ну, берданка -	220
Доктор по совместительству -	222
Эсперанто -	229
Желтушник -	232
Гусь -	236
Пройдемте -	238
Кальмары -	240
Анфилофий -	245
Контрабанда -	250
Безбилетник -	255
Песня -	258
Конкуренция -	262
Проблема совместимости -	265
Про любовь -	271
Про медведей -	273
Где олени с колен... -	276
Ороч -	279
Шершни -	285
Посвящение -	288
Тыманча -	294
Кончилась любовь -	297
Палочки -	303
Про латыша -	312

АРМИЯ КАК ЭТАП РАЗВИТИЯ - 320

Басни -	321
Дурак -	324
Грязина -	327
Коже – Коже -	333
Кто козел -	338

Боевое крещение -	342
Покос -	345
Скрипка -	349
Борька – барабанщик -	359
Фотография -	361

ШОФЕРСКИЕ БАЙКИ. - 366

Домашний лекарь -	367
Опыт, матушка моя -	368
Откровение -	371
Привычка -	373
Автопилот -	374

Авторский оригинал и набор - Н Кожемякин
Дизайн - К Ознобихин
Компьютерная верстка - Н Волгаев

Отпечатано при спонсорской помощи колхоза «РОССИЯ»

Отпечатано в ООО «Рсжевской Печатный Дом»
Свердловская обл., г. Реж, ул. Красноармейская, 48,
тел. (34364) 3-50-77

Тираж 325 Заказ 250 2007 г.

